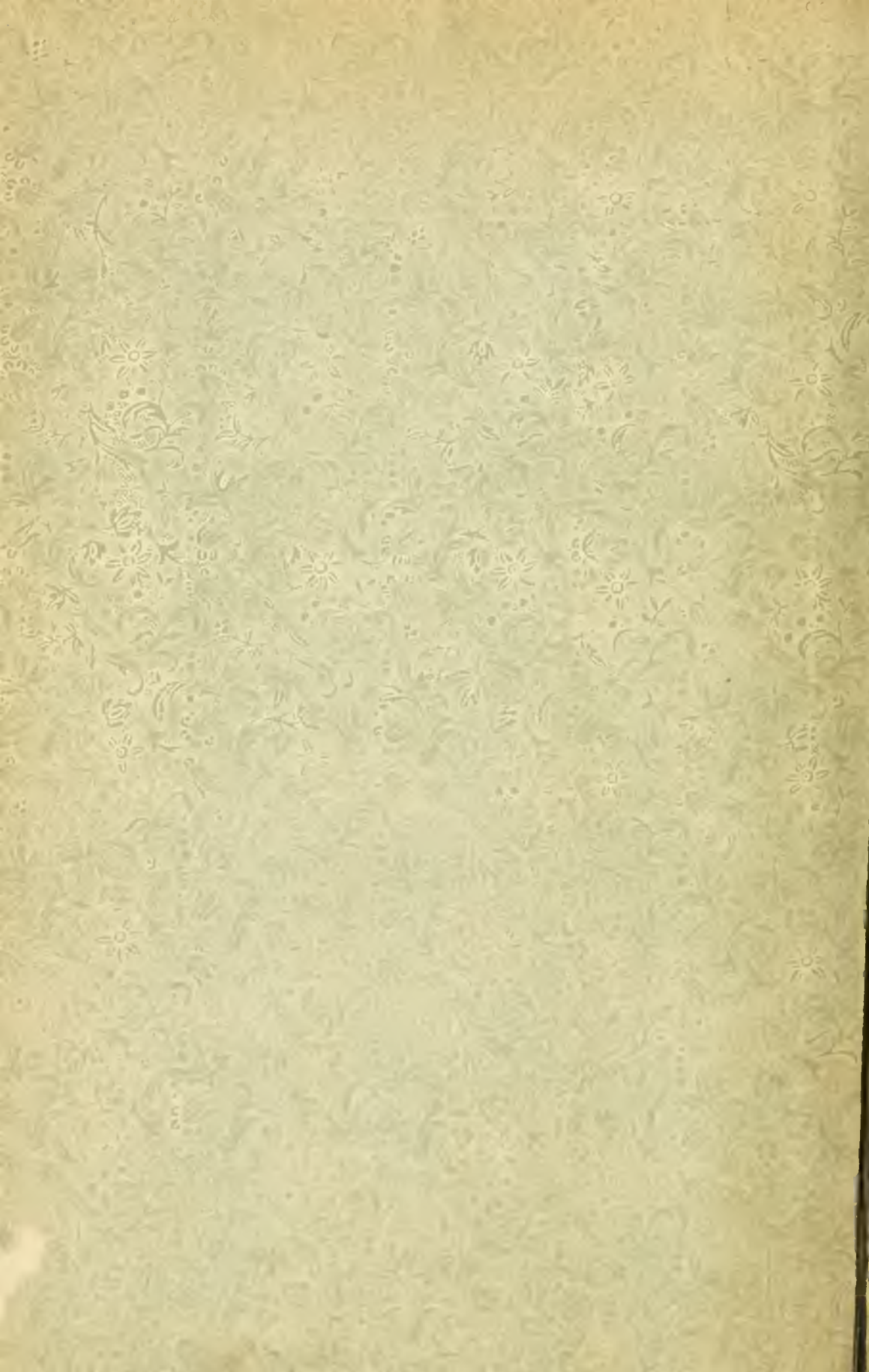

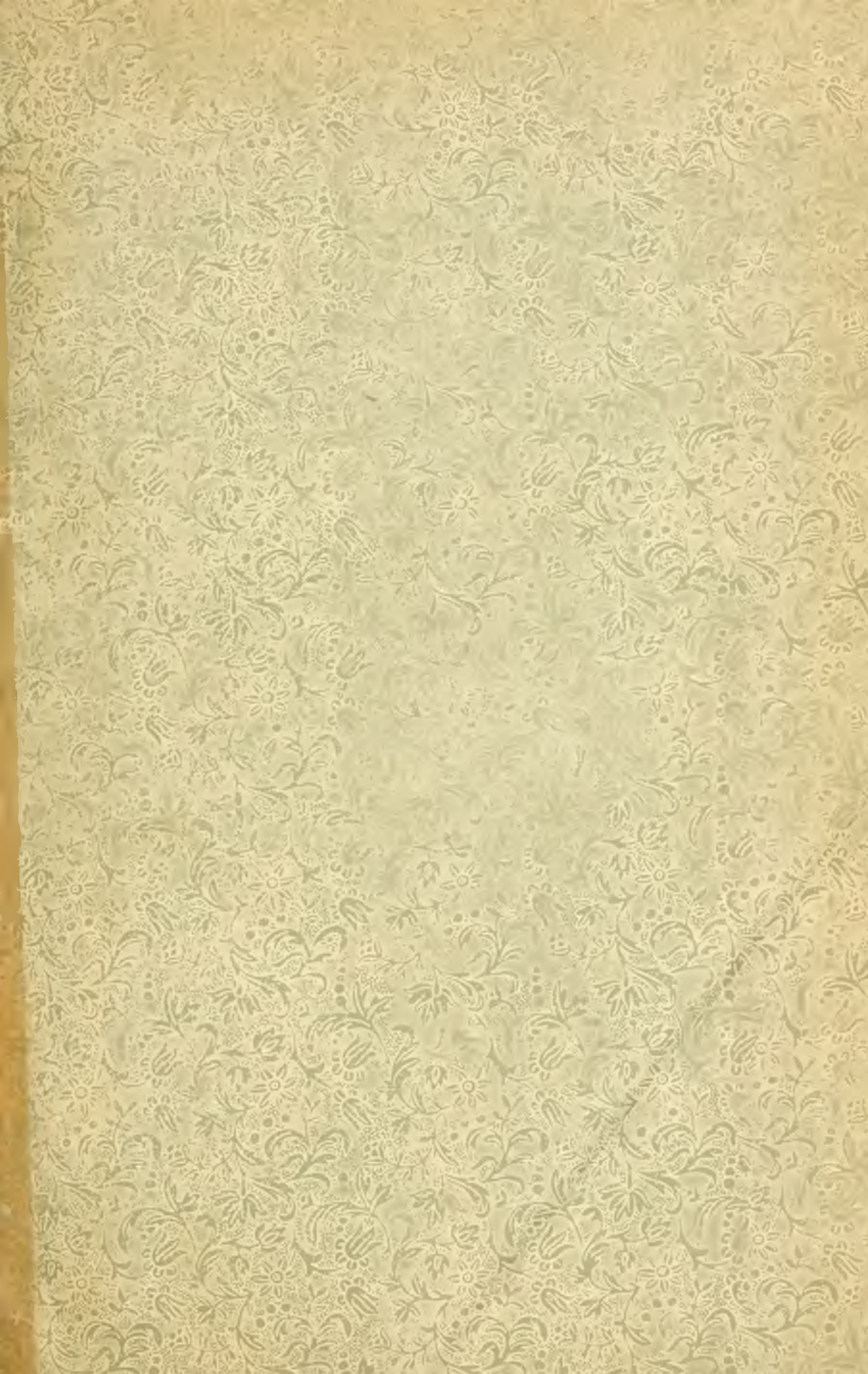
UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 01118360 5

ВЕЛИКОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.

L
3113
563
7.1

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ, принимая къ сердцу нужды русской этнографіи, изволилъ обратить Свое просвѣщенное вниманіе на отсутствіе у насъ большаго и общедоступнаго сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, могущаго удовлетворять требованіямъ науки, и изъявилъ желаніе даровать средства на изданіе подобнаго труда, когда таковой будетъ составленъ мною.

Въ виду этого, выпуская первый томъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ“, я считаю своимъ священнымъ долгомъ, принести Его Императорскому Высочеству глубочайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и за довѣріе къ моимъ скромнымъ силамъ.

Профессоръ А. Соболевскій.

Благодаря щедрости Его Императорскаго Высочества, въ виду существованія у насъ большихъ сборниковъ былинъ, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, я рѣшился составить сборникъ тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которымъ не можетъ быть дано ни одно изъ только что приведенныхъ названій, и которыя также не принадлежатъ къ числу обрядовыхъ (какъ напримѣръ, свадебныя): иначе говоря, я ограничился пѣснями—но обычной терминологіи—низшими эпическими, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими.

Печатный пѣсенный матеріалъ, находящійся въ старыхъ «пѣсенникахъ», въ разнаго рода сборникахъ, или уже давно вышедшихъ изъ продажи, или никогда не поступавшихъ въ продажу, въ разнаго рода ученыхъ филологическихъ и музыкальныхъ трудахъ, назначенныхъ лишь для малочисленныхъ спеціалистовъ, въ разнаго наименованія провинціальныхъ изданіяхъ, мало кому извѣстныхъ и еще менѣе доступныхъ, оказался такъ обилденъ и разнообразенъ, а вмѣстѣ такъ мало знакомъ даже людямъ посвятившимъ себя изученію русской народной поэзіи, что мнѣ пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться рукописными матеріалами (кромя впрочемъ нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII столѣтія). Такимъ образомъ настоящій сборникъ представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала.

сводъ—должно оговориться—исполный, такъ какъ я не призналъ ни полезнымъ, ни удобнымъ перепечатывать матеріалъ изъ изданій повѣйшихъ, пока еще общедоступныхъ (за ничтожными исключеніями) и такъ какъ мнѣ, безъ сомнѣнія, не удалось, при недостаточности существующихъ библиографическихъ пособій, воспользоваться въ подлежащей полнотѣ «губернскими» и вообще провинціальными вѣдомостями. Сверхъ того, я счелъ излишнимъ перепечатывать матеріалъ изъ сборниковъ П. В. Шейпа (кромѣ впрочемъ настоящаго перваго тома), въ виду сообщеннаго мнѣ почтеннымъ собирателемъ намѣренія заняться новымъ изданіемъ своего труда.

При перепечаткѣ пѣсеннаго матеріала я заботился сохранить всѣ варіанты, даже сильно искаженные, даже обрывки, если они представляютъ свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указанія на территоріальное распространеніе пѣсни. Затѣмъ я старался удерживать раздѣленіе пѣсенъ на стихи, находящееся въ моихъ источникахъ, такъ какъ оно часто болѣе ясно при пѣніи пѣсенъ, чѣмъ при чтеніи, впрочемъ съ исключеніями, въ виду небрежности или неопытности нѣкоторыхъ собирателей. Но въ томъ, что касается обычныхъ діалектическихъ особенностей, я позволилъ себѣ отступитъ отъ источниковъ. Пѣсенъ, записанныхъ вполнѣ фонетически, въ источникахъ оказалось крайне мало; пѣсенъ, записанныхъ съ кое-какими діалектическими особенностями, проведенными однако безъ послѣдовательности,—больше, но вообще сравнительно немногихъ; огромное большинство пѣсенъ было издано съ обыкновенной нашей орфографіей. Въ виду этого я нашелся вынужденнымъ, сохранивъ вполнѣ словарныя и синтаксическія особенности языка пѣсенъ, а также тѣ діалектическія особенности, которыя важны для правильнаго чтенія пѣсенъ (*y* вмѣсто *o* и на оборотъ, формы творительнаго падежа множественнаго числа на

ль и т. п.), ввести въ настоящемъ сборникѣ однообразную орфографію.

Подъ каждою пѣснею читатель найдетъ, кромѣ обозначенія источника, изъ котораго взята мною пѣсня, также указанія на изданія, гдѣ эта пѣсня была перепечатана, но я не заботился объ особенной полнотѣ этихъ послѣднихъ.

Первый томъ настоящаго сборника содержитъ въ себѣ, низшія эпическія пѣсни; слѣдующіе будутъ заключать въ себѣ пѣсни семейныя: за ними послѣдуютъ томы съ пѣснями любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими: наконецъ, послѣдній томъ составитъ пѣсни юморстическія и сатирическія.

Трудъ по корректированію предлагаемаго тома раздѣлилъ со мною магистрантъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. П. Шефферъ.

3 Юля 1895 года.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№№	Стр.
1. Жилъ-былъ молодець единешенекъ	1
2. Жилъ-былъ у батюшки единый сынъ	5
3. Ай сидитъ, сидитъ кручипенъ добрый молодець	10
4. Ходилъ молодець изъ орды въ орду	13
5. Женналь мени батюшка неволею	16
6. Какъ бы на солопья не зима бы студеная	22
7. Ходилъ молодець изъ орды въ орду	26
8. Ыздилъ молодець изъ земли въ землю	28
9. Ай дюрди-дюрди да дюрди гетяны	31
10. Женналь мени молодца	32
11. Гулялъ молодець по Украинѣ	34
12. Что гулялъ молодець по Украинѣ	36
13. Молодець у короля на вѣстяхъ служилъ	37
14. Какъ король-еть молодца любилъ-жаловалъ	38
15. Ужь ты, крапива-ли, крапивушка жигучая	39
16. Ой, служилъ же я тремъ, тремъ царямъ	40
17. Вотъ ходилъ ли я, молодчнкъ, по чистемъ я полю	40
18. Крапива-крапивиушка, крапива стрекучая	41
19. Передрогъ-перезябъ добрый молодець	43
20. Ты, крапива ли, крапива за-стрекучая	44
21. Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую	45
22. Пзошелъ я псею землю свято-русскую	45
23. Не бѣлые-то снѣжочки забѣлался	47
24. Ой, невола, непола—боярскіи дворъ	48
25. Далеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ	49
26. По Устрѣтвской большой улицѣ	51
27. П какъ по славномъ было въ городѣ, было въ каменной Москвѣ	53
28. Въ Москвѣ было у князя Волхонскаго	55
29. У славнаго князя у Волхонскаго	57
30. Какъ по городѣ было въ каменной Москвѣ	58
31. Какъ на горкѣ, на горущкѣ	60
32. Какъ у славнаго князя было у Волхонскаго	62
33. Въ Москвѣ было во городѣ, на Свиной было площади	63

№ №	Стр.
34. Что на сланной было улицъ на Дмитровкѣ	65
35. Какъ на островѣ было на Дмитревскомъ	66
36. Во городѣ было во Птерѣ	67
37. Живеть-поживаеть	68
38. Какъ поссорился Ванюша	71
39. Далече, подалече было въ каменной Москвѣ	73
40. Ужь на горкѣ возлѣ рѣчки	74
41. Ахъ, былъ я, братцы, во святой Руси	77
42. Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ	79
43. Какъ по-далече, далече,— въ каменной Москвѣ	80
44. Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волхонскій князь	81
45. У князя, у князя, у князя Волхонскаго	82
46. Ягодка лѣсная подъ закрышею цѣбла	83
47. Ты, батюшка нашъ, батюшка	83
48. Во селѣ-то, по селѣ было Измайловѣ	84
49. Время проходить, время летитъ	85
50. Любила княгиня камеръ-лакея	86
51. Ахъ, нивѣшня зима непогожая была	87
52. Ужь ты, зимушка, зима	88
53. Ужь ты, зимушка, зима	89
54. Несчастная наша доля! никто насъ не любить	91
55. Пъ за барскаго двора	92
56. Пъ холопскихъ воротъ	93
57. Какъ задула, задела	94
58. Сирору Ваня у тебя	95
59. Полянка, полянка, дѣвочка моя	97
60. Сбирался князь Михайло	97
61. Вотъ воѣхалъ князь Михайло	99
62. Какъ сбирался князь Михайло	103
63. Какъ сряжался князь Михайло	105
64. Поѣзжаетъ князь Михайло	107
65. Поѣхалъ князь Михайло жениться	109
66. Сбирался князь Михайло	113
67. Какъ поѣхалъ князь Михайло	114
68. Какъ женился князь Михайло	116
69. Какъ поѣхалъ жо князь Михайло	117
70. Летѣла нава черезъ улицу	119
71. Одинъ былъ сынъ у отца - матери	120
72. Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ	121
73. Летѣла нава черезъ три двора	122
74. Что ни лютое коренье, то крапивное	123
75. Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодецъ ровно три года	124
76. И женился князь во двѣдцать лѣтъ	125
77. Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку	127
78. У князя Володимира	127
79. Злое зелье крапивное	129

№ №	Стр.
80. Какъ у насъ было въ воскресенье-день	130
81. Исходила я, молодець, день до вечера	131
82. Было у вдовы тридцать три сына	132
83. Во славномъ городѣ во Кіевѣ	134
84. Было у вдовишки тридцать дочерей	135
85. По-край моря, моря синяго	136
86. У вдовишки было у напшцы	138
87. Было у вдовы тридцать три дочери	139
88. Жило-то было девять дочерей	140
89. А князь Романъ жену терялъ	141
90. Какъ князь Романъ жену терялъ	144
91. Ужь какъ князь Романъ тутъ жену терялъ	146
92. Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ	148
93. Жилъ князь Романъ, жену терялъ	150
94. Князь Демьянъ жену терялъ	151
95. Жилъ князь Романъ	153
96. Я гаяжу, спужу подь окошечкомъ	154
97. Какъ у Душошки, у голубушки	156
98. На степи-то, степи на Саратовской	157
99. Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго	159
100. У колодца у студенаго	160
101. Какъ и мужъ-то жену	161
102. Охъ ты, матушка раздикая степь Саратовска	162
103. На степи-степи на Саратовской	163
104. Далекохоцько степь протягулася	164
105. У колодезя у глубокаго	165
106. Изъ подь камушка изъ подь бѣлаго	166
107. Изъ подь камушка, камня бѣлаго	167
108. У колодчика было у ключеваго	168
109. Какъ у ключика у студенаго	169
110. Какъ донской казакъ вель коня нонтъ	170
111. Какъ донской-то казакъ, казакъ вель коня нонтъ	171
112. Изъ подь березку изъ подь крутаго	171
113. Изъ подь камушка, камня бѣлаго	172
114. Охъ ты, матушка степь Саратовска	172
115. Какъ на зоренькѣ было	173
116. На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	174
117. На зарѣ было, на зорюшкѣ	176
118. Удалой ящичкѣ коня нопля	177
119. У столба-столба попоточенаго	178
120. Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ	179
121. Какъ на морѣ было, морѣ синемъ	180
122. Скажи, Душошка, скажи, любушка	180
123. Ходилъ, гулялъ добрый молодець	181
124. Одна была пѣсня	182
125. У порогъ Любовь столла	184

№ №	Стр.
126. У насъ было во покомъ городѣ	185
127. Какъ во городѣ было во Саратовѣ	187
128. На зарѣ было, на зорюшкѣ	188
129. Какъ во сльничкѣ, во березничкѣ	189
130. Во лѣсу было въ орѣвничкѣ	190
131. Зимушка зима	190
132. Случилось мнѣ, доброму молодцу	191
133. Старикъ-то мой старолавиѣ	192
134. Стругалъ стружки добрый молодець	192
135. Охъ, да не стружки стружилъ удаць добрый молодець	193
136. Подъ грушею, подъ зеленою	194
137. А ходила л по сырэмъ бору	195
138. Вылетала галочка изъ зеленого садика	195
139. Разнегодная дѣвочка	196
140. Кабы по гораэмъ, гораэмъ, по высокиэмъ гораэмъ	197
141. Какъ по крутому по красному по березку	198
142. Мила по саду ходила	199
143. Я ходила и гуляла	200
144. Дрянъ дѣвочка по дужечку гуляла	201
145. Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ	202
146. Вечоръ по дугу гуляла	204
147. Какъ злодѣюшка, ты, люталъ змѣи	205
148. Свѣтлаа звѣзда, она передъ мѣсяцемъ	206
149. Гаѣ ты, мой другъ, убиралъ	207
150. Я пойду, молодець, съ горы на конюшенъ дворъ	209
151. Мать сыну говорила	209
152. Ужъ ты, горе мое, горе, горе казаково	210
153. Да взойди, взойди, не ясное солнце	211
154. Перелеска пташечка	211
155. Ужъ и чеи это дѣвчушка	213
156. Вечоръ меня милый цѣлопаль-миловалъ	216
157. Что не ястребъ солныкала съ перелушкою	217
158. Какъ у пташки у перелески	218
159. Капарейка пташечка	220
160. Я жила, бывалъ въ Казани, выросъ въ Астрахани	221
161. Не сиди, дѣвка, долго везеромъ	222
162. Я изъ рукъ, изъ ногъ коровать смоу	223
163. Черезъ рѣчку, черезъ быстру	223
164. У меня ль, у красной дѣвушки	225
165. У лѣсика, у лѣсика у дремучаго	226
166. Какъ пошла наша Параня съ горы на гору гулять	227
167. Пошла наша Параня по студеную долину	228
168. Какъ пошла наша Параша	229
169. Ходила Параша съ горы на гору гулять	230
170. Жили дѣи жилица	232
171. Какъ спатался-су воръ Инька	233

№ №	Стр.
172. Бздпалъ Митрій Василевичъ	236
173. Какъ идетъ-то Димитрій князь ко заутренѣ	238
174. Что не стукъ-то стучить вдоль по улицѣ	241
175. Какъ сватался Двмитрій князь	243
176. Поньче Купалы, завтра Иваны	249
177. Во городъ во Вѣлградъ случилась бѣда	249
178. Во градъ было Кіевѣ	250
179. Жила-была молода вдова	251
180. Какъ у вдовушкъ было у пашинцы	254
181. Жила-была тутъ вretchedна вдова	256
182. Уже за моремъ было за свиємъ	258
183. А жила-была да молода вдова	260
184. По-край моря, моря свягато	261
185. Какъ у вдовушки было у пашинцы	263
186. Было у Четочкинъ девять сыновей	264
187. Какъ у вдовушки было девять сыновей	266
188. По-край моря, моря спягто	267
189. Какъ во славномъ было великомъ Повугородѣ	268
190. Во городъ во Кіевѣ	270
191. Какъ во городъ во Саратовѣ	271
192. Какъ у вдовушки было девять сыновъ	273
193. Въ городу-то было во Кіевѣ	274
194. На Подоль жила вдова	275
195. Во тихомъ Дону, во тихомъ Дону	276
196. Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная	278
197. Сбирался разбойничекъ во вечеру на разбой	279
198. Пазъ за лѣсу, лѣсу темнаго	279
199. Пазъ за лѣсу, лѣсу темнаго	281
200. Ужъ не я ав, дѣвка, знала	282
201. Не хотѣлося мнѣ, дѣвчочкѣ, за разбойника замужъ идти	283
202. Приневолапл дѣвчонку	284
203. Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойника замужъ	285
204. Разбесчастная дѣвчоночка	286
205. Пазъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго	287
206. На Дунаѣ дѣвка мылася	288
207. Государь ты, мпай батюшка	288
208. Я по батюшкову дворву хожу	289
209. Не быть мнѣ, молоденькой, за киземъ, за боарномъ	290
210. Сбирался воръ Ванька разбойникъ	291
211. Какъ носвла меня моя матушка	292
212. Полоса моя, полосонька	292
213. Подъ горою шла	293
214. Ой ты, нашъ батюшка тихій Донъ	295
215. Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькій Донокъ	296
216. На горѣ, горѣ, полуторѣ	296
217. На горѣ, горѣ	297

№ №	Стр.
218. На горѣ, горѣ было на крутой	299
219. На горѣ, горѣ	300
220. Говорять про Персею	302
221. Во лѣсахъ-то, но лѣсахъ во дремучихъ	303
222. Ты, корчма, корчма	304
223. На горѣ, горѣ, на крутой горѣ	305
224. На горѣ, горѣ стояла корчма	306
225. Онъ ты, корчма польская, королевская	306
226. Соловей кукушку подговаривалъ	307
227. Соловей кукушку подговариваетъ	308
228. Соловей кукушку обманывалъ	309
229. Соловей кукушку подговариваетъ	310
230. У колодчика было у холоднаго	310
231. Красна дѣвушка воду черпала	312
232. У колодца было да у студенаго	313
233. А въ теремѣ, а въ нысокомъ	314
234. Шли солдатухи слободой	315
235. Шли матросы	316
236. По Питерской дорожкѣ ѣхали обозы	317
237. Шли-прошли обозы	317
238. Какъ по Московской было по дорожкѣ	318
239. Какъ по Питерской было по дорожкѣ	319
240. По дороженькѣ по Московской	319
241. Онъ, подъ сосною, подъ кудрявою	320
242. Подъ горою вѣтеръ вѣять	320
243. Березкомъ идутъ казанцы	321
244. Передъ нашими вороты	321
245. Во славномъ было городѣ Кронштадтѣ	322
246. Не вечерня заря, братцы, приутухла	324
247. Какъ подъ ливой, подъ липой	325
248. Подъ грушой	327
249. Подъ яблонью зеленою	328
250. Какъ подъ яблоней такой	331
251. Подъ грушицей подъ такой	332
252. У тятеньки, у маменьки	333
253. Во Симбирскомъ городкѣ солучнася бѣда	335
254. Отецъ на сына прогнѣвался	335
255. Отдуцало, отдуцало сердце матушкино	336
256. Бы, морозы, морозы, вы, крещенскіе	337
257. Народился въ отца смилъ	337
258. Родимый ты мой братецко	338
259. У отца, у матери	339
260. Когда у насъ была русская воля	341
261. Ай, собиравался матросушки на зеленый лугъ	341
262. Князь Данило ходитъ	343
263. Поѣхалъ нашъ королевичъ на прогулянице	344

№ №	Стр.
264. Поѣхалъ нашъ королюшка на гуляньице	345
265. Какъ поѣхалъ королевичъ на поеваньице	346
266. Поѣхалъ королевичъ на поеваньице	347
267. Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляньице	348
268. Собирается королюшка на гуляньице	349
269. Король молодой сбирался, королюшка во ину землю	350
270. Поѣхалъ нашъ королевичъ на поеваньице	351
271. Отѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице	352
272. Отѣзжаетъ казаченька на разгуляньице	353
273. Военный казаченька по службу пошелъ	353
274. У пороть сосна раскачалася	354
275. У пороть сосна раскачалася	355
276. Раскачалася въ бору грушница	356
277. У пороть, у поротичекъ	356
278. Генеральскій свивъ по саду гулялъ	357
279. Созывалъ король по танокъ дѣвокъ	358
280. А Богъ молодца-то не милуетъ	358
281. Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли	361
282. Что у насъ было на спятой Руси	363
283. Когда было молодцу	366
284. Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ	370
285. Чесалъ милый кудри	371
286. Охъ, матушка, тошно мнѣ	372
287. Чесалъ милый кудерьки	373
288. Любила я сотничка	374
289. Чесалъ казакъ кудерьки, чесалъ казакъ русыл	375
290. Заболитъ голопушка	376
291. Среди-то поля чистаго	378
292. Какъ на горкѣ, ва горѣ	379
293. На горѣ, горѣ	380
294. Паненька съ маменькой споръ спорили	381
295. Кудрявому деревцу Богъ листу не далъ	382
296. Три года дѣвушка строй строила	383
297. Да три года дѣвушка церковь строила	384
298. Конопля, конопля зеленая моя	385
299. Батюшка съ матушкой споръ сучилилъ	386
300. Чья это келейка новенькая	387
301. Чья это келейка новенькая	387
302. Возлѣ рѣченьки я хожу, молода	387
303. Я по бережку хожу, хожу	389
304. Возлѣ рѣченьки хожу, млада	390
305. Постригись, моя жена немилая	391
306. Постригись, моя немилая	391
307. Возлѣ рѣченьки стою, млада	392
308. Передъ нашими широкими воротами	393
309. На синемъ было на морѣ	394

№ №	Стр.
310. А изь насъ во Пиколѣ во приходѣ	395
311. Не извивайся, мой голубчикъ	396
312. Вечоръ ко мнѣ, дѣвчушкѣ	397
313. Гулай, гулай, дѣвица, у батюшки да ты во саду	398
314. Не летай, не летай	399
315. Не летай-зетай, голубчикъ	400
316. Просилася Лизонька	402
317. Поѣхалъ добрый молодець	403
318. Душечка молодчикъ	404
319. Первымъ водемъ мальчикъ шелъ	405
320. Ахъ ты, мать ли моя, мать	406
321. Не летай-ка ты, да не летай-ка ты	408
322. Не летай же ты, соколь	409
323. На рѣчкѣ на лужекѣ	410
324. Вдоль во травкѣ, вдоль по муравкѣ	410
325. По крутому по красному по бережку	411
326. Подъ главнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ	413
327. Ходилъ-гулялъ добрый молодець, некаятъ мѣсто доброе	414
328. Еще всё-то добрые люди нють, гуляють	415
329. На рождественской недѣлѣ	416
330. Вы, солдатунки - уланы	416
331. Уланы, вы гдѣ были-побывали	418
332. Вы солдатунки-уланы	419
333. Черезъ рѣчку проходили	421
334. Ужъ какъ шлп, прошап солдаты	422
335. Мимо Москвы проѣзжаемъ	424
336. Ужъ вы молодцы уланы	425
337. Солдатунки-уланы	426
338. Какъ во селѣ, селѣ Покровскомъ	427
339. Закатилось красно солнце	428
340. Закатилось красно солнышко	429
341. Захотелся я, добрый молодець, загулялся	430
342. Соловей мой, соловей	431
343. Ой, не бѣлая береза зашаталася	431
344. Зашатался я, добрый молодець	432
345. Ужъ ты, стень ли моя, стень Моздокская	433
346. Ужъ ты, стень мой, стень, стень Моздокская	434
347. Ужъ ты стень аи ты моя, стень Моздокская	435
348. Ужъ ты, стень наша, стень Саратовская	436
349. Пзь-за лѣсу, лѣсу тешнаго	437
350. Ахъ, палъ туманъ на синемъ море	437
351. Тамъ за рѣкою, рѣкою ~~разгирается~~	438
352. Вы, кони мои, кошочки, кони мои новые	439
353. Погулай-ка, добрый молодець	440
354. На зарѣ, на зорюшкѣ	441
355. На зарь-то было, на зорюшкѣ	442

№ №	Стр.
356. Ахъ вы, горы, горы кругля	443
357. Голопа ль ты моя, головушка	443
358. Какъ доселѣна у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ	444
359. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	445
360. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	446
361. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	447
362. Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія	447
363. Ужъ вы, горы мои, горы, горы Валдайскія	448
364. Ужъ вы, горы-ли, горы, горы Закубанскія	449
365. Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія	450
366. Ой, вы грязи мои, грязи черныя, разоселія	451
367. Ужъ вы, горы мои, горы высокія	452
368. Сидятъ воронъ, сидятъ черный	453
369. Не туманъ-то съ моря подымается	454
370. А что-то у поля да здучитъ-грючить	455
371. Выйду, выйду я на круту гору	456
372. Пъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	457
373. Пъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	458
374. Былъ я полъ Дарьей-рѣкой	458
375. Да не стукъ-то стучитъ, да не громъ гремитъ	459
376. Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ	459
377. Какъ по Питерском по широкой по дорожкѣ	460
378. Край дорожки, край широкия было Московскою	461
379. Край дорожки, край широкия было Московскою	462
380. Сяду я, младешенька, подъ окошечко	463
381. Ужъ какъ палъ туманъ на сне море, на сне море	464
382. Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ волѣ	465
383. Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	467
384. Залюемте-ка, ребятюшка, да мы пѣсно покую	468
385. Ты, поле мое, поле чистое	469
386. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	470
387. Ахъ ты, поле мое, поле чистое	470
388. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	471
389. Пашп-то поля всѣ украшенныя	472
390. Въ чистомъ волѣ, по полѣ широкомъ	473
391. Ужъ ты, поле мое, поле чистое	473
392. Ужъ вы, горы ли, горушки высокія	474
393. Какъ за рѣчущею за Кубанушкою	475
394. Какъ за рѣчущею за Кубанушкою	475
395. За Кубанью за рѣкою	476
396. За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланичекъ гулялъ	477
397. За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ	477
398. За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ	478
399. Какъ во полѣ могилушка стоитъ	479
400. Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоитъ	480
401. Какъ за рѣченькой за Кубанушкою	482

№ №	Стр.
402. За Кубанью за рѣкой	483
403. Печаль-тоска въ ретивомъ горѣцѣ	484
404. Шту, шту у молодца	485
405. Охъ ты, поле мое, поле чистое	486
406. Какъ не въ полѣ-то было, было на широкой долинушкѣ	487
407. Тамъ далече въ чистомъ полѣ	487
408. Во чистомъ полѣ	488
409. Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ	490
410. Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высочихъ	490
411. Во горахъ-то было, горахъ	491
412. Вы, туманы мои, туманушки, разосеніе вы туманы мои	492
413. Ой, да вы, туманы, вы, мои туманушки, туманы мои большіе	493
414. Туманы вы мои, туманушки, туманы вы мои разосеніе	493
415. Туманы, вы туманчики	494
416. Подымался туманчики да во гдую полночь	496
417. Что не бѣлая зорюшка	496
418. Какъ и нынче дивному молодцу малымъ то мало спалось	497
419. Нѣтъ малешенько, малду, спалось	498
420. Стоять кусть березы	499
421. Что во полѣ было, полѣ	500
422. Что полѣ было березой гусари-отъ убитъ	501
423. Какъ на горѣ жито	502
424. Стала, стала дѣвчоночка	503
425. Стала, стала дѣвчоночка ямкую постелю	504
426. Стала, стала дѣвчоночка	505
427. Ждала, ждала красавица	506
428. Улица широка на низъ подалась	507
429. Шанъ казачьими походомъ	508
430. Что помни наши казаки	509
431. Ужь мы сядемте, ребятушки, по единый кругъ	510
432. При край было синяго моря	511
433. Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утвою	511
434. Какъ за савною за рѣчкой за Утвою	512
435. Какъ за рѣчкою-то было за Утвою	512
436. Ой, промезду Куря-Малку пораспаханное	513
437. Изъ чернымъ-то черно поле зачернѣлося	514
438. Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ	514
439. У батюшки, у матушки жилъ молодецъ	521
440. И какъ отъ батюшка было отъ узяго	529
441. Отъ чего ты, горе, зародилося	531
442. Въ воскресеньице матушка замукъ отдала	532
443. Онъ ты, горе мое, горе, горе сѣрое	533
444. Вудъ чистъ, красной дѣвицѣ, отъ гора бѣжать	534
445. Охъ, дѣво, ты, дѣво красная	535
446. А и горе, горе, гореваніице	535
447. Охъи горе, тоска-печаль	536

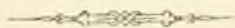
№ №	Стр.
448. Зоренька аспая привечерняя	537
449. Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая	537
450. Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая	539
451. Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка	539
452. Дѣвка платье мыла	541
453. Па рѣчкѣ, на рѣчкѣ	542
454. Посажу я кашпунушку на крутъ бережочекъ	543
455. Лелимъ мой, лелимъ	544
456. Лелимъ мой, лелимъ	545
457. Какъ на морѣ, морѣ	546
458. Па моречкѣ, морѣ, на морѣ-Окіянѣ	548
459. Те Богъ на помочи, красна дѣвица	549
460. Какъ кувеческа дѣвушка платье мыла	551
461. По улицѣ во широкой	552
462. По улицѣ по широкой	552
463. Загадать ли тебѣ, дѣвица, вить загадокъ	553
464. Какъ во лугу, во лужочку	554
465. Какъ во теремѣ дѣвица дары шила	555
466. Вы, луга моя, вы, зеленые	555
467. Какъ у моего мплаго	556
468. Что-то свѣтитъ во всю почку	558
469. По тому-то было морю, морю сипему	558
470. Ой, и дочь къ отцу собралася	559
471. Вы не горкайте, два сизыхъ голуба	560
472. Черезъ рѣченьку жердинушка лежала	561
473. Черезъ рѣченьку жестяночка лежала	561
474. Черезъ рѣченьку жердочка лежала	562
475. Какъ-бы я была голубчикъ	563
476. Съ-подъ ели рѣка прошла	564
477. Тай-тай-аюй, ладо	565
478. Я вечеръ липъ, млада, во торгу ли я была	566
479. Горка ты, горка	566
480. Какъ не ниль-то во чистомъ полѣ занылилася	567
481. Не галлчя стая подымалася	568
482. Пѣз далеча, далеча изъ чиста поля	569
483. Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569
484. Мы вечеръ, братцы, были пьяны	570
485. Какъ леталъ-то, леталъ сизой орелъ по крутымъ горамъ	572
486. Па батюшкѣ было на Окіянѣ-морѣ	573
487. Какъ во полѣ загоралася бѣлая ковыла	574
488. Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая ковыль, травка	575
489. Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава	576
490. Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка	577
491. Ты, дубропушка, ты, зеленая	578
492. Какъ изъ далеча, изъ-подъ далеча во чистомъ полѣ	578
493. Не во дали было, во чистомъ полѣ	580

№ №	Стр.
494. Сколько я, добрый молодец, ибши ни хаживать	581
495. Ой ты, поле мое, раздольце	582
496. Протекало теплое море	583
497. Ай, отчего-те зима да зачалася	585
498. И отчего, братцы, зима становилась	590
499. Отчего это, братцы, зима становилась	594
500. Дя-ди-ди-ди, отчего же зима становилась	597
501. Какъ во городъ было во Казани	599
502. Не хмѣлюшка по полю гуляеть	600
503. Хмѣлюшка по выходамъ гуляеть	601
Сокращенія въ названіяхъ источниковъ	603
Алфавитный списокъ пѣсней	607
Указатель пѣсенныхъ сюжетовъ	619
Указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсней	621
Словарь мѣстныхъ словъ	625

ВЕЛИКОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Жиль-быль молодець единешенекъ;
Охвочь-то былъ молодець
Гулять-загуливать,
Долгіе вечера прохаживать,
Темныя ноченьки проѣзживать
И по зеленымъ по затрестьямъ погуливать;
Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей.
Стрѣлялъ онъ сѣроплавныхъ утушекъ.
Женилъ добра молодца батюшка неволею,
Неволею женилъ, неохотою:
Приданого много, человекъ худой!
Приданое большое на грядкѣ висить;
Худая жена на кроваткѣ лежитъ:
Куды поплешь, все жену не дождешься;
И отвѣтъ-то подасть—
Въ стѣну головой отдасть,
И по мосту покатишься,
За порогъ-то руками захватишься.
Дунай, Дунай, Дунай!—на столъ собирай.
И любимая пѣсня: «ѣсть хочется».
И вечеръ я, добренькій молодець, не ужиналъ,
И утромъ всталъ, не позавтракалъ,
Схватился обѣдать, — хлѣба нѣтъ.

И пошелъ молодець пзъ земли въ землю,
И попалъ молодець къ королю въ Литву;
Напялся молодець къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
И первый годъ жилъ во конюхахъ;
И вина-то горькаго молодець не пилъ.
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И другой годъ жилъ во поварахъ;
И вина-то горькаго молодець не пилъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И третій годъ жилъ во ключникахъ;
И вина-то горькаго молодець не пилъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою,
Спалъ-то у ней на правой рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлой груди.
И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Стосковался Василью Буслевичу
По той ему по худой женѣ;
И пошелъ онъ, молодець, отъ дочери королевскія,
Отъ этого короля литовскаго,
И зашелъ-то добрый молодець
Васильи Буслевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодець
Васильи Буслевичъ чару (зелена вина)
И другую выпилъ чару похмѣльную,
И похвасталъ ей, красною дѣвушкой.
Услыхали то слуги вѣрные,
Связали-то ему ручки бѣлыя,

Сковали-то ему ножки рѣзвья,
Завѣсплп ему очп ясныя,
Повели-то добра молодца на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить ему буйна голова
И придать-то ему смерть напрасная,
Вынуть ему сердце со печеню.
Испроговоритъ добрый молодець,
Добрый молодець Василій Буслаевпчь:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрныя!
Вы ведите меня мимо королевнинь домъ,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней разставатися!»
Повели удала молодца мимо королевнинь домъ,
Становилп протпву оконъ косявчатыхъ.
Говорилъ Василій таковы слова:
«Ты прощай-ка, дочь королевская!
Меня, добра молодца Василья Буслаевича,
Повели слуги вѣрныя на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить мнѣ-ка буйна голова
И придать мнѣ-ка смерть напрасная,
Вывимать-то сердце со печеню!»
Говорила дочь королевская:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрныя!
Вы возьмите съ меня денежекъ пятьсотъ рублей,
Отпустите удала добра молодца
На волю на вольную,
Откройте ему очи ясныя,
Развяжите ему ручки бѣлыя
И раскуйте ему ножки рѣзвья!»
Она взяла, дочь королевская,
Этого удала добра молодца
Во этия покои бѣлодубовы;
На словахъ ему выговаривала:

«Ты удаленькій добрый молодец!
Не заїди-тка ты больше на царевъ кабакъ,
Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,
Не выней-ка другой похмѣльныя
И не похвастаі мноіі, красной дѣвушкой!»

И пошелъ молодецъ отъ короля съ Литвы,
И шелъ-то путемъ широкою дороженькой;
И пришло тутъ три розстанн,
Три розстанн пришло любимыхъ:
Первая розстанъ—къ отцу-матери,
Другая розстанъ—къ роду-племени,
Третья розстанъ—къ молодой худой жепѣ.
И раздумался удалый-добрый молодецъ:
«А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери,—
Отца-матери живыхъ не застать;
Пойти добру молодцу къ роду-племени,—
Роду-племени меня не спознать!»
> Пойду-ка я къ молодой худой жепѣ!»
И шелъ добрый молодецъ Василій Буслаевичъ
Широкимъ путемъ-дороженькой,
Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И пришелъ молодецъ въ свою сторону.

И на улицѣ два вьюнчика свиваются;
И стоитъ-то палата богатырская.
И спросилъ Василій Буслаевичъ:
«Вы чьи два вьюнчика малые,
Чьего вы роду-племени,
Гдѣ у васъ родный батюшка?»
Отвѣчали два вьюнчика малые:
«Ай же ты, нашъ родный дядюшка!
Нѣтъ у насъ роднаго батюшки;
Есть у насъ одна родна маменька;
Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву.»

Отвѣчалъ же Василій Буслаевичъ:
«Ай же вы, два вьюнчика малые!
Подите, скажите-тка родной матушкѣ:
Пришелъ-то вашъ рѣднѣй батюшка!»
Она вышла, молода худѣ жеса,
Увидала добра молодца Василья Буслаевича:
Стоитъ-то на широкой на улицѣ;
Опустяся по ступенямъ по крутымъ,
Захватила удала добра молодца
За этия за рученьки за бѣлыя,
За этия за перстни за значеныя,
Цѣловала въ уста во сахарнѣя;
Сама говорила таковы слова:
«Находился, нагулялся удалый добрый молодецъ!»
Туть они стали жить да быть,
Жить да бытъ, долго здравствовать.

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. II, стр. 239.

2.

Жплъ-былъ у батюшки еднѣй сынъ;
Во друкушкѣ былъ у матушки
И во любви былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкою поженить его;
Поженили его отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, а въ богатомъ.
«Приданого много,—человѣкъ худой!
А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
Думу думать, долгіе вѣки коротати.
Золотой монисточкѣ лежать во кованомъ ларцу,
А цвѣтну платьицу на грядочкѣ и на гвоздикѣ,
А худой женѣ на моей рукѣ!»

Отдалился, загулялся добрый молодецъ
Въ хоробру Литву къ королевскому величеству,

Задался королевскому величеству на двѣнадцать
лѣтъ;

Зачаль жить-быть, вѣкушку коротати.

Стосковался, сгоревался, шель на царевь кабакт.

И пиль впица кабацкаго;

И ударцла хмѣлина кабацкая.

Туть-то добрый молодець порасхвастался:

«Король тотъ меня жалуетъ,

Королевна душка красна дѣвушка Аншушка

Во любви меня держитъ у сердечушка.»

> И пригодилися слуги королевскіе,

И доносили такія рѣчи похвальныя,

Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,

Королевскому величеству.

И воспылался королевское величество

На удалаго дородня добра молодца:

«Слуги вы королевскіе,

Палачи вы немплостливые!

Подите, свяжите ему ручки бѣлыя,

Скуйте ему ножки рѣзвыя,

Закройте очи ясныя черной тафтой,

Сведите его на чисто поле,

На тую на казнь на смертную.»

Шли туть слуги королевскіе,

Связали ему ручки бѣлыя,

Сковали ему ножки рѣзвыя,

Завязали очи ясныя черной тафтой,

И повели его, удалаго дородня добра молодца,

Во чисто поле, на казнь смертную.

Проговорить удалый добрый молодець:

«Ай же вы, слуги королевскіе,

Палачи вы немплостливые!

Возьмите у меня денегъ пять рублей,

Ведите мимо палату королевскую,

И мимо тое оконечко косявчато,

Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
Съ душкой красною дѣвушкой
Аннушкой королевичной!»
Взял его денежекъ пять рублей,
Повели мимо палату королевскую,
И мимо тое окошечко косявчатое.
Кричитъ дородній добрый молодець
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости, душка красна дѣвушка Аннушка!
Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка,
Кинулась въ окошечко по поясу,
Кричала зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немплотливые!
Ведите вы его, удала дородня добра молодца,
Въ палату королевскую, въ покоп особливые!
Стану добра молодца допрашивать!»
Приводили удалаго дородня добра молодца
Въ палату королевскую, въ покоп особливые;
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его, удалаго дородня добра молодца, допрашивать:
«Скажи, скажи, удаленькій дородній добрый моло-
дець!
Жиль ты у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жиль, правдой жиль, не пзмѣной жиль;
За что мой батюшка на тебя теперича прогнѣ-
вался?»
Говорилъ удалый дородній добрый молодець:
«Жиль-быль у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жиль, правдой жиль, не пзмѣной жиль.
Стосковался, сгоревался добрый молодець,
Шелъ на царевъ кабакъ
И пилъ вина кабацкаго,
И ударца хмѣлина кабацкая;

Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
Король меня тотъ жалуеть;
Королева душка красна дѣвушка Аннушка
Во любви держитъ меня у сердечушка.
И пригодился слуги королевскіе
И доносили такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца;
Приказалъ слугамъ своимъ королевскимъ,
Палачамъ немилостливымъ,
Связать его ручки бѣлыя,
Сковать ему ножки рѣзвыя,
Закрывать очи ясныя черной тафтой
И свести его на чисто поле,
На тую на казень на смертную.»
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
«Ай же, слуги королевскіе,
Палачи немилостливые!
Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
Раскуйте ему ножки рѣзвыя,
Развяжите ручки бѣлыя,
Откройте ему очи ясныя,
И спустите его на свою волю,
На свою родину на сторонушку,
Ко свосму къ отцу, ко матери,
> Ко своей жениѣ неудачливой!»
И взяли у ней денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ему ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли ему очи ясныя
И спустили его на свою волю.
Дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.

И пошелъ дородній добрый молодець
На свою родиму на сторонушку.
Во тую пути во дороженькѣ
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу, къ матери,
И другая дорожка къ роду-племени,
И третья дорожка къ молодой женѣ.
И тутъ-то добрый молодець пораздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будѣтъ?
Какъ пойти къ отцу, къ матери,
Отца-матери, можетъ, живаго нѣтъ;
А пойти какъ къ роду-племени,
Не познаетъ родъ-племя любимое.»
Пошелъ дородній добрый молодець
Къ молодой женѣ неудачливой.
Въ этой пути во дороженькѣ
Приходила палата бѣлокаменная:
Столбики точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисцами, кунцами
И дорогими соболями заморекими.
Играетъ на улицѣ два юноша малынхъ.
«Ай же вы, юноши малые!
Есть ли у васъ родима матушка,
Есть ли у васъ родный батюшка?»
Проговорятъ юноши малые:
«Ай же ты, нашъ дядюшка!
Есть у насъ родима матушка,
Осталась отъ батюшки беременна
И принесла насъ двухъ юношей малынхъ.
А нашъ батюшка въ гульбу ушелъ;
Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.»—
Захватилъ ихъ ручками бѣлыми,
Цѣловалъ въ уста во сахарнія:
«Ай же вы, юноши малые!
Я вамъ не дядюшка,—родный батюшка!

Подите, скажите своей родимой матушкѣ:
Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришелъ!»
Скорешенько бѣжали два юноши молодые:
«Ай же ты, родимая матушка!
Нашъ батюшка съ гульбы пришелъ.»
Бѣжитъ молода жена:
«Ай же ты, милая моя ладушка,
Зрѣвая сдержавушка!
Поди въ палату бѣлокаменну!
Полно по чужой сторонущкѣ шататся!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 436. —
Гильфердингъ, № 97.

3.

Ай сидитъ, сидитъ кручинень добрый молодець,
Да и сидитъ печалень добрый молодець;
Онъ повѣсилъ съю буйную головушку
Да и понижь плечъ своихъ могучихъ.
«Ты чего сидишь печалень, добрый молодець?
Ты чего сидишь кручинень, добрый молодець?» —
— «Еще какъ-то молодцу мнѣ не кручиниться?
Еще какъ-то молодцу мнѣ не печалиться?
Какъ вечеръ-то легъ я, не поужиналъ,
Я утрось-то всталъ да не позавтракалъ,
Пообѣдати схватился, — тамъ и хлѣба нѣтъ.
Поневоли-то молодца жениться,
Пожешили-то въ деревнѣ у сосѣдушка,
У сосѣда они брали у богатого,
Да и придашаго-то много, — человекъ худой!
Ай придаше виситъ на грядочкѣ,
Да и худая жовка, — та на ручкѣ ситъ.
То мнѣ не съ кѣмъ добру молодцу поглядиться,
Да и не съ кѣмъ добру молодцу полиститься.»
И отъ того-то молодець да во гульбу пошелъ,

Во гульбу пошелъ да во гуляньце.

Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,

Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.

Да пошелъ-то молодець а изъ земли въ землю,

Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,

> И зашелъ-то къ королю къ литовскому,

Да й задался во служеніе къ литовской королевичнѣ;

Да й служилъ у ней двѣнадцать годъ,

А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой-правдой,

Вѣрой-правдой онъ служилъ да не пзмѣною;

> На кроваткѣ спалъ онъ на тисовую,

Ай на той онъ на перинкѣ на пуховую,

У самой ли-то у ней да на бѣлой груди.

Стосковалось тутъ дородню добру молодцу

По своей-то по родимой по сторонушкѣ;

Онъ докладалъ королю литовскому :

«Ай ты, батюшка король литовскій!

Стосковалось по родимой мнѣ сторонушкѣ,

Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на
помѣстьице.

Тамъ не выросло-ль зеленое краппвушко?»

Приказалъ король ему коня сѣдлатъ;

Королевична литовская

Насыпала-то безчестну золоту казну,

Во шелковъ конвертъ да запечатала,

Положила она молодцу въ глубокъ карманъ.

Ай поѣхалъ тутъ дородній добрый молодець.

А еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,

То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.

Ай то ѣхалъ молодець да изъ орды въ орду,

Да й проѣхалъ молодець онъ изъ земли въ землю;

Пріѣзжалъ онъ на отцовско на помѣстьице,

На отцовскомъ да й на помѣстьицѣ,

> То стоитъ худая мала хизинка;

Да й у той ли малої худої хизинки
Ходить малыхъ два глупыхъ два выюнышка.
Говорить-то имъ дородній добрый молодець:
«Ай же малые вы глупы выюнышки!
Вы котораго-то дому да коей семьи?
Еще есть ли то у васъ да отецъ-матушка?»
Отвѣчали ему малы глупы выюнышки:
«Ай ты, дядюшка да и незнаемый!
Столько есть у насъ одна родитель-матушка,
А и то ибѣтъ у насъ да родна батюшки.»
Говорилъ-то имъ дородній добрый молодець:
«Ай же малые вы глупы выюнышки!
Ай куды у васъ ушла да родна матушка?»
Говорилъ ему глупы малы выюнышки:
«Ай ушла-то наша родна матушка
На крестьянскую да на работушку,
А и тѣмъ она да насъ воспитываетъ.»
И онъ стоялъ-то вѣдь до поздняго до вечера.
Тутъ худая-то жена, да жена умная,
> Жена умная, многоразумная,
То плеть она съ крестьянской со работушки,
Во правій рукѣ несетъ-то косу вострую,
Во лѣвой рукѣ несетъ-то грабли частыя,
На плечахъ бѣдна горюшица дрова несетъ;
Приходила-то къ худою къ малої хизинкѣ.
Говорить-то ей дородній добрый молодець:
«Ай честная ль ты вдова, аль жена мужняя?»
Отвѣчала-то ему да жена умная,
Жена умная, многоразумная:
«Не вдова-то есть, жена не мужняя,
Сирота я есть да горе-горькая.»
Говорилъ-то ей дородній добрый молодець:
«Не вдова ты есть, да жена мужняя!»—
—«Почему ты меня знаешь, жену мужнюю?»—
—«Потому я знаю жену мужнюю,

Что съ тобою мы росли да близко-пб-близку,
Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
Да во славны во велеи во нѣмецкія;
Ай тогда съ тебя я часто ѣзды бралъ...
Подойди-тка ты ко мнѣ да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Положи-тка ты ко мнѣ свои ручки во глубокъ кар-
манъ,
Вынимаи-ка изъ кармана ты шелковъ конвертъ,
Вынимаи конвертъ да распечатываи!»
То худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Подопила она къ дородню добру мблодцу,
Положила свои ручушки во глубокъ кармапъ,
Вынимала-то оттуль она шелковъ кошвертъ,
Вынимала-то конвертъ да распечатала,
Находила во конвертѣ свой злаченъ перстень;
А когда они вѣнчались во матушкѣ,
Да и во матушкѣ вѣнчались во Божьей церквп,
> Тогда этимъ они перстнемъ обручались.
И она брала-то за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченыя,
Цѣловала во уста его сахарнія,
Называла-то себѣ мужемъ любимымъ.

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 89.

4.

Ходилъ молодець изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю;
Загулялъ молодець въ землю лптовскую,
Къ тому королю лптовскому.
Господь молодца помилувалъ,
Король молодца пожалувалъ,

Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года молодецъ служилъ конюхомъ,—
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три года молодецъ служилъ ключникомъ,—
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичны.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Разстлалъ онъ перинушки пуховыя,
Расправлялъ одѣяла соболиныя,
> У Елены былъ да во большой любви,
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говорить ему Елена королевична:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Не ходи, молодецъ, въ бесѣду татарскую,
Не пей, молодецъ, зелена вина,
Не расхвастайся Еленой королевичной!»
Въ одну пору, во это времячко
Выходилъ молодецъ прогулятися;
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью, съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они дѣ-пьяца.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
«Я три года служилъ во конюхахъ,
Три года служилъ я во ключникахъ,
А теперь служу во постельникахъ.
Постилаю перинушку пуховую,
Расправляю одѣяла соболпное,
А и по времени бываю у Елены на бѣлой груди.»
Тутъ есочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты кудри,
За желты кудри его, за бѣлы руки,

Приводили его къ королю литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле,
«Отрубите ему да буіну голову!»
Тутъ взмолился удалый добрый молодець:
«Вы послушайте, татаровья-улановья!
Вы возьмите-тка съ меня золотой казны,
Не ведите-ка меня во чисто поле,
Вы сведите-тка къ Еленѣ королевичнѣ!»
Повелъ его татаровья-улановья.
Закричалъ молодець да зычнымъ голосомъ:
«Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,
Прощай, милая Елена королевична!»
Ай услышала Елена королевична,
Бросилась она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашкѣ безъ пояса;
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы, татаровья-улановья!
Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,
Вы берите съ меня золотой казны,
Золотой казны сколько надобно!»
А сама стала молодца спрашивать:
«Ты скажи, молодець, не утаивай,
Не утаивай, меня не обманывай,
> Холостъ ли ходишь, плѣ жевать гуляешь?
Есть ли у тебя, молодець, отецъ и мать,
Есть ли у тебя молодая жена,
Есть ли, молодець, малы дѣточки?»
Испроговорить удалый добрый молодець:
«Есть у меня отецъ и мать,
Есть у молодца молода жена,
Есть у меня малы дѣточки!»—
> —«Ты возьми, молодець, золотой казны,
Да поди, молодець, въ твою сторону.
Ты корми, молодець, отца и мать,
Ты люби свою молодую жену,

А корми, молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
Ай не хвастай ты Еленой королевичной!»

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, М 184.

5.

Женилъ меня батюшка неволею,
А родна матушка неохотого,
Не у голаго женили, — у богатаго;
Хоть приданаго-то много, — человекъ худой!
Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
Приданому висѣть въ клѣтцѣ на грядочкѣ,
А золоту монистру лежать въ кованомъ ларицѣ,
А худой-то молодой женѣ — на моей рукѣ,
На моей рукѣ лежать и меня цѣловать...
А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
И подаетъ королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія
И королевское величество!
Принимай-ка челобитную и просматривай:
Желаю я, удалый добрый молодецъ,
Служить вѣрою-правдою и безъвзмѣнною.»
Взнимаетъ король добра молодца во служеныще,
Кладываетъ добра молодца во конюхн.
Три года служилъ молодецъ во конюхахъ.
Богъ-то молодца милуетъ,
А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во столыпки,
Въ столыпкахъ служилъ онъ три года.
Богъ-то молодца милуетъ,

А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца со стольшниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашники.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ.
Богъ молодца милуетъ,
Король молодца крѣпко жалуетъ.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшкѣ во высокъ теремъ:
«Ай же ты, свѣтъ государь мой батюшка,
Король земли литовскія,
Королевское величество!
Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольшника,
И нѣтъ у Елены постельника:
Сама-то я, Елена, стольшничая и чашничая,
И сама-то я, Елена, постельничая.»
Говорить-то батюшка король земли литовскія,
Королевское величество:
«Возьми-ка ты, Елена королевская дочь,
Добра молодца во стольшники, во чашники,
Во чашники, хоть во постельники.»
Тутъ-то Елена королевская дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особыя;
И сама-то Елена стала стольшничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
И сама-то Елена стала постельничать;
Кормить-поить добра молодца,
Кормить-поить, низко кланяется,
И стелеть перину пуховую
На тую на кровать на тисовую,
И ложить-то удала добра молодца;
Сама-то Елена подлѣ его легла;
Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Живетъ-то съ Еленой ровно три году.

Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуется.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодець:
—«Спусти-ка, Елена королевская дочь,
На широку улицу прогулятца!»—
Говоритъ тутъ королевска дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодець незнаемый!
Не ходи-ка ты на широку улицу прогулятца!
Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабаць,
Напьешься зелена вина,
Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ,
Тутъ ты, удалый, раскураживишься и поразбракоешься
И мною, Еленой, порасхвастаешься:
Тутъ тебѣ, удалому, жпву не бывать!»—
—«Ай же ты, Елена королевская дочь!
Не пойду я во царевъ кабаць,
Не стану пить зелена вина,
Запивать медами застоялым!»
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятца,
И дала удалому пятьдесятъ рублей съ полтишкою.
И пошоль добрый молодець на улицу
Мимо кружала государева;
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И палили чару зелена вина,
И подвляли меду сладкаго,
И подносятъ удалу добру молодцу,
Сами низко кланяются:
«Ай же ты, королевскій служитель есть!
Выпей-выкушай чару зелена вина!»
Тутъ-то удалый добрый молодець
Не можетъ отъ нихъ отслышаться.

Наливаютъ другой наконъ пива пьянаго
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меда сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
«Ты выпей-выкушай меду сладкаго!»
И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго;
Тутъ молодца забрала хмѣлннушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодецъ раскуражился,
И поразбракался, и Еленой порасхвастался:
«Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена молодца крѣпко жалуетъ!»
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали, сказали королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія,
Королевское величество!
Твой-то служитель королевскій
Сидитъ въ кабакъ государевомъ,
Пьетъ зелено вино,
Запиваетъ медами застоялыми,
Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичной,
Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
Живу-то я съ Еленой королевичной, будто мужъ съ
женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена меня крѣпко жалуетъ!»
А тѣи рѣчи королю не къ лицу пришли;
Говорить-то король таково слово:
«Ай же вы, слуги королевскіе!
Подьте скоро на царевъ кабакъ,
Свяжите удалому руки бѣлья
Во тья пута шелковыя,
И закуйте удалому ноги рѣзвыя
Во тья во желѣза во нѣмецкія,
И сведите на болото на Куликово,

На тую на плаху на липову,
Отрубите ему буйну голову!»
Туть-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Кулпково,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Туть-то удалый говоритъ таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Не ведите позади дворца,
А ведите посередь дворца!»
Занѣлъ туть удалый пѣсню жалкую:
«Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
Служилъ вѣрой-правдою п безъизмѣнною:
Теперь выжилъ у короля смерть-казнь скорую!»
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
И говоритъ она таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Не ведите удалаго добра молодца
На болото на Куликово, на плаху на липову,
Не рубите буйной головы,
А ведите къ королевичной на новы сѣни!»—
Туть-то королевскіе служители
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говоритъ имъ Елена королевична:
«Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Развяжите ему ручки бѣлыя,
Раскуйте удалому ножки рѣзвыя,
Спустите удалаго на свою волю!»—

Туть-то королевскіе служители
Взяли пятьдесятъ рублей съ полтникою,
Спустили добра молодца на свою волю.
Говоритъ Елена королевская дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
Я тебѣ, доброму молодцу, говаривала:
Не ходи на царевъ кабакъ,
Не пей зелена вина!
Ты какъ зашелъ на царевъ кабакъ,
Напился зелена вина,
Запивалъ медами застоялыми,
Туть-то добрый молодецъ раскуражился,
И поразбракался и мною, Еленой, порасхвастался,
А вотъ тебѣ же, добру молодцу, живому не бывать!»
И говоритъ Елена королевска дочь:
«Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтникою!
А поди-тка въ свою сторону,
Ищи отца-матери, роду-племени
И тую худую молодую жену!»
Туть-то удалый добрый молодецъ
Обиралъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтникою,
И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-матери, роду-племени
И тую худую молодую жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ;
Туть-то удалый пораздумался:
«Къ отцу къ матери идти—живыхъ не застать,
Къ роду-племени идти—не спознають-то.
А пойду я къ худой молодой женщѣ,
Можетъ быть, не спознаеть-ли?»
Придетъ-то удалый во деревеньку,
А во деревнѣ теремъ высокъ сведень,
Верхи съ верхами совиваются;
Стоитъ удалый, самъ дивуется:

«Чей это теремъ высоко сведенъ?»
А бѣгаетъ по улицѣ два малыя вьюноша,
Играють щильцомъ-мячомъ;
И говоритъ удалый добрый молодець:
«Ай же вы, ребята малыя вьюноши!
Чей это теремъ высокъ сведенъ,
Верхи съ верхами совиваются?» —
— «Ай же ты, дядюшка незнаемый!
Этотъ-то теремъ нашей матушки;
А у нашей матушки цѣту батюшки:
Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу унеслъ,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни низкаго челобитыца...»
А онъ говоритъ таково слово:
«Я вамъ—батюшка, съ гульбы пришелъ!»
Тутъ-то ребята малыя вьюноши
Бѣжали во высокъ теремъ,
И сказали своей матушкѣ:
«Свѣтъ ты, наша государыня матушка!
Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,
Стоитъ онъ у крылечка перенаго,
Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ!»
Выскакивать худая молода жена
Со того со терема високаго,
И опознала своего мужа любезнаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Свела его во высокъ теремъ.
Тутъ-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,
Тутъ удалому и славу поютъ.

Олопецкая губернія, Пудожскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III,
стр. 289.

6.

Какъ бы на солонья не зима бы студеная,
Не морозы кренцекіе,

Не леталь бы я, соловей,
По мхамъ, по болотичкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца не служба государева
И не наборы солдатскіе,
Не ходилъ бы я, молодець,
По чужой дальней сторонѣ,
По Свирской украинѣ.

Проходилъ молодець изъ орды въ орду;
Зашелъ молодець къ королю въ Литву:
«Ты, батюшка король полптовскій!
Примп-ка меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи!»
Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ, жаловалъ.
Нейдетъ молодець во царевъ кабаць,
Не пьетъ молодець меду сладкаго,
Не пьетъ молодець пива пьянаго,
Не закусываетъ молодець бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Не шелъ молодець во царевъ кабаць,

Не пилъ молодець меду сладкаго,
Не пилъ молодець пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ.

У того короля политовскаго
Была дочь его Настасья Красвая.
Говорила королю политовскому:
«Ты сїи, государь родной батюшка!
Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника.»
Говорилъ король политовскїй:
«Аїи же дочь моя Настасья Красвая!
Выбирай себѣ молодаго ключника,
Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.»—
Говорила Настасья королевична:
«Мнѣ не надо ко кровати кроватничка,
Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
Не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ;
А ты дай ко кровати кроватничка,
Своего дай молодаго ключника.»
Онъ далъ сїи молодаго ключника,
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перна пуховая,
Еїи складать круто-складно сголовыще
И натянуть одѣяло соболинное.

Тутъ служилъ молодець цѣло три года.
Тутъ зашелъ молодець во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодець меду сладкаго,
И напился молодець пива пьянаго;
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодець порасхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
Перво три года служилъ я во конюхахъ,
Друго три года служилъ я во стольникахъ,

Третье три года служилъ я во ключникахъ,
Это три года служилъ я во кроватничкахъ.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Это три года служилъ я у кроватники:
Не сплалъ перники пуховыя,
И не складалъ круто-складное сголовьще,
И не ватягалъ соболпна одѣялышка,
А и спалъ на кровати тесовыя
Съ молодой со Настасьей королевичной.»

Тутъ схватили меня, добра молодца,
Донесли королю политовскому;
Приказалъ же король политовскій
Посадить въ тюрьму богадѣльную.
Черезъ три дни-то молодцу рѣшеніе:
Отрубить-то ему буйну голову.
Тые сторожа политовскіе
Повели какъ меня, добра молодца,
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
Говорилъ я, удалый добрый молодець:
«Ай вы сїи, сторожа политовскіе!
Берите съ меня золотой казны,
Вы столько берите, сколько надобно;
А ведите меня, добра молодца,
Помимо окошко королевично.»
Закричалъ какъ удалый добрый молодець:
«Простя-ка, Настасья королевична!
Ведутъ какъ меня добра молодца
Изъ той тюрьмы богадѣльныя
На тую плащку на липову,
Срубить-то мнѣ буйну голову.»
Закричала Настасья королевична:
«Спустите-ка этого молодца,
Возьмите поганого татарина,
Хоть мертвого его, мерзлаго,

Отрубите ему буйну голову,
А донесите королю политовскому,
Что отрублена буйна голова
За его воступки неумильные.
Ай ты ей, удалый добрый молодец!
Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
Есть ли у тебя молода жена,
Есть ли у тебя малыя дѣтушки?
Говорилъ-то удалый добрый молодецъ:
«Что есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
И есть у меня молода жена,
И есть у меня малы дѣтушки.»—
—«Ай ты ей же, удалый доброй молодец!
Ты бери-ка мои золоты ключи,
Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
Бери-ка себѣ золотой казны,
Столько бери, сколько надобно,
Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.»
Онъ набралъ себѣ золотой казны,
Столько онъ взялъ, сколько надобно.

Тутъ вѣкъ про Настасью старшу поютъ,
Списему морю на тишинѣ,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Олонекская губернія. Рыбниковъ, часть I, стр. 452. Очень сходная
нѣси: Рыбниковъ, часть III, стр. 283; Гильфердингъ,
XX 155, 162.

7.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву;
Служилъ онъ королю ровно тридцать лѣтъ.
Король молодца любилъ-жаловалъ,
Королева любила паче короля.
Да онъ сталъ, молодецъ, по нирамъ ходить,

По пирамъ-то ходить сталъ, упиватися,
Королевскимъ-то домоу похвалятця,
Королевскимъ-то домоу, его дочерью.
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Донесли королю они шведскому:
«А батюшка ты ли нашъ, шведской королю!
А есть у тебя съ Руси молодець,
По пирамъ онъ вѣдь ходитъ, упивается,
Королевскимъ твоимъ домоу похваляется,
Королевскимъ-то домоу, твоей дочерью!»
Король-то на молодца прогнѣвался:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Отведите молодца во чисто поле,
Да на то ли поле кровавое,
Да на ту ли на плашку на липову,
Отрубите молодцу буйну голову!»
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Повели молодца позади дворца.
Да рече молодець таково слово:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Не водите молодца позади дворца,
А ведите молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ, мимо зеленый!»
Палачи молодца вѣдь послушали,
Повели молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ мимо зеленый.
Запѣлъ молодець съ горя нѣсенку:
«А садъ ты мой, садъ ты мой зеленый,
А яблонь ты, яблонь кудреватая!
Приупито вѣдь было, приуѣдено,
Съ королевной-то было пригуляно!
А теперъ вѣдь приходитъ смеретка скорая»...
Да ушышала прекрасна королевична,
Она по поясъ въ окошко бросалася:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!

Не ведите молодца во чисто поле,
По локоть берпте золотой казвы!»
Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чисто поле,
Да на то-ли-то на поле кровавое,
Да на ту-ли-то на плашку на липову,
Отрубви молодцу буйну голову.
Да скорбешенько королевна сряжалася,
Пришла королевна во чисто поле,
Ко той-ли ко плашкѣ ко липовой;
Брала королевна вострѣ булатній пожѣ,
Поставила тупымъ концомъ во сыру землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердце;
Да погнуло втапорѣ двѣ головушки.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 311.

8.

Вздпль молодець изъ земли въ землю,
Гулялъ удалой изъ орды въ орду.
Загулялъ молодець къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву-де ко прусскому.
Да того молодца-де король во любви держалъ;
Да тутъ молодець съ королемъ за однѣмъ столомъ
сидѣлъ,
Да вѣдь ниль онъ, чѣлъ съ одной ложечки,
Со одного-де стаканца да водочку кушали.
Того было времени пришло три года,
Да слюбился молодець съ королевскою дочерью;
Да ничего-то про это король не вѣдасть.
Да донесли королю вѣсти пехоронія:
«Ай ты, король земли прусскіе!
Да ты котора молодца во любви держишь,

Да ты съ которымъ молодцемъ сидишь за однимъ сто-
ломъ,

Да ты пьешь, ѣси да съ одной ложечки,
А съ одного стаканца вино кушаешь, —
Тотъ живетъ молодецъ съ твоей дочерью,
Онъ творитъ любовь въдъ третій годъ!»
Эти королю были рѣчи не поправились;
Приказалъ вести молодца во чисто поле,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли мѣсто на лобное,
Да на ту въдъ на плаху на липову,
Да отрубитъ молодцу буѣину голову.
Повели молодца палачи во чисто поле,
Мимо тѣ въдъ ведутъ палаты королевскія.
Тутъ взмолился молодецъ палачамъ немилостливымъ:
«Ай, вы братцы, палачи немилостливы!
Не водите молодца вы по задворкамъ,
Да мимо ту ли палату королевскую;
Да вы водите меня молодца по подѣконью,
Да мимо эту спальню-ту теплую,
Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной!»
Повели молодца по подѣконью,
Да мимо тѣ ли палаты королевскія,
Да мимо эту спальнюю теплую,
Гдѣ-ка спалъ молодецъ съ дѣвицей королевичной.
Да онъ запѣлъ пѣсню новую,
Да онъ новую пѣсню, хоропую:
«Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цвѣтное платье изношено,
Да приушило было у молодца, приуѣдено,
Да и въ краснѣ, въ хорошнѣ приухожено,
Да и въ зеленѣ-то саду приугуляно,
Да подъ яблонью на кроваточкѣ было приуспано,
Да и у королевскою дочери
На бѣлой груди было у дѣвицы улѣжано!»

Какъ услыхала дѣвица королевича,
Что повели молодца палачи во чисто поле,
Да во то ли болото Куликово,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да хотять отрубить ему буйную голову,—
Сама отворяла красно окошко косевчато,
Брала въ руки булатніе вострые пожичекъ,
Ставила она тупымъ концомъ да во окопечко,
А вострыпмъ себѣ да въ бѣлу грудь;
Говорила она таково слово:
«Да куда полетѣль младъ ясѣпъ соколъ,
Да туда полетай-ка, лебѣдушка бѣлая,
Да ты преже летп ясна сокола!»
Туть-то она сама себя и зарѣзала...
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де прусскому,
Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошія,
Что его-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
Да еще преже дородня добра молодца.
Туть говорить-де король таково слово:
«Кабы зналъ я это, вѣдалъ вѣдь,
Что моя любима дочь вѣдь зарѣжется,
Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто
поле,
Да на то на болото Куликово,
Да на ту ли на плаху на липову,
Да рубить бы ему буйну голову!
Пусть бы жилъ лучше молодецъ съ моеі дочерью,
Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по вѣку!
Теперь я весь потерялъ бѣлыйи свѣтъ изъ ясныхъ
очей—
Я лишился милой дочери любимы!»

9.

Аіі дюрди-дюрди да дюрди гетманы!
Заиграль молодець изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву.
Ай полонилъ молодца да тутъ шведской король,
Аіі король, король да король батюшка.
Привели молодца да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
А запѣлъ молодець да пѣсни царскія,
Пѣсни царскія, пѣсни умильнія.
А услышала королевна пѣсни царскія,
А пришла къ нему да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть.
Онъ игралъ, сыгралъ да ее обыгралъ,
Онъ другой игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да и на верхъ полѣзь.
Увидѣли палачи да бурзы гетманы,
Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
У его разгорѣлось ретиво сердце,
У его раскипѣлась кровь горячая:
«Аіі вы, палачи, палачи да бурзы-гетманы!
Вы возьмите молодца да за желты кудри,
Поведите молодца да во чисто поле,
А во то ли во поле во Куликово,
А на ту ли плашку вы на липову,
Огрубите молодцу вы буйну голову!»
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперекъ дворца;
А запѣлъ молодець да пѣсню новую,
Пѣсню новую запѣлъ да все умильною:
«Аіі съ королевной было приупито, приуѣдено,

Ай съ королевной было приулежано!»
Ахъ, услышала королевна пѣсню новую,
А бросалася да вѣдь по-плечъ въ окно:
«Ай вы, ай вы, палачи да бурзы-гетманы!
Не ведите молодца да во чпсто поле,
Не рубите молодцу да буйной головы,
Ай бернте вы казны да сколько падобно!»
А повели молодца да во чпсто поле,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А какъ тутъ она да воскинѣлася,
Ея сердце разгорѣлося,
Обвернулася она да лебедью бѣлою,
А брала съ собою ножички булатніе,
Прилетѣла она въ поле Куликово,
А ко той ко планкѣ ко липовой;
Она ставила ножички булатніе
А тупымъ концомъ да во сыру землю
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила рѣчь да помалешенько:
«А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрый гусь,
А пади тутъ лебедь бѣлая!»

Оловецкая губернія. Гильфердингъ, М 311

10.

Женили меня, молодца,
Не у голаго женили, у богатаго;
А придапаго-то много,—человѣкъ худой!
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ висить,
А худая женишка на ручкѣ лежитъ!

Пошелъ, пошелъ удалый добрый молодець
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву.

Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ королю да во служеніе дается.
Первыхъ три года да онъ жилъ во конюхахъ,
А друго три года онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три года онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три года онъ жилъ да вѣдь во спальни-
кахъ.

Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.
Черезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошелъ, пошелъ да добрый молодецъ,
Онъ зашелъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ,
Самъ онъ порасплакался,
Порасплакался да порасхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвѣ,
У короля въ Литвѣ да съ королевичной;
Первыхъ три года я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
Другихъ три года я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
Третьи три года я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
Четверто три года я жилъ да вѣдь во спальникахъ;
Жилъ-то я со королевичной
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.»
Тутъ случилсъ палачи да немплостливы,
Тутъ схватили добра молодца скорешенько;
Рѣзвы поженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи за неумныя,
За басни перазумныя.
И ведутъ-то его мимо королевскій дворъ.
Онъ смолнлся палачамъ да немплостливымъ:

«Вы не ведите-тка меня къ королю на дворъ,
А вы ведите-тка меня да къ королевичнѣ.»
Увидала тутъ королевична:
Идутъ-то палачи да немплостливы;
Она бросилась во окно да вѣдь по поясу,
Она кричала жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, палачи да палачи вы немплостливы!
Вы не водите-тка да моего слугу,
Моего слугу на королевскій дворъ,
А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
Ужъ я дамъ вамъ много злата, много серебра!»
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ имають,
Бѣлы ручепьки связали,
Рѣзвы ножешьки сковали,
И всѣ тѣ хвасты королю-то рассказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королева своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила и въ отлично платье снарядила,
Въ путь-дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 117.

II.

Улялъ молодець по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загулялъ молодець къ королю въ Литву.
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Королева не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодець упиватися,
Буйными словесами похвалятися:

«Ужъ попито, братицы, поѣдено,
Въ краснѣ, въ хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королеви за ручку новожено,
Съ королевной на перинуикѣ полежано!»
Ужъ какъ злы-лихи на молодца своя братья;
Доносили на молодца самому королю:
«Ты гоіи еси, нашъ батюшка грозныйи король!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Живеть королевна съ добрымъ молодцемъ.»
Король на молодца вдругъ прогнѣвался;
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Вы возьмите удалаго добра молодца,
Посадите его въ темну темницу,
А сами подите во чисто поле,
Вы роите двѣ ямы глубокия,
И вы ставьте два столбичка высокіе,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повѣсьте шелковую,
Поведите удалаго добра молодца!
Не водите вы его вдоль по улицѣ,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидѣла бы королевична.»
На первую ступень ступилъ молодець:
«Прости, прости, мой отецъ и мать!»
На другую ступень ступилъ молодець:
«Прости, прости, весь родъ-племя!»
На третью ступень ступилъ молодець:
«Прости, мой свѣтъ королевична!»
Далеко королевна голосъ слышала,
Бѣжала во свой во высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,

Порола свои груди бѣлыя,
Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
Королевична на поженькахъ копчается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка;
Не уснѣлъ король лише возрѣти, —
Увидѣлъ убиту королевичну;
И онъ билъ свои руки о дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная,
Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
Что жила во любви съ добрымъ молодцемъ?
Ужъ я бы добраго молодца пожаловалъ,
Отъ смерти бѣ добра молодца помилуалъ!»
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Рубили бы головы допосылкамъ,
Кто доносилъ на королевичну!»

Пѣсennикъ 1780 года, ч. III, стр. 60, Пѣсennикъ 1810 года,
стр. 261 («темничан»); Кирѣевскій, выш. V, стр. 175.

12.

Что гулялъ молодецъ по Украинѣ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Онъ служилъ королю вѣрой-правдою,
Онъ въ-очью, за-очью неизмѣнною.
Что король молодца любилъ, жаловалъ;
Королева любила паче короля,
Пиля, ѣли съ королевиной съ одного блюда,
Цвѣтно платыце носили одные парчи.
Загулялъ молодецъ во трактирній домъ.
Еще пьетъ молодецъ зелено вино,
Завиваетъ молодецъ пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ молодецъ бѣлымъ сахаремъ.
Во хмѣлю онъ, добрый молодецъ, похналяется:

✂ Я живу съ королевной красной дѣвпцей;
Пили, ѣли съ королевной съ одного блюда,
Цвѣтное платьеце носили одные парчи!»
Еще лихи на молодца друзья-братья;
Они скоро донесли самому королю.
Что король на добра молодца прогнѣвался,
Посадилъ добра молодца во темницу,
Еще призывалъ два плотничныхъ мастера:
«Вы подите во далече чисто поле,
Вы поставьте два столбичка дубовые,
Перекладнику кладите вы кленовую,
Вы вяжите двѣ петельки шелковыя,
Вы ведите добра молодца во чисто поле!»
Добрый молодецъ во петелькѣ качается,
Королевна скорой смертію кончается.

Рукописный сборникъ XVIII вѣка (Публ. Библ. О. XIV,
№ 11, № 91 (каждый стихъ повторяется); Куртневскій,
вып. V, стр. 174.

13.

Молодецъ у короля на вѣстяхъ служилъ;
Что король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.
Еще сталъ молодецъ унизваться,
При хмѣлю удалой похвалятися:
«Много было хожено, погуляно,
И въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!
Поцѣлована дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевская!»
За досаду королю показалось,
За досадушку такую за великую;
Закричалъ тутъ король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,

Слуги вѣрные и непэмѣнные!
Вы подите далече въ чисто поле,
Ужъ вы роите ямы глыбокія,
Становите столбы дубовые,
Перекладнику кладите кленовую,
Вы повѣсьте петли шелковыя,
Вы повѣсьте добра молодца!»
Молодецъ палачамъ по рублю сулить:
«Не ведите меня позадь горницы,
Поведите меня вдоль по улицѣ,
Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевична!»
Попросилася дочь у батюшки:
«Ты пусти, пусти, родный батюшка,
Молодецкой смерти поглядѣти!»
Молодецъ на петляхъ качается;
Королевна подъ релью кончается.

Новгородъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 164.

14.

Какъ король-еть молодца любилъ-жаловалъ,
Съ одного плеча платьице нашивалъ.
Ужъ и сталъ молодецъ пьянъ упиватися,
Во хмѣлю сталъ молодецъ похвалятися:
«Ужъ и то-то попито, братцы, погуляно,
Въ хорошствѣ-то, въ краснѣ много хожепо,
Что на мягкихъ перпнахъ много лежано,
Королевну за ручку много держано!»
Допесли-то на молодца своя братья.
Какъ король-еть на молодца прогнѣвался,
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги, вы, слуги мои вѣрные!
Вы подите далече во чисто поле,

Ужъ вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
Становите вы релюшки высокія,
Поведите молодца казнить-вѣшати!
Не водите молодца впереди моего дворца,
Поведите молодца позади моего дворца.»
Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:
—«Поведите молодца, впереди меня дворца!»
Какъ увидѣла молодца королевна изъ окна,
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка сударь мой, пусти меня гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотри!»
Какъ пошла королевна въ чисто поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотри;
Молодецъ-отъ на релюшкахъ качается;
Королевна подъ релями скончалася.

Москва. Цѣрковскій, вып. V, стр. 163.

15.

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія!
Жилъ я, былъ я, молодецъ, у короля въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодецъ, къ королю во дворецъ.
Королева дочь со молодцомъ во любви жила.
И сталъ добрый молодецъ упиватся,
Во хмѣлю-то сталъ удалый похваляться:
«Что вечеръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ,
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь!»
Тутъ лпха была на молодца своя братья;
> Донесли эти рѣчи королю въ уши.
Что на эти-то рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же нашъ король громкимъ голосомъ:
«Вы слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глыбокія,

Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладнику кладите вы дубовую,
Повѣсьте-ка вы петельку шелковую,
Потребите вы Ванюшу прелестника!»

Вологодскій уѣздъ. Пиваицкіи, стр. 320.

16.

Ои служилъ же я тремъ, тремъ царямъ,
Да служилъ же по семи годовъ;
Какъ четвертому королю прусскому
Да служилъ же я ровно девять лѣтъ.
Какъ составилось моеи службицы,
Да всеи было ровно тридцать лѣтъ.
Какъ за то меня король прусскій,
За то меня любилъ-жаловалъ.
Какъ и вышла на меня, добра молодца,
Вышла на меня напраслина:
Какъ и будто я, добрыйи молодець,
Полубилъ и я королевскую дочь.
Какъ за то меня, добра молодца,
Король со двора прогналъ...

Терская область. Сборникъ для описанія Кавказа,
вып. III, стр. 86.

17.

Вотъ ходилъ ли я, молодець, по чистомъ я полю,
И билъ, я побивалъ, я русей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалыйи, сизаго голубя...
Опоздалъ ли я, молодець, идтии-ѣхати:
Весму городу воротички были заперты,
Караульничкии молоденьки, они крѣпко снятъ.
Что одна ли не снала ли красная дѣвушка,

Она такая Перекраса королевична.
Вынимала изъ комода золоты ключи,
Успущала добра молодца, все наказывала:
«Ты дворомъ иди, молодчикъ, не закашляйся,
Къ новымъ сѣнямъ подходи, не застукайся!
Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
Не сказалъ бы онъ родимой моеи матушкѣ!
Ты на утрѣ жъ ли, молодчикъ, не упейся пьянъ,
Во хмѣлю-то, разудалый, не похвастайся!»
Какъ на утрѣ-то молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-то разудалый похваляться сталъ:
Какъ вечеръ ли я, молодчикъ, у гостяхъ гостилъ,
Я въ такой ли Перекрасы королевичны!»
Что по утру про удалаго дознался.
Призывалъ король молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ
гостилъ?»

Я за то тебя, удалаго, пожалую,
Я пожалую молодчика все палатушками,
Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
Я построю тебѣ релюшки точенныя,
Я повѣшу тебѣ петельку шелковую!»
Ужъ какъ добрый молодецъ сталъ качатися;
Перекраса во саду стала кончатися.

Кирѣевскій, вып. V, стр. 169.

13.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолѣла крапивушка поле чистое!
Охочъ былъ молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочъ былъ стрѣлять гусей, лебедей;
Опоздалъ же молодецъ домой ѣхать.
Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:

Первая дорога—къ отцу къ матери,
Вторая дорога—къ роду къ племени,
Третья—къ своему городу.
Въ городѣ ворота были заперты,
У воротъ караульщики крѣпко снятъ да не прѣс-
нутся...

Выходила королева на ново крыльцо,
Отпирала королева городскія воротички,
Она впускала удалаго добраго молодца:
«Ты пди со мной полегонечку,
Говори со мной потихонечку!»
Королева на утро стала спрашивать:
«Ужъ ты, дочь моя, дочь любимая!
Ужъ съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»
—«Ужъ ты, мплая моя мать родимая!
Нынче ночью мало мнѣ спалось,
Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
Предъ тобою стоятъ попы, дьяконы.
Они поютъ память вѣчную.»
У стола, стола государева
Служилъ добрый молодець.
Добрый молодець хмѣлень напивается,
Во хмѣлю королевской дочерию похваляется:
«Ужъ я спалъ-почивалъ съ королевской дочерию
На одной кровати!»
Были люди донощики
Доносили самому королю.
Какъ вскричить король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, приведите добраго молодца!»
Сталъ король у него спрашивать:
«Сколько же ты жилъ съ моею дочерию?»
—«Я не мало, не много, ровно три года.»
Какъ вскричалъ король громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите въ чисто поле,
Копайте двѣ ямы глубокия,
Становите два столба еловые,
Кладите перекладны дубовыя,
Вѣшайте петельку шелковую,
Вы возьмите-приведите добраго молодца!
Не ведите молодца переди двorca,
Вы ведите молодца позади двorca!»
Молодецъ въ петелькѣ качается;
Королевская дочь въ терему кончается.

Кирѣевскій, вып. V, стр. 170.

19.

Средрогъ-перезябъ добрый молодець,
За стѣною стоячи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаячи,
Что прекрасную Елену, дочь королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что прекрасная Елена, дочь королевская;
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкимъ воротамъ желѣзнымъ,
Отпирала ворота желѣзныя,
Принимала молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ теремъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой милелькій, потпхонечку,
Говори, миль-сердечный другъ, полегонечку,
Чтобы не слышали наши солдаты
И все наши караульщики,
Не пробуди со сна мою матушку!»
Какъ со сна-то ея матушка просыналася:
«Ты дитѣ ль мое, дитятко,

Ты дитё ль мое, чадо милое,
Ты прекрасная Елена, дочь королевская!
Ты кого называешь милышмъ,
Ты кого величаешь: миль-сердечный другъ?»
— «Ахъ, государыня моя матушка!
Не хороши-то миѣ сонъ видѣлся:
Будто ты, моя матушка, переставилася,
Надъ тобою горять свѣчи воску яраго,
Надъ тобою поюгъ все поны, дьяконы;
Я тебя называла мильшмъ,
Я тебя величала: миль-сердечный другъ!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирьевскій, вып. V,
стр. 173.

20.

Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни кошому, ни пѣшему пройтити нельзя,
Что ни мвѣ ли, доброму молодцу, проѣхати!
Проходилъ тутъ, проѣзжалъ удалъ добрый молодець,
Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокиѣ,
Это въ тѣ ли во морозы въ крепченскіе.
Загуляю я, молодѣць, къ королю въ гости.
Что король-то меня, молодца, любилъ-жаловалъ,
Королевская дочка во любви жила.
Что у города были ворота крѣшко заперты,
Караульные вокругъ города все крѣшко снятъ;
Не спала только Елена, дочь королевская;
Отпирала у города воротички,
Что брала добраго молодца за руки,
Повела добраго молодца въ новую горницу,
Посадила добраго молодца въ новую снаменку...

Гуляевскій уѣздъ. Кирьевскій, вып. V, стр. 172.

21.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
На десятомъ году самъ король довѣдался;
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать
рельюшки:

«Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»
Въ первую петельку повѣсили, —петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили, —и эта оборвалася;
Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.
Узнавала его родимая матушка;
Она плакала, какъ рѣка лилась,
Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася, что ноготы быють.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 52.

22.

Узшелъ я все землю свято-русскую,
Я сине море исплавалъ изъ края въ край, —
Изъ самаго изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому королю,
Къ самому королю ко латинскому.
А за то меня король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня король во вѣрны ключники;
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ королю вѣрой-правдою.
Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,

Только знасть одипъ маленькій дѣтинушка,
Одипъ маленькій дѣтинушка поваренный:
Опъ дошелъ-донесъ, собака, самому королю:
«Ой ты гоі еси, нашъ батюшка литонской король!
Ничего, сударь, не знаешь п не вѣдаешь:
Твой-то ключничекъ до-пьяна наипваεται,
Во хмѣлю ключникъ негоже похваляется,
Похваляется мпзирныйй твоей дочерью.»
За досаду королю показалося;
Выходилъ тутъ король на красенъ крылецъ,
Восклицалъ онъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли у меня таки мастера,
А по нашему, по русскому—грозенъ палачъ!
Онъ бы вѣхалъ далече во чисто поле,
Дѣлалъ бы релюшки высокія,
Становилъ бы онъ столбики дубовые,
Перекладники клалъ бы кленовыя,
А петельки вязалъ бы шелковыя,
Онъ бы вель моего ключника къ повѣшению!
Не водилъ бы онъ Кремлемъ-городомъ,
Провелъ бы онъ позадь города!»
Молодецъ молодцу крѣпко кланялся:
«Ой ты гоі еси, нашъ батюшка грозенъ палачъ!
Дай ты миѣ, молодцу, звончаты гусли,
Передъ смертью молодцу напгратися!
Не води ты меня, добрый молодецъ, позадь города,
Проведи ты меня Кремлемъ-городомъ,
Мимо тѣхъ ли палатъ королевниныхъ!»
Онъ повелъ молодца Кремлемъ-городомъ,
Мимо свѣтленькой свѣтлицы королевниной.
Онъ п сталъ тутъ напгрышки напгрывать:
«Бывало, мея король любилъ-жаловалъ,
А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведеть-то молодца ко повѣшению!»
Услыхала его мила дочь мпзипая,

Выходила она на красенъ крылець,
Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой есп, нашъ батюшка литонской король!
Ты за что на ключничка прогнѣвался?
Я сама-то, красна дѣвпца, пойду ко повѣшенью!»
Услыхалъ то ея батюшка литонской король:
«Еще Богъ его прощаетъ, сударь жалуетъ!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 166. Очень сходная пѣсня, неполная: Кирѣевскій, вып. V, стр. 168.

23.

Не бѣлые-то снѣжочки забѣлѣлися,
Не алые-то цвѣточки заалѣлися.
Жилъ я, былъ я, добрый молодець, у семи пановъ,
У семи-то я пановъ, жилъ я по семи годовъ;
У прутскаго королечка жилъ двѣнадцать лѣтъ;
Съ королевой свыкался ровно три года.
На четвертомъ годочкѣ самъ король спозналъ,
Самъ королюшка спозналъ, самъ довѣдался.
Выходилъ же король прутскій на красенъ крылець,
Закричалъ же король прутскій по звѣрному,
Зашипѣлъ же воръ-собака по змѣиному:
«Еще что у насъ во царствѣ за несчастнице?
Молодая королева за гульбой пошла,
За гульбой она пошла, за охотою!
Не отъ того ли сине море всколыхнулося?
Не отъ того ли бѣла рыба встрепенулася?
Не отъ того ли съ горъ желты пески посыпалися?»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчикова, № 56 («проголосная»). Последнію пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

24.

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярекомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтпть—много надобно;
Поиду я, молодець, королю служить!
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Съ одного блюда онъ пивалъ-ѣдалъ,
Съ одного плеча платъе пашпвалъ.
А сказали про молодца небывальщину,
Ой, и складъ приложили—съ королевою.
Король на молодца да прогнѣвался;
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Поплвите мнѣ млада ключничка!»
Идетъ ключникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,
Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки натянуты,
Его русыя кудри по плечамъ лежать.
Его ясныя очи огнемъ горять.
Идетъ ключникъ со новыхъ сѣней,—
Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки опущены,
Его русыя кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.
Закричалъ король грознымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Идите жъ въ чисто поле,
Ой, и ройте вы двѣ ямы глубокія,
Поставьте вы два столба высокіе,
Перекладину положите клецовую,
Ой, и петельку придѣньте шелковую,
Повѣсьте вы млада ключничка,
Королевица полюбовничка!»

Ой, и ключникъ во полѣ качается;
Королева во теремѣ кончается.

Харьковская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе,
стр. 39.

25.

Малеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ, въ славной Митревской,
Что у князя было у Волконскаго,
Солучилася пирь-бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радостна.
Совзжалпся къ нему князя, бояре,
Пилп, ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богатствомъ,
Бѣдный хвалится своею бѣдностью,
Сильный хвалится своею силою,
Волконскій князь—своею княгинею:
«У меня княгиня умная,
Она умная, разумная,
Она тихая, смиренная;
До рабовъ она милостлива,
Передо мной она очестлива.»
У дверей стоитъ слуга вѣрная,
Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная.
Какъ возговорить сѣнна дѣвушка:
«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Не приказывай меня казнить, вѣшати,
Прикажи ты мнѣ слово молвити!»—
—«Говори ты мнѣ, слуга вѣрная!
Ты скажи мнѣ правду-истину!»—
—«Похвалился ты своей княгинею;
Твоя ли княгинюшка не честная,
Твоя ли княгинюшка не вѣрная!

Что живеть она съ младымъ ключникомъ,
Со твоимъ ли со ларчикомъ,
Со мамъ ли братцемъ роднымъ;
Что живеть она не тепереча,
А не много, не мало, ровно девять лѣтъ.»
На десятомъ-то году князь довѣдался;
Посылаетъ онъ за ключникомъ
Своего ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
Ты скажи: хочеть тебя дарить, жаловать.»
Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается;
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до долу;
Шуба лисья словно лѣсъ шумить,
И золотъ перстень ровно жаръ горитъ;
На немъ напочка рытаго бархата;
Во правой рукѣ тонка тросточка,
А во тросточкѣ—ала лепточка;
Идетъ ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ князю низкой поклонъ:
«Ужъ ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
Ты по что меня скоро требовалъ?
Ужъ чѣмъ хочешь меня дарить, жаловать?»—
—«Подарю я тебя хоромамъ высокими,
Не мощеными, не свершеными!
Ты скажи мнѣ только правду-истину:
Ты который годъ живешь со княгиней?»—
—«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Я живу съ нею ровно девять лѣтъ;
Много было пошито, поѣдено,
На пуховыхъ перинахъ полежано!»
Какъ Волконскій князь прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы гои есте, моп слуги вѣрныя!
Вы берите лопатки желѣзныя,
Ужь вы роите-ка двѣ ямы глубокія,
Вы постройте рельюшки высокія,
Вы столбы-то дѣлайте точеныя,
Перекладыны положите вы кленовыя,
Вы колечки вверните позлащенные,
А петельки повѣсьте шелковыя!
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повѣсьте на рельы высокія!
Да пускай же онъ, воръ, покачается,
Молодая-то княгиня на него показнится!»
Подхватили ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсли на петельки шелковыя.
На петелькахъ висеть ключикъ, мотається,
А впереди лежить княгинюшка, кончается.
Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубо-
выи столбъ:

«Ужь ты гои еси, дѣвушка сѣрная,
Ты моя ли слуга вѣрная!
Погубила ты младаго ключничка,
Умертвила ты молодую мою княгинюшку!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 50
Киреевскій, вып. V, стр. 179.

26.

Но Устрѣтенской большой улицѣ
Строплись палаты бѣлокаменны.
Что во этихъ во палатахъ жилъ Волконскій князь
У того ли было у князя собраныце не малое,
Собиралися къ нему князья, бояре все,
Ужь какъ спльные могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалится своей сплюю,
*

Еще кто хвастаетъ золотою казною.
А какъ нашему князю нечѣмъ похвалиться;
Похвалился панъ Волконскій молодой женой,
Молодой своей женой, душой княгинею.
Выходила тутъ, выступала млада ключница;
Ключница на ключника съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, панъ батюшка Волконскій князь!
Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
Не годъ она живетъ, не два живетъ,
Какъ живетъ твоя княгиня ровно три годы!»
Выходилъ нашъ Волконскій на широкій дворъ,
Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ привычнымъ голо-
сомъ:

«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника!»
Ужъ какъ ключница къ ключнику съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, ключникъ, тебя князь требовалъ,
Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
Не министромъ, думнымъ сенаторомъ.»
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
Засвистѣлъ, закричалъ своимъ вѣчнымъ голосомъ:
«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
Добра коня виноходаго,
Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскимъ!»
Бралъ себѣ ключничекъ плеть шелковую;
Выходилъ панъ ключникъ на широкій дворъ;
Какъ садился ключникъ на добра коня.
Его добрый конь стоитъ да не тряхнется,
Что у ключника кудри не ворохнутя.
Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
«Вы прощайте, мои слуги вѣрные,
Слуги вѣрные мои, неизмѣнные!»

Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ;
Никому-то коня взять не приказывалъ,
Ни къ столбу-то его не привязывалъ,
Ни къ кольцу-то, ни къ злаченому.
Заходилъ-то ключникъ во палатушки:
«Охъ, ты стой еси, батюшка Волконскій князь,
Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»—
—«Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя
жаловать,

Министеромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
Промежу двумя столбами дубовыми,
Перекладнойю тебя кленовою!»
Повели млада ключничка на всѣлицу:
Княгиня во палатахъ бѣсится.
Ключникъ во петелькѣ качается;
Во палатушкахъ княгиня кончается.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выш. VI,
стр. 93.—Шейнъ, Тетия, стр. 26.

27.

Какъ во славномъ было въ городѣ, было въ камен-
ной Москвѣ,
Какъ на славной было улицѣ, на Большой Дмит-
ровкѣ;
Тамъ стояли-то палаты, стоять бѣлы каменны;
Какъ во этихъ во палатахъ живетъ самъ Волконскій
князь;
Не одинъ Волконскій князь живетъ,—со младай со
княгинейю.
Какъ много у него было, много слуговъ вѣрныхъ,
Какъ не было вѣрнѣе Вашошеньки ключничка.
Какъ свозжался Ваня ключничекъ со младай княги-
нейю;

Поругался Ваня ключничекъ съ дѣвчоночкой съ гор-
ничной;

Поругамши, эта дѣвушка сама къ князю въ верхъ
пошла:

«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, ничего не
знаешь, не вѣдаешь!

Я хочу тебѣ сказать всю, всю-то правду-истину!»

Говорилъ-то Волхонскій князь дѣвчоночкѣ горничной:

«Если ты мнѣ правду скажешь, я тебя пожалываю;

Если ты мнѣ ложно скажешь, я тебя разказню!»—

— «Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, скажу всю
правду-истину:

Что живетъ Ванюша ключничекъ со твоей кня-
гинею;

Не одинъ годъ Ваня съ нею живетъ, живетъ ровно
десять лѣтъ!»

Выходилъ-то Волхонскій князь на крыльцо парад-
ное;

Закричалъ тотъ Волхонскій князь своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

Вы берите-ка лопаты, лопаты желѣзныя,

Ужъ вы ройте, мои слуги, вы ямы глубокія,

Ужъ вы ставьте въ эти ямы все столбы дубовые,

Ужъ вы вѣшайте на эти столбы канаты здоровые!

Вы пойдите, приведите Вашоменьку ключничка.

Молодой моей княгини вѣрнаго любовничка!»

Какъ ведутъ Ванюшу ключничка ко князю Волхон-
скому;

Какъ и сталъ Ванюшу ключничка, сталъ Ваню
выспрашивать:

«Ты скажи, Ванюша ключничекъ, всю правду мнѣ,
истину:

Сколько жилъ, Ванюша ключничекъ, со моею княги-
нею?»

— «Ужъ ты, батюшка Волхонскіи князь, не знаю я,
не вѣдаю».

Приказаль Волхонскіи князь-то отвесьть Ваню на ви-
сѣльцу.

Какъ ведутъ Ванюшу ключничка, ведутъ подь бѣлы
руки;

На Ванюшенькѣ сапожки, сапожки козловые,

На Ванюшенькѣ рубашечка бѣла коленкорова,

На Ванюшенькѣ русы кудри, на немъ раздуваются..

Какъ виситъ Ваня на висѣльцѣ, онъ виситъ, ка-
чается;

Молодая его княгиня, она жить кончается.

Калужская губернія. Мельгуновъ, вып. II, № 8 «протяжная»
Копечные пять слоговъ каждого стиха повторяются.

28.

Въ Москвѣ было у князя у Волхонскаго,
Тутъ живетъ-то, поживаетъ Ваня ключничекъ,
Молодыя-то княгини полюбовничекъ.

Ваня годъ живетъ, другой живетъ—князь не вѣдаетъ;

На третій-то годочекъ князь довѣдался

Черезъ ту ли черезъ дѣвушку черезъ сѣнную,

Черезъ сѣнную да черезъ самую послѣднюю.

Закричалъ же князь Волхонскіи зычнымъ голосомъ:

«Ужъ вы, слуги ль мои, слуги, слуги вѣрные!

Вы сходите, приведите Ваню ключника!»

И сталь-же князь Ванюшу да выспрашивать:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:

Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?»

На первой-етъ разъ Ванюша не покался.

Онъ выспрашивалъ Ванюшу ровно три часа;

Что и тутъ-то нашъ Ванюша не покался.

Закричалъ же князь Волхонскіи громкимъ голосомъ:

«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли вѣрные?»

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшнѣй дворъ!»
Повели же вѣдь Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушкѣ елбирочка пошумливаетъ,
Александрійская рубашка ровно жаръ горитъ,
Козловы повы сапожки поскрипываютъ,
И Иванушки кудеречки разсыпаются;
А идетъ-то самъ Ванюша, усмѣхается.
Привели же вѣдь Ванюшу на конюшнѣй дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывать.
Александрійская рубашка съ тѣломъ смѣшана,
Казимпрова елбирочка вся изорвана,
Русыя кудеречки прирастрепаны,
Козловы повы сапожки крови полные.
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты, баринъ ли, нашъ баринъ, ты, Волхонскій
князь!

Поставлено зелено вино, — кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки, — кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то съ княгиней было пошито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было пошито,
Приготовленныхъ закусокъ покушано!»
Закричалъ-же князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Вы, слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка вы два етолба, два высокіе,
Перекладную кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повѣсьте тутъ Иванушку измѣнника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня-то во теремѣ кончается.

29.

У славнаго князя у Волхонскаго,
Тутъ живеть да поживаеть Ваня ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Вапя годъ живеть, онъ другої живеть,—князь не
вѣдаеть.

На третіи годочекъ князь навѣдался
Черезъ малю дѣвчонку, черезъ черную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ князь: ведеть дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватушки.
Тутъ сзычаль-скричаль князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню ключника!»
За бѣлы руки взяли Ваню, подхватили,
Повели Ваню ко князю во палатушки.
Идетъ Ваня широкимъ дворомъ,
На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ желты кудри рассыпаются,
На немъ синенькій кафтанчикъ раздувается,
На немъ красенька рубашка словно жаръ горить.
Привели Ванюшу во палатушки;
Сталь тутъ князь Ванюшу допытывати.
Ваня часъ стоялъ,—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ,—не спокаялся,
На третіи часочекъ спокаялся:
«Я живу со твоей княгиней третіи годъ,
Третіи годъ живу, каждый часъ хожу.»
Показалось князю за досадушку;
Онъ ударилъ Ваню по бѣлу лицу.
У Вани съ бѣла лица руда пробрызнула.
Изъ ясныхъ очей слезы покатилися.
Говоритъ князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, берите у Вани золоты ключи,

Берите золоты ключи. отпрайте окованы ларцы,
Подьте-ка, слуги, на Дунай-рѣку,
Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»
Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
Поставили вереюшки дубовыя,
Заложили грядочки таловыя,
Повѣсили петельки шелковыя,
Повели Ванюшеньку на висѣльницу.
Идетъ Ванюшенька на висѣльницу.
Ступилъ Ванюшенька на первую ступень,
Таково слово Ванюша проговорилъ:
«Вы позвольте, братцы, нову пѣсеню снѣтъ
Про славнаго про князя про Волхонскаго!
Какъ доселева я жилъ со княгинею,
Какъ я жилъ съ ею, три годочка жилъ!»
Въ эту пору ходила молода княгиня по новымъ сѣ-
нямъ;

Она съ горя, со кручины унала со новыхъ сѣней
И сломила себѣ буйну голову.
Въ эту пору, въ это времячко
Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
Тутъ дался князь Волхонскій во тоску, во кручи-
нушку.

Архангельская губернія, Шенкурскій уѣздъ. Курьевскій, выв. V,
стр. 130.

30.

Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
Какъ во уличкѣ было во Дмитровской.
Жилъ тутъ, поживалъ тутъ батюшка Волхонскій князь
Со своей ли то вѣрною со княгинею.
Жилъ тутъ, поживалъ тутъ Ванюшка ключничекъ.
Онъ не годъ живетъ со княгинею,
Онъ не годъ живетъ, — ровно два года.
Какъ на третій на годочекъ князь-то все дождався

Через сѣвную дѣвчонку, через сѣвную послѣднюю.
Какъ вышелъ-то князь на крыльцо на паратное,
Онъ вскричалъ-то громкимъ голосомъ:

«Ахъ вы, слуги мои вѣрные!

Вы подите, приведите Ваню ключничка,

Вы поскуйте ему скорыя ноженьки,

Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»

Посковали Ванюшкѣ скорыя ноженьки,

Какъ связали ему назадъ-то бѣлыя ручушки.

Какъ ведутъ ли-то Ванюшку подъ бѣлы-то руки, —

На Ванюшкѣ коленикова рубашка вся изорвана,

Какъ буйная-то головушка въ трехъ мѣстахъ проломъ-
лепа,

Какъ у Ванюшки скорыя-то ноженьки поскованы.

Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены...

Вотъ стоитъ ли-то князь на крыльцѣ-то паратномъ;

Увидѣлъ же-то Ванюшка князя-то Волхонскаго:

«Ахъ ты, батюшка, князь ты Волхонскій!

Ты прости меня большой-то виной,

Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ-то дѣлать!»

Какъ вскричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ
голосомъ:

«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

Вы подите, вы возьмите заступы желѣзные,

Вы ройте-тка, копайте двѣ ямы глубокия,

Вы поставьте два столба высокіе,

Положите переводы-то дубовые,

Вы повѣсьте-тка двѣ пегли шелковыя,

Вы сдѣлайте крючья-то золоченыя,

Три ступени тесовыя,

Вы постройте-тка ступени чернымъ сукномъ.

Вы ведите-тка Ванюшу на крутой-то крылецъ,

На крутой крылецъ на тесовый!»

Идетъ ли Ванюшенька, поклоняется,

Со всемъ добрымъ людямъ прощается:

«Прости, батюшка, прости, матушка,
Прости ты меня, мать сыра земля!»
Какъ вошелъ да-то Ванюшка на крутой крылецъ на
тесовой,
Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Ты позволъ-ка-ся мнѣ надъ послѣднимъ краишкомъ
Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть!»—
—«Вѣшайте вы Ванюшеньку!
Пускай Ванюшка качается,
Моя молодая-то княгиня пуцай не печалится!
Какъ дознается моя-то вѣрная княгиня,
То-то она попечалится!»
Со печали-то, тоски на третій денекъ,
Какъ на третій на денечекъ вѣрная княгиня померла..

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 117.

31.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ цовъ высокъ теремъ;
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ-князь;
Не одинъ-то онъ живетъ, князь-бояринъ,—
Съ молодой съ княгиню.
Какъ у этого ли князи
Жиль-былъ Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбвищекъ.
Молодая его душа княгиня
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года.
Какъ на третій годъ князь-бояринъ,

Опъ только довѣдался,
Опъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку.
Какъ и выходилъ князь-боярнѣ
На свое красно крыльцо;
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите,
Охъ, да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронаго
Съ черкасскими повыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана ключничка!
Ужъ я его подарю ли,
Охъ, да воронымъ конемъ,
Воронымъ его конемъ ли
Съ черкасскимъ сѣдлами».
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня умѣхается;
Молодая его душа княгиня
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ опъ, князь-боярнѣ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?»
— «Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ, да не два года.»
Какъ и вышелъ князь-боярнѣ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острия,

Вы поройте, мои слуги,
Двѣ ямы глубокия,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеные,
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую;
На матицу повѣсьте
Мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка!»
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Валя спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается.
Охъ, висеть, висеть Ванюша,
Ванюша качается.

Якушкинъ, стр. 39.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 138

32.

Какъ у славнаго князя было у Волконскаго,
Жиль-поживаетъ воръ Ванюша ключничекъ,
Молодой моей княгини полюбовничекъ.
Ужъ какъ онъ годъ живетъ, другой живетъ;
Что на третье лѣто князь довѣдался,
На того Ванюшу самъ разсѣрдился
Черезъ бестію дѣвчончку черную.
Тутъ вскричалъ князь своимъ громкимъ голосомъ:
«Уже слуги мои, служипочки вѣрные!
Вы подите, приведите вора Ваньку ключника,
Молодой моей княгини полюбовника!»
Что ведутъ-то, ведутъ Ванюшку скована;
Буйна голова у Ваи распреломана,
Кашемировымъ платочкомъ перевязана;

Миткалина рубашечка въ крови смочена.
Станетъ князь Волконскій выспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю!»
—«Ничего-то, сударь, я не вѣдаю.»
Вскричалъ, вскричалъ на своихъ на вѣрныхъ слугъ
«Ай вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, берите лопаточку желѣзную,
Вы копайте-ка двѣ ямы глубокія,
Становите-ка два столбика дубовыихъ,
Ужь вы бейте, забивайте два крюка желѣзныхъ,
Кладите-ка жердочку кленовую,
Кладывайте двѣ петельки шелковыя!»
Поведуть-то Ванюшеньку скована;
Очи ясныя тафтой завѣшены;
Ведуть мимо княгинина окошечка.
Испроговорить воръ Ванюша ключвпчекъ:
«Ты позволъ-ка мнѣ, Волконскій князь,
Позволъ-ка запѣть съ горя пѣсепку!
Какъ было-то у Ванюшки погуляно,
Было попито, было поѣдено,
Во сахарнія уста поцѣловано,
Молодой твоей княгини на бѣлыхъ грудяхъ поле-
жано!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I. стр. 109.

33.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было пло-
щади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе.
Что и того ли-то и князя, князя-боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, князю ключни-
чекъ,

Молодой его княгини вѣрныи полюбовничекъ.

Что и годъ живетъ Ванюша съ княгиней, другою
живетъ,

Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣ-
дался,

Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣвной, горнич-
ной.

Вотъ выходитъ князь-бояринъ на свои красенъ кры-
лецъ;

Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!

Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»

Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,

Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,

Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются...

Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ... слышь,

Ты съ которой поры-время живешь со княгиней?»—

—«Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.»

Какъ и сталь-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спра-
шивать;

Не доблся князь-бояринъ твоей правды-истины.

Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные!

Вы берите-тка, берите заступы желѣзные,

Ужъ вы роите-тка, копайте двѣ ямы глубокия,

Ужъ вы ставьте-тка, ставьте два столба точные,

Перекладину кладите, слуги, вы кленовую,

Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»

Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу - Ваню черезъ княжій
дворъ:

Какъ у Ванюшки-Ванюшки руки, ноги скованы,

Руки, ноги въ Вани скованы, да все переломаны...
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша-Ванюшка, шатается;
А и князь-то стоить, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами залпается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-
истину!»
—«Ужъ позволъ ты, князь-бояринъ, позволъ Ванѣ
пѣсню спѣть,

Что и пѣсню Ванѣ, пѣсню, пѣсенку послѣднюю!
Что и было, князь-бояринъ, пошито, поѣдено,
Во краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ похожено,
На кроватуникѣ тесовой въ насъ было полежано,
Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похватано,
Во уста-то во сахарны было поцѣловано,
Съ одного плеча было въ насъ поношено!»...
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ гром-
кимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку ключника!»
Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

Орловская губернія. Якушкинъ, стр. 537.—Киртевскій,
вып. V, стр. 152.—Вильбоа, стр. 150.

34.

Что на славной было улицѣ на Дмитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключникомъ.
«Ты не лайся, не бранися, молодой ключничекъ,
Я пойду ли, донесу князю-боярину...
Ужъ ты, батюшка ты нашъ, ты бояринъ-князь,
Ничего же ты не знаешь да не вѣдаешь,

Что живеть-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!»

Что возговорить нашъ батюшка бояринъ-князь:

«Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные?

Вы подите, приведите млада ключничка,

Вы поставьте млада ключника въ середи двора,

Что подь то ли подь косяцато окошечко,

Ужъ я стапу младаго ключничка доспрашивать.

Ты скажи, скажи, младый ключничекъ, не утай грѣха!

Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,

А несправду ты мнѣ скажешь, я подь кнутъ, да подь кнутъ отдамъ!

Что живеть ли моя княгиня съ твоей милостью?»

—«Что живеть ли твоя княгиня со мною да три, ахъ, да три года.»

Что возговорить нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ, да бояринъ-князь:

«Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи?

Ужъ вы роите мнѣ ямочки глубокія,

Вы поставьте два столба, вы да два высокіе,

Перекладнику вы поставьте, вы кленовую,

Ужъ вы петельку повѣсьте, вы шелковую!»

Молодой ключникъ на петелькѣ качается,

Молодой-то ли княгини жизнь кончается.

Москва (цыгане). Якушкинъ, стр. 338.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 137.

35.

Какъ на островѣ было на Дмитревскомъ,
Тамъ жилъ, прожилъ батюшка Волкоцкій князь.
У князя былъ Ваня-Ванюша воръ ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбощичекъ.
Онъ и годъ любилъ, Ванюша, онъ и другой любилъ;

А на третій годокъ про Ваню князь довѣдался
Черезъ сѣнную дѣвчонку, черезъ подлюю.
И вскрикнулъ батюшка Волконскій князь:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы роите, копайте двѣ ямы глубокия,
Вы ставьте, поставьте, два столба дубовые,
Вы кладите-ка, положите переводы кленовые,
Вы вѣсьте, повѣсьте петельку шелковую;
Вы ведите сюда Ваню вора ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ваню ключничка;
Въ Ванюшки головушка разломлена,
Вся миткалевая рубашечка кровью смочена...
«Вы вѣсьте, повѣсьте вора Ваню ключничка
Въ эту шелковую петельку!
И пусть Ваня-Ванюшка покачается,
Моя молодая княгиня пусть стоя попечалится!»
А молодая княгиня гляючи сжахнулася;
Въ эвтомъ случаѣ она переставилася.

Исковскій уѣздъ. Семевскій (Торопецъ), № 176.—Очень сходная
пѣсня, неполная: Филипповъ, № 9.

36.

> Во городѣ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живетъ тутъ, поживаетъ Волконскій князь
Со свосю молодою княгинею.
Влюбился въ княгиню Иванушка ключничекъ,
Молодой моеѣ княгини, шельма, полюбовничекъ.
Ужъ онъ годъ живетъ, Ванюша, и другой живетъ,
А на третій годъ князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню, на Ваню прогнѣвался,
Черезъ тое черезъ дѣвку, дѣвчонку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.

Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,
Ужъ вы, други мои, други неизмѣнные!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка,
Молодой моей княгини полюбвишечка!»
—«Ты поди, поди, Ванюша, тебя князь зоветъ;
Ужъ онъ хочетъ тебя жаловать
Селами, деревнями, третьими—кнутами ремешными!»
—«Слуги мои, слуги,
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ ямки глубокія,
Становите столбочки все точеные,
Вбивайте-ка колечки, кольца золоченныя,
Вѣшайте моточки, моточки шелковые,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшку - Иванюшу ключнич-
ка!»—
—«Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню слыть!
Что во городѣ во Питерѣ,
На главной на улицѣ на Митревской,
У того ли князя, у князя Волконскаго,
Было попито, было и погуляно,
На пуховыхъ перинахъ было полежано,
За бѣлыя груди было подержано!»
Какъ Иванушку повѣсили,
А молодая княгиня въ хоромехъ зарѣзалась;
А Иванушка качается,
А молодая княгиня во хоромехъ кончается.

Болховъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 162.

37.

Живеть-поживаетъ
Батюшка Волконскій князь.
Какъ у этого у князя

Жилъ Ванюша ключничекъ,
Размолоденькой княгини
Вѣрный полюбвицекъ.
Ванюшка годъ жветъ съ княгиней,
Ванюшка другой жветъ;
Какъ на третій-то годочекъ
Волхонскій довѣдался
Черезъ атаку дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнную,
Ею сѣнную, каналью,
Самую послѣднюю.
Выходилъ тутъ князь Волхонскій
На свой на высокъ балконъ,
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Служаночки вѣрные!
Вы идите-тка, возьмите
Лопаты зелѣзныя!
Ужъ вы ройте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокия!
Ужъ вы ставьте-ка, поставьте
Два столба дубовые!
Перекладинки положьте
Новыя кленовыя!
Ужъ вы вѣсьте-тка, повѣсьте
Двѣ петли шелковыя!
Вы сходите, приведите
Вора Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Ведутъ Ваню подъ руки.
Какъ у Ванюшки головушка
Вся проломлена,
Коленкорова рубашка
Вся въ кровь призамарана,

Левантинновымъ платочкомъ
Головушка связана.
Приводили Вавю-Ванюшку
Ко князю Волховскому.
Закричалъ тутъ князь Волховскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги вѣрные!
Вы сведите и повѣсьте
Вора Ваньку ключничка!»
Закричалъ Ванюша ключничекъ
Громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты, батюшка Волховскій князь!
Ты позволъ-ка-сь мнѣ, батюшка,
Позволь мнѣ спѣть пѣсенку!
Ванюшку ведутъ на вѣшалъцу,
А твоя молодая княгиня
Ужъ давно въ петлѣ виситъ!»

Жилъ тутъ, поживалъ
Батюшка Волховскій князь.
Какъ у этого у князя
Жилъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живетъ съ княгинею,
И другой живетъ;
На третій на годочекъ
Волховскій довѣдался
Черезъ этаку дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнцюю,
Сѣннюю, каналью,
Самую послѣднюю.

38.

Какъ поспорился Ванюша
Со сѣнною дѣвушкой,
Что съ такою шельмою сѣнной,
Съ самою послѣднею.
Начала эта дѣвчонка
Угрозы угроживать:
«Ты добро, добро, ты, Ванюша,
Добро, шельма ключничекъ!
Что дойдутся эти рѣчи,
Рѣчи самому князю!
Охъ ты, князь, князь нашъ Волховскій,
Все ты пьешь, гуляешь,
Ничего ты въ своемъ домѣ
Не знаешь, не вѣдаешь!
Что молода твоя княгиня
Живетъ съ Ванькою ключничкомъ!»
Закричалъ же князь Волховскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите
Ко мнѣ Ваньку ключничка,
Молодой моей вотъ княгини
Вѣрна полюбовничка!»
— «Ты подп-ка, Ванюша,
Поди, тебя баринъ зоветъ;
Какъ и хочетъ тебя баринъ,
Хочетъ тебя жаловать,
Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
Своимъ воронимъ конемъ!»
Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
Идетъ широкимъ дворомъ;

Какъ на Вавюшкѣ-то рубашка
Съ кровью перемѣшана...
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги!
Вы подите же, берите
Допаты широкія,
Вы копайте, вы копайте,
Вы ямы глубокия,
Становите вы столбочки,
Столбочки точеныя,
Вы кладите перекладъ,
Перекладъ кленовый,
Вы цѣпляйте, вы петельку,
Петельку шелковую!»
Закричалъ-то Ваня ключникъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, князь пашь, князь Волхонскій!
Прикажи мнѣ пѣсно спѣть!
Что съ твоей младоѣ вотъ княгиней
Пошито, погуляно,
Въ сахарныя вишь усточки
Было поцѣловано!»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите же Ванюшку,
Цѣпляйте за голову!»
Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
Въ петелькѣ качается;
Молодая его вотъ княгиня
Въ терему кончается,
А какъ самъ-то князь Волхонскій
Стоитъ, улыбается.

Выходила сѣнная дѣвка
Самая послѣдняя:
«Охъ, ты, князь, князь нашъ Волхонскій!
Загубилъ ты три души:
Эхъ, какъ двѣ души вотъ виновныя,
Третья не виновная!»

Воронежская губернія, Бобровскій уездъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 31.
Въ пѣніи каждое двустишіе повторяется два раза.

39.

Далече, подалече было — въ каменной Москвѣ,
Во второй улицѣ во Дмитровкѣ;
Жилъ-проживалъ Волхонскій князь.
У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ Ванюша-Ванюшка, и другой
жветъ,
Ну на третіи на годочекъ самъ князь довѣдался
Отъ такой ли отъ дѣвчонки, дѣвчовочки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ
слугъ:
«Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя!
Подите-ка возьмите лопаточки желѣзныя,
И роите, копайте двѣ ямы глубокия,
Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
Вы кладите перекладицу новую ясную,
Вы беите, вколотите два кольца желѣзныя,
И вѣшайте, повѣшайте двѣ петли шелковыя!»
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ
слугъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги вѣрные мои!
Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,
Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка!»

Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
По славной по Митровской.
У Ванюши головка поизломана,
Кашемировымъ платкомъ головушка связана,
Коленкорова рубашечка кровью вся пзмочена.
Самъ стоить князь Волхонскій, надемѣхается,
Надъ его буиною головушкой надругается;
А Ваня князю возмоляется:
«Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсеню спѣть!
Дальше, подальше—въ каменной Москвѣ
Жиль-проживаль Ванюшка ключничекъ.
У этого князя былъ зеленый садъ,
Въ этомъ садикѣ горенка новая,
Въ этой горенкѣ кровать тесовая,
На кровати перинушка пуховая;
Въ этомъ во садикѣ Ваней погуляно,
На этой на перинѣ много полежано,
Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
Съ молодой княгиней полежано,
Молоду княгиню за груди подержано,
По черному по соболу Ваней подрано.»
Надъ Ванюшной головушкой князь надругается:
«Пусть Ванюшина головушка покачается!
Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

Исковская губернія. Шейпъ (Чтенія), стр. 36

40.

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
Стоялъ повъ высокъ теремъ;
Ужъ и въ этомъ теремочкѣ
Жилъ да былъ Волхонскій князь.
Какъ у этого ль у князя
Были слуги вѣрные;

А ужъ всѣхъ-то ихъ вѣрнѣе
Быль Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
Онъ другой любилъ;
А на третій годъ про это
Самъ ли князь довѣдался,
Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
Самую паскудную.
Ужъ и вышелъ князь Волхонскій,
Онъ на свой красень крылецъ;
Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, вы гои еси, мои холопья,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы желѣзные,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте тутъ, поставьте
Два столба точевые,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повѣсьте, вы повѣсьте
Петельку шелковую;
Вы подите, прпведите
Вора Ваньку ключника!»
Ой, ведутъ Ванюшу;
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка
Издрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны-сапожки

Кровью залиты.
Ой, ведутъ, ведутъ Ванюшу...
Самъ князь усмѣхается:
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
Ты съ какой поры, со времени
Со княгиней свѣдался?»
—«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не вѣдаю,
Ужъ и гдѣ же мнѣ, холопу,
Со княгиней знатися?...»
Закричалъ тутъ князь Волховскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги мои вѣрвые!
Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
Вора Ваньку ключника!»
—«Нѣтъ, постоитъ-ка, постоитъ
Вы, мои товарищи!
Ужъ вы дайте мнѣ потѣшить
Нашего боярина!
Ужъ и третій годъ я, сударь,
Со княгиней знаюся...
Что въ этомъ теремчикѣ
Много было гуляно,
На пуховой ли перинѣ
Много было лежано,
За бѣлыя ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость,
Часто было ругано!»—
—«Ну, повѣсьте же, повѣсьте
Вора Ваньку ключника,
Молодой моеи княгини
Вѣрна полюбовничка!
Ужъ пукай же воръ Ванюшка,

Пускай покачается!
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»

Москва. Шейль 'Чтенія', стр. 28.

41.

Ахъ, былъ я, братцы, во святой Руси,
Во святой было Руси, въ каменной Москвѣ.
Тамъ построены палаты новы каменныя;
Какъ во этихъ во палатахъ жилъ Волхонскій князь;
Не одинъ-то онъ жилъ, княжичекъ,—съ молодой
своей княгиней.
У этого у князя былъ душа Ванюша, вѣрный ключничекъ.
И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со
его,
Нисколько не мало, ровнехонько три года.
На четвертымъ на годочку самъ князь довѣдался,
Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался,
Отъ молоденькой дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Выходилъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ
крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ сво-
имъ:
«Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ
ты мой!
Ты поди сюда, Ванюша, па крашенъ на новъ кры-
лецъ!»
Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,
Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату
его,
Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу
спрашивать:

«Ты скажи, душа Ванюша, все правду мнѣ,
Все правду мнѣ, правду истинную!
Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ
жизнь?»

—«Знать-то я не знаю, князь Волхонскій, и не
вѣдаю.»

И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Ваши лицу,
И по бѣлomu по лпчику, по щекѣ румяной.
Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
Изъ очей его ясныхъ слезы покатились, словно градъ.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ бѣлъ кры-
лецъ,
Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Ужъ вы стройте-ка, ребята, крашенныя рельницы,
И вейте поскорѣ шелковыя петельки,
И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключишка,
Вѣрнаго моего ключишка, душу Ванюшку!»
Подвели душу Ванюшку къ крашенымъ ко рель-
цамъ,

И сталъ душа Ванюша крѣпко умалпвати:
«Ужъ вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нес!»
Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать,
И всю правду зачалъ рассказывать:
«То-то, ребята, сколько было пошито, поѣдено,
Съ молодой княгиней сколько погуляно,
И цвѣтное платье сколько поношено.»
И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко,
И опъ на рельцахъ качается;
Молода княгиня о немъ печалится.
И на третій день княгиня сама скончалася,
Нодъ этими рельцами вострымъ поижкомъ зарѣ-
залася.

Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашень на повъ
крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ-соль не кунаги!

Саратовская губерніи, Хвалыпскій уѣздъ. Шейвъ (Чтепія), стр. 24.

42.

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Во улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живеть-то, поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь;
Какъ у этого у князя
Живеть Ванька ключничкомъ.
Какъ и вышель батюшка Волхонскій князь
На крымечко на новое;
Закричалъ-то батюшка Волхонскій князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ Ваню ключничка:
Бѣлыя куделюшки расчесаны,
Бархатный кафтанчикъ раздувается...
Привели-то Ванюшу ко князю Волхонскому.
«Ахъ ты, Ванька, ... сынъ!
Ты скажи, сколько лѣтъ со моей княгиней жилъ?»—
—«Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій князь?»
—«Я узналъ отъ дѣвочки сѣнной,
Отъ самой послѣдней!»—
—«Скажу вамъ, батюшка Волхонскій князь:
Ровно только девять лѣтъ.»
Закричалъ-то князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ, слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшенье,

Совсѣмъ не свершеные,
Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки точеныя,
Релюшки точеныя, петельки шелковыя,
Вы подште, приведите сюда Ваню ключничка!»
Стали Ваню жаловать релюшкамъ точеными,
Релюшкамъ точеными, петельками шелковыми...
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Прикажи мнѣ слово молвить...»
Какъ и Ванюшка-то на реляхъ качается;
Молодая княгиня во теремѣ кончается.

Саратовская губернія, Сердобскій уездъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 159.

43.

Какъ во-далече, далече, — въ каменной Москвѣ,
Въ той было уличкѣ Успенской,
Тутъ живетъ, прожпваетъ батюшка Волхонскій
князь,

У него да прожпваетъ молодой деньщикъ,
Молодой деньщикъ да Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Онъ не годъ жпветъ, Ванюшка, не два года;
Онъ живетъ у него да три годочка.
На четвертый годочекъ князь довѣдался,
Самъ на него прогнѣвался.
Выходитъ князь на высокъ балконъ
И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли при мнѣ слуги, слуги вѣрные мои?
Вы пойдите, приведите Ваньку ключничка!»
Ведуть-го, ведутъ Ванюшеньку не пьянаго,
А ведутъ его пзбитаго.
Его буйная головушка изломана,
Коленкорова рубашка вся изорвана,
Матерева жилетка кровью призабрызгана...

Приводят Ванюшку ко князю каяться;
Пачаль его князь грозно спрашивать:
«Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься?»
Отвѣчасть князю Ванюшка ключничекъ:
«Я сударь, не знаю, не вѣдаю...»
—«Я за то тебя, Ванюша, подарить хочу
Двумя селами со деревнями...»
—«Я самъ знаю про то, вѣдаю:
Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной.
Четвертой-то шелковой петелькой,
За мою вину да за проступочку,
За веселую мою да за гуляночку.
Не веди ты па насъ гнѣвъ да свою пенюшку,
Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
На свою супругу благовѣрную!
За охотипками она была охочая...»
Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
Между двумя столбами съ перекладиной.

Перская губернія, Камышловскій уѣздъ. Шейль (Чтенія), стр. 27.

44.

Что жплъ-ножпвалъ господниъ Волконскій князь;
У этого у князя жплъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живѣтъ, другоіи живѣтъ;
На третіи годъ князь довѣдался.
Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голо-
сомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
Вы подите, приведите вора Ваньку ключничка!»
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана.

Сафьянныя саножки кровью призаполнены.
Закричалъ-то господинъ Волконскій князь громкимъ
голосомъ:

«Вы подите-ка, вы выройте двѣ ямы глубокѣхъ,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыпхъ,
Положите перекладецъ сосновыиі,
Повѣсьте двѣ петли шелковыя!
Пускай Вапя покачается,
Молодая-то княгиня понечалится!»

Исковская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 137. Записано
А. С. Пушкинымъ.

45.

У князя, у князя, у князя Волховскаго
Быль Ванюша вѣрныи ключипчекъ,
Молодой княгини вѣрныи полюбовничекъ.
И все князь дознался, все-то онъ довѣдался
Черезъ сѣпную, сѣпную дѣвчонку;
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
Роите ямочки, ямочки глубокия,
Стаповьте, становьте столбы высокія,
Вейте петли, петли шелковыя!
Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрныя!
Приведите ко мнѣ Ваню ключипчка!»
Идетъ Вапя, идетъ, спотыкается;
Молода княгиня плачетъ и печалится.
Виситъ Вапя, виситъ, качается;
Молода княгиня въ снальнѣ кончается.

Рязанская губернія. Сапожковскій уѣздъ. Провуницъ, № 6
(«протяжвал»). Второе подустинше повторяется.

46.

А годка лѣсная подь закрышею цвѣла;
Молода княгиня съ княземъ въ теремѣ жила.
Былъ Ванюша-Валя, ключникъ молодой;
Злой разлучникъ чужу сторону позналъ;
Сталь похаживать къ княгинѣ молодой,
Подарилъ княгинѣ злато кольцо.
А княгиня молодая увивалась въ сорочкѣ на плечѣ (?),
Просила-голосила на князеву кровать,
На шелковую перину, на пуховую подушку...
Сталь домѣчать князь до княгини до своей...
«Служи, служи, служи вѣрные мои,
Вы подите, приведите Ваньку ключника ко мнѣ!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу на шелковомъ поясѣ...
Какъ повѣсили Ванюшу на шелковомъ поясѣ:
«Ты виси, виси, Ванюша, за князеву жену!»
Какъ повѣсили княгиню на ремennomъ на кнутѣ:
«Ты виси, виси, княгиня, по несчастью своему!»

Смоленская губернія. Смоленскій вѣстникъ, 1888 года. № 32.

47.

Ты, батюшка нань, батюшка,
Воевода князь Волконскій!
Ты пьешь, гуляешь, ничего не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя молодая княгиня
Со младымъ ключникомъ,
Твоимъ разлучникомъ!»
Тутъ Волконскій князь призадумался...
Какъ и сталь-то князь Волконскій
Молодаго ключника допрашивать:
«Ты живешь ли, молодой ключничекъ,
Со молодой княгинею?»

Молодой ключничекъ повнился:
«Во зеленомъ саду много гуляю,
За бѣлы руки много держано.»
Осерчалъ-то, закричалъ князь Волкопскій:
«Эй, поставьте два столба точеныя,
На нихъ жердочку крашеную,
Да повѣсьте петельку шелковую!»
Виситъ молодой ключничекъ, качается;
Лежитъ молодая княгинишка, кончается.

Терская область. Терскія Вѣдомости 1868 года, № 34.

48.

Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ,
У князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокаго,
Изъ окошечка было изъ косяцаго,
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылесталъ тутъ, вылеталъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ, игашка вольная.
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная,
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты ой сси, младъ ясенъ соколъ!
За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ,
Казнить-то хотятъ, хотятъ вѣнчать!»
Онъ кричитъ-то ему, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Я теперь соколъ на своей волѣ!
Вечоръ-то вы надо мною надругались:
Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
Понли сокола водою болотною!»

Симбирская губернія, Буинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V,
стр. 161.

49.

Время проходить, время летить,
Время проводить, ничто не льститъ.
Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила она четыре года;
На пятомъ году князь догадался,
На княгиню прогнѣвился:
«Слуги мои, слуги вы вѣрные, шелцемѣрные!
Вы поймите камеръ-лакея,
Вы поймите молодого,
Руки вы, ноги свяжите.
И вы бросьте въ тое рѣку,
Въ тое рѣку во Смородинку!»
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины:
«Слуги мои вѣрные,
Слуги мои шелцемѣрные!
Возьмите вы шелковыи цеводъ,
Поймите миѣ свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины!»
Сколько ловили, не изловили;
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло камеръ-лакея,
Камеръ-лакея молодого.
«Не кладите вы на землю,
Вы положите на скамьпцу,
Вы несите во свѣтлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные вѣтры,
Вывѣйте пзъ князя душу,
Вы вложите въ камеръ-лакея,

Вы вложите въ молодого!»
Ея вѣтры не послушались,
Изъ князя душу не выѣвали
И въ камеръ-лакея не дували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
Знать то вы ко мнѣ не находились!
Охъ вы, мои бѣлыя руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!
Охъ вы, мои очи ясныя,
Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
Охъ вы, мои уста сахарныя,
Знать-то меня не нацѣловались!
Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
Знать-то мнѣ васъ не поспити!
Охъ вы, мои черныя платья,
Знать-то мнѣ васъ надѣвати!
Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
Надѣвать-то мнѣ платье черное!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вын. V, стр. 180. Каждый стихъ повторяется.

50.

Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ князь про княгиню,
Что любить камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрныя слуги,
Вѣрныя слуги, камеръ-лакеи?
Верите вы, слуги, тугіе луки,
Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея;
Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»
Увѣдала княгиня про камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрныя слуги,

Вѣрные слуги, камеръ-лакеи?
Вяжите, вяжите шелковы неводы,
Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
Ловите, ловите бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло, камеръ-лакея,
Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
Несите вы тѣло въ свѣтлу свѣтлицу!
Вздуйте вы, вздуйте, буіные вѣтры,
Выньте вы, выньте душу изъ князя,
Душу изъ князя, изъ моего мужа,
Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея,
Камеръ-лакея, моего милаго!
Кого я любила, того бѣ оживила,
Кого не любила, того бѣ погубила!»

Изданіе 1780 года, ч. III, стр. 168. — Россійская Эрата,
ч. III, № 110. — Кирѣевскій, вып. V, стр. 182. — Шейнь
(Чтенія), стр. 33.

51.

Ахъ, нынѣшня зима непогожая была,
Непогожая была—все метелца мела,
Завьяла, замела, все дорожки занесла!
Ахъ, нѣту мнѣ пути, куда къ миленькой идти!
Я по старымъ по примѣтамъ по задгуменью пройду
И я улицею—сѣрою утицею,
Черезъ черную грязь—перенелницею,
Подъ воротенку поиду—бѣлой ласточкою,
На широкой дворъ взойду—горностаюшкою,
На крылечушко взлечу—яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ взойду—добрымъ молодцомъ.

Какъ увидѣла боярыня холопа изъ окна:
«Ахъ, негодница холопъ, гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»
—«Боярыня, сударыня, у тебя въ терему,

У тебя въ терему, въ нитомъ брапомъ пологу,
Въ нитомъ брапомъ пологу, на перинахъ, на пуху!»
— «Ахъ, негодница холопъ, на что сказываешь?» —
— «Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?»
Набы ты да не спросила, я бы вѣкъ не сказалъ!» —
— «Ахъ, негодница холопъ, я съ двора тебя со-
шлю!» —
— «Боярыня, сударыня, я п самъ сойду,
Я п самъ сойду, три бѣды снаряжу:
Ахъ, первую бѣду, воропа коня сведу,
А другую-ту бѣду, твою дочь уведу,
А третью бѣду, самое тебя убью!» —
— «Ахъ, душечка холопъ, животы мои холопъ,
Поживи ты у меня, поработай на меня,
На меня на вдову п на дочь на мою!»
— «Боярыня, сударыня, я п радъ работать,
На тебя на вдову п на дочь на твою!»

И въ сеникъ 1780 года, часть III, стр. 137.

52.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима выожлива была,
Все кутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламинвала!

Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ;
А на встрѣчу холопу
Сама барыня идетъ
И приукраживаетъ:
«Ахъ ты, с . . . сыпъ холопъ,

Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Гдѣ поченьку почевалъ? »
— «Сударыня боярыня,
Во твоємъ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
Съ твоей дочерью,
Душой Машенькою! » —
— «Ахъ, ты, с . . . сынъ холопъ,
Почто сказываешь? » —
— «Сударыня боярыня,
Почто спрашиваешь? » —
— «А я тебя, каналью,
Со двора своего согоню! » —
— «Сударыня боярыня,
Не согнавши, самъ поїду,
Душу Машу уведу! » —
— «Ты, раздушечка холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя! »

Тверская губернія, Осташковскій уездъ. Шейпъ, стр. 173
(«хороводная игровая»).

53.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима выюжливая;
Зима выюжливая,
Заметелпстая,
Закуделпстая!

Изъ тѣхъ новыхъ воротъ
Идетъ съ барыней холопъ.
Какъ и барыня холопа

Стала спрашивать:
«Ты, раздушенька холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Темну почку почевалъ?»—
—«Сударыня боярыня,
У тебя въ терему,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ!»—
—«Сударыня боярыня,
Безъ посылу вонъ поиду,
Три-то бѣды разскажу:
Я на первую бѣду—
Воротички раствору,
На вторую-то бѣду—
Пару коней уведу,
А на третью бѣду—
Твою дочь увезу,
Во карету посажу!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою!»

Тверская губернія. Шейнъ, стр. 177 («хороводная игра»). После
каждыхъ двухъ стиховъ призывъ: Дунай мой, Дунай, сынъ Ива-
новичъ Дунай.

54.

Несчастливая наша доля! никто насъ не любить!
Полюбила молодчика дворянская дочка,
Взяла его за рученьку, повела во спальню,
Посадила на кровать, стала его цѣловать;
Цѣловала, миловала, къ сердечушку прижимала:
«Сердечушко-радость мой, ты, молодчикъ молодой!
Посиди, душа, со мной, сотворю любовь съ тобой!
Научи меня по-русски, еще по нѣмецки!»—
—« Шплды, балды, закоулды, это по-нѣмецки;
Разбестія, подай банмакъ, то есть по-россійски!»

Вдоль по лугу, лугу, лугу зеленому,
Шель молодчикъ молодой, не женатый, холостой.
Увидѣла барыня молодчика изъ окна:
«Ахъ ты, душечка лакей, ты, молодчикъ молодой!
Гдѣ ты былъ, побывалъ, темну ночь ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня, я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему, въ шптомъ браномъ пологу,
На кроватушкѣ спалъ, твою дочку цѣловалъ!»—
—«Ахъ ты, бестія лакей, зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня, на что спрашиваешь?»—
—«Я жъ за эту за вину со двора тебя сгоню!»
—«Сударыня барыня, я п самъ сойду,
Я п самъ сойду, три бѣды стрясу!
Ужъ какъ первую бѣду,—кладовую подломлю,
А другую-то бѣду,—пару коней уведу,
Еще третю бѣду,—твою дочку увезу!»

55.

Мѣзь за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ холуїи.
На встрѣчу холую
Сама барыня идетъ,
За собою дочку ведетъ,
Сама спрашиваетъ:
«Ты, разе. . . сынъ холуїи,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ почевалъ?»
—«Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Во високомъ терему,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
Съ ванией дочерью родной!»—
—«Ты, разе. . . сынъ холуїи,
Зачѣмъ сказывасшь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты разе. . . сынъ холуїи,
Со двора я вонъ сгоню!»—
—«Сударыня барыня,
Самъ съ охотою поїду,
Вашу дочку уведу!
Сударыня барыня,
Я вамъ дровецъ наколю,
Въ спальнѣ печку истоплю!»—
—«Разе. . . сытъ холуїи,
Я блиновъ те псеку!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр 78
«вечериночная». Послѣ каждыя двухъ стиховъ припѣвъ:
Дунай мой, Дунай, веселый Дунай.

56.

Изъ холопскихъ вѣрогъ
Молодой холуи пдетъ;
Изъ боярскихъ вѣрогъ
Сама барыня пдетъ,
Сама барыня пдетъ,
За собой дочку ведетъ.
«Ты, разс. . . сынъ холуи,
Гдѣ ты, былъ побываль?»—
—«Сударыня, на дворѣ,
Во високомъ теремѣ,
На кроваткѣ тессовой,
На перинѣ пуховой,
На подушкѣ шелковой,
Съ твоѣй дочерью родной!»
—«Ты, разс. . . сынъ холуи,
На что сказываешь?»
—«Сударыня боярыня,
На что спрашивасишь?
Кабы ты не спросила,
Я бъ тебѣ по вѣкъ не сказалъ!»
—«Ты, разс. . . сынъ холуи,
Со двора долой сгоню!»—
—«Сударыня боярыня,
Самъ охотою пойду,
Три бѣды я сдѣлаю:
Какъ я первую бѣду—
Тройку сѣрыхъ уведу,
А другую бѣду—
Я коляску увезу,
А третью бѣду—
Твою дочку увезу!»—

— «Ты разе . . . сынъ холуй,
Со дороги ворочу!»

Тульскій уездъ. Шейнъ, стр. 179. Послеъ каждыѣ двухъ стиховъ
привѣтъ: Дунай мой, Дунай, съ повтореніемъ втораго стиха.

57.

Какъ задула, завела
Скорь-погода и выюга;
Какъ задула, занесла
Всѣ дорожки и пути,
Всѣ дорожки и пути,—
Негдѣ къ лапушкѣ пройтти!

Пробирался воръ Ванюша
Позагуменьемъ, позасельницемъ;
Становился воръ Ванюша
У широкѣихъ воротъ.
А милая увидала
Изъ краснаго изъ окна;
Катюшенька выходила,
Его за руку взяла:
«Ужъ ты, с . . . сынъ Ванюша,
Гдѣ ты былъ, побываль?»—
— «Сударыня боярыня,
Я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему,
Я давно здѣсь стою.»
— «Ужъ я за эту вину,
Я во дворъ къ себѣ приму!»
— «Сударыня боярыня,
Я съ охогою иду!
Ужъ я за эту вину
Три бѣдушки едѣлаю:
Ужъ я первую бѣду—

Я ворота растворю;
Я другую-то бѣду—
Пару коней уведу!»

Владимірская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, № 19. После
каждаго двуступня припѣвъ: Чернобровка, чернобровка, чернобровая
ловъ.

58.

Спрошу Ваня у тебя:
Не болитъ ли голова?
Что не болитъ ли головунка,
Не востъ ли животъ?—
— Хоша востъ животъ,
Въ отдалѣ милой живетъ;
Что во далѣ, во далѣ—
На чужой сторонѣ,
На чужой дальней сторонкѣ,
За канавой, за рѣкой,—
Перевозъ дорогой,
Перевозчикъ молодой.
Что не бѣлая береза
Къ землѣ клонится;
Не сырая, кужлевая
Разстпается;
Передъ молодцемъ дѣвица,
Призадумавшись, стоптъ,
Во туманѣ говоритъ:
Таки братъ, таки братъ,
Таки братъ сестру нашель,
Къ сестрѣ въ гости пошель,
Три подарочка понесь:
Подарочки—прянички,
Орѣшечки, яблочки;
Таки ситчпку на юбочку,

Тягтцы на рукавцы,
Плису-бархатцу на шейку,
Галунокъ на платокъ.

«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня,
Я у тя въ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Я въ солдаты отдамъ!»—
—«Сударыня барыня,
Я и самъ поиду,
Три бѣды уведу:
Я первую-то бѣду—
Пару коней уведу;
А другую-то бѣду—
Я карету увезу;
А третью-то бѣду—
Твою дочь посажу!»—
—«Ужъ ты, с . . . сынъ лакей,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Кабы ты бы не спросила,
Я бы вѣкъ бы не сказалъ,
Всѣмъ сосѣдямъ заказалъ!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 132 («семейная
протяжная»).

59.

Полянка, полянка, дѣвчонка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погулывала?
Не видать, не слышать, да не чуть про нее!
Взговорила, взволновалась поляночка во селѣ,
Заразъ очутилась у дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодушки смотрятъ.
«Не дивуйтесь-ка, сестрицы, на мое веселье;
Не одна я пришла,—со милымъ дружкой,
Со миленькимъ дружочкомъ, все забавничкомъ!
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка, все забавничка!»
Казакъ, казачекъ, казакъ, миленькій дружекъ,
Ему скачутъ, ему пляшутъ и его веселятъ.
«Прощай, милая коханка, прощай, ланушка моя!
> Буду въ дальніе края, покидаю я тебя!
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..»
«Раздушечка казакъ, покипви у меня,
У меня въ терему съ моей дочерью!...
Разс. . . сынъ казакъ, со двора тебя стопо!»—
—«Я и самъ сойду, три бѣды сведу:
Какъ первую бѣду—пару коней уведу;
А вторую бѣду—твою дочь увезу;
> А третью бѣду—самое те увезу!»

Уральская область. Мякушицъ, стр. 119 («удалая»).

60.

Собирался князь Михаило
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:
Томъ I.

«Ужъ ты, матушка моя родная,
Береги ты мою княгиню,
Береги мою молодую;
Ужъ ты поѣй, корми княгиню,
Ужъ ты поѣй, корми молодую
Все сытою медовою,
Все крупнѣшатыми калачами!»
Это матушкѣ за досаду.
Со двора князя проводила;
Его матушка говорила:
«Ужъ вы, няньки, вы, мамки!
Истопите баню жарко,
Накалите вы горючъ камень!
Ты поѣдемъ-ка со мной, невѣстка,
Мы поѣдемъ съ тобою въ баню!»
Въ трои рученьки свою держали,
Въ четвертыя грудь поролн,
Горючъ камень опускали.
Она въ первый разъ возмолилась—
У князя Михайла шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась—
У князя Михайла конь споткнулся.
«Ахти, братцы государи!
У меня въ домѣ нездорово:
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!»
Съ половицы съ дорожки воротился.
Его матушка встрѣчаетъ
И со няньками, со мамкамъ,
А безъ молодой княгини.
«Ужъ ты, мать моя родная,
Ужъ какъ гдѣ же моя княгиня,
Ужъ какъ гдѣ моя молодая?»
—«Что твоя дѣ княгиня,

Что твоя ли молодая,
Всю поченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла;
Она темерпча почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ!
— «Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки.
Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срублѣ себѣ буйну голову.
Его матушка закричала:
«Ахти, я, сука, согрѣшила—
Ровно три души погубила:
Ужъ я сына со невѣсткой,
Я младенца во утробѣ!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 169 («семейная протѣя-
нал»).—Отечественныя Записки 1841 года, т. XVI, библио-
графія, стр. 57.—Кирѣевскій, выд. V, стр. 73.—Каждый стихъ
повторяется.

61.

Вотъ поѣхалъ князь Михайло
Что на царскую-то службу,
На грозную государеву;
Оставялъ онъ свою молодую княгиню,
Что княгиню Катерину,
И наказать своей матушкѣ родной:
«Ажъ ты, матушка родная!
Еще поѣ, корми княгиню
Все крупчатми калачами!»
Его матушка родная
Опосля его не вдолгѣ
Вѣду мыленку топила,
Сѣрь-горючъ камень нажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню.
Тутъ княгиню изводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ...
Ахти, смертно переналась...
Скорыхъ пословъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служанокъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И все вѣрныя служанки!
Вы берите, няньки-маньки,
Все три бѣлыя-то мыла
И четверто умыванье!
Вы умойте-ка княгиню,
Что княгиню Катерину,
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье!»
Вотъ мыли-то княгиню
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Вотъ клали ту княгиню
Въ бѣлодубову гробницу;
Покрывали-то княгиню
Вѣлохрущатой камочкой;
Повезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софьи;
Отпѣвали-то княгиню
И съ понами, и съ дьяками,
И со вѣрными слугами;
Вотъ клали-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.
Какъ прѣхалъ князь Михайло

На княгинину могилу, —
Его добрый конь споткнулся,
Съ главы шапочка свалилась;
Опъ и туто догадался:
«Ахти, дома нездорово!
Либо матушка померла,
Либо молода княгиня,
Что княгиня Катерина!»
Вотъ прѣхаль князь Михайло
Что ко матушкѣ на улку.
Его матушка стрѣчаетъ;
Онъ у матушки спрашиваетъ:
«Что ты, матушка, стрѣчаешь?
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
Его матушка родная
За бѣлы руки примаешь
И отвѣтъ ему содержитъ:
«Что ушла твоя княгиня
И ко нянькамъ, и ко мацькамъ
Побѣлится, румянится»...
Вотъ побѣхаль князь Михайло
И ко нянькамъ, и ко мацькамъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, мацьки,
И все вѣрныя служавки!
Вы скажите сущу правду,
Вы скажите, не утайте:
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
— «Ты, великій князь Михайло!
Твоя матушка родная
Опосля тебя не вдолгѣ
Бѣлу мыленку топила,
Сѣрь-горючъ камень пажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню;
Тутъ княгиню пзводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ...
Ахти, смертно перепалась...
Скорыхъ пбсловъ посылала
И по вянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныхъ служанокъ.
Вотъ обмыл мы княгиню,
Что княгиню Катерину
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Положили-то княгиню
Въ бѣлудобову гробницу,
И покрыли-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Увезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софьи,
И отиѣли-то княгиню
Все съ попами, все съ дяками,
Все со вѣрыми слугами;
Положили-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
И отъ вянекъ, и отъ манекъ,
И отъ вѣрныхъ служанокъ
На княгинину могилу.
У княгининоіи могилы
Со добра копя свалился,
О горючъ камень зашибся.
Его матушка княгиня
Возлѣ рѣчущки ходила,

Зычнымъ голосомъ кричала:
«Ахти, тяжко согрѣшила—
Три души я погубила:
И что первую-то душу
Дво—князя Михаила,
А другую-то вѣдь душу—
Его молодую княгиню;
А третью-то вѣдь душу—
Во утробѣ-то младѣна!»
А со той тоски-кручпы
И сама въ рѣчку бросалась...

Вологодская губернія. Москвитинъ въ 1812 года, часть IV,
стр. 275.

62.

Какъ сбирался князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молодую княгиню,
Клади ее спать во соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупичатыми калачами,
Ты пои се медовой сытой!»
Онъ садился на добра коня,
Собъзжаетъ со широкаго двора.
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мышенку топить.
Горючь камень разжигала,
На бѣлыя груди княгини клала.
Выѣзжасть онъ на чисто поле,—
Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой

Ясный соколъ востепенулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговоритъ Михайлъ князь:
«Ахти, дома все здоровы ль?
Вѣрно, матушки не стало
Или молодой моей княгини!»
Какъ воротился князь Михайло,
Онъ вѣзжаетъ на шпирокій дворъ;
Его матушка встрѣчаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родная!
Гдѣ моя молодая княгиня?»
— «Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлится-румянится.»—
Пошелъ князь Михайло во высокъ теремъ:
Бѣлочки все не тронуты,
Румяночки не ворохнуты,
Все дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
Русы косы расплетены.
«Гдѣ моя молодая княгиня?»
— «Ахъ ты, батюшка нашъ Михайлъ князь!
Мы не смѣемъ вамъ сказать...
Наша молодая княгиня переставилась,
Она стоитъ во соборной церкви!»
Какъ бросился князь Михайло во соборну церковь,
Увидалъ свою молодую княгиню...
Какъ возговоритъ князь Михайло:
«Ахти ты, матушка родная!
По родству-то ты мнѣ мать родная,
По разлукѣ же змѣя лютая!»
Вынимаетъ пинагу острую,
Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила:
«Передъ Богомъ согрѣшила я,
Три души я погубила вдругъ:

Первую душеньку—сыповною,
Другую душу—пелѣсткѣну,
А третью—младенца во утробѣ!»

Шенкурскъ (Архангельской губерціи). Кирѣевскій, выш. V, стр. 72.

63.

Какъ сряжался князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку;
Наказывалъ князь Михайло
Своей матушкѣ родимой:
«Береги мою княгиню
И обрученну жену Катерину;
Ты вспой мою жену молодую,
Ты сытою вспой медовою,
Ты буди мою жену молодую,
Ты къ обѣднѣ, ко всенощны!»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку.
Ея матушка ея не взлюбила;
По три день баину топчила,
Жарки каменья калчила,
На бѣлую грудь сажала,
Бѣлы груди выжигала.
Посередь пути-дорожки
У Михайлы конь споткнулся,
И на рукѣ соколъ стрелехнулся;
«Вѣрно въ домѣ нездорово!
Жива-ль-то матушка родная
И молодая княгиня?»
И посередь пути онъ дорожки ворочался;
Онъ къ домпчку подъѣзжаетъ,
Родна матушка встрѣчаетъ.
— «Жива-ль ты, матушка родная,

И жива-ль молодая княгиня?»—

—«Какъ пошла твоя молодая,

Пошла въ садикъ погуляти,

Шелковой травушки помяти,

Зрѣлыхъ яблочковъ порвати!»

Пошелъ онъ во садикъ посмотреть—

Шелкова травушка стоитъ не мята,

И зрѣлы яблочки стоятъ не рваны.

Къ родной матушкѣ приходятъ:

—«Ужъ ты, матушка родная,

Ты въ первомъ случаѣ меня обманила!

Гдѣ жъ моя молодая княгиня

И обрученна жена Катерина?»—

—«Какъ пошла твоя жена молодая,

Пошла къ нянькамъ, пошла къ мамкамъ,

И ко сѣннымъ пошла краснымъ дѣвкамъ!»

И какъ пошелъ-то князь Михайло,

Пошелъ къ нянькамъ, пошелъ къ мамкамъ,

И ко сѣннымъ пошелъ краснымъ дѣвкамъ.

—«Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки!

Не видали ль моеи княгини

И обрученной жены Катерины?»

—«Мы видать ей не видали,

А слыхомъ-то мы слыхали!

Твоя матушка родная

По три день байну точила,

И жарки каменья калила,

И на бѣлую грудь сажала,

Вѣлы груди сѣи выжигала!»

Онъ приходитъ къ родной матушкѣ:

—«Ужъ ты, матушка родная,

Во второмъ случаѣ меня обманила!»

—«А какъ пошла твоя молодая

Во собору Божью церкву,

И пошла она Богу молиться

И за Михайлу Богу поклониться!»
Какъ пошель-то князь Михайло
Во соборну Божью церкву;
И стоитъ двѣ гробницы,
Все онѣ гробницы стоятъ золотыя,
И все покрыты стоятъ пеленою,
И пеленою покрыты золотою.
И вывпмаеть онъ два ножичка булатныхъ,
И во утробѣ онъ себѣ торчуль...
И сдѣлалось три гробницы,
И всѣ гробницы стоятъ золотыя,
И покрыты онѣ пеленами,
И пеленами покрыты золотыми.
Сзади матушка стояла
И горячи слезы роняла:
—«Ужъ я курва, ужъ я б....а,
Ужъ я чистая супостатка!
Три души я всѣ сгубила:
Ужъ я сына и невѣстку
И во утробѣ я младенца!»

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Новгородскій
Сборникъ, вып. II, стр. 170.

64.

Нобъжасть князь Михайло
На войну ли воевати,
Царску службу службовати;
Оставляеть князь Михайло,
Онъ молодую княгиню,
Онъ поручну Катерину;
Онъ наказывать матушкѣ родной:
«Сбереги мою княгиню,
Мою поручну Катерину!
Корми ея ѣствцамъ сахарнымъ,

А пой-ка пѣтьцямъ медвянымъ!»
На то матушка ослушалась;
Парку байну затопляла,
Горячъ камень нажпгала,
По насередкѣ клала.
—«Ты, родная моя мать,
Позволь три слова сказать—
Съ отцомъ, съ матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ!»
Она вышла на крылечекъ,
Закричала громкимъ гласомъ:
—«Вы завѣйте, вѣтры буйны,
Зашумите, лѣса темны,
Сколыбайся, сине море,
Сдогадайся, князь Михайло!»
—«Ахти, мнѣ, братцы, тошненько,
Ретиву сердцу больненько:
Либо дома нездорово,
Либо матушки не стало,
Не то молодежкой княгини,
Моей поручной Катерины!»
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку;
Легка лодка—въ сине море;
Съ синя моря—въ чисто поле;
Въ чистомъ полѣ на добра коня садился;
Добрый конь подъ нимъ бодрился.
Ко крылечку подѣзжаетъ,
Никто его не встрѣчаетъ,—
Его матушка родная,
Двѣ молодыя сестрицы.
—«Гдѣ молодая княгиня,
Моя поручна Катерина?»—
—«Она спдитъ во коморкѣ,
Коверъ вышиваетъ,

Къ себѣ въ гости князь-Михайла дожидаетъ.»

Князь Михайло срадовался,

Во коморку побросался;

Во коморкѣ ея вѣту.

Князь Михайло къ нянькамъ, къ мамкамъ,

Онѣ ко вѣрнымъ служанкамъ:

—«Мамки, вы, няньки, вѣрныя служанки!

Гдѣ жъ молодая княгиня,

Моя поручна Катерина?»

Отвѣчаютъ ему мамки,

Его вѣрныя служанки:

—«Въ Божьей церкви подъ престоломъ!»

Князь Михайло испугался,

Въ Божью церковь побросался.

Онѣ гробницу открываетъ,

Востру саблю вынимаетъ,

Тычетъ тупымъ концомъ въ сыру землю,

Вострымъ концомъ въ бѣлы груди.

Его матушка родная

По оградушкѣ бѣжала,

Громкимъ голосомъ кричала:

—«Ахти мнѣ, я согрѣшила.

Три души я погубила:

Се я сына, се невѣстку,

Се во черевѣ младенца!»

С. Петербургская губернія, Новоладожскій уѣздъ, Новгородскій
Сборникъ, вып. II, стр. 171.

65.

Объхалъ князь Михайло жениться;

Женился—у матушки родимой не спросился,

Обвѣнчался онѣ—ей не сказался.

Его матушка родима

Была гнѣвна и сердита.

Онъ побзикалъ, Михайло, воевати,
Своей онъ матушкѣ моллся:
«Ай же ты, матушка родима!
Береги мою княгиню!
Ты корми мою княгиню
Бѣтвушкой сахарной,
Ужь ты пої мою княгиню
Питвицемъ медвянымъ,
Ты води мою княгиню
Въ соборъ Богу молиться,
Ты ложк мною княгиню
Въ маленькую спальню,
А сама ложись съ княгиней
На тисовую кровать!»
Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну, не угарну;
Созвала мать княгиню
Въ парну баенку помыться;
Нажигала она горючъ камень до калпы,
Положила горючъ камень
Мать княгини на утробу.
Княгиня въ первый разъ вскричала,—
Всѣ граждана услыхали;
Во второй-еть разъ вскричала,—
Вся палата задрожала;
А и въ третій разъ вскричала,—
Земля-мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила мать княгиню со младешемъ
Въ бѣлодубову колоду;

Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ;
Опустила мать колоду
Въ сине море Вольинско.
У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Изъ глазъ слезы покатились.
Испроговорить князь Михайло:
«Вы постойте-ка, ребята,
Молодые офицеры!
Развѣ дома у меня нездорово:
Родна матушка неможесть,
Молода жена хвораеть.»
Пріѣзжалъ тутъ Михайло
Ко своей бѣлокаменной палатѣ.
Его матушка встрѣчала,
Со пріѣздомъ проздравляла,
Со пріѣздомъ проздравляла,
Со добра коня снимала.
Испроговорить князь Михайло:
«Ахъ ты, матушка родима!
Не тебѣ бѣ меня встрѣчати,
Со пріѣздомъ проздравляги,
Со добра коня снимати,
А молодой моей княгини!
Ахъ ты, матушка родима!
Гдѣ моя княгиня?»
— «Твоя-то, князь, княгиня
Горда и спесива,
Все въ горенкѣ просидѣла,
Въ окошко просмотрѣла,
На кровати пролежала,
На кроваткѣ на тесовой,
На перинкѣ на пуховой;

Не пила и не ѣла,
Никуда не выходила.»
Его слуги вѣрные встрѣчали,
Со приѣздомъ проздравляли.
«Слуги вѣрные любимы!
Гдѣ моя княгиня?»
Слуги вѣрны говорили:
«Твоя-то, князь, княгиня
Въ синемъ морѣ Волынскомъ,
Въ бѣлодубовой колодѣ!
Тебя мать родима
Скоро съ дому спроводила,—
Парну баенку топила,
Парну байну не угарпу;
Нажигала мать горючъ камень до калшны;
Созвала мати княгиню
Въ парну баенку помывтѣя;
Положила горючъ камень
Мать княгинѣ на утробу;
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду!
Подп-тка къ рыболовамъ, князь Михайло!
Пускай они закипуть шелковъ неводъ!»
Онъ пошелъ, князь Михайло, къ рыболовамъ;
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали;
Тутъ колоду разбивали.
Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ.

На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своеі душей разстался.
Иго маменька родима
Вдоль по бережку ходила,
Но бережку ходила,
Причеты говорила:
«Тяжко, тяжело согрѣшила—
Три души я погубила:
Перву душу безъимяну,
Другу душу безотвѣтну,
Третью душеньку сердечну!»

Оловецкая губернія. Рыбннковъ, ч. II, стр. 251

66.

Собрался князь Михайло,
Онъ во царскую во службу,
Онъ приказывалъ свою молоду княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Не покинь мою молоду княгиню
Да при нуждомъ при время!»
Какъ съѣхалъ князь Михайло
Со широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топоти,
Горючъ камень разжигати.
Молодой княгинѣ
На бѣлыя груди клала.
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала.
Воротился князь Михайло
Со пути ли со дорожки
Ко широкому подворью.

Томъ I.

Его матушка встрѣчала,
Во сахарныя уста цѣловала.
«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
Да гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Съ пяньками-мамками играеть.»
Какъ кинулся князь Михайло
Свою молоду княгиню искати:
«Охъ ты, матушка мнѣ родная!
Ты скажи, не утой.
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»
Какъ изговорять князю
Красны дѣвушки:
«Мы бѣ сказали тебѣ,
Гдѣ твоя молода княгиня;
Да мы боимся
Твоей матушки родимой!»—
—«Охъ вы, дѣвушки голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Въ грановитой во палатѣ;
Тамъ твоя молода княгиня.»
Какъ кинулся князь Михайло....
«Ужъ не мать ты мнѣ,—злодѣйка!
Три души ты зарубила:
И ты сына со невѣсткой,
И младенца во утробѣ!»

Тульская губернія. Алексинскій уѣздъ. Курьенскій, вып. V, стр. 70

67.

Какъ повхаль князь Михайло
Во царскую во службу,
Во царскую во службу,

На великую шужду;
Покыдалъ свою княгиню,
Молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты, матушка родна,
Береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню,
Молодую Катерину;
Ты корми мою княгиню
Крупничатыми калачами,
Ты поп мою княгиню
Сытою медовою.»
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка сваллась:
Ужъ какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
«Ахти, дома у меня нездорово,
Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини,
Молодой княгини Катерины.»
Его матушка родная
Жарку бапошку топила,
Горючь камень разжигала,
Молодую княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло,
Его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примааетъ,
За дубовый столъ сажаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родна,

Гдѣ моя молодая княгиня?»
— «Молодая твоя княгиня
Пошла Богу молиться»....

Якушкинъ, стр. 372. — Кирѣевскій, вып. VII, стр. 19.

68.

Какъ женлся князь Михайло
Опѣ на душенькѣ на княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.
Князь у службу собирался;
Его матушка провожала.
«Ужъ ты, матушка родная!
Ты корми мою княгиню,
Молоду душу Катерину!»
Во пути во дороженькѣ несчастье случилось—
Подъ нѣмъ ворононь конь споткнулся,
Пухова шляпа упала.
«Вы постоите жъ, мои братцы!
Знать, что дома не здорово:
Жива ли моя княгиня,
Молода душа Екатерина?...»
«Ужъ ты, матушка родная!
Гдѣ жъ моя княгиня?»
— «Ужъ твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ—
Во тесовой во гробницѣ!»
Вынимаетъ князь саблю острую,
Съ себя голову снимаетъ.
— «Ахти, Боже, согрѣшила,
Я три души погубила:
Я сына и невѣстку,
А третьяго младенца!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уездъ. Кирѣевскій,
вып. V, стр. 74.

69.

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями-боярами,
Со совѣтничками потайными,
Со причетничками удалыми.
Его добрый-есть конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку?
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у пастъ нездоровится?...
Молода моя княгиня нездорова:
Ума-разума лишилася,
Во синее море бросилася.»
Туть-то плыли, выплывали
Двѣ лодочки дубовыя,
Рыболовнички молодые;
Они кидали и бросали
Бѣлосипенькіе певодочки,
Бѣлодубовыя наплавочки;
Пзловили да свѣжу рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугался,
Всѣ по кустичкамъ разбѣжались:
«Ай, поімали мы бѣлую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!»
Князь Михайло во чистомъ полѣ;
Задумалъ онъ крѣпкую думушку
Про великую кручинушку.

Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговорить князь-еть Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
«Ай бо вы, князья мои, бояра,
Вы, совѣтнички потайные!
Разскажете-ка кручинушку:
Мои-то добрый конь споткнулся здѣсь,
Повѣсилъ онъ буиную голову;
Знать печаль то мнѣ, кручинушка....
Мнѣ великая невзгодушка.
Молода жена съ ума сошла;
Она бросилась во снѣ море,
Во Къвачь-рѣку быструю!
А Прытнѣ-рѣка поперекъ бѣжитъ.
Воротитесь-ка, князья-бояра,
Вы, причетнички богатые!»
Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то во высокъ теремъ.
Какъ встрѣчали его домашніе,
Онъ бросился на широкій дворъ,
На широкомъ двору крѣпко плакали,
Все кричали громкимъ голосомъ:
«Обо еси, великій князь!
Ужъ мы скажемъ те, проговоримъ,
Какъ случилася невзгодушка:
Княгиня-то, наша матушка,
Ума-разума лишилася;
Она бросилась во снѣ море,
Во снѣ море, къ желтымъ пескамъ!»

70.

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо;
Мнѣ не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль молодца,—одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, добрый молодець,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ п годъ служилъ, п другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.
Его мать встрѣла среди поля,
А сестра встрѣла среди села,
А жена встрѣла среди двора.
Ой, п мать сыну поразжалась:
«А твоя жена увесь домъ снесла—
Что коней твоихъ пораспродала,
Соколовъ твоихъ пораспустила,
А меды твои поразвыпила.»
Вынулъ молодець саблю вострую,
Онъ п снесъ женѣ буйну голову.
Голова жены покатиася
Ворону коню подъ праву ногу.
Пошелъ молодець во копошеньку:
Копи стоять, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошелъ молодець во соколенку:
Соколы сдятъ, почищаются;
П меды стоять не почищены;
Пошелъ молодець на новы сѣни:
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дятятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нѣту матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»

Пошелъ молодецъ на высокъ теремъ,—
Какъ ударится онъ о дубовый столъ:
«Что не мать ты миѣ и не матушка,
А змѣя же ты подколотная!»

Бурская губернія. Кохановская, стр. 113; — Воронежская
Беседа на 1861 годъ, стр. 392.—Кирьевскій, вып. V, при-
бавленіе, стр. 32.

71.

Одинъ былъ сынъ у отца-матери,
Да и тотъ погѣ въ службу царскую.
Вотъ годъ нѣту и другой нѣту;
На третій годъ онъ домой погѣ.
Отецъ стрѣлъ его середь уллицы,
Мать сустрѣла середь двора,
А жена стрѣла середь горевки.
Какъ мать сыну поразкалплась:
«Охъ, сынъ мой, сынъ, сынъ, ясенъ соколъ!
Твоя-то жена—распутница,
Твоя жена—лиходѣйница:
Копей твоихъ пораспродала,
Собаки твоихъ поморила всѣхъ,
Вища, меда всѣ повилапла,
Золоту казну поразсыпала,
Зелены сады засушила всѣ,
Соловьевъ-птишекъ распуетила всѣхъ,
Дитя твоего загубила она!»
Не услыѣлъ молодецъ слова вымолигъ,
Узялъ въ руки саблю вострую,
Онъ спесь съ жены буйну голову...
Покатилась голова во коношеньку...
Пошелъ молодецъ во коношеньку—
Кони стоятъ, овесъ-сѣно ѣдятъ;
Собаки усѣ съ цѣней рвутся!

Пошелъ молодецъ въ погребъ съ выходомъ,—
Вина, меда позакуорены;
Золота казна запечатывана!

Пошелъ молодецъ во зеленый садъ,—
Зеленый садъ весь въ цвѣту стоитъ,
Соловьи-пташечки очпицаются!

Пошелъ молодецъ во высокъ теремъ,—
Во горенкѣ—коровать,
Надъ короваткою колыбель виситъ,
Въ колыбелочкѣ—дѣтя лежатъ!

Онъ взялъ дѣтя на ручушки:

«Баю, люлю, мое дѣтятко!

Баю, люлю, мое мпное!

Въ тебя вѣту родной матушки,
Въ меня молодца—молодой жены!»

Пошелъ молодецъ къ родной матушкѣ:

«Не мать ты мнѣ—звѣя лютая!

7 Сбыла солница, сбудь и мѣсяца!»

Курская губернія, Щигровский уѣздъ. Халанскій, № 27 («прогижная»).

72.

Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ;

Записали его въ службу дальнюю.

Онъ и годъ служилъ, онъ и два служилъ,

А на третій годъ онъ домой пришелъ.

Отецъ его встрѣтилъ среди пути,

Его мать встрѣтила за воротами,

Молода его жена—на повомъ крыльцѣ.

Какъ и мать сыну стала жалиться:

«Твоя жена загулялася,

Меды, вина все повыпила,

Вороньихъ коней всехъ попродала,

Соколовъ ясныхъ всехъ повыпустила.»

Ужъ и мужъ женѣ срубилъ голову,
А потомъ пошелъ во свои выхода,—
Меды, вина все наполнены;
Потомъ пошелъ во конюшеники,—
Вороны кони очищаются;
Потомъ пошелъ во зеленый садъ,—
Соколы ясны обираются;
Потомъ пошелъ къ женѣ въ спаленку,—
Во спаленкѣ колыбель виситъ,
Въ колыбели лежитъ дитя малое,
Дитя малое, все заплаканное.
«Не плачь, дитя мое милое,
Я тебѣ не причина слезъ:
Причиною твоя бабушка, моя матушка!»

Донская область. Воронежскій Телеграфъ 1875 года, № 21.

73.

Жетѣла пава черезъ три двора,
Уронила перо на подворьнице.
Мнѣ не жаль пера, а жаль молодца,
Мнѣ и жаль молодца—одишь сынъ въ отца,
Одишь сынъ въ отца, и тотъ въ службу идетъ...
Онъ и годъ служитъ, и другой служить;
На третій годъ сынъ домой пришелъ.
Сустрѣла его мать среди поля,
Сестра встрѣла среди двора,
Жена встрѣла—сѣнцы отперла.
Повела его мать къ себѣ въ горницу;
Ну и стала ему мать все рассказывать:
«Твоя жена—б ... раснутная,
Твоя жена—шельма-шьяница:
Меды, вина все распропила,
Коней твоихъ все распродала,

Соловей твоихъ всѣхъ распустила.»
Взяль-то сынъ саблю вострую,
Срубилъ женѣ, женѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ сваллася,
Къ копо въ ноги покатилася...
Пошель-то сынъ у холодный погребъ,—
Меды, вина всѣ цѣлы стоятъ;
Пошель-то сынъ во конюшню,—
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошель-то сынъ во зеленый садъ,—
Соловы сидятъ, выщипаются,
Женой его выхваляются;
Пошель-то сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи, баю, мой дитятко!
Теперь у тебя матери нѣтутъ,
У меня молодца—молодой жены!
Только есть у тебя одна бабушка,
Да и та—змѣя, змѣя лютая!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ,
стр. 563.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 31.

74.

Что ни лютое коренье, то красивое;
Что ни лютое сердечко, то свекровино.
Написала она вѣсточку въ дальнюю сторонушку
Что ни къ сыну своему, а къ мужу моему:
«Какъ твоя, сынокъ, жена за гульбою пошла;
За такою за гульбою сына родила!»
Какъ садился мой мужъ скорымъ махомъ на коня...
Выходила жена съ высокаго терема.
Какъ пустилъ мужъ коня во зеленомъ саду;
Какъ вынималъ же мужъ саблю вострую;
Сиссъ же мужъ съ плечъ головушку долой.

И входилъ же мужъ во высокъ теремъ,
Какъ на правой рукѣ колыбель висеть,
А на лѣвой рукѣ его мать сидеть.
«По роду-то ты мѣ—мать родная,
По разлукѣ же—змѣя лютая!
Разлучила ты меня съ молодой женой,
Оспротивила ты, змѣя, чадо мое!»

Торопецъ, Семевскій (Торопецъ). № 159.

75.

Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодецъ ровно три
года;
На четвертый добрый молодецъ домой пошелъ.
Что зашелъ-то добрый молодецъ на высокъ курганъ;
Какъ на встрѣчу добру молодцу змѣя лютая,
Что лютая змѣя, красивная.
Вынимаетъ добрый молодецъ саблю острую;
Онъ хотѣлъ срубить змѣѣ голову.
Что возговорить змѣя добру молодцу:
«Не сѣки, не руби меня, добрый молодецъ!
Я скажу тебѣ великое сподивовище:
Какъ твоя-то жена—горька пьяница,
Пронила она твоихъ добрыхъ коней,
Промотала твоихъ ясныхъ соколовъ,
Расточила она всю золоту казну!»
Какъ пошелъ-то добрый молодецъ на широкій дворъ;
А на встрѣчу ему молодая жена.
Вынималъ молодецъ саблю острую
И отѣкъ онъ женѣ буйну голову;
Покатилась голова по широку двору,
Покатилася конямъ подъ ноги,—
Что его-то кони овесъ ѣдятъ;
Что пошелъ молодецъ въ новы горинцы,—

Что ясны его соколы пшено клюютъ;
Какъ пошелъ молодецъ къ кладовымъ своимъ,—
Золотая казна замкомъ заперта,
Замкомъ заперта, запечатана...
Тутъ взъѣлся-то добрый молодецъ, погубился;
Погубилъ онъ свою буйную головушку.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 103 («проголосная»).

76.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ;
Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ;
Онъ ли жилъ со княгиней ровно три годы;
На четвертый годъ онъ гулять пошелъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года;
На четвертый годъ онъ домой пошелъ.
И идетъ онъ по полю по чистому...
Встрѣтилось ему двѣ старицы,
И двѣ старицы, двѣ черноризицы;
И спрашивать князь у тѣхъ старицей:
«Вы давно ли, давно ли съ моего двора,
Съ моего двора съ княженецкаго?»—
—«Мы теперь, теперь да теперешенько
Съ твоего двора съ княженецкаго!»—
—«А здорово ли стоитъ мой высокъ терѣмъ,
И здорово ли живутъ добры конюшки,
И здорово ли живутъ чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьца,
И здорово ли живутъ и цвѣтны платьца,
И здорово ли живетъ молода жена?»
На отвѣтъ-то держать и тѣ старицы:
—«Твой высокъ терѣмъ покося стоитъ,
Добры кони да все заѣжены,
И чайны чашечки да все неприбыты,

И пьяны питьца да всё неприпиты,
Цвѣтны платънца да всё изношены,
Молода жена во терему сидитъ,
Во терему сидитъ колубень качать...»
И не синее-то море всколыбалоса,—
У князя сердце разгорѣлося.
И приходитъ князь къ своему двору,
Къ своему двору да княженецкому.
Тоннеть ворота правой ноженькой,—
Улетѣли тѣ ворота среди двора,
Среди двора да княженецкаго...
Вышла княгиня на круто крылыцо,
Въ одной тоненькой рубанкѣ безъ шитничка,
Въ однихъ бѣленькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ...
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгини буйну голову.
А во теремъ-отъ заходитъ,—колубеня нѣтъ,
Колубеня нѣтъ, все няла лежать;
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домочекъ дождало...
Ужъ какъ тутъ ли князь да закручинился.
И сходилъ во кошошеньку стоялую,—
Добры кони не ѣзжены,
Лучше стараго да лучше прежняго;
Чайны чашечки да не прибитыя,
Пьяны питьца да не припитыя,
Цвѣтны платънца да не изношены...
И не синее море всколыбалоса,
А у князя сердце разгорѣлося,
И заставалъ опъ, князь, и во чистомъ полѣ
Этихъ старицей да черноризицей.
Вынимаетъ князь и востру сабельку;
Опъ срубилъ у старицы буйну голову.

77.

Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку,
А на встрѣчу ему два товарища;
Во глаза ему да насмѣялся:
«Молодая твоя жена да за гульбой пошла,
Вороньихъ-то коней да всѣхъ забросила,
Молодыхъ-то людей всѣхъ оставила,
Своего милаго дитя качать бросила»....
Воротился разудалый съ путь-дороженьки;
Подъѣзжаетъ разудалый къ широку двору.
Встрѣчаетъ разудалаго молода жена
Въ своей бѣлоей сорочкѣ и безъ кофточкы,
Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ туфельекъ.
Вынимаетъ разудалый саблю вострую,
Срубаетъ разудалый женѣ голову.
Покатилась голова конямъ подъ ноги.
Пошелъ же разудалый широкимъ дворомъ:
Воронье-то кони стоятъ всѣ обряжены,
Молодые-то люди спятъ всѣ уснокоены.
Пошелъ же разудалый въ нову спаленку:
Его милое дитя лежитъ укачено.

Ярославская губернія, Пошехонскій уездъ. Жилія Старина
1893 года, выпускъ IV, стр. 312.

78.

У князя Володимира,
У солнышка у чела-время,
Было пированьице честное,
Честное и радошно,
И радошно, и порядошно;
Пили, ѣли, прохлажались,

Промежъ себя похвалялся;
Сильный хвалится сплюю,
А богатый хвалится богатствомъ,
Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
«У меня, братцы, конь добра лошадь;
Еще, братцы, молода жена,
И умная, и разумная:
Спусти мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбимыхъ,
Князей-бояръ—безъ боярыней,
Поповъ, дяковъ—все безъ дякошницъ!»
Во глаза тутъ молодцу насмѣлился:
«У тебя да молода жена
Умная и разумная:
Спусти мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбившихъ:
Князей-бояръ—безъ боярыней,
Поповъ, дяковъ—все безъ дякошницъ!»
За досаду молодцу показалось;
Садился онъ на добра коня,
Во стремечью не ступалочн,
За сѣдельну луку не хваталочн;
Поѣхалъ онъ со шире домой.
Подъѣзжаетъ къ своему широку двору,
Пнулъ столбы своимъ чеботомъ—
Столбикн пошатнулись,
Воротнички растворились.
Встрѣчаетъ его молода жена
Среди своего широка двора.
Внимаетъ молодъ свою востру саблю,
Онъ снесъ съ нее буйну голову;
Самъ пошелъ, молодецъ, по выходамъ,
По выходамъ и по погребамъ.

Всѣ выходы были заперты,
Погребницы запечатаны.
Пошелъ молодець во свою горницу,
Свою горницу, во высокъ теремъ:
Въ терему висить колыбелушка,
Въ колыбелушкѣ родно дитятко,
Родно дитятко, чадо милое.
Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Ушибъ-то я твою матушку,
Себѣ возьму молодую жену,
Тебѣ возьму лиху маячку!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 52.

79.

Злое зелье краппвное,
Еще злѣе да люта свекра!
Люта свекра—молодой снохѣ:
«Ты поди, моя невѣстка, во чисто поле;
Ты стань, моя невѣстка, межъ трехъ дорогъ,
Четырехъ сторонъ,
Ты рябную кудрявою,
Кудрявою, кучерявою!»
Туда жъ ѣхалъ добрый молодець:
Онъ сталъ подъ рябинушку,
Кудрявою, кучерявою;
Безъ вѣтру рябина зашаталася,
Безъ дождю рябина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонптся,
За черныя кудри ловится.
Пріѣхалъ сынъ къ матерп:
«Сударыня, моя матушка!

Томъ I.

Идѣ жъ моя молода жена?»
— «Твоя жена съ двора сошла,
Съ двора сошла, дѣтей свела!»
— «Сударыня, моя матушка!
Сколько въ службѣ не ѣзживалъ,
Такого дѣла не впывалъ...
Какъ въ полѣ, промежъ трехъ дорогъ,
Межъ трехъ дорогъ, чetyрехъ сторонъ,
Какъ сталъ я подъ рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,
Безъ вѣтру рябина запаталася,
Безъ дождю рябина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонится,
За черныя кудри ловится!»
— «Возьми, сынъ, ты остру саблю,
Сѣки рябину подъ корень!»
Опъ разъ вдарилъ, она охнула,
Другой вдарилъ, она молвила:
«Не рябинушку сѣкешь,
Сѣкешь свою молоду жену!
(А что вѣточки—то наши дѣточки!)»
Пришелъ сынъ да и къ матери:
«Не мать ты мнѣ, не сударыня,
Змѣя ты мнѣ подколодная!
Свела жъ ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!»

Бурская губернія, Щигровский уѣздъ. Халапкинъ, М. 28.

30.

Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
«Ты стань, сноха, тамъ рябиною,

Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками—малы дѣтушки!»
На ту пору мужъ отъ службы шелъ;
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужъ и сколько я ни хаживаль,
Такой дивушки не нахаживаль!
Ужъ и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется!»—
—«Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Срубь эту ты рябинушку!»
Онъ разъ сѣкнулъ—она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ—кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ—слово молвила:
«Не рябину сѣчешь ты—молоду жену,
Не кудрявою—съ малыми дѣтками!»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»—
—«Твоя жена, она гулять пошла.»—
—«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
—«Малыхъ дѣтушекъ съ собою взяла.»—
—«Не мать ты мнѣ, не родная,
Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
Ты мышъ лп, мышъ подкопсная!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уездъ. Якушкинъ,
стр. 570.—Бирѣвскій, вып. VІІ, стр. 26.

81.

Исходилъ я, молодець, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживаль,
Что панель я, набрелъ на рябинушку;
Что безъ вѣтру рябинушка мается,

По безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришель домоі, сѣлъ на лавочку,
Ужъ я сталъ своей матери разсказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
«Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую!»
Ужъ я разъ сѣкнулъ—руда пошла,
Другой сѣкнулъ—она охнула;
Ужъ я третій сѣкнулъ—слово молвила:
«Не рябинушку рубишь ты—свою жену.»
Я пришель-то домоі, сѣлъ на лавочку:
«Охъ, ты съѣла меня, мать, погубила меня, мать:
Не рябинушку рубилъ я—жену свою!»

Икушкинъ, стр. 569.

82.

Было у вдовы тридцать три сына,
Единная была дочь Софья не милая.
Все они пошли по Божьимъ церквамъ,
Все они сказали: Господе да Боже;
Одна у нихъ Софьюшка промолвилась,
Хотѣла сказать: Господе да Боже,
А въ тѣ-поры сказала: «Васильюшка братецъ, под-
винься-ка сюда!»

Пихная маменька прослышала,
Сходила во въ Кіевъ городокъ;
На гриветку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютатаго.
Василью поднесла зелено вино,
А Софья поднесла зелье лютое:
«Васильюшка, пей, Софья не давай!»
Софьюшка, пей, да Василью не давай!»

Василій пилъ, Софьюшкѣ подносилъ;
Софьюшка пила, Василью поднесла.
Василій говорить: «головушка болптъ»;
А Софья говорить: «речивое сердце щемптъ».
Къ утру-разсвѣту преставилнсь со свѣту...
Васплья выносили на бѣлыхъ рукахъ,
А Софью выносили на буйныхъ головахъ;
Васплья положили по правую по руку,
А Софью положили по лѣвую по руку;
На Васпльѣ выростала золотая верба,
А на Софьѣ выростало кипарисное деревцо.
Глядя на нихъ, маленькій идетъ—патѣшится,
А молодой идетъ—надпвуется,
А старый идетъ—наплачется.
Ихняя маменька прослышала,
Сходила ова на бѣевку,
Золотую вербу всю повыдернула,
Кипарисно деревцо все повырѣзала.
Стала Господу Богу сама каяться:
«Господи, прости душа грѣшная моя!
Золотую-ту вербу всю повыдернула,
Кипарисное-то деревцо повырѣзала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Своихъ милыхъ дѣтушекъ опаивала!
Я чужихъ коровушекъ тайно подавала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Изъ кашепочки тѣстице украдывала,
Изъ-подъ куриць яичко уворавывала!
Господи, прости душа грѣшная моя!»

83.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жила-то была честная вдова.
Было у вдовушки тридцать дочерей,
И все они во спасенье пошли,
Все разѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всемъ монастырямъ,
Все стаповились по крылосамъ
И все поютъ: «Господи Боже!»
Одна Софеюшка промолвила,
Хотѣла сказать: «Господи Боже!»
А въ ты-поры сказала: «Васильюшка, подвинься
сюды!»

Услышала Васильева матушка;
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ;
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеѣ наливала зелья лютаго.
Говорить она таково слово:
«Ты, Васильюшка, пей да Софеѣ не давай!
А Софеюшка, пей, Василью не давай!»
А Васильюшка пила и Софеѣ подносила,
А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головушка болитъ,
А Софея говоритъ: «ретино сердце щемить».
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Софею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Софею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выросло кинарично дерево,

А Софеѣ выростала золотá верба;
Они вмѣсто вершечками свивалися,
И вмѣсто листочками слищалися.
Тутъ старыйи идетъ-то,—наплачется,
А младыйи идетъ,—надивуется,
А малыйи идетъ-то,—натѣшится...
Тутъ провѣдала Васильева матушка:
Кипарично дерево новырубила,
А золоту вербу повысушила...

Олонецкая губернія. Гвѣльфердингъ, № 134.

84.

Было у вдовушки тридцать дочерей;
Всеѣ они были грамотницы,
Всеѣ они ходили по Божиимъ церквамъ,
Всеѣ они стояли по крылосамъ,
Всеѣ они пѣли: «Господи Боже»!
Одна изъ нихъ, Софія, промолвилась,
Ладила сказать: «Господи Боже»,
Той-поры сказала: «Васильюшка дружокъ, подвинься
сюда»!

Васильи-то догадливъ былъ—
Бралъ онъ Софію за праву руку,
Повель онъ Софію ко Киеву,
Ко славному князю Владимиру.
Провѣдала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала въ царевъ кабачекъ;
На привенку купила зеленаго вина,
На другую купила зелья лютаго;
Во правой рукѣ зелено вино несетъ,
Во лѣвой зелье лютое;
Изъ правой руки Василью подала,
Изъ лѣвой руки Софію отдала:

«Ней-ка, Василіі, Софіі не давай!
Ней-ка, Софія, Василью не давай!»
Василіі шль, Софіі подносять;
Софіюшка пла, Василью поднесла.
Малу по малу Василіі говорять: «буйна голова бо-
лыть;»

Софія говорятъ: «ретино сердце щемить.»
Всю ночьку трудилсь, безпокоилсь,
Ко утру-свѣту преставилсь.
Васильюшка гробъ пзновызолотил,
Софіюшкпнь гробъ пзновыкрасил;
Васильюшку несутъ князи-бояра,
Софіюшку несутъ красны дѣвушки;
Васильюшка несли по правую руку,
Софіюшку положили по лѣвую руку;
На Васильевой могилкѣ выростала золота верба,
На Софіиноі могилкѣ—кипарисно дерево;
Корешокъ съ корешкомъ соростался,
Пруть съ прутомъ совивается,
Листокъ со листкомъ солищается.
Старый идетъ—Богу молится да плачется,
Пожилой-то идетъ—подивуется,
Малый идетъ—патѣшится, цаграется.
Провѣдала Васильева матушка:
Золотую вербу новыломала,
Кипарисъ-древо новысушила,
Все она коренья новывела.

Олонеккая губернія. Безсоповъ, Калки переходяе, стр. 699.

85.

Хо-траі моря, мори синяго,
Жила-была молода вдова,
Молода вдова, горе паница.

У вдовушки было у нащцы
Было девять дочерей.
Все они были да спасенны,
Все они были да ученны, богомольны.
Все они пошли да по спасенью,
Все они пошли по Божымъ церквамъ;
Меньшая сестра—на бесѣдушку.
Она съѣла-посѣла на дверну лавочку,
Надумала сказать, что «Господи прости»,
И попала сказать, что «Васпльюшко дружокъ»,
Потронуся, подвинуся ко лавочкѣ сюда!»
Тутъ провѣдала Васильева матушка;
Она скоро-то шла во царевъ кабакъ,
На гривенику купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго;
Василью подносила зелена вина,
Софїи подносила зелья лютаго:
«Ты, Васпльюшка, пей да Софїи не давай!»
Васпльюшка пила да Софїи подносила,
Софїюшка пила, Василью поднесла.
Вдругъ-то они да переставилися.
Провѣдала Васильева матушка...
Тутъ Васпльюшка несли на буйныхъ головахъ,
Софїюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ;
Василья хоронили по праву руку церкви,
Софїю хоронили по лѣвую по руку;
На Васильѣ выростала золота верба,
На Софїи выростало кипарисъ-древо;
Пруточки съ пруточками свивалися,
Листочки съ листочками сплалнися,
Ко сырой землѣ приклонялися.
Малый тутъ идетъ,—такъ натѣшится;
Молодые идутъ,—налюбуются,
Старые идутъ—да наплачутся.
Зла была Васильева матушка:

Она скоро-то шла да въ нову кузницу,
Сковала топоры булатніе,
Съ Васильюшка срубилa золоту вербу,
Съ Софіюшки срубилa кипарисъ-древо,
Чтобы людошки шли не дивовалися,
Старые бы шли да не сръкались бы.

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости
1867 г., № 14.

36.

У вдовушки было у паншцы,
Было девять дочерей;
Всѣ пошли оны по спасицамъ,
Всѣ пошли по Божіимъ церквамъ.
Меньшая сестра Софіюшка,
Она пошла ко сусѣду на бесѣдушку;
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку,
Думала сказать: «Ты, Господи, прости!»
Попала сказать: «Васильюшка дружокъ,
Попотроься, подвинься на лавочкѣ сюда!»
Провѣдала Васильева матушка;
Она скоро-то шла широкимъ дворомъ,
Поскорѣ того по новымъ сѣнямъ;
Отпирала дверь она дубовую,
Отбрашила сына своего одороднаго:
«Еще что у васъ такое за совѣтъ большой?»
И ушли Софіюшка съ Василіемъ вдвоємъ,
Дни коротать, грѣхи отмолять...
Тутъ они да переставилися.
Такъ ужъ песли Василья на буйныхъ головахъ,
А Софіюшку песли на бѣлыхъ рукахъ;
Аи Василья отиѣвали въ Божьей церкви,
А Софію отиѣвали что на паперти;
Василья хорошили по праву руку церкви,

А Софію хоронили по лѣву руку церкви;
На Васплѣ выросла золота верба,
На Софін выросло кипарисъ-древо;
И чрезъ Божью церковь пресвященную
Пруточки съ пруточками свивался,
Листочки съ листочками сплпались....
Люди пдутъ да дивуются,
Малки пдутъ да натѣшутся,
Старцы пдутъ да наплачутся...
Провѣдала Васплева матушка,
Она скоро шла въ нову кузницу;
Топоры сковала булатные,
На Васильюшкѣ срубилa золоту вербу,
На Софюшкѣ срубилa кипарисъ-древо...
Тутъ сама она вдругъ персоставлaсь.

Славянская, часть III, стр. 110.

87.

Было у вдовы тридцать три дочери,
Да все они во грамотѣ повыучены.
Все они пошли по Божьимъ церквамъ,
Все они сказали: «Боже мой,
Боже мой, да помилуй насъ!»
А одна бѣдна Софюшка промолвила:
«Князь молодой, ты, Васильюшка!
Ты, Васильюшка, подвинься сюда!»
Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
Поводилъ онъ Софію въ Божью церкву;
Накладали имъ да золоты вѣнцы.
Да провѣдала Васильюшкова матушка,
Да садилась она на ворона коня,
Поѣзжала во Китай-городъ.
А на гривенку взяла зеленого вина,

А на другую взяла люта зелья,
Да Васплью паливала люта зелья,
А Софін паливала зелѣнаго вша.
«А Васпльй, пспивай, ты Софін ве давай!»
А Васпльй пспиваль, онъ Софін подаваль.
А къ утру-свѣту преставилися.
А Васильюшкѣ тешуть изъ кленова дерева,
А Софюшкѣ тешуть изъ елушки молодой;
А Васильюшкѣ несуть на буйныхъ головахъ,
А Софюшкѣ несуть на бѣлыхъ на рукахъ;
А Васильюшкѣ хоронять по правую по руку,
А Софюшкѣ хоронять по лѣвую по руку...
На Софін выростало кшарисное древо,
На Васпльѣ выростала золота верба...
А старый-сть идѣтъ,—такъ наплачется,
А посередѣ вѣку идѣтъ,—падивуется,
А маленьки ребятки,—тѣ натѣшатся...

оловецкая губернія. Гильфердингъ, № 283.

88.

Жило то было девять дочерей.
Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣстовочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Господи свѣтъ»...
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься
сюда!»

Взять онъ Салфею за бѣлыя руки,
Повель Салфею во Божью церковь,
Пришлять съ Салфеей золоты вѣнцы.
А Васпльева матушка по городу идѣтъ,
Во правой рукѣ зеленѣя вша несѣтъ,
А во лѣвой зелено яровѣ.
А со правой руки Васплью поднесла,

Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка, пей да Салфеѣ не давай!
Салфеюшка, пей да Василью не давай!»
Васильюшка пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла...
Васильюшка скажетъ: «головушка болить»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Они къ утру ко свѣту преставилися.
Васильюшку крутили въ голевую во парчу,
Салфеюшку крутили въ толстую простину;
Васильюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ,
Салфеюшку несли на буйныхъ на головахъ;
Васильюшку ложили по праву сторону,
Салфеюшку ложили на лѣву сторону...
На Васильюшкѣ повыросъ часть ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно дерево.
Уже во-мѣсто дрѣва совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками соплеталися.
Малые пдутъ—набалуются,
Молодые пдутъ—надивуются,
А старые пдутъ—они наплачутся...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 31

89.

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Тѣло терзаль, во рѣку бросаль,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравныя;
Откуль взялся младъ спзой орель,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гої еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
Отвѣтъ держитъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«Ты гої еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мыться,
А мыться п бѣлится,
А въ цвѣтно платьѣ наряжатся.»
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гої еси, мои нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красны дѣвушки!
Пойдемъ-те со мной на высокіе теремы,
Смотрѣть мою сударыню матушку,
Каково она моется, бѣлится.
А въ цвѣтно платьѣ наряжается.»
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки, мамками;
Ходила она по вѣмъ высокімъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки;
Опять пристушила къ батюшкѣ:
«Ты гої еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
Не могли мы сыскать въ высокіхъ теремахъ.»
Проговоритъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«А п гої еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками, мамками,
Со сѣнными красными дѣвцами!»

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленый садъ,
Во вишенье, въ орѣшпье.»
Пошла вѣдь тутъ молода княжна
Со няньками, мамками во зеленый садъ;
Весь повыгуляли, никого не напли въ зеленомъ саду;
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Неотколъ взялся младъ спзой орель,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
» А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ; «
Уронилъ онъ, орель, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленый садъ.
А въ та-поры нянюшки, мамушки
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ.
А въ та-поры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
» Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула:
Закричала тутъ молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
На быстру рѣку Смородицу!
А что тамо птицы слетаются,
Дубравныя звѣри сбѣгаются?»
Бросался нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки
По край рѣки Смородины:
Дубравныя звѣри кости дѣлать,

Сороки, ворошы кишки тапцать.
А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А поситъ оца руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.
А только вѣдь нянюшки
Нашли они пугу голову,
Сбѣрали они съ пустою головою
А все тутъ кости и ребрушки,
Хорошили они и пугу голову
Со тѣми костями, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

Кирша Даниловъ, № 48. — Кирѣевскій, вып. V, стр. 108.

90.

Какъ князь Ромашъ жену терять,
Терять, терзаль, въ рѣку бросаль,
Во ту рѣку во Смородину...
Прѣхаль къ своему широку двору;
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ изъ кареты за бѣлы руки.
Стала у батюшки выпрашивать:
«Государь мой, родной батюшка,
Куда ты дѣвалъ мою матушку?»—
—«Не плачь, не плачь, дочь любезная!
Пошла твоя матушка во высокъ теремъ
Вѣлится и румянится,
Во цвѣтное платье паряжатся!»
Пошла княжна во высокъ теремъ
Цекать своей матушки родимья:
Бѣльнички стоятъ не бѣлены,
Румянички и не тронуты,
Цвѣтно платье—на грибочкѣ.

Идет княжна, как рѣка льется...
«Государь ты мой, родной батюшка,
Куда дѣвалъ мою матушку?»—
— «Не плачь, не плачь, дочь любимая!
Поѣхала матушка въ чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги вѣрные,
Запрягайте скорѣе колясочку,
Повезите меня къ матушкѣ родимой,
Ахъ, далече, далече, во чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Пріѣхала далече во чисто поле:
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны.
«Ахъ, нѣтъ моеи матушки родимыя!»
Какъ билася княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ...
Надъ ней леталъ младъ орель-птица,
Орель-птица, птица царская;
Спускался къ ней на бѣлы руки...
Въ когтяхъ держалъ руку бѣлую,
Руку бѣлую, руку правую,
Со перстнями со алмазными.
* Что возговоритъ орель-птица: *
«Не плачь, молода княжна,
Не нищи ты своей родной матери!
Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородниу!
Вотъ твоеи матушки права рука,
Со перстнями со алмазными!»
Пріѣхала княжна къ широкому двору,
Восходила она во высокъ теремъ,

Она била руки о дубовый столъ,
Услышала ея батюшка родимый,—
Вбѣжнть къ княжнѣ во высокъ теремъ:
«Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?»—
—«Государь ты мой, родной батюшка!
За что погубилъ мою матушку?»
—«Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки,
Потеряло ее слово противное!
Приведу я тебѣ матушку любезную!»
Что возговоритъ молада княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
Желала бь свою матушку родимую!»

И ѿсеишникъ 1780 года, часть II, стр. 143.—И ѿсеишникъ 1788 года,
часть II, стр. 166.—Кирѣевскій, выш. V, стр. 106.

91.

Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тое ль рѣку во Смороднику.
Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младь сизой орель;
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перетняхъ, въ золотыхъ перетняхъ.
Что пошла Марья дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
Да и гдѣ же, гдѣ жь моя родна матушка?»
—«Что твоя матушка во високомъ терему,
Она бѣлится и румянится,
Она въ гости шарякается
Къ своему отцу, къ твоему дѣдуникѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна

Во высокъ теремъ,
Она смотрѣть-глядѣть свою матушку;
Ужъ и пѣть, и пѣть ея матушки...
Какъ пошла Марья дочь Романовна
Ко своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка!
Да ужъ гдѣ жъ моя родна матушка?»
— «Твоя матушка поѣхала къ батюшкѣ,
Къ своему отцу, къ твоему дѣдушкѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна
На паратно крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку;
Ужъ и пѣть ея матушки.

Что летить-летить птица грозная,
Птица грозная, младъ сизою орель,
Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ой же ты, птица грозная,
Птица грозная, младъ сизою орель!
И ты гдѣ же взялъ, ты праву руку,
Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
— «Ой же ты, Марья дочь Романовна!

Ужъ какъ князь Романъ тутъ жеу теряль,
Опъ теряль-теряль и тѣло терзаль,
Опъ терзаль-терзаль, во рѣку бросаль,
Во тое ль во рѣку во Смороднику.»
Залилася Марья горючми слезьми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка,
Потеряль-погубилъ мою матушку!»
— «Ты не плачь, Марья дочь Романовна!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я складу тебѣ нечь муравленую,

Я солью тебѣ золотъ перетешь,
Я сошью тебѣ кунью шубу,
Приведу я къ тебѣ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»
—«Ты сгори, сгори новъ высокъ теремъ,
Провалися ты, печь муравленая,
Растопися, мой золотъ перстень,
Ты сотлѣй, моя шуба куньяя,
Ты умри, моя молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснись, родная матушка!»

Москва. Кирѣевскій, вын. V, стр. 100.

92.

Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во смородину бросалъ, во калнишникъ.
Какъ встревожится и вслachtetся
Любезная дочка Анпушка:
«Родимый мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Анпушка...
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Анпушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»

Цвѣточки растутъ не рватые,
Вѣночки лежатъ не витые!»
— «Твоя матушка во високомъ теремѣ,
Бѣлится-румянится, въ цвѣтнѣ платьѣ одѣвается.»
Вскладается-взбросается любезная Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?
Бѣлпла стоятъ не бѣленья,
Румяна стоятъ не румянья!»
Какъ летитъ тутъ орелъ-птица,
Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
«Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзаль,
Во смородину бросаль, во калпичникъ.»
Какъ складается любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
— «Не плачь, не тужи, дочка Аннушка!
Сострою тебѣ высокій теремъ,
Складу тебѣ хрущатую печь,
Солью тебѣ золотую цѣпь,
Приведу тебѣ молодую мать.»—
— «Сгори, сгори, мой высокій теремъ,
Упади, упади, хрущатая печь,
Растопись, растопись, золотая цѣпь,
Ты умри, умри, молодая мать,
А ты встань-проснись, моя матушка!»

93.

Жилъ князь Романъ, жену терялъ,
Терялъ, терзаль, во Двину бросаль.
У него дочка была Марьюшка;
Она слезно заплакала:
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Ты куда дѣваль мою матушку?»
— «Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка!
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазам!» —
— «Мнѣ не надо золота перстня,
Золота перстня со алмазам:
Ты куда дѣваль мою матушку?»
«Твоя мать въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платьѣ наряживается.»
Пошла дочь въ нову горницу;
Въ новой горницѣ вѣту матушки:
Бѣльнички стоятъ на оконечкѣ,
Румянички стоятъ на столкѣ,
Цвѣтно платьѣ въ золотой казѣ.
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Въ новой горницѣ вѣту матушки!
Ты куды дѣваль мою матушку?»
— «Ты не плачь, дочь Марюшка!
Я куплю тебѣ село крестьян!» —
— «Мнѣ не надо села крестьян!
«Ты куды дѣваль мою матушку?»
— «Твоя мать въ зеленомъ саду,
Цвѣточка рветъ, вѣточка вьетъ.»
Пошла дочь во зеленый садъ;
Въ зеленомъ саду вѣту матушки:
Все цвѣточки на стебелечкахъ.

Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:

«Э, ты, сударь, ты, мой батюшка!

Ты куда дѣваль мою матушку?

Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»

«Ты не плачь, доча Марьюшка!

Твоя мати во темнымъ лѣсу,

Подъ зеленой сосною, гдѣ волки спдятъ,

Гдѣ волки спдятъ, гдѣ львы ревутъ.»

Пошла дочь во темный лѣсъ;

На встрѣчу ей волки сѣрые,

Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,

Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ.

«Вы постоите же, волки сѣрые!

Ужъ вы гдѣ взяли руку бѣлую,

Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»

— «Былъ князь Ромаль, жену терялъ,

Терялъ, терзаль, во Двину бросаль...»

— «Вы подайте жъ руку бѣлую,

Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»

Пришла дочка къ своему батюшкѣ:

«Ты, сударь, ты, мой батюшка!

Въ темнымъ лѣсу подъ зеленой сосною,

Подъ зеленой сосною нѣту матушки!»

— «Охъ ты, дочка моя Марьюшка!

Твоя мати во быстрой рѣкѣ,

Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 104.

94.

Князь Демьянъ жену терялъ;

Отрубилъ у нея руку правую,

Руку правую съ золотымъ кольцомъ;

Кицаль-бросаль во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орель,—
Унесъ, украль руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ...
Хватилася молода княжна:
«А папонька, гдѣ же мамонька?»
—«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице паряжается.»
Пошла княжна въ нову горницу:
Цвѣтно платье въ шкапу висеть...
Пошла княжна, заплакала:
«Папонька, вѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь:
Божья церковь пустымъ пуста...
Пошла княжна, заплакала:
«А папонька, вѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, гулять пошла.»
—«Заложите мнѣ легки дрожечки,
Поѣду я во чисто поле,
Погляжу-посмотрю свою мамоньку!»
Гдѣ ни взялся младъ сизой орель,
Подаетъ княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька, все обманываль!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами;

Я возьму тебѣ молодую мать!»

— «Возстань, возстань, моя мамонька!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 63.
Кириевскій, выш. V, стр. III.

95.

Жилъ князь Ромапъ,

Жену терзалъ,

Звѣрямъ бросалъ...

«Ты убей-ка, убей со полночи,

Когда дѣтушки спать улягутся,

Когда малыя угомонятся!»

Какъ проснулась дочка Сапенька:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

— «Ваша маменька въ свѣтлой горницѣ,

Она бѣлится и румянится,

Во цвѣтное платьѣ наряжается!»

Пошла Саша въ нову горницу:

Бѣлилицы на окошечкѣ, а румяницы на стульчкѣ;

Цвѣтно платьице на гвоздикѣ вѣсить...

Пошла Саша, заплакала:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

— «Ваша маменька во чистомъ полѣ,

Цвѣточки рветъ, вѣночки вьсть!»

Пошла Саша во чисто поле,

А на встрѣчу ей волки сѣрые:

«Ужъ вы, волки моп, волки сѣрые,

Отчего жъ у васъ рыла въ крови?»—

— «Жилъ князь Ромапъ,

Жену терзалъ,

Звѣрямъ бросалъ...»

Пошла Саша, заплакала:

«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

— «Ты не плачь, не плачь, дочка Сашенька!
Я сострою тебѣ келью новую,
Приведу къ тебѣ молодую мать!»—
— «Ты стори, стори, келья новая!
Ты умри, умри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родная маменька!»

Муромъ. Владимирскія Губернскія Ведомости 1872 года,
№ 5.

96.

Я гляжу, сижу подь окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
По Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
«Вы куда, волки, призадумали,
Куда, сѣрые, призамыслили?»—
— «Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,
Ко мосточку ко калинову,
Ко кусточку ко ракитову;
Тамъ лежитъ убитая твоя матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна,
Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,
Буиной головой во ракитовъ кустъ.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ лѣвъ высокъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
— «А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во погреба глубокіе
Да за двери за тяжелыя
Разводитъ квасы медовые
И поить гостей не кормленыхъ.»

Пометалась княжая дочь
Что-ль во погреба глубокіе
Да за дверь за тяжелыя:
Тамъ стоять квасы не развожцы,
Гости тамъ сидятъ не поены.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
— «А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во горшцу во новую;
Тамъ румянечки по скляночкамъ,
Цвѣтно платице по грядочкамъ.»
Пометалась княжая дочь
Что-ль во горшцу во новую:
Тамъ румянечки по скляночкамъ.
Цвѣтно платице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
«Ты, скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»
— «Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я куплю тебѣ золотую цѣнь,
Я возьму тебѣ нову матушку!»—
— «Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ!
Ты растай, растай, золотая цѣнь!
Ты умри, умри, нова матушка!
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна!»

97.

Какъ у Дунишки, у голубушки,
Лицо бѣлое, набѣленное,
Щеки алыя разгораются,
Глаза черные, развеселые,
Брови черныя, наведенныя,
Бя буйная головка гладко чесана,
Бя русая коса мелко плетена,
Во русой-то-ли косѣ лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка правая!
Кто бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунишки отсталъ, разбезсчастныйи сталъ!

Среди поля, поля чистаго,
У колодчика было у глубокаго,
Что у каменка было у горячаго,
Не довской-еть-ли казакъ воду чернасть,
Воду чернасть, онъ коня поить;
Не ковя казакъ поить—мужъ жену губить...
Ему женушка возмолплася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
«Ужъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ладо милое!
Не губи-ка ты меня рано съ вечера;
Погуби-ка ты меня со полуночи,
Когда милья дѣти спать улягутся,
Милы дѣтушки спать улягутся,
Спать улягутся, успокоятся;
Но утру рано встають, порасплачутся,
Порасплачутся—матки хватятся!»
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же паня маменька?»—
—«Ваня маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды!»—
—«Наша маменька беретъ ягоды!»

Мы пойдёмъ, братцы, покличемте.....
Ужъ ты тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Баско рядится, въ гости ладится!»—
— Мы пойдёмъ, братцы, мы посмотримте!....
Ужъ ты, тятенька, гдѣ же наша маменька?
—«Вы не плачьте-ка, малы дѣточки!
Приведу я вамъ молодую мать,
Я сострою вамъ нову горницу!»—
—«Ты сгорп, сгорп, нова горенка!
Ты помри, помри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родимая мать!»

Заговскій, стр. 17. Каждый стихъ кроме перваго и послѣдняго повторяется. — Очень сходная пѣсня (Новгородская губернія — Студитскій, № 35 «бесѣдная»).

98.

На степи-то, степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ донской казакъ коня поилъ
Коня чернаго, возбоченаго;
Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ...
Какъ жена-то мужу возмолвила,
Во рѣзвы ноженки поклонилася:
«Ужъ ты, мужъ мой, младъ донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Шабры ближніе припокоюся!»....
Просынялися малы дѣтушки,

Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣвалась наша матушка?»
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платьѣ наряжается,
Въ Божью церковь собирается!»
Понили дѣтушки во Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Ихней матушки тамъ цѣтъ, какъ пѣтъ.
«Охъ ты, батюшка, ты, родимый нашъ,
Ты куда дѣваль нашу матушку?»
— «Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки!»
Какъ понили малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Берутъ ягодки, берутъ красныя;
Ихней матушки все пѣтъ какъ цѣтъ!
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка!
Наша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу подъ колодою,
Подъ колодою подъ дубовою!
Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»—
— «Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собыю вамъ дубовую дверь,
Я собыю вамъ золотую цѣвь,
Я возьму вамъ молодую мать!»—
— «Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!

Расколпсь, расколпсь, дубовая дверь!
Растоппсь, растоппсь, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матушка!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 61.

99.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго
Течеть рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчункѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣлилася;
Набѣлившись, парумянилась;
Парумянивши, на гору пошла,
На горѣ спать легла,
На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ донской казакъ коней поилъ,
Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.
Задумалъ казакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужъ, съ вечера,
А загуби меня, мужъ, за полночь:
Наши дѣти малыя спать поляжуются,
Они проснутся и матушки спросятся!...»
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается.»
Стали дѣти по матери плакать;
Отецъ сталъ дѣтей унимать:
«Не плачьте вы, дѣтушки милыя!
Я вотъ срублю горешку новую,
Нагоною притолкну косы,
Собью дверь дубовую,

Солью цѣпь золотую,
Приведу вамъ мачиху младую!»—
—«Родной батюшка, родной батюшка!
Загорись, наша горенка новая,
И разскочись, наши притолки косы,
Расколпись, наша двѣрь дубовая,
Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
Умри, наша мачиха младая,
Встань, наша матушка родная!»

Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 30.

100.

У колодца у студенаго
Молодой маіоръ коня поплъ,
Красная дѣвица воду чернала.
Добрый молодець у воротъ стоить,
У воротъ стоить, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый, родной батюшка!
Да и гдѣ же наша родна матушка?»
—«Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ новъ высокъ теремъ,
Я складу вамъ нечъ муравую,
Я солью вамъ цѣпь серебряную,
Приведу я къ вамъ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»—
—«Ты родимый нашъ батюшка!

Всё-то ты говоришь намъ неправдушку!
Ужъ сгорн, цовъ высокъ теремъ,
Провался, печь муравая,
Растопсь ты, цѣпь серебряная,
Ты умри, наша молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
Ужъ мы безъ тебя холоднехоньки,
Холоднехоньки, голоднехоньки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 127.

101.

Какъ и мужъ-то жену,
Онъ её журить, бравить,
Онъ её убить хотить.
Жена мужа уговаривала:
«Ужъ ты, другъ, ты, мой другъ,
Ты, законный мой мужъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во полночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
А сосѣдушки успокоятся!
По-утру рано дѣточки проснутся
И про матушку они хватятся!»
По утрамъ рано дѣтки проснулись
И про матушку свою хватились.
«Ужъ ты, батюшка нашъ,
Гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка по воду пошла.»
— «Родимый нашъ батюшка,
Вотъ ведерочки и коромысельки.
Родной батюшка, скажи,
Гдѣ наша матушка!»

Томъ I.

—«Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять убрается.»—
—«Наша матушка,
Она не гульливая,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять не поважеса!
Родной батюшка, скажи,
Да гдѣ жъ наша матушка?»
—«Ваша матушка—
Во сыромъ бору,
Во дубовомъ гробу!»
Какъ и дѣточки восплакались,
Да они возрыдались.
«Вы не плачьте, дѣти малыя!
Я сострою вамъ комнаты повья,
Приведу вамъ мать молодую
И сдѣлаю цѣпь золотую.»—
—«Золотая цѣпь твоя оторвися!
Молодая мать отъ насъ отвяжися!
Родимая наша матушка
Назадъ воротися!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, выш. XV, стр. 191.

102.

Охъ ты, матушка раздкая степь Саратовска!
Далекохолько протянулася,
Дале города и Саратова!
У ключа было у гремячаго,
Донскоі казакъ коши поилъ;
Гдѣ коши поилъ, тутъ жену терилъ.

Жена мужу возмоллася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужъ мой батюшка, донской казакъ!
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать лягутся,
Паши дѣтушки угомонятся!»
Большая дочка Анпушка,
Дочка Анпушка догадалася:
«Ты, родимый нашъ батюшка!
Гдѣ родная наша матушка?»
— «Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платьѣ наряжается,
Ко заутренѣ собирается.»—
— «Охъ ты, батюшка, ты насъ обманываешь!
Отъ чего же ты невесель ходишь,
Невесель ходишь и нерадошепъ?»—
— «Чему же мнѣ веселится
И на что глядя радоваться?
Ваша матушка распутная:
Пошла гулять съ полюбовникомъ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 113.

103.

Уа стени-степи на Саратовской,
У ключа было у гремачаго,
Добрыи молодець тутъ коня поплъ,
Поплъ, кормплъ, выглаживаль,
Выглаживаль, охорашиваль:
«Охъ ты, батюшка конь добра лошады!
Увези ты меня отъ побѣдушки,
Отъ худой жены, отъ любовницы!»

Онъ не коня поплъ,
Тутъ поплъ мужъ,—жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонлася:
«Не губи ты меня, мужъ, на дикой степи:
Потеряй ты меня на большой дороженькѣ,
Близъ кустика ракитова,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»
Подъѣзжаютъ мужъ ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки голубятушки:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, мои малыя дѣти!
Ваша матушка ушла во чисто поле,
Во чисто поле, въ боръ по ягоды.»
Побѣжали же малы дѣтушки
Искать свою матушку:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Не нашли мы свою матушку!»
—«Подите-ка вы во чисто поле:
Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!» —
Побѣжали малыя дѣти:
Нашли они свою мать убитую...

Кирѣевскій, вып. V, стр. 123.

104.

Далекохонько степь протянулася,
Дале города дале Питеру,
Дале матушки каменнѣи Москвы...
У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,

Добрый молодец коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ.
«Охъ ты, конь мой, копь,
Ты, добра лошадь!
Что же ты, конь, спотыкаешься,
За ковыль-траву запинаешься?»
—«То-то я, конь, спотыкаюся:
Какъ со вечера мужъ жену терялъ,
Какъ жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
Охъ ты, мужъ мой, донской казакъ!
Не теряй меня, мужъ, со вечера,
Теряй меня, мужъ, близь полуночи,
Чтобы дѣти наши пріуснули,
А чужии люди не слыхали бы!»
Потерялъ мужъ жену близь полуночи.
Потру малы дѣти догадаться,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, дѣти мои малыя, глуныя!
Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.»—
—«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Все неправда ваша:
Наша матушка во гробу лежитъ,
Во сырой землѣ....»

Кирѣевскій, выш. V, стр. 120.

105.

У колодезя у глубокаго
Не донской казакъ коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,

Во скоры ноги поклонлася:
«Ахъ ты, мужъ, ты, мужъ мой донскоі казакъ!
Не губи меня съ вечера рано,
Погуби меня со полуночи:
Всѣ добры люди спать уляжутся,
Малы дѣтушки поразоспятся,
По утру проснутяся, матушки схватятяся...»
«Родный батюшка, гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка во высокомъ новомъ теремѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платьице надѣвается.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамунки!
Посмотрите вы, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ теремѣ.»—
—«Родный батюшка, куда дѣваль матушку?»—
—«Ваша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамунки!
Вы сходите, посмотрите, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»—
«Родный батюшка, куда дѣваль матушку?»—
—«Ваша матушка во сырой землѣ,
Во сырой землѣ, въ гробовой доскѣ,
Въ гробовой доскѣ, въ золотой парчѣ!»

Повгородъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 114.

106.

Изъ подь камушка изъ подь бѣлаго,
Изъ подь кустика изъ подь ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,

Вышла, набѣлилася,
Набѣливица, она парумянчилась,
Парумянвищи, въ зелець дугъ пошла.
Въ зеленомъ дугу, тамъ донской казакъ,
Тамъ донской казакъ коня поплъ,
Нашовищи коня, сталь думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«Охъ, и какъ же мнѣ быть,
Молоду жену сгубить?
Загублю жену не рано,—съ вечера;
Схоронию жену ближе ко полуночи!...»
Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюнкѣ у ножки кидалася:
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Родной батюшка, идѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Умывается ключевой водою,
Утирается бранымъ полотномъ.»—
—«Государь нашъ батюшка, неправда твоя!
Наша матушка во желтомъ песку,
Въ новой горницѣ она закопана!»

Киѣвскій, выш. VII, прибавленіе стр. 32.

107.

Изь подь камушка, камня бѣлаго,
Изь подь кустика, куста ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная...
Какъ на той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, красная бѣлилася;
Что умывишесь она, набѣливишесь она,
На гору взонда, диво видѣла...
Какъ донской казакъ тамъ коня поплъ;

Не коня поплъ, — онъ жену губилъ.
Какъ жена мужу возмоллася:
«Ужь ты, мужъ ли мой, мужъ, донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Всѣ сосѣдушки поулягутся,
Малы дѣтушки крѣпкимъ сномъ заснутъ...
Они вставутъ ли по утру рано,
Они хватятся родной матушки!...»
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?» —
— «Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится, гулять собирается!» —
— «Государь ты нашъ, родной батюшка!
То не матушка, — твоя сударушка!
Нана матушка — во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу!
Не отецъ ты нашъ, ты — лютой намъ змѣй!
Ты убилъ, потерялъ нашу матушку,
Осиротилъ своихъ малыхъ дѣтушекъ!»

И ѿсепникъ 1827 года, часть II, стр. 76.

108.

У колодника было у ключеваго;
Не донской казакъ конюшка поплъ;
Онъ не конюшка поплъ, свою жену губилъ.
Ему женушка-жена возмоллася,
Въ праву поженьку поглонилася:
«Ахъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ты, донской казакъ!
Не губи ты меня среди бѣла дня!
Погуби ты меня со полуночи,
Когда всѣ люди спать улягутся,

Малы дѣтушки поразоснятся,
Поразоснятся, мени хватятся!...»
—«Родный тятенька, гдѣ же наша маменька?»—
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ, подь окошечкомъ!»
—«Не обманывай, родный тятенька!
Наша маменька—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, за колодной!»

Вологодскій уѣздъ. Пиваицкій, стр. 327.

109.

Какъ у ключика у студенаго,
У плотика у дубоваго,
Дѣвка мылася да бѣлилася;
На гору взошла да вздвинулася:
Раздонской казакъ да коня поилъ,
Не коня-то онъ поилъ,—
Да мужъ жену журилъ;
Что жена мужу взмолилася,
Въ праву да поженьку поклонилась:
«Ты не бей меня да рано съ вечера,
Ты убей меня во глухую полночь:
Всѣ-то люди пріуснятся,
Малыя дѣтопки раскатаются,
Поутру-то встануть, воспохватятся!...»
«Ужь ты, тятенька нашъ родимый,
Да гдѣ жъ наша мамонька?....
Наша мамонька да въ новой горенкѣ
Спить на лавочкѣ,—не пробудится,
Господу Богу не помолится!...»

Пермская губернія. Шешоико, стр. 201.

110.

Какъ донской казакъ вель коца поить,
Добрый молодець у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ пехоршую,
Думу думаетъ, какъ жену сгубить:
«Я убью ль жену да со вечера!»
Какъ жена мужу возмоплася,
Во скоры ноги ему поклоняся:
«Ужъ ты, батюшка, милъ сердечный другъ!
Ты не бей меня да со вечера,
Ты убей меня со полуночи,
Ужъ ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всемъ ближнимъ соседни-
камъ!»

Какъ зоря-то, зоря занималася,
Малы дѣтушки просыпался:
«Родимый нашъ батюшка, а гдѣ же наша мату-
шка?»—

—«Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду, въ новомъ теремѣ;
Она бѣлится, румянится,
Что со мной она въ гости рядится.»—

—«Родимый нашъ батюшка, все твоя неправдушка:
Наша матушка—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу,
Въ дубовомъ гробу, лежитъ подъ сосною...»

111.

Какъ донскоі-то казакъ, казакъ вель коня поить;
Добрыи молодець, ужь онъ у воротъ стоить,
У воротъ стоить, самъ онъ думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ будетъ жену губить.
Какъ жена-то, жена мужу взмолилася,
Во скоры-то поги ему поклонлася:
«Ужъ ты, батюшка, ты ли, миль сердечный другъ!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера,
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моимъ малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ!»

Вильбовъ, № 11.

112.

Изъ подъ березку изъ-подъ крутаго,
Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлаго
Течеть рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платьѣ одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлѣвши она, на румянивши, на гору взошла,
Диво видѣла, дивовалася:
Какъ донскоі казакъ коня поить,
Онъ коня поить, съ дѣвкой рѣчи говоритъ,
Съ дѣвкой рѣчи говоритъ, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
Погуби жену ко полуночи:
Малы дѣтушки спать полягутся...!»
Малы дѣтушки расплачутся:

«Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»
«Ваша матушка на Дунаѣ пошла—утопилася.»

Тульская губернія, Чернский уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 121.

113.

Жилъ подъ камушка, камня бѣлаго,
Протекала тутъ рѣка быстрая;
Какъ по той ли по рѣченькѣ
Плыла легка лодочка;
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ;
Въ томъ ли корабличкѣ
Дуна красна дѣвица.
Она мылася и бѣлплася,
И бѣлплася, и румянплася,
Нарумянившись, на гору взошла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодези у студепаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену терилъ.
Какъ жена мужу возмолилася:
«Не губи ты меня со вечеру,
Потеряи меня ко бѣлу свѣту:
Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ прибаюкаю...»

Песенникъ 1803 года.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 124.

114.

Охъ ты, матушка степь Саратовска!
Далеко ты, степь, протянулася,
Дале города дале Питера,

Дале магушки каменной Москвы!
Ничего въ степи не уродилося;
Уродился тутъ часть раптовъ кустъ;
Изъ-подъ кустика тутъ колодець бьетъ.
У ключа, у ключа у гремячаго,
У колодезя у студенаго,
Добрый молодець тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
«Охъ, ты стой-постой, мой добрый конь!»
Во кусту, во кусту во ракивовомъ,
Тутъ донской казакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмоллася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужъ, донской казакъ!
Не теряй меня поздо вечеромъ,
Охъ, ты дай усвуть дочкѣ Аннушкѣ!»
Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
«Охъ ты гой еси, родной батюшка!
Не теряй-ка ты родиму матушку:
Возкуютъ тебя во желѣзушки,
Отдадутъ тебя во солдатушки!»

Кир Бевектій, вып. V, стр. 119.

115.

Какъ на зоренькѣ было,
Вотъ было на утренней,
Случилось мнѣ
Мимо саду ѣхати,
Случилось мнѣ
И слѣзть да послушати.
Какъ и мужъ-то жену,

Бабочку журить-бранить,
Онь ее убить хотить.
Какъ жена-то мужа,
Она приговаривала:
«Да ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Да ты, родной мужъ!
Ты не бей-то меня,
Младу, въ зеленомъ саду!»
Какъ на утрѣ было,
Дѣточки проснулись,
По кровати они
Норазладились,
Родную матушку они
Повзыскались...
«Да ты, батюшка пань,
Да и гдѣ жъ наша
Родимая матушка?» —
— «Ваша матушка
Вѣлится, румянится,
Съ молодымъ-то купцомъ
Гулять собирается». —
— «Ой, да неправду ты
Намъ говоришь!
Нана матушка
Въ зеленомъ саду
Лежитъ подъ колодою!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выд. III, стр. 77.

116.

На зарѣ то было, на зорюнкѣ,
На восходѣ солнца яснаго,
Денечка прекраснаго....

Случилось-то молодцу
Мимо саду ѣхати,
Садику зеленого;
Случилось ему, молодцу,
Жецекііі голосъ слышати,
Постоять, послушати...
Какъ и мужъ-то жену
Журить-то, бранить,
Да убить ее хотить.
Какъ жена-то мужа
Уговариваетъ:
«Ужъ ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Ты, законный мой другъ!
Ты не бей же меня
Рано съ вечера,
А убей же меня
Въ глухую полночь,
Когда сосѣдушки
Припокоятся,
А малы мои дѣточки
Крѣпко спать будутъ!»
Малы дѣточки проснулись,
Про родимую маменьку стрѣнулись:
«Ты, родимый нашъ батюшка,
Гдѣ же наша родна матушка?» —
— «Ваша родна матушка
Вѣлится, румянится,
Съ молодымъ купцомъ
Гулять убирается». —
— «Да не правда же твои,
Родной нашъ батюшка!
Наша родная маменька
Гулять не охотница!
Она, наша маменька,
Теперь ужъ убитая,

Подъ зеленою грушею,
Родная, зарытая,
Дубовой доской накрытая,
Желтымъ пескомъ присыпаная!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 71.

117.

На зорѣ было на зоришкѣ,
Па зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца яснаго,
На восходѣ дечечка прекраснаго,
Случилося молодцу мимо саду ъхати,
Мимо садку зеленаго, мимо терему высокаго;
Да случилось молодцу въ саду голось слышати,
Какъ мужь-то жену журилъ-бранилъ и убить гро-
зиль,

Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты, мужь мой, мужь, ты, законный другъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во глуху полночь:
Нани дѣточки будутъ крѣико спать,
Ничего-то они не будутъ знать!»
По утру рано дѣточки проснулись,
Про родную матушку встрѣнулись:
«Нани матушка есть убитая,
Гробою доскою есть закрытая!
Найдите же, тучи грозныя!
Гряньте же, грома громкіе!
Разбейте вы гробову доску!
Встань, проснись, родная матушка!»

Донская область. Савельевъ, стр. 152.—Кирѣевскій, вып. VII,
стр. 33.

118.

Удалой ямщикъ коня поплъ,
Коня поплъ, самъ думу думаетъ:
«Какъ убить мнѣ молоду жену?»
Жена мужу возмолилася,
Ему въ ноженьки поклонилася:
«Ты не бей меня, мужъ, со вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Всѣ сосѣдушки поразоспятся;
Ты свеси меня на болотинку,
Положи меня подъ колодинку!»
Пробуждаются малы дѣтушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ бѣло моется,
Бѣло моется, въ гости рядится.»
Пошли дѣтушки въ нову горницу....
Расплачутся малы дѣтушки:
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится,
Богу молится, нвзко кланяется.»
Пошли дѣтушки въ Божью церковь,
Не нашли своей родной матушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка на болотникѣ,
На болотникѣ, подъ колодинкой.»
Пошли дѣтушки на болотинку,
Нашли свою родную матушку:
Всѣ волосушки порастрепаны,
Бѣлая грудь пораздавлена.

Повишился тутъ удалой ямщикъ,
Бить кнутомъ былъ и въ Сибирь пошелъ.

Новгородская губернія. Новгородскія Губернскія
Вѣдомости 1876 года, № 37.

119.

У столба-столба повоточенаго,
У колодези у студенаго,
Молодой-сть казакъ, опъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвья поги поклошилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера,
Погуби со полуночи,
Когда дѣтушки спать улягутся!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Ужъ и гдѣ же наша матушка?»
— «Ваша матушка въ новой горщицѣ,
Въ новой горщицѣ Богу молится...»
— «Ужъ и тамъ-то пѣту нашей матушки!»—
— «Ваша матушка въ высокомъ терему,
Она бѣлится, румянится.»—
— «Ужъ и пѣтъ тамъ вашей матушки!»—
— «Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Рветъ алы виненья.»—
— «Ужъ и тамъ пѣтъ нашей матушки!»—
— «Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
Съ ведрами по воду.»
Какъ поили-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку,
Пазъ-за горъ-горъ высокиихъ
Вылеталъ-то младъ сизой орель,

Въ когтяхъ-то несетъ правую рученьку.
Воскричалъ-то малыя дѣтушки:
«Охъ вы, нянюшки, наши мамушки!
Ужъ какъ несетъ-то орель рученьку,
Несетъ рученьку нашей матушки,
И со перстисмъ обрученнымъ!
Ужъ и Богъ же суди напему батюшкѣ,
Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 115.

120.

Полетѣлъ орель черезъ сырой боръ;
Во когтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку.
Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
Родному батюшкѣ на заботнице,
На заботнице, на работнице,
Молодой женѣ на загульбище.....

Добрый молодецъ коня поилъ,
Наосмни коня, во луга пустялъ,
Во луга пустялъ, за ворота стали,
За ворота сталь, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
Ужъ и какъ-то мпѣ жену убить?
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Всеѣ народушки приугомонятся!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 62.

на море гуляль

121.

Какъ на морѣ было, морѣ синеемъ,
Лебедь съ орличкомъ все купались,
Не купались они,—совыкались;
Лебедь орличка все выпрашивалъ,
Изъ ума-то онъ орла все вывѣдывалъ:
«Еще гдѣ ты, орель, былъ, гдѣ, сизою, гуляль?»—
—«Я гуляль-ли вотъ, леталъ по дикой стени,
По дикой стени гуляль, по Саратовской!»—
—«Не видалъ-ли ты, орель, молодую мою жену,
Молодую жену со дѣтятками?
Не тужать ли они, не горюють-ли?»—
—«Тужать, плачуть по тебѣ, сокрушаются,
Тебя, молодца, домой дожидаются!»

У ключа было, ключа у студенаго,
У колодечка было у глубокаго,
Не донской-отъ тутъ казакъ, онъ коней поилъ,
Не коней казакъ поилъ,—мужъ жену губилъ...
Жена-го вотъ мужу, охъ, возмолвила:
«Не губи-ка меня, мужъ, да рано съ вечера,
Погуби-ка ты меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Все-то добры люди призагунутся»....

Узинская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 68
(последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются).

122.

Скажи, Душошка, скажи, любушка,
Про мила дружка, про Иванушку,
Будто я, Иванъ, по ночамъ гуляль,
По ночамъ гуляль поздно вечеромъ;
Не одинъ гуляль,—съ красной дѣвушкой.

Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго,
Изъ-подъ кустика да ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая да холодная;
Что на той рѣкѣ дѣвка мылася,
Она мылася и бѣлилася;
Набѣлясь она, взошла на гору,
Взошла на гору, диво видѣла:
Какъ у ключика у холоднаго,
Младъ донскої казакъ тамъ кося поилъ.
Конь воды не пьетъ, самъ конытомъ бьетъ...

Кашинъ, вып. II, № 2 («полупротяжная»).

123.

Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Абрамъ вдоль по улицѣ;
Паряжалъ Абрамъ бабъ на барщину,
Мужиковъ-то Абрамъ—стога метать,
Стога метать барскіе.
На стогу-то стоитъ красна дѣвица,
Абрамова любовница.
Красно солнышко закатается;
Все люди домой собираются;
Оставался удалъ добрый молодецъ,
Абрамъ съ молодой женой...
Въ темный лѣсъ пошли;
Во лѣсочкѣ огонь горитъ калишовый,
Дымокъ валитъ малиновый,
Котлы кипятъ нѣмецкіе,
Пожги точатъ булатные...
Абрама жена упрашиватьъ:
«Ты нусти, Абрамъ, душу,
Не для меня—для мыльныхъ дѣтушекъ!»

Вотъ приходитъ Абрамъ домоіі,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки:
«Батюшка, гдѣ наша матушка?»
— «Ваша матушка въ сырѣ борѣ гулять ушла.»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкіі, стр. 26
(«обыденная»).

124.

Одна была пѣсня,—
Поблюду се къ весиѣ!
Поѣду весной пахати,
Стану сѣять-засѣвати,
Эту пѣсню расиѣваги!
При широкой, при большой дорожкѣ,
Жилъ-былъ мужикъ Марко,
У Марка сынъ Федоръ,
У Федора жена Марѣа.
Просплася Марѣа въ гости
Ко своей матери не надолго,
Не надолго—на три недѣльки;
Гостила Марѣа недѣлю, гостила другую,
На третей Марѣа стосковалась:
«Охъ, матушка, тошно,
Миѣ, родимая, грустно!»—
— «Ты залѣзь, Марѣа, на печку,
Погляди съ печи въ окошко,
Не ѣдетъ ли Федоръ?»—
— «Ахти, матушка, ѣдетъ!»
Подъзжалъ Федоръ къ воротамъ,
Сталь стукать подъ окошко,
Сталь стукать подъ другое;
На дворъ Марѣу вызываетъ:
«Ты поѣдешь, Марѣа, домоіі!

У пастъ въ дому пездорово:
Родной батюшка хвораеъ,
Родна матушка часуетъ,
У сестрицы три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Тапошка.»
Проводпла мати Марѳу,
Проводпла черезъ поле,
Проводпла чрезъ другое,
На третьемъ стала распрощатьса.
Возговоритъ Федоръ:
«Проводи, теца, подале,
Не знай, увидишь, не знай, пѣтъ!»
Подѣзжаеъ къ воротамъ:
Лютой свекоръ дрова рубитъ,
Люта свекровь избу топитъ.
У золовки три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоповска Тапошка.
«Ты поди-ка, Марѳа, топн баню!»
— «Постой, Федоръ, разряжуся!»
— «Ты топя во всемъ парядѣ!»
А куда тебѣ парядѣ дѣвати?
Развѣ дуба паряжатн!»
Пошла Марѳа топить баню.
Истопила Марѳа баню,
Приходитъ домой:
«Ступай, Федоръ, въ баню!»
— «Иди, иди сейчасъ за мною!»
— «Ступай, Федоръ, сейчасъ иду за тобою!»—
Подошла Марѳа къ банѣ,
Отворила Марѳа баню:
Сидитъ Федоръ, пожпкъ точитъ.
Рѣзвы ноги подкосились,
Бѣлы руки опустплись,

Головушка съ плечъ скатилась.
Зарѣзаль Федоръ Марѳу,
Схорошилъ се въ банѣ подь полочкомъ.
Приходитъ опъ изъ бани.
Дочь у нихъ была невелпчка,
Невелпчка, пяти годочковъ,
Расплакалась, разиѣжилась:
«Охъ ты, тятенька, тятенька!
Что вѣидеть долго матушка?»
— «Что это за мать,
Что за стара, нехорошка!
Я тебѣ возьму мать молодую:
Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку.
Либо Безсоповску Танюшку!»
— «Ты умри-ка, Дарюшка и Марюшка,
И Безсоповска Танюшка!
Прійди, моя мамопька,
Приди, родная, изъ жаркой бани!»—

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 57.

125.

У воротъ Любовь стояла,
Съ Осдеи рѣчи Любовь говорила:
«Чѣмъ намъ Марѳу твою уморити?
Уморить намъ будетъ Марѳу въ банѣ!»
Пришелъ Оединька домою,
Посыласть Марѳу топить баню:
«Поди, Марѳа, топи баню,
Топи банюшку пожарче,
Вари щелоку помыльче!»
Марѳа банюшку топила,
Громкимъ голосомъ она завывала:
Пришла Марѳонька изъ бани,—

Сидитъ Оедишка на лавкѣ,
Точить ножичекъ булатный.
Марѳа скоро она догадалась,
По золовушка свою бросалась.
«Ты, золовушка моя Аганя!
Не забудь меня ты, Марѳу, въ банѣ!»
Пошелъ Оеда съ Марѳой въ баню,
Началъ Марѳу онъ тиранить...
Оедю крови одолѣли,
Черезъ пороги крови лили...
Ведетъ Оедпшка Марѳу изъ бани,—
У ней ножки подкосилсь,
Бѣлы ручки у ней опустились,
Съ плечъ головушка у ней склонилась...
Пришелъ Оедишка домою.
«Ты качу-баю, сынокъ Ванюша!
Твоя мати въ банѣ угорѣла,
Головушка у ней заболѣла!
Ты, сестра моя Аганя,
Позабыла Марѳу въ банѣ!»
— «Недосугъ миѣ, злодѣи, было!
И коровушку допла,
И малыхъ телятъ попла,
Во дубровушку телятъ гоняла!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уездъ. Пальчиковъ, № 17.

126.

У насъ было во новомъ городѣ,
Во новомъ городѣ во Саратовѣ,
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца у богатаго
У богатаго, у Шахматова,

Несчастыице въ домѣ сдѣлалось,
Несчастыице не малое,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Вострымъ пожичкомъ зарѣзала.
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доскою захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу;
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко;
Сама плачетъ, какъ рѣка льетя...
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныхъ,
Деверья ея любезныя..
«Здравствуй, сноха-невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»—
—«Вашъ братецъ увелъ коня поить.»—
—«Ты, сноха наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Его добрый конь въ копошенькѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ!
Ты, сноха ль наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?»—
—«Бѣлу рыбицу я пластала,
Бѣла рыбица больно билася!»—
—«Ты, сноха ль наша, невѣтушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»—
—«Соколы вы мои ясныя,
Деверья мои любезныя!
Вы возьмите саблю пострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!

Вашего братца я потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребѣ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала!...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 21

127.

Какъ во городѣ было во Саратовѣ,
У купчика было у богатаго,
Какъ несчастнице въ домѣ сдѣлалось,
Въ домѣ сдѣлалось,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребѣ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Желтымъ пескомъ присыпала,
Правой ноженкой пригипнула;
А потомъ пошла въ пову горницу,
Сѣла предъ окошечкомъ
И взяла въ руки бѣлый чулокъ.
Прилетали къ ней тутъ два голубя,
Два голубя, два спзкрылыхъ,
Какъ не два-то братца, два родимыхъ...
Ужъ и сгали они ее высиранивати:
«Ты слыхала ль, наша невѣстушка,
Какъ и гдѣ-то нашъ братецъ Иванушка?»
— «Онъ уѣхалъ въ поле охотывать!» —
— «Отчего же у тебя на порогѣ кровь?» —
— «Бѣлу рыбицу я рѣзала, рѣзала,
Во холодный погребѣ бросила,
Дубовой доской задвинула.» —
— «Ты слыхала ль, наша невѣстушка,

Ты открой-ка, открой дубову доску!
Не тамъ ли нашъ братецъ Ивапушка?»

Астраханская губернія. Астраханскій Сиривочный Листокъ
1867 года, № 266.

128.

На зарѣ было, на зорюшкѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
У насъ сдѣлалось, братцы, несчастыица,
Большая, братцы, безвременьяца.
Какъ жена-то мука потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула
И правой ногой притопнула;
А сама пошла во горенку,
Сѣла подъ красную подъ оконечку,
Подъ хрустальную подъ стеклянцу.
Приходили къ ей два деверя:
«Ты, сноха ли наша, невѣстушка,
А и гдѣ же нашъ большой братъ?»
— «Вы, любезные деверечки мои!
Вашъ большой братъ на охотушкѣ,
За кунницами, за лисицами,
За бѣлыми за зайцами!»
— «Ты, любезная наша невѣстушка,
Ты скажи-ка намъ, не обманывай,
Съ чего же у тебя булатный ножъ въ крови?»
— «Вы, любезные деверечки мои!
Я снза голубя зарѣзала,
На ножъ-то сердце вынула...»
На ножу сердце стрепыхнулося,
А жена шельма ужахнулася...

Визанская губернія, Данковскій уѣздъ. Живая Старина 1894 г.,
вып. II, стр. 287.

129.

Какъ во ельничкѣ, во березничкѣ,
Да во частомъ мелкомъ орѣшничкѣ,
Ходить и гуляеть разворонный конь;
Шелковый поводъ въ грязь втопталь,
Черкальское сѣдло на бокъ сбьялъ.
Не въ Москвѣ то было, въ Питерѣ,
У куща то было у богатаго,
Во Стрѣлецкой было улицѣ,
Солучилоя несчастье,
Что жена мужа потеряла,
Не потеряла, зарѣзала.
На помятѣ сердце вынула;
На востренькомъ встрепехнулося,—
Жена, шельма, улыбулася,
Улыбнувшись, усмѣхнулася,
Во холодный ледникъ спрятала,
Дубовой доской прихлопнула,
Правой поженкой притопнула,
Бѣлой рученькой прищелкнула;
Она прятала, не плакала,
Домой пришла, заплакала . . .
Умылася бѣлехонько,
Парядлася наряднехонько...
Прилетали къ ней два сокола,
Не сокола, — два деверя.
«Ты, сноха наша, невѣстухка,
Ище гдѣ нашъ братъ Иванушка?» —
— «Вашъ Иванъ-то братъ
За стрѣльбой ушелъ,
Что за утками, за гусями!»

130.

Во лѣсу было въ орѣшникѣ;
Туть стояль, стояль вороній конь;
Трои сутки не кормленый былъ,
Недѣлюшку не поенъ стояль.
Черкасское сѣдло на бокъ сбиль,
Тесьмянную узду въ грязь втопталъ.
Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ;
Туть жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала;
На ножѣ-то сердце выняла,
На булатномъ встрепенулося;
А жена-то усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Правой ноженкой притопнула.
Пришла домой, сѣла подъ окошечко,
Правый локоть на окошечко,
Горючія слезы за окошечко!

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 327.

131.

Зимушка, зима,
Зима лютая моя!
Я прошу тебя:
Не морозь меня,
Не морозь мѣся
При дороженькѣ,
Кошя ведучи,
Сбрую песучи!
Сбруя моя, сбруя,

Сбруя ясная!
Доля моя, доля
Разнесчастная!...

Какъ жена мужа.
Приутѣшила,
Въ зеленомъ саду
Зарѣзала....
Сладкихъ яблочекъ
Призакупался,
Мелкихъ иташечекъ
Призаслушался....

Тульская губернія, Епифанскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 361 («голосовал или протяжная»).

132.

Случилось мнѣ, доброму молодцу,
Мимо зеленаго саду ѣхати,
Случилось мнѣ диво видѣти.
Такого дива, братцы, не видано,
И такого, братцы, чуда не слыхано...
Какъ подъ яблонью подъ кудрявою,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что на травушкѣ, на муравушкѣ,
На цвѣтахъ, цвѣтахъ на лазоревыхъ,
Какъ жена мужа потерять хочетъ;
Вынимаегъ она булатный ножъ,
Что садится къ нему на бѣлы груди,
Распоролла ему бѣлую грудь,
Что закрыла его очи ясныя;
Она смотритъ въ его ретиво сердце;
Посмотрѣвъ, сама молвила:
«Ты каковъ былъ до меня, мой другъ,
Такова тебѣ и кончинушка!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть 1, стр. 175.—Пѣсенникъ 1810 г.,
стр. 119.

133.

Старикки-то мой стародавнїе!
Какъ и кто бы изъ васъ служилъ царю бѣлому,
Какъ и кто бы изъ васъ сказалъ про Суру рѣку?
Какъ Сура-то рѣка бѣжитъ изъ-подъ камушка...
Какъ на камуникѣ сидѣла сестра съ братомъ,
Какъ сестра-то брату словечко промолвила:
«Ляжь-ка ты, братецъ, ко мнѣ у колѣнушки,
Попну я у тебя у головушкѣ.»
Какъ и легъ-то братецъ къ сестрѣ у колѣнушки,
Приснулъ-то онъ своимъ распрекрѣпкимъ сномъ...
Вынимаеъ сестра съ ножень саблю острую,
И снимаетъ она съ братца буйную головушку.
Положила она буйную головушку подъ тотъ бѣль
горючъ камень...

Донецкая область. Донецкія Областныя Вѣдомости 1875 года,
№ 92.

134.

Стругаль стружки добрый молодецъ;
Врала стружки красная дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй некла, зелье дѣлала;
Сестра брата извести хочетъ...
Встрѣчала брата среди двора,
Паливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
«Ты пей, сестра, напередъ меня!»—
— «Пила, братецъ, паливаючи,
Тебя, братецъ, поздравляючи!»
Какъ канула капля коню на гриву,—

У добра коня грива загорается,
Молодец на конѣ разнемогается.
Сходилъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Сымалъ съ сестры буйну голову.
«Не сестра ты мнѣ родимая,
Что змѣя ты подколотная!»
И онъ бралъ изъ костра дрова,
Онъ клалъ дрова среди двора,
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самага до пепелу;
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всеѣмъ тужить-плакати,
Что она надъ нимъ худо дѣлала;
Ей самой такъ рокъ послѣдовалъ,
Отъ ея злости ненавидныя.

Пѣсеньникъ 1780 года, часть I, стр. 135.—Пѣсеньникъ 1810 года,
стр. 134.—Сахаровъ безъ послѣднихъ трехъ стиховъ.

135.

Охъ, да не стружки стружилъ удалъ добрый моло-
децъ;

Эхъ, да брала стружки, охъ, да красна дѣвица,
Эхъ, да что брала стружки, охъ, да на огонь клала,
Эхъ, да на огонь клала, охъ, да все змѣю пекла,
Эхъ, да все змѣю пекла, охъ, да сердце вынула,
Эхъ, да сердце вынула, охъ, да зелье сдѣлала,
Эхъ, да не про батюшку зелье, не про матушку,
Эхъ, да не про друга я зелье, не про мплаго,
Эхъ, да про своего-то я брата, про родимаго....
Эхъ, да зазвала брата, охъ, да на широкій дворъ,
Охъ, да налила брату, охъ, да золоту чару,
Охъ, да золоту чару, охъ, да зелена вина.

Томъ I.

13

Охъ, да еще братъ-то сестрѣ сталъ отказывать:
«Охъ, да ты пейей - ка, сестра, охъ, да напередъ
сама!»

Охъ, да еще канула капля коно на гриву;
Охъ, да у копя грива, охъ, да загоралася;
Охъ, да что сестра брата, брата испужалася...
«Охъ, да ты не бойся, сестра, ты родного брата,
Охъ, да ты и бойся, сестра, дубова костра!»

Финская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 50
(«ироголосная»).

136.

Подъ грушею, подъ зеленою,
Подъ яблоней подъ кудрявою,
Стрыгалъ стружки добрый молодець,
Брала стружки красна дѣвица,
Набравъ стружекъ, въ огонь клала,
Змѣю пекла, ужа жарила,
Ужа жарила, зелье дѣлала;
Что ждала въ гости братца роднаго...
«Пріѣзжайи, братецъ, пріѣзжайи, батюшка!»—
—«Я пріѣду, сестра, пріѣду, матушка!»
Бѣдетъ братецъ среди поля;
Встрѣчасть сестра среди двора,
Паливаетъ рюмку зелья лютаго;
«Ужь выней, братецъ, выней, багюшка!»—
—«Ужь ты пей, сестра, напередъ сама!»—
—«Я пила, братецъ, наливаючи,
А тебя въ гости поджидаючи!»
Братъ за рюмку принимается...
Уста кровью занекаются...
Ужь и канула капля коно на гриву,—
У копя грива загорается,

Добрый молодец удивляется:
«По родству ты миѣ сестра родная,
По пріятству—миѣ змѣя лютая!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 21.

137.

А ходила я по сыромъ бору,
По сыромъ бору, по долинушкѣ;
Я рвала зелье, зелье лютос,
Я рвала зелье, все на огонь клала
А на огнѣ горить змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколотная;
Я изъ той золы попелъ сѣяла,
Попелъ сѣяла, зелье дѣлала,
Она ждала къ себѣ дорога гостя,
Дорога гостя, брата милаго;
Сустрѣла брата середн двора,
Налила чару зелена вина;
Зелье лютос всколыхалося;
Зелено вино проливалося,
У коня грива загоралася....
«Ты, сестра ль моя, сестра родная!
Не былъ я въ тебѣ ровно три года
И не буду я вѣкъ и до вѣку!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 117.

138.

Вылетала галочка изъ зеленого садика.
Красная дѣвпца змѣю люту жарила,
Брату пиво дѣлала, —
Ожидала братика съ поля широкаго,

Изъ края далекаго;
Наливала братику большой подорожникчекъ.
«Выпей, выпей, братику!
Ты вѣдь изъ дороженьки!»—
—«Выпей, выпей, сеструшка,
Себѣ на похмѣльце!»
Но сестра не пьетъ,
А въ рукавъ все льетъ.
Пива братъ не пьетъ,
Коню въ гриву льетъ.
У вороного коника грива загорѣлася;
У родного братика слезы покатилися.
«Вѣдь я думалъ, сеструшка,
Что ты добродѣтельна,
А ты, моя родная,
Душепогубительна!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XVI, стр. 344.

139.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла,
Зло коренье копала.
Я копала зло коренье,
Глубко на-глубко его;
Ужъ я мыла зло коренье,
Вѣло на-бѣло его;
Ужъ сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
И толкла я зло коренье,
Мелко на-мелко его;
Я варила зло коренье,
Я варила, поровила

Не милому дружку...
Какъ попало зло коренье
Братцу родному.
Какъ со вечера мой братецъ
Поразохался;
Ко полуночи мой братецъ,
Опъ попа спросилъ;
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился...
«Схороши меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Межь Тверской-Ямской!
Кто ни ѣдетъ, кто ни идетъ, —
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ дастъ...»

Тверская губернія, Повоторжскій уездъ. Ш о и н ь, стр. 329.
(«голосовая»).

140.

Кабы по горамъ, горамъ, по высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и по-край было моря синяго,
И по тѣмъ по хорошиимъ зеленымъ лугамъ,
Тутъ ходила, гуляла дѣва красна дѣвица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла тѣ коренья въ синемъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренья меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ —
И хотѣла пзвести своего недруга;
Невзначаетъ пзвела своего друга милаго,

Она по роду братца роднаго,
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула.»

Кирша Давиловъ, № 31.

141.

Какъ по крутому по красному по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица;
Она рыла себѣ кореньица / зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патоку.
Напоила добра молодца до-пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица насмѣялася:
«Ахъ, ты спишь, моя надежа, или такъ лежишь?
— Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу!
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣи, душа, и схоронить меня!
Не клади меня, красна дѣвица, у Возьсей церкви,—
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой дальшей при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подлѣ боку клади звончаты гусли,
Во ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня!
Буде старъ человекъ поидеть,—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники пойдутъ, такъ настрѣляются;
Буде младъ человекъ поидеть,—въ гусли шаграестя;
Какъ пойдутъ мои друзья, братья и товарищи,—
На моемъ добромъ конѣ наѣздятся!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 162 - Пѣсенникъ
1788 года, часть II, стр. 187.

142.

Мыла по саду ходила,
Зло коренье копала;
Накопала зло коренье,
За Дунай рѣку пошла;
Она мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Что сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
Натолкла зло коренье
Мелко на-мелко его;
Что варила зло коренье
Во меду, во сахарѣ его;
Разливала зло коренье
По графинамъ, по шкафамъ;
Становила зло коренье
По комодамъ, по шкафамъ....
Погода немного время,
Дружка въ гости созвала;
Стала потчивать его:
«Ужъ, ты пей, миль дружокъ,
Ты не думай ничего!»
Погода немножко время,
Стала сирашивать его:
«Ты скажи, скажи, дружокъ,
Чего на сердцѣ твоемъ?»—
—«На моемъ-то на сердечкѣ
Словно камешекъ лежитъ,
На моей-то бѣлой груди
Разлюта змѣя шипитъ!
Ты умѣла меня ядомъ напоить,—
Ты умѣй-ка мое тѣло схоронить!»

Схорони-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ—
Одной Питерской, другой Московской,
И Петергофской большой!...
Не забудь со мною положить
Остру саблю съ тесакомъ,
Не забудь еще положить
Черпу шляпу со перомъ,
Третью трубочку со картузнымъ табакомъ!...»

Пермская губернія. Шиповко, стр. 142.

143.

Я ходила и гуляла
По сырому по бору,
Ужъ я рыла и кокала
Зло кореньице ему.
Накопавши зло коренье,
На Дунай рѣку пойду;
На дубовъ плотъ становлюся,
Зло коренье сполощу;
Сполощу я зло коренье,
Мелко на-мелко скрошу,
Сухо на-сухо сушу;
Изушивши зло коренье,
Мелко на-мелко сотру;
Ужъ возьму я зло коренье,
Въ полунтофчикъ настою;
Позову я дружка въ гости,
Стаканъ водки поднесу;
Поднесу я стаканъ водки,
Стану спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, любезный,
Что на сердцѣ у тебя?»

— «На моемъ ли на сердечкѣ
Словно камешекъ шумить,
Ретиво сердце щемитъ...
Какъ умѣла, расканалья,
Какъ мплаго погубить,
Такъ умѣй же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони ты мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерскою, Московскою,
Между третьею Тверскою!»

Олопецкая губернія, Вытегра. Олопецкія Губернскія
Вѣдомости 1868 года, № 30.

144.

Дринь дѣвочка по лужечку гуляла,
Зло коренья конала;
Накопавши зло коренья,
Во платочекъ связала;
А связавши зло коренья,
На Дунай-рѣку пошла...
Ужъ я мыла зло коренья,
Бѣло на-бѣло его;
Я вымывши зло коренья,
Сухо на-сухо сушу;
Посушивши зло коренья,
Мелко на-мелко столкла;
Истолчавши зло коренья,
Въ меду, въ сахару сварю;
Я сваривши зло коренья,
Дружка въ гости позову;
Я зазвавши разлюбезнаго,
На кроватку посажу;
Посажавши на кроватку,

Стаканъ меду поднесу;
Поднесомии стаканъ меду,
Я любезнаго спрошу:
«Ты скажи-ка, мой любезный,
Что на сердцѣ на твоємъ?»—
— «На моемъ на сердцѣ
Точно лютый змѣй шипитъ;
На моеи на бѣлой груди
Тяжелъ камушекъ лежатъ...
Ты умѣла, расканалья,
Меня ядомъ папоить;
Ты умѣй-же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Ты положь-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московскои,
Между Кіевскои большой!
Ты поставь же, расканалья,
Животворящій крестъ!»

Рязанская губернія, Давковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 327. («голосова»).

145.

Я не къ батюнкѣ пишу и не къ матушкѣ,
Напишу я письмецо къ любушкѣ-сударушкѣ:
«Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся!
Самъ я по тебѣ стосковался...
Послѣ батюнки мапехонькій остался;
Не батюшка меня вскормилъ-вспонлѣ,
И не матушка меня возлѣляла...
Вскормилъ да воспонлѣ меня Ярославль-городъ,
Возлѣляла меня Волга матушка,
Раскачала меня легка лодочка...»
Не бѣла заря въ оконечко взонла,—

Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи и забавы принесла,
Въ окошечко праву руку подала:
«Чернобровый мальчикъ мой!
Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой!
Поколь холость, не жевать,—
Нѣтъ заботы никакой;
Только есть одна забота—
По утру рано вставать,
Расчесочку въ руку взять,
Русы кудри расчесать!»
Расчесавши я кудерки,
Вдоль по улицѣ пошелъ,
Къ душѣ къ Машѣ зашелъ...
Маша вышла, встрѣтила меня,
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
За дубовый столъ сажала,
Стаканъ водки поднесла...

Маша по лугу гуляла,
Злы коренья копала;
Накопавши злы коренья,
На Дунай-рѣку пошла,
Злы коренья полоскала
Бѣлехонько до-бѣла;
А вымывши злы коренья,
Сухохонько изсушу;
Изсушивши злы коренья,
Мелкохонько истолку;
Частымъ ситомъ просѣвала,
Сладкой водкой настояла,
Дубовъ столпкъ убирала;
А убравши дубовъ столпкъ,
Коней пару закладала,

За милымъ дружкоймъ послала,
И послами за милымъ,
Сладкой водкой угощу,
Угостими, распрошу:
«Скажи, скажи, мой миленькїи,
Что на сердцѣ у тебя?»
—«У меня ли на сердечкѣ
Бѣль горючъ камень лежитъ!
Ты, разбестія, мерзавка,
Уморла ты меня!
Ты умѣла уморить—
Умѣй меня схоронить!
Схорони ты меня, размерзавка,
Между трехъ большнхъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большою!
И поставь ты, размерзавка,
Кипарисный черныи крестъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 39.

146.

Всчоръ по лугу гуляла,
Злы коренья я конала;
Накопавши злыхъ кореньевъ,
На Дунай-рѣку пошла;
Ихъ я мыла, вымывала
Чисто на-чисто въ рѣкѣ;
А какъ вымывши коренья,
Сухо на-сухо сушу;
Изсушивши злы коренья,
Мелко на-мелко сотру;
Изотру я злы коренья,
Съ кофьемъ яду наварю;

Наваривши съ кофьемъ яду,
Дружка въ гости позову,
Стаканъ яду поднесу...
А поднеси стаканъ яду,
Про любовь дружка спрошу.
«Ты умѣлъ ли, расканалья,
Мою душу осквернить...

. . . . .
. . . . .
. . . . .

«...Такъ умѣи же, ты, каналья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони же мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Тульской, Петербургской,
Главной Кіевской большой!
Надъ моею надъ могиллою
Жалку пѣсенку запой!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

147.

Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя!
Какъ по водѣ ты плывешь, — извиваешься,
По травѣ ползешь, — листь-траву сушишь,
Изъ норы ты глядишь, — укусить хотишь!
Перелестница, раздушаночка, красная дѣвица,
Перелестила она добраго молодца,
Перелестили она, красная дѣвица, къ себѣ на
ниръ звала.
Какъ п мнѣ-то, доброму молодцу, идти-то не хотѣлося;
На прръ-то пойти — мнѣ живому не быть,
А на ниръ не идти — красную дѣвицу разгнѣвать.
Убирается добрый молодецъ на веселый прръ,

Скидаетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ на себя платье черное,
Идетъ-то добрый молодецъ на веселый ширъ,
И беретъ-то онъ гусли звонкія,
И идетъ-то добрый молодецъ къ новому терему,
И восходитъ онъ, добрый молодецъ, на высокіи
на крылецъ.

Выходитъ къ нему раздушаночка красная дѣвица,
Беретъ-то его, добраго молодца, за правую руку,
И ведетъ его во высокіи теремъ,
Сажаетъ его за дубовый столъ,
Наливаетъ ему чару зелена вина.
У рюмочки по краюшкамъ огонь горитъ,
А на допущкѣ люта змѣя лежитъ....
Какъ ходила красна дѣвица во зеленый боръ,
Въ зеленомъ бору рыла злыя кореньца;
Какъ я мыла-то, мыла злыя кореньца во Суль-
рѣкѣ,
Сушила я, сушила, красная дѣвица, на крутой горѣ,
Толкла я злыя кореньца въ ступочкѣ,
Сѣяла я злыя кореньца на ситочкѣ,
Сыпала я злыя кореньца во зелено вино;
Зазывала я добраго молодца къ себѣ въ гости,—
Подносила я доброму молодцу зелена вина.
Какъ съ вечера у добраго молодца голова больно бо-
леть;

Къ полуночи добрый молодецъ переставился...

Донецкая область. Савельевъ, стр. 156.

148.

Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ;
Валялась кушца, она передъ соболемъ;
Стояла дѣвица, она передъ молодцемъ.

Во лѣвой-то рукѣ держитъ вина скляшцу,
Во правой-то рукѣ держитъ золотой поднось,
Со чарочками-то она съ позолочеными,
Со камушками драгоценными.
Наливала она зеленого вина,
Подносила она удалому доброму молодцу:
«Ты прійми, прійми, прійми, душа, выкушай!»
—«Принять - то чару мнѣ, молодцу, — живому не
быть,

А не принять-то чару — прогнѣвить дѣвку!»
Принялъ-то душа добрый молодець
У дѣвушки зеленого вина,
Выливалъ-то онъ вино во сырую землю.
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змѣя, она возвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.
Кавказа, вып. VII, стр. 83.

149.

Идѣ ты, мой другъ, убираешься,
Убираешься, снаряжасься?» —
— «Я поѣду гулять, молодець,
По зеленымъ лугамъ, по муравчатымъ»...
Захватили молодца жары жаркіе, все петровскіе,
Лютые морозы, все крещенскіе,
Глубокіе снѣжочки, все рождественскіе,
Захватили молодца-то во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, по-близъ города.
Какъ во городѣ все воротки позатворены,
Все нѣмецкими замками позамкнутыя,
А надъ ними-то караульные казачушки поразставле-
ны;

Караульные казачушки они крѣпко спятъ.
Какъ кричалъ молодець громкимъ голосомъ—не до-
кликался,
Соловьемъ свисталъ—даромъ свистъ пропалъ:
Часовые-то казачушки не пробудилися.
Услыхала его красная дѣвица, дочь отецкая, княже-
нецкая;
Надѣвала она сапожечки на босы ножечки,
Кунью шубочку на распашечку;
Брала въ руки красна дѣвица золоты ключи,
Отмыкала замочки нѣмецкіе,
Отворяла ворота желѣзные,
Она брала молодца за бѣлы руки,
Повела его красна дѣвица во высокъ теремъ,
Посадила молодца за дубовый столъ, за скатерти за
шелковыя,
За яствица за сахарныя, за поилница разношныя.
Она брала золотой подносъ по праву руку,
Наливала она зелена вина, зелья лютаго,
Подносила красна дѣвица добру молодцу,
А подносила, все приказывала:
«Когда любишь меня, то ты всю выпьешь,
А какъ я тебя люблю, рассказать нельзя!»—
—«Я люблю тебя, красну дѣвушку раздушаночку,
Но боюсь тебя, какъ змѣю лютую!
Ты сведешь меня съ свѣта бѣлаго,
Какъ свела ты моего братца роднаго,
Что того ли было сына королевича...»

150.

Я поїду, молодець, съ горя на конюшенъ дворъ,
И возьму тамъ себѣ да я коня чалаго,
Коня чалаго возьму, не ѣзжалаго,
Осѣдлаю сѣдломъ я его не сѣдланвымъ,
Я возьму-то себѣ да и плетку не махану,
Я поѣду съ горя да во чисто поле,
Изъ чиста-то поля да во зеленый садъ.
Какъ на встрѣчу ему пдетъ красна дѣвица,
Подъ полою-то несетъ вина склянницу,
Во правой-то рукѣ держитъ золоту чару.
Наливала она въ чару зелена вина,
Подносила она своему другу милому:
«Если любишь, дружокъ, да ты хоть прикушай!»
— «Я тебя-то люблю какъ свою душу,
А боюсь-то тебя да какъ люту змѣю!»
На то дѣвушка испугалася,
Изъ рукъ склянница у ней вырывалася,
Объ сыру-то землю она разшибалася,
Зелье лютое проливалось,
Мать-то сыра земля загоралася....

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ
1867 года, № 266.

151.

Мать сыну говорила:
«Не сѣдай коня долго вечера,
Не сѣзжай съ двора ко полуночи,
Не забъживай во царевъ кабакъ!»
Ой, сынъ матери не послушался:
Онъ сѣдлалъ коня долго вечера,

Томъ I.

И съ двора съѣзжалъ ко полуночи,
Заѣзживалъ во царевъ кабакъ.
Поднесли молодцу вина чару.
По берегамъ чары пѣна бьетъ,
Посередъ чары—люта змѣя.
Не то чару пить, не то на земь лить...
Со страстей молодець уронилъ чару...
Сыра земля загоралася,
Люта змѣя возметалася,
На мои груди молодецкія воспидалася...

Якушкинъ, стр. 566.

152.

Ужъ ты, горе мое, горе, горе казаково!
Уродился казакъ-горе, что былника въ полѣ!
Нѣту, нѣту коню моему сына, казаченькѣ нѣтъ квар-
теры!
Отвели ему квартиру во турецку землю...
Въ турецкой во земелькѣ доли, горы развысоки;
Черезъ эти горы, доли горынь-казагъ воду посить:
Дѣвушка панепочка по бережку гулять ходитъ,
Раздонскаго казаченьку къ себѣ въ гости просить,
Во такіе во гостечки—на шпръ-вечереньку,
На вечеръ-вечереньку, на медь, на горѣлку,
На медь, на горѣлку, на рыбушку ливейку.
Со вечера донской казакъ, со вечера пьетъ, гуляетъ,
Ко полуночи донской казакъ умираеть...

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 81.

Полюбплъ красну,
Полюбивши ошь дѣвицу,
За себя не взялъ,
За себя не взялъ,
Насмѣхаться сталъ;
«Ты не шей, красна дѣвица,
Шптыхъ браныхъ пологовъ!
Ужъ мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу,
Не цѣловать дѣвицу
Во сахарныя усга!
Не трепать молодцу
По дѣвпчьему тѣльцу!
Мнѣ трепать, молодцу,
Весломъ но водѣ!
Цѣловать, мпловать
Матку Волгу-рѣку!»
Ужъ тутъ красна дѣвпца
Призадумалась,
Призадумавшсь, дѣвпца
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила;
«Ужъ есть у меня
Да два братца родныхъ;
Я велю тебя поймать,
Велю тебя потерять...
Я изъ мяса твоего
Ипроговъ папеку,
А изъ сала твоего
Я свѣчь палю,
Изъ буиной головы
Чашу выдѣлаю,
Изъ ясныхъ очей—
Да двѣ чарочки,

Изъ костей твоихъ
Я кровать снащу!
Созову я гостей,
Красныхъ дѣвицъ все душой;
Загадаю пмъ загадку
Не хитру, не мудру,
Не хитру, не мудру—
Не отгадливу;
Ужъ что таково:
Я на миломъ сижу,
И я милымъ подношу,
Милымъ потчиваю,
Ахъ, мнѣ передо мною
Свѣчкою горитъ?»
Тутъ одна красна дѣвица
Призадумалася,
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
«Ужъ я тебѣ, братецъ,
Говаривала:
Не ходилъ бы ты, братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ!
Не любилъ бы ты, братецъ,
Красной дѣвицы души!»

Въ сѣвникѣ 1829 года, стр. 96.

155.

Ужъ и чей это дѣтинушка,
Чей удалый молодецъ?
Ужъ не тотъ ли добрый молодецъ
Изъ Астрахани?

Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбимши красну дѣвку,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
Не шей новыйи положскъ!
Ужъ и миѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу!
Какъ и спать миѣ, молодцу,
На лодочкѣ на носу!
Миѣ грести-то вселомъ
Волгу матушку!»
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходячи,
Ко милому ходячи.
«Не смѣяться, воръ-мальчишка,
Надъ несчастной надо мной!
Ты не думай, воръ-мальчишка,
Что я вовсе сирота!
Ужъ и я, красна дѣвушка,—
Не круглая сирота:
У меня ли, у дѣвчонки,
Есть отецъ, есть и мать,
Есть два брата соколы!
Я ведю тебя поймать,
Душу съ тѣломъ потерять,
Разбестію растерзать!
Какъ изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ
Собѣ стульчикъ я собою,
Изъ широкихъ костей
Я кроватушку смощу,
И изъ буйной головы
Епдовину сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей

Пару рюмокъ выточу,
А пзъ алой твоей крови
Брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твоего сала
Себѣ свѣчь я налью,
Изъ русыпхъ изъ кудреі
Фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твоего тѣла
Проговъ я напеку,
А изъ пальчпковъ-суставчиковъ
Похлебочку сварю!
Созову я, красна дѣвушка,
Всѣхъ подруженекъ;
Какъ и первую подруженьку—
Сестрицу твою!
Посажая я подруженекъ
На лавочку,
А любимую подружку
На скамеечку;
Сама сяду, молода,
На кроватушку!
Загадаю вамъ, подруженьки,
Я загадочку,
А загадочку, подружки,
Неотгадливую:
Я на миломъ спячу,
Я на миломъ гляжу,
Стоитъ милый предо мной
Бѣлоі сальною свѣчей;
Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ печкѣ сидитъ;
Я пзъ мила палпаю,
Во миломъ я подношу,—
Дружкомъ потчиваю!»
Какъ и всѣ мои подружки

Призадумался;
Как и первая подруженька
Догадлива была,
Догадалась она.
«Не загадочку, подруженька,
Ты загадываешь!
Погубила молодца,
Моего братца!»
Вот любимая подружка
Приосердилася.
Выскочила на крыльцо
Простудить свое лице...
«Уж и я ли, красна дѣвушка,
Говаривала:
Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не спосити тебѣ, братецъ,
Вуйну голову свою!»

Саратовская губернія. Косгомаровъ и Мордовцова, стр. 55.

156.

Вечоръ меня милый цѣловаль-миловаль,
Цѣловаль-миловаль, за себя не взялъ,
Только на смѣхъ подпялъ...
Добро жъ, молодецъ, я велю тебя поймать,
И велю поймать, середь поля догнать,
Тѣло потребить, душу погубить...
Изъ тѣла твоего пироговъ папеку,
Изъ костей твоихъ теремокъ срублю,
Изъ маленькихъ—коровать сгорожу,
Изъ кровей твоихъ пива паварю,
Изъ жиру твоего я свѣчей палю,
Изъ русыхъ волосъ фитилей нащриду,

Изъ буйной головы чару вызолочу.
Поставлю свѣчу на печи въ угль:
Ты горп, свѣча, не угасаючи!
Ты плачь, его мать, не умолкаючи!
Зазову же я къ себѣ всѣхъ подруженекъ.
Загадала имъ я загадочку,
Загадочку неотгадливую:
А что таково:
Но милому хожу,
На мплаго гляжу,
Мплымъ подношу,
Мплымъ потчиваю?
Всѣ дѣвушки призадумались;
Одна дѣвушка догадалася,
Изъ бесѣды вонъ подымалася.
«Ахъ, мплый ты мой братецъ, я тебѣ говаривала:
Не ходи же ты поздно вечеромъ!
Потерялъ ты свою голову
Не на Волгѣ-рѣкѣ, не на царской службѣ—
Потерялъ ты свою головушку
У красной дѣвушки на кроватишкѣ.»

Воронская губернія, Земляскій уездъ. Воронежская Босѣда
на 1861 годъ, стр. 156.

157.

Что не ястребъ совыкался съ перенелушкою,
Солубился молодецъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жъ ты мною, отсмѣю и я тебѣ!
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота!
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ жога;

Я изъ рукъ твоихъ, ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твоего я свѣчей насучу,
А послѣй-то того я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватишку,
Загадаю что я пмъ да загадочку,
Я загадочку неотгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милого я пью, милымъ потчую,
А и миль предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывать:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовуть,
Куда поздно зовуть, да гдѣ пьяни живутъ.»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Як ушкинъ, стр. 559.

158.

Какъ у птички у перепелки
Подопрѣли крылушки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Душа красна дѣвица
Примахала рученьки,
По терему ходючи,
По миломъ тужючи...
Молодець казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюби красну дѣвицу,
Насмѣхаться сталь:
«Ты не смѣйся, молодець,

Ты не смѣйся удалой!
Ужъ какъ я ли, молода,
Не совѣмъ спрота:
У меня ли у младеньки
Есть два братца родныхъ!
Я велю тебя поимать,
На дорогъ перенять,
На дорогъ перенять,
Руки, ноги поломать;
Что изъ рукъ и изъ ногъ
Я калачъ совью,
А изъ буйной головушки
Браженьку солью,
Что изъ крѣпкаго сала
Я свѣчь налью!
Созову ли я гостей,
Все подруженекъ своихъ,
Молодцову-то сестрицу
Впередъ посажу,
Загадаю ей загадку
Пестгядливую:
Подлѣ млага сижу,
Я на млага гляжу,
Я на млага гляжу,
Мплымъ потчиваю...»
Молодцова-то сестрица
Догадалася,
Изъ компаніи домои
Подымалася:
«Ахъ, злодѣюшка моя,
Погубила ты меня,
И себя, и меня,
Еще братца моего!»

159.

Ванарейка иташечка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы пожепки,
Вдоль улицы ходючи,
Милаго искаючи.
Она стала шпть-кроить
Тонкїи брашнїи положекь...
«А не спать мнѣ, молодцу,
Въ шптомъ браномъ пологу!
А мнѣ спать ли, молодцу,
Въ легкой лодкѣ на носу!
Цѣловать мнѣ, мпловать
Мѣдну пушечку!»—
—«Ужъ ты, мальчикъ молодой,
Сталь смѣяться надо мцой!
У меня ли у младой
Есть и маменька,
Есть два братца родные,
Три двоюродныхь...
Я велю тебя поймать,
Среди пути нагнать,
Руки, ноги обломать!
Изъ твоихъ изъ рукъ, изъ ногъ
Себѣ стульчикъ закажу;
Изъ твоего ли бѣла тѣла
Пироговъ напеку;
Изъ твоей я алой крови
Пива пьяза паварю;

Изъ твоихъ пзъ глазъ-очей
Пару рюмочекъ солью.
Всѣхъ подружекъ созову,
А твою меньшу сноху
Противъ себя посажу....»
А твоя меньша сноха
Зла, досадлива была,—
Дверью хлопнула, ушла.

Самара. Вареицовъ, стр. 53.

160.

Я живаль-бываль въ Казани, выросъ въ Астрахани,
Я любилъ красну дѣвчонку, хотѣлъ замужъ ее
взять...

Я замужъ-еть не взялъ, пасмѣхаться надъ ней сталъ.
«Ты не смѣйся, молодець, не смѣйся, астраханецъ!
Ужъ какъ я, красна дѣвчонка, я не вовсе спрота!
У меня ль, у красной дѣвки, есть отецъ и мать,
Два брата молодца, да два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, среди поля догнать,
Среди поля догнать, руки, ноги поломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ сама сошью себѣ кро-
вать,

Изъ буйною головы двѣ питныя ендовы,
Я изъ крови изъ твоей пиво пьяно наварю,
Я изъ сала твоего свѣчекъ алыхъ намочу,
Изъ мяса твоего напеку я широговъ,
Соберу своихъ подружекъ и загадку загаду:
Я на мленькомъ сижку и на млаго гляжу,
На столъ милыйи стоить, въ свѣчѣ милый горпть,
Во свѣчѣ милыйи горпть, мильмъ потчиваю...»
Какъ изъ нихъ одна дѣвчонка сдогадлива была,
Какъ догадлива дѣвчонка, родна сестрица его...

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 91.

161.

«Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воска яраго,
Ты не шей, дѣвка, шемахальскій шелкъ!
Шемахальскіи шелкъ съ кораблями шель,
Дорогъ купится—долго носится!»
—«Ты не смѣйся мнѣ, добрый молодець!
Я сама, дѣвка, не безродная:
У меня, дѣвки, есть отецъ и мать,
Есть два брата большихъ,
Двѣ сестры меньшихъ!
Я велю тебя поимать,
Въ чистомъ полѣ растерзать!
Я изъ рукъ, изъ ногъ скомью сдѣлаю,
Я изъ тѣла твоего проговъ папеку,
Я изъ кровп твоей пива паварю,
Я изъ мозга твоего вина пакурю,
Я изъ головы твоей чару выточу...
Зазову я гостей— всю твою родину,
Посажая я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скамеечку;
Загадаю я имъ три загадки:
На миломъ-то я спужу,
Милымъ говорю и потчую...»
Какъ большая сестра догадалася:
«И давно тебѣ, братецъ, говарпвала:
Не ходи, братецъ, поздно вечеромъ,—
Потеряешь ты свою буіну голову!»

Вязицкая губернія, Даншювскій уѣздъ. Живая Старина 1894 года,
вып. II, стр. 286.

162.

Изъ рукъ, пзъ ногъ коровать смощу,
Пзъ буйной головы еядову екую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ папеку,
А пзъ сала его я свѣчей палю...
Созову я бесѣду—подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его;
Загадаю загадку неотгадливую:
Ой, и что таково:
На миломъ я сняжу,
На милаго гляжу,
Я милымъ подпошу,
Милымъ потчпваю,
А и миль передъ мною
Что свѣчею горитъ?
Никто той загадки не отгадываетъ;
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его:
—«А я тебѣ, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, позднимъ-поздно,
Позднимъ-поздно, поздно вечера!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 99.

163.

Черезъ рѣчку, черезъ быстру,
Быль-то дорогъ перевозъ;
Я свою ли любезную
На рученькахъ перенесъ,

Перенесъ, перескочилъ,
Ничего не замочилъ,
Только съ правой ноженъки,
Башмачекъ въ воду скочилъ.
Мнѣ не жалко башмачка,—
Жаль шелковаго чулка:
Башмакъ батюшка купилъ,
Чуллокъ мплой подарилъ;
Онъ для того дарилъ—
Ночевать ко мнѣ ходилъ...

Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюбилъ я дѣвицу
Полюбилъ хорошую;
Полюбивши красну дѣвицу
Обѣщался дѣвку взять,
Взять ли, не взять,—
Надемѣхаться надъ ней стать.
Не совѣмъ дѣвка бѣдна,
Не совѣмъ спрота:
Ей отецъ есть и мать,
И два брата сокола,
Есть буланы и вороны,
Полдюжины лошадей;
Прикажу тебя, злодѣя,
Среди пути догнать,
Руки, ноженъки ековать, *equal to death*
Во солдатуники отдать!

164.

У меня ль, у красной дѣвушки,
Нѣтъ ни батюшки, ни матушки,
Нѣтъ ни роду, ни племени;
Только одна злая мачиха,
Злая змѣя подколотная.
Посылаетъ меня матушка
На высокъ теремъ постелю стлать!
«Ты иди, красна дѣвушка,
На высокъ теремъ постелю стлать!
Ты стели, красна дѣвушка,
Двѣ постели пуховыя;
Ты клади, красна дѣвушка,
Узголовья высокія;
Одѣвай, красна дѣвушка,
Одѣялы собольими!»
Какъ пошла красна дѣвушка
На высокъ теремъ постелю стлать,
И взяла съ собою дѣвушка
Два пожа, два булатные,
Да веревочку невѣчную.
На дворѣ-то смеркается, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то и позднымъ-поздно, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ и къ полуночи, —
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то бѣлымъ-бѣло —
Красна дѣвушка идетъ съ терема;
Русые волосы растрепаны,
Ясные очи заплаканы,
Бѣлыя руки опущены.
«Государыня матушка,

Томъ I.

Ты иди, прибирай гостей!
Одного я зарѣзала,
А другого повѣспла...»—
— «Ахъ, злодѣйка проклятая!
Да и что жъ ты надѣлала?
Ты холостаго зарѣзала,
А женатаго повѣспла!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 98.

165.

У лѣвенка, у лѣвенка у дремучаго,
У ключика, у ключика у текучаго,
Удалой донской казакъ свель коня поить,
Паносиши, оги добра коня сталь выглаживать,
Сталь выглаживать, охорашивать,
Своему добру коно сталь показывать:
«Ужъ ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры—до бѣлой зари,
До бѣлой зари, вилоть до солнышка!
Когда красно солнышко высоко взойдетъ,
Молодая шельма-вдовушка платье мять поидетъ,
Разлацунка красна дѣвушка за водою придетъ...»
Какъ дуна ли красна дѣвица за водою пошла;
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почеринула голубецькими глубокохонько;
Почеринуши, ведерочки прочь отставила,
Съ молодымъ добрымъ молодецъ рѣчи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
«Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту,
Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго,
Не любить тебѣ, дѣвушка, парня бравата!»
> Черезъ силушку дѣвушка ведра подняла... <<
Родимая ся матушка выпла, встрѣтила:

«Милос мое дитятко, пли гдѣ была,
Пли гдѣ была, пли что пила?»
— «Родимая моя матушка, ни гдѣ не была,
Ни гдѣ не была, ни чего не пила,
Съ молодой только вдовушкой порассорилась!»
Со вечера красна дѣвушка разгоралася,
Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилась;
За обѣденку красну дѣвушку хоронить песуть.
Напередь красной дѣвушки идетъ поць со дякономь,
Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
По правую сторонушку подружань идутъ.
По лѣвую сторонушку добрый молодець...
Идетъ добрый молодець, спотыкается,
Горючими слезами обливается...
Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
«Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру землю!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 53.

166.

Какъ пошла наша Параня съ горы на гору гулять,
Съ горы на гору гулять, по студеную воду...
На встрѣчу Паранѣ Васильюшка идетъ;
Зацѣпилъ ли онъ Параню посередь живота,
Посередь живота, поперегъ хребта,
Онъ ударилъ Параню объ сырую землю...
Какъ идетъ наша Параня безъ воды домой,
Безъ водицы домой, безъ ведерочекъ на двоѣхъ...
Какъ на встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что у те, Параня, бѣло личико въ крови,
Бѣло личико въ крови, кувья шуба во снѣгу?...»
Въ Благовѣщенской во церкви въ большой колоколь
звонять,

Ажно нашу Параню къ погребенію несутъ.
Водопьяновъ Васильюшка догадливъ былъ,
Напередъ онъ забѣгалъ, онъ канонъ прочиталъ,
Онъ канонъ прочиталъ и Параню поминалъ...
«Собирайтеся, ребята, вы на лѣвой крылосъ,
Вы цѣлуйте Параню въ послѣдній разъ,
Собирайте, братцы, холсты и полотна,
Онуцайте вы Параню во сыру землю!
Не достанься, Паранюшка, ни мнѣ, никому,
Какъ ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему!
Какъ досталася Параня сырой матушкѣ землѣ,
Сырой матушкѣ землѣ, гробовой доскѣ!»

Россійская Эрата, часть III № 66. После каждого стиха при-
пѣвъ: Ахъ люди, ахъ люди, ахъ люшечки полюди. Очень сходная
пѣсня: Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 87.

167.

Шошла наша Параня по студеную водицу,
По студеную водицу, по колодезную...
На встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что ты, Паранюшка, не весела идешь?»—
—«Государь ты мой батюшка, головунка болитъ,
Отъ головунки я, батюшка, вся немощу!»
Ужъ ко вечеру Параня разнеможилася,
Ко полуночи Параня переставилася.
Какъ во городѣ Козельскомъ въ большой колоколь
звонятъ,
Въ большой колоколь звонятъ, Параню хоронятъ.
Какъ Ванюшка дѣтника догадливъ былъ—напередъ
забѣгалъ,
Напередъ забѣгалъ, на панерти стоялъ,
На панерти стоялъ, Параню онъ встрѣчалъ...

Русинский сборникъ XVIII вѣка. Отечественныя Записки
1838 года, № 1, стр. 311. После каждого стиха припѣвъ: Люби
вѣдь, люби, люби, люби, люби.

168.

Какъ пошла наша Параша
Въ яровое поле жать.
Первый снопь она нажала, —
Алой лентой завязала;
Другой то снопь нажала, —
Голубой перевязала;
Что третій снопь нажала, —
Чернымъ кантомъ завязала;
Что четвертый снопь нажала —
Домой скоро побѣжала,
За раптушку попала.
Что парашка воровать
Впередъ дѣвки побѣжалъ;
Вострый ножичекъ точилъ,
Все Паранюшкѣ грозилъ.
Что попалися Паранѣ
Отецъ съ матерью родной.
«Что у тебя, мила Параша,
Прирастрепана коса,
Прирастрепана коса,
Да разбиты волоса?» —
— «Родной батюшка,
У меня головушка болитъ!
Что родная моя матушка,
И вся я немогу!»
Что къ вечеру Парашонка
Во постелюшку слегла;
Къ полупочкѣ Паранюшкѣ
Пона привелъ,
Что къ утру Парашенька
Скончалася.
Что у Снаса у Черкеса

Въ большой колоколь звонять,
Въ колоколь звонять,
Везуть Пашу, хоронять.
Что парнишка воровать
Впередъ Пашп забѣжалъ,
Впередъ Пашп забѣжалъ,
Да на наперти стоялъ.
Опъ къ Парашѣ подходилъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Въ уста три разъ цѣловалъ.
«Извини меня, Параша,
Отъ меня ты померла!
Не совсѣмъ хотѣлъ зарѣзать,
Хотѣлъ только пошутить!»

Вологда. И в а п и ц к ѣ й, стр 324.

169.

Ходила Параша съ горы на гору гулять,
Яровое жито жать.
Она первой сношь нажала,—
Лююй ленточкой связала;
А второй сношь нажала,—
Къ ретиву сердцу прижала;
Она третій сношь нажала,—
Заплакала, пошла, къ собесѣднице зашла,
Къ собесѣду на бесѣду, коромысла попросить,
Съ ключа воды поносить...
А Ванюшка догадливъ очень былъ,—
Напередъ забѣжалъ,
Напередъ забѣжалъ, Парашу дожидать.
Опъ дождавшись Парашеньку, спрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, Парашенька,

Скажи, сердце мое,
Скажи, сердце мое:
Одного ли любишь меня?»—
—«Семерыхъ съ тобой люблю
И восьмому не грублю!»
А какъ ударилъ онъ Парашу по лицу,
По румяной по щекѣ,
Да по бѣлому лицу, по румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ;
А жемчужная серижинка разсыпалась,
Свѣтъ Парашенька расилакалась...
Какъ на встрѣчу Парашѣ идутъ
Родной батюшка съ родной матушкой.
«Отчего въ тебя, Параша,
Позатерты рукава, позаплаканы глаза?»—
—«А я съ крутой горы катилась,
Объ бѣль камушекъ разбилась!»
Какъ со вечера Параша во постельку легла,
Со полуночи Параша переставилась;
А по утру во соборѣ въ большой колоколь звонять,
Знать, Парашу хоронять...
Ванюшка Торонецкій догадливъ былъ, впередъ забѣ-
галъ,
Яры свѣчи закупаль,
Яры свѣчи закупаль и ко гробу приидавалъ,
Черну тафту поднималъ...
«Ты скажи, скажи, Параша, скажи, сердце мое!
Я нарочно пошутить, ты и забыль умерла...»

Торонецъ. Семейскій (Торонецъ), № 90. После каждого двустипна
припѣвъ: Люли, люли, съ повтореніемъ отъ трехъ до пяти послѣд-
нихъ слоговъ.

170.

Жили два жыльца,
Два родные братца:
Семіонъ да Агафонъ.
У Семіона дочь Алена,
У Агафона сынъ Алешка.
Захотѣлося Алешкѣ
Аленку замужъ взять.
Онъ свата посылалъ—
Тамъ въ глаза имъ наплевали...
«Молчи же ты, Аленка,
Допеку же я тебя!»
И пошла наша Алена
На колодець за водою;
А Алешка-то песь,
Онъ догадливъ былъ,
Напередъ забѣгалъ,
За колодець западалъ.
И схватилъ же Аленку
За шелковѣйіи поясокъ,
За тонкой животокъ,
И хлопнулъ Алену
О сырую о землю.
«Не достанься же, Алена,
Ни мнѣ и никому,
Ни другу моему,
Ни злодѣю моему!»

Вологодскій уѣздъ. Иванъ Ильичъ, стр. 126.

171.

Какъ сватался-су воръ Яшка
Пять лѣтъ на Устнѣхъ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати,
Не могъ доступити.
Пошелъ-то воръ Яшка
Къ дѣвушкамъ голубкамъ,
Устнѣннымъ подружкамъ:
«Ужъ вы, дѣвушки голубки,
Устнѣнны подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ:
Выманите Устинью
Въ Марьянскую роццу!»

Дѣвушки согласилась.

Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя
Къ бабушкѣ старушкѣ,
Устнѣннѣй мачкѣ.

Приходить.

Устнѣнна мачка
На печкѣ сидѣла;
Бабушка старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки, поздравившись съ нею, сказали:

«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
Въ Марьянскую роццу

Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати!»
Какъ сговорить-промолвить
Устиньша мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Пигдѣ не бывала,
Людей не видала!»

Но подружки Устиньши упростили бабушку старушку;
она согласилась отпустить съ ними дочь свою.

Устинья во снѣпяхъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юшку,
Штофну душегрѣю.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Во Марьянскую роцу.
Надѣвалъ-то воръ Яныка
Понизову юшку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ, онъ одѣлся по-женски, и приходитъ тоже въ
Марьяну роцу. Устиньши подружки приняли его за москов-
скую гостью, свою подругу. Они завели дѣвичьи игры, и
раздѣлились попарно и

Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устиньѣ,
Приходилось голубкѣ
Съ московскою гостьей.
Какъ сговорить Устинья,
Какъ сговорить голубка:

«Что это за гостья,
Что за московка?
Какъ барская хилка,
Какъ-су воръ Янька!»

Янька, видя, что его узнали, оставляетъ притворство.

Какъ сговорить воръ Янька,
Взговорить Устенья:
«Пойдешь ли за меня замужъ?»
Какъ взговорить Устенья,
Какъ взговорить голубка:
«Я что себѣ ни прійму, —
За тебя замужъ не пойду!»
Какъ вынимаетъ воръ Янька
Ножичекъ булатный,
Убиваетъ Устенью,
Убиваетъ голубку.
Приходятъ подружки,
Приходятъ голубки
Къ Устеньиной мачкѣ:
«Бабушка старушка!
Твоя-то Устенья
Кровию вѣнчалась,
На пожѣ обручалась....»

Устенья

Старушка, мачка Устенья, доноситъ суду на подружку Устеньиныхъ. Ихъ берутъ подъ стражу, допрашиваютъ, и по ихъ совѣщанію въ соучастіи, ихъ высѣкли кнудомъ и сослали; Яньку же повѣсили.

Сухановъ, стр. 28. Издатель этой въ разныхъ отношеніяхъ сомнительной пѣсни сообщаетъ, что онъ ее слышалъ отъ семидесятилѣтней старухи, которая, «гдѣ стихи, то ихъ пѣла, а гдѣ проза, то ее произносила такъ.»

172.

Вздиль Митрії Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ...
Сидѣла Домна Александровна
Въ новой горенкѣ, подъ косявчатымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ подъ стеколышкомъ.
Думала она, удумлывала,
Хулила его, охулывала:

«Вздить-то Митрії Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Панередь горбатъ, назадъ поклань,
Глаза у него быдто у совы,
Брови у него быдто у жогги,
Носъ-то у него быдто у журава.»
Прпкликкала сестрица Марья Васильевна:
— «Ай же ты, братецъ Митрії Васильевичъ!
Заводи, братецъ, ширъ-шпрованьлице,
Завови-тка Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный ширъ!»
Приходили посылы къ Домниной матушкѣ.
Они крестъ кладуть по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
На все стороны поклоняются,
Сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный ширъ!»
Говорила Афанья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкій дворъ, на почестный ширъ!»
Первы посылы со двора не сошли,
Еще другіе посылы на дворъ пришли,

Говорятъ Аѳимья Александровной:

«Ай же ты, Доминна матушка!

Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пирь!»

Говорила Аѳимья Александровна:

«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкій дворъ, на почестный пирь!»

Еще другіе послы со двора не сошли,

А третьи послы на дворъ пришли,

Говорятъ Аѳимья Александровной:

«Ай же ты, Доминна матушка!

Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пирь!»

Говорила Домна Александровна:

«Ай же ты, родна моя матушка!

Если спустишь,—пойду, и не спустить,—пойду!»

Говорила Аѳимья Александровна:

«Ай же ты, дитятко Домна Александровна!

Не ходи-тка къ Митрію Васильичу:

Ты хулила его, охуливала...

Я почесъ спала, грозень сонъ видла:

Быдто золота цѣпочка разсыпалася,

Разсыпалася она и укаталася...»

Говоритъ Домна Александровна:

«Ай же, родна моя матушка!

Про себя спала, про себя сонъ видла!

Уйду я замужъ за Митрія Васильича...»

Говоритъ же Доминна матушка:

«Ой же ты, Домна Александровна!

Надѣвай-ка ты три платыца:

Первое одѣнь вѣчальное,

А другое надѣнь опальное,

А третье надѣнь умершее!»

Садилася она на добра коня,

Поѣзжала къ Митрію Васильичу.

Пріѣзжала она на бѣлый дворъ;
Встрѣчаетъ ю Митрію Васильевичъ,
Онущаетъ ю съ добра коня,
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловаль во уста во сахарныя,
Вель ю за столы за дубовые.
Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ
И учаль онъ Домну по бѣлу тѣлу;
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбѣвается;
Пала она на кирпичный полъ...
Схватились же Домны,—живой вѣту...
Прозпала ея родна матушка,
Скоро прибываетъ на бѣлоемъ дворѣ;
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный полъ...
Схватилсь же ея матушки,—живой вѣту...
Говорить тутъ родной сестрицѣ Митрію Василье-
вичъ:
«Ай же ты, моя родная сестрица Марья Васильевна!
Ты сдѣлала три головки безповинныхъ!»
Онъ схватилъ съ гвоздя булатный ножъ,
Наставилъ тупымъ концемъ во кирпичный полъ
И острымъ концемъ во бѣлы груди...

Олонская губернія. Рыбинковъ, часть 1, стр. 461.

173.

Какъ идетъ-то Димитрій князь во заутренѣ;
Увидала его въ окно Домна Фалесениа.
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, мои няпонки-мамушки!
Ужъ не этотъ ли Димитрій князь,
Ужъ не этотъ ли женихъ-отъ мой?»

Онъ идетъ ко заутренѣ.
Онъ сутуль-горбать,
У него носъ курнось, косые глаза,
У него-то зубы—что соломенны пукли,
А ногамъ-то онъ загребастъ,
И весь-то сибѣ по улицѣ заматаеть!»
Какъ услыхалъ туто Дмитріи князь
Насмѣнку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Аленѣ Степановнѣ:
«Ты, сестрица моя Аленушка!
Ты сдѣлай для дѣвпцѣ парѣ
И позови же туто Домну Фалелеевну!»—
—«Ты, любезный родимый мой братецъ!
И я все для тебя могу сдѣлать.»
Стала сестра его готовиться
И за своимъ подругами стала носылать пословъ;
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.
Ужъ какъ первый посоль, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
Ко нашей ко Аленѣ Степановнѣ,
Хлѣба-соли къ ней кушати.»
—«Не пойду я, не подумаю:
У Аленушки братецъ холость-неженатъ.»
Другой посоль на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
Ко нашей ко Аленѣ ко Степановной,
Хлѣба-соли кушати.»
—«Не пойду я, не подумаю:
У Аленушки братецъ холость-неженатъ.»
Ужъ какъ третій посоль, онъ въ горницу взошелъ,
Шляпу скинулъ, поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,

Ко нашей ко Аленѣ ко Степановѣ,
Хлѣба-соли кушати!
Она безъ васъ хлѣба-соли не кушаетъ
И бѣлаго лебеда на столѣ не разрушываетъ.»

—«Не поиду я, не подумаю:»

У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»

Услыхала ее родимая матушка:

«Ты поди, мое дитятко,

Ты поди, мое чадо милое!»

—«Государыня моя, родимая матушка!

Нехорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:

Бархатная моя юбка вся изодраная

И золотъ-то мой перстень распаявъ лежить.»

—«Ты, дитѣ ль мое, дитятко!

Ужъ какъ нынче спать не вѣрують.»

Ужъ какъ тутъ Домна Фалелеевна

Убралася-спрядилася

И пошла ко Аленѣ ко Степановѣ.

Какъ встрѣчаетъ Алеса Степановна

Домну Фалелеевну,

Посадила Домну Фалелеевну поконецъ стола,

Ипже всѣхъ подруженекъ.

Ужъ не сами-то двери растворялися,

Растворять двери Димитрій князь.

Какъ возговорить Домна Фалелеевна:

«Охъ ты, Димитрій князь!

Ужъ какъ ты сутуль-горбатъ,

У тебя носъ курносъ, косые глаза,

У тебя-то зубы какъ соломенные пучки,

И ты ногами-то загребаешь,

И всѣ-то ковры въ кучу сметашь!»

Ужъ какъ взялъ-то Димитрій князь

Домну Фалелеевну за правую руку,

Онъ повелъ ее во свою спальню,

И онъ былъ Домну до полумерти.

Ужъ какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,

Чтобъ прислала ей матушка три платьца:

Ужъ какъ первое платье—дѣвичье,

А другое-то—подвѣнечное,

А третье-то—смертное.

Ужъ тутъ возговорить ея матушка:

—«Ужъ я буду нынче снамъ вѣровать!»

Симбирская губернія, Сызранскій уездъ. Курьевскій, вып V,
стр. 63.

174.

Что не стукъ-то стучитъ вдоль по улицѣ,

Что не брякъ-то брячитъ вдоль по широкой,

Какъ идетъ Митрій князь ко заутренѣ.

И увидала Домна Александровна

И говорила родной матушкѣ:

«Что не этотъ ли Митрій князь,

Что сказали онъ хороши и пригожи,

И лицомъ не ряби, и глазамъ не коси?

Онъ сутуль и горбать и лицомъ-то ряби!»

Митрій князь, онъ ворочался.

Ужъ онъ къ домичку подходитъ....

«Ты сестрица, моя ласточка!

Дѣлай-ка пирь у себя,

Позови-ка-сь подружку милую!...»

—«Ты поди-ка-сь, подружка милая

На честной веселый пирь!...»

Стала она снаряжатися...

Говорила родна матушка:

«Пехорошій мнѣ сонъ повидѣлся:
Будто у меня весь жемчугъ разсыпался;
Я весь жемчугъ пособрала,
Не нашла одной жемчужники!»
— «Ты, родная моя матушка!
Ты сама спала, тебѣ видѣлось.....»

.....
«Надѣвай-же платье трояцато:
Ужъ какъ первое платье—воскресенное,
А второе платье—подвѣчное,
А третье платье ты—смертное!»
Какъ во дворъ-то взошла—все огни горять,
Все огни горять, все котлы кипятъ;
Она тутъ-же испужалася,
Скоры ножки подломплися;
Ужъ какъ въ новы свѣчки взошла,
Она поклонилася.

«Ты поди-ка, поди, Домна Александровна,
Ты, хорошая и пригожая,
Ты, не сутулая, не горбатая,
Что лицо не рябое и глаза не косые!»
Ужъ билъ ее Митрій князь со вечера
Что со вечера до полуночи,
Со полуночи до блага дня...
Что не ласточка увивается,
Увивалася родна матушка:
«Ты скажи, ты, дитя милое,
Ты скажи, что я твоя,
Твоя суженая!»
А ужъ онъ и убилъ ее
До смертушки....

175.

Какъ сватался Димитрій князь,
Какъ сватался сынъ Васильевичъ
Что на Домгъ, на Домшунгъ.
На Домвъ Фалелесвнъ,
По три года, по три мѣсяца,
По три утра, по три вечера
Отъ воротъ не отъѣзжаючи.
Зазвонилъ къ заутренъ,
Что къ честной Воскресенскія.
Тутъ поѣхалъ Димитрій князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичъ
Что ко той ко заутренъ,
Ко честной Воскресенскія.
Кдалася Домнушка,
Домна Фалелеевна
Во косяцето оконечко,
Что по плечъ буину голову.
«Ужъ вы, пяношки, мамушки,
Мои вѣрны служаночки!
Вы идите скоро ко мнѣ,
Посмотрите на улицу:
Еще этотъ ли Димитрій князь?
Еще этотъ ли сынъ Васильевичъ?
Ахъ, пожища-го, что вилища!
Ручища-то, что граблища!
Головища, что пивной котель!
Глазища-го, что ямища!
Губища-то, что палчища!»

Князь Димитрій это видѣлъ и слышалъ.

Какъ приходитъ Димитрій князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичъ

Отъ Божьей отъ заутрени,
Отъ честной Воскресенскія.
Говоритъ другу вѣрному,
Что сестрицѣ роднымя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
«Ты, сестрица родная,
Настасья Васильевна!
Собери же ты честный пиръ
Не князьямъ и не боярамъ,
Не княгинямъ, боярынямъ,—
А для Домны, для Домнушки,
Для Домны Фалелесвны!
Скажи, что Дмитрій князь
Со князьями, съ боярами,
Забавляется охотою.»
Посылала Настасьюшка,
Посылала Васильевна
Своихъ вѣрныхъ подруженекъ
Что ко Домнѣ, ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелевнѣ,
Ее звать на честной на пиръ.
Что приходятъ подруженьки
Ко Домнѣ Фалелевнѣ,
Говорятъ таковы слова:
«Ужъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелесвна,
Что звала тебя подруженька,
Настасья Васильевна
Что къ себѣ на честной пиръ.»—
—«Еще дома ли Дмитрій князь?
Еще дома ль сыгъ Васильевичъ?»
Вопросила ихъ Домнушка.
Отвѣчали подруженьки:
«Что Дмитрія дома нѣтъ;
Онъ съ князьями, съ боярами

Забавляется охотою.»
Тутъ сказала имъ Домнушка,
Домна Фалелсевна,
Что придетъ она къ Настасьюшкѣ.
Снаряжалася Домнушка,
Домна Фалелсевна,
Къ своей вѣрной подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Какъ пришла ся матушка:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелсевна!
Не ходи ты къ подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Что почесъ мнѣ мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось:
Что хожу я по горницѣ,
Одѣваюсь въ платье цвѣтное,
Выбираю я свои кресты
И не вижу одного креста,
Одного креста, самаго лучшаго,
Съ дорожками-то со вставками,
Съ самоцвѣтными камнями.»

Домна Фалелсевна, увѣренная въ дружбу Настасьи, не послушалась совѣтовъ доброй матери. Однако, имѣя какое-то сердечное предчувствіе, взяла украдкою изъ своихъ заповѣд-ныхъ ларцовъ два ножичка булатные и спрятала ихъ подъ платье.

Не послушала Домнушка
Словъ родимыя матушки;
Пошла къ вѣрной подруженькѣ,
Къ Настасьѣ Васильевнѣ.
Какъ на полпути встрѣтились
Въ стѣнѣ Домнѣ Фалелсевнѣ
Два калпки прохожіе.

Говорили-то Домнушкѣ.
Домнѣ Фалелеевнѣ:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна!
Не ходи ты къ Настасьионкѣ,
Къ своей вѣрной подруженькѣ!
Что Настасья зло думаетъ:
Не повѣхаль на охотушку
Ея братецъ Дмитрій князь.»

Эти калки были любимые молодые бояре князя, перелѣтые калками и сами влюбленные въ Домну Фалелеевну. Домна Фалелеевна, можетъ быть, и повѣрила имъ, но не хотѣла возвратиться домой, давши слово своей вѣрной подругѣ.

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелеевна,
Къ широку двору Настасьину.
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелеевну,
Все князи и бояра,
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Приходила къ повымъ сѣнямъ.
Ее на сѣнчкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька
Настасья Васильевна.
Говорить ей таковы рѣчи:
«Приходи, ты, гордливая
Приходи-ка, ломливая,
Приходи, высокородная!..»
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ зашавѣли узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Дмитрій князь.

Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелсевичи,
Ноги рѣзвы подломилася,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладетъ она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей матери,
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилася.
Тутъ Пастасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька,
Ее посадила за дубовый столъ;
Ея братецъ Димитрій князь,
Родимый сынъ Васильевичъ,
Налилъ чару зелена вина,
Подносили чару ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелсевичѣ.
«Ты прими-ка, горделивая,
Ты прими-ка, ломливая,
Эту чару зелена вина
Отъ ручищей, что отъ граблицей,
Отъ глазищей, что отъ ямщицей,
Отъ главница, что нивной котель!»

Тутъ, какъ видно, послѣдовало предложеніе князя Димитрія Васильевича, что она волею или неволею, а должна быть за нимъ. Домна прибѣгаетъ къ притворству, соглашается, и вотъ ея отвѣтъ:

Что возговоритъ Домнушка,
Домна Фалелсевича:
«Ты позволь мнѣ, Димитрій князь,
Ты позволь, сынъ Васильевичъ,
Мнѣ съѣздить во чисто поле

На могилу въ родну батюшкѣ
Попросить позволенія!»

Димитрій колеблется.

«А чтобы я не ушла отъ васъ,
Пошли спереди вожатаго,
А позади провожатаго.»

Князь отпускаетъ ее съѣздить къ могилѣ родителя и
посылаетъ съ нею множество своихъ вѣрныхъ слугъ.

Пріѣхала-то Домнушка,
Домна Фалелеевна,
На могилу родна батюшка;
Соходила со добра коня,
Ставовилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножничка булатные,
И сказала таковы слова:
«Не достанься ты, тѣло бѣлое,
Что не сукѣ-то борзья,
Не змѣѣ заозерскія,
Что не кобелю борзому!»

Тутъ она падаетъ на полки и закалывается. Слуги воз-
вращаются и доносятъ о ея смерти Димитрію. Димитрій
немедленно ѣдетъ туда, видятъ бездыханное тѣло Домны
Фалелеевны, приходитъ въ отчаяніе; безъ Домны ему
оностыла жизнь; онъ также втыкаетъ въ могилу два ножа
булатные, падаетъ на нихъ, и потомъ, обливши бездыханное
тѣло Домны Фалелеевны, умираетъ.

Таково заключеніе.

Бода. Суухановъ, стр. 3: «списано слово въ слово, какъ здѣсь
значится.»—Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

176.

Ночьче Купалы, завтра Иваны!

Купалы на Иваны!

Купался Иванъ да въ воду упалъ!

Купалы на Иваны!

Охъ, братъ сестру двору кличетъ,
Загубить хочеть...

Купалы на Иваны!

«Ой, братецъ мой Ивапушка,
Не губи меня у буденный день,
Загуби меня у воскресныйи день,
Положи меня увъ оградѣ,
Обсади меня стрѣльницами,
Обвѣшай меня наметками,
Обвѣй меня василечками!
Молодцы идутъ—стрѣльницы рвутъ,
Старушки идутъ—наметки берутъ,
Дѣвицы идутъ—василечки рвутъ, вѣночки вяжутъ,
Меня, молоду, поминать будутъ!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Халанскій, № 12
(«купальская»).

177.

Во городѣ во Бѣлградѣ случилась бѣда:

Молодая монашечка дптя родила;

На третійи день монашечка на Дунаѣ отнесла.

Тамъ ѣздпли рыболовнички, рыбу ловпли;

Да поймали жъ оип, рыболовнички, щуку да меня,

А послѣйи того—малаго дптя...

Усѣхъ монашечекъ къ допросу на дворъ...

Усѣхъ идутъ, по цвѣточку несутъ,

Уво гвѣхъ цвѣточки цвѣтуть, въ одной не цвѣтеть.
Позади идетъ родная матушка, горючей слезой льеть:
«Дитѣ якъ мое, дитѣ милое, причина твоя!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 13.

178.

Во градъ было Кіевъ,
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая,
Ее братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина.
Поѣхалъ онъ съ нею за море...
Тамъ годъ живутъ и другой живутъ;
На третій годъ встосковалися,
Поѣхали къ своей матушкѣ.
Онъ день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны палетѣли—
Злы разбойники наѣхали,
Морянина смерти предали,
Морянчепка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли...
Разбойники постѣ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежитъ онъ, Богу молится;
Самъ морянку въспрашиваетъ:
«Морянка, морянка, морянушка!
Изъ котораго ты города,
Ты какаго отца-матери?»—

— «Я города, сударь, Кіева.
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая я, несчастная;
Меня братья возлелѣвали,
Возлелѣвавъ, замужъ выдали,
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина...»

Взвонилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
«Вы, братья, вы, братья родимые!

Не морянина мы зарѣзали,—
Мы зарѣзали зятя милаго!
Не морянченка въ море бросили,—
А племянника мы роднаго!

Не морянушку въ полонъ взяли,—
Положили сестру милую!

Сестрица, сестрица родимая,
Не сказывай нашей матушкѣ!
Опять тебя отдадимъ замужъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго!»

Что возговоритъ во слезахъ сестра:

// «Вы чѣмъ меня ни надѣлите,
Мила друга не воскресите!»

Песенникъ 1780 года, часть I, стр. 130.—Весельчакъ иида
сугъ, часть I, стр. 181.—Очень сходная пѣсня: Вильбоа, № 43.

179.

Жила-была молода вдова,
Наростила стадо малыхъ дѣтокъ—
Девять сыновей да одну дочь.
Они все да вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли,
Во разбой пошли—службу царскую,
Ко тому да царю бѣлому,

Царю Бѣлому, да Петру Первому;
Одну сестру да замужъ отдали
За славное за сипе море,
За славнаго купца богатаго,
За богатаго да за поморскаго.
Она годъ жила, да не стоснулася,
Другой жила—въ умахъ не было
Своей родимой сторонушки,
И на третій годъ да стосковалася
По своей родитель вдовы-матушки.
Тутъ у свекрушка да подавалася,
У свекровушки доложалася,
Съ молодымъ мужемъ собиралася.
Они вздумали съ мужемъ, поѣхали.
Выѣзжали среди синя моря.
И вдругъ двѣ тученьки призатемнили,
Не бѣлы снѣжки призабѣлили,—
Призатемнили больше корабля,
Призабѣлили точки паруса.
Мы ду-другу встрѣчались,
На Кіагъ-море съѣзжалася;
Мы тутъ ду-друга да вѣдь не узнали.
Наѣхало девять разбойничковъ,
Моего мужа взяли потребили,
Потребили, въ воду спустили,
Меня, младу, обезчестили,—
Обезчестили, во собой брали.
Тутъ пріѣхали къ круту берегу,
Къ круту берегу незнакомому;
Выходили тутъ разбойнички
На крутой берегъ;
Тутъ сажалися они ѣсть и пить,
Ѣсть и пить, хлѣба кушати.
Какъ одинъ разбойничекъ не ѣсть, не пьеть,
Не ѣсть, не пьеть,—думу-думасть:

«Уже какъ да сговоритися
Съ эвтой съ молодой вдовой,
Про ду-друга распроситися...»
Всѣ разбойнички спать легли;
Какъ одинъ разбойничекъ спать не легъ,
Ужъ спать не легъ, вдову спрашиваетъ:
«Ты съ какой орды, съ какой земли,
Ты чьего отца, чьей же матушки?
Ты скажи же мнѣ, повѣдай же!»
Тутъ молода вдова слезно плачетъ:
—«Ужъ есть роду я да не большаго,
Я не большаго да не меньшаго,—
Ужъ я есть рода да середняго,
Во городъ было да во Кіевъ,
Тамъ жила молода вдова,
Она растила чадовъ мыльнхъ,
Чадовъ мыльнхъ, дѣтей любимыхъ,
Она девять сыновъ да одинаку дочь;
Какъ девять сыновъ вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли;
Одною сестру да замужъ выдали
За славное да за спше море...»
Тутъ спроговорить да младъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-тка, да братья родные!
Мы свою сестру обезчестили,
Своего зятя мы потребили,
Потребили да въ воду спустили!»
Отъ крѣпка сна они да пробуждаются
И горючими слезами да обливаются,
У родной сестры они прощаются:
«Ты что жъ, сестра, намъ не сказалася,
И на синемъ морѣ знать испугалася,
Мала лодочка да всколыбалася?»

180.

Какъ у вдовушки было у паницы
Что ль девять сынковъ и однака дочь.
Что ль девять сынковъ возростать стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли да во разбой пошли
Во тую ли во шайку да во разбойницку;
А однаку дочь замужъ выдали
Что ль за славное за спие море,
За того ли кунчика за богатаго.
Она годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—да въ умахъ не было,
На третій годъ стосковалася,
У мука она да подавалася
Вхать въ гости да во свою землю
Ко своимъ дражайшимъ къ родителямъ.
Двое вздумали съ мужемъ, поѣхали
На томъ ли на черномъ на кораблѣ.
Среди моря да средь снѣга
Что ль не тученьки да призатемнѣли,
Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призачернѣли черны корабли,
Призабѣлѣли точки парусы,
Что ль наѣхало девять разбойниковъ.
У молодой жены у красавицы,
Взяли у ней тутъ мужа, потребили,
А жива младенчика въ море спустили,
Молоду вдову прибезчестили,
Все имѣнїе, злато-сребро да поразграбили,
Что ль чернень корабль да огню предали.
Все разбойники спать улягутся,
А одинъ разбойникъ, атаманъ большой,

Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
Разговаривать да на словахъ ласкать:
«Не кручинься ты, молода жена!
Мы найдемъ тебѣ что ль ина мужа!»
Сталь разбойникъ, онъ выспрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
Ты чьего роду есть да чьего племени,
Ты да чьего отца, чьей ты матери
И какъ тебя да именемъ зовуть,
Звеличаютъ тебя да по отчеству?»
Во слезахъ вдовушка да слово смолвила:
«И на что меня, бѣдцу, спрашивать?
Тѣло мое полоненое,
Я, сирота-вдова, ирибзчещена!
Есть я роду само-нижняго,
Есть я роду вдовки горя-панницы.
Что ль у вдовушки было у панницы
Деять сыновъ, моихъ братьевъ родныхъ.
Деять сыновъ возростать стали,
Возростать стали, вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
Что ль за славное да за сипе море,
Что за того ль за кунчика за богатаго.
Ужъ я годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—въ умахъ не было,
На третій годъ я стосковалася.
Двое вздумали съ мужемъ, повхали
Во свою землю да во отчество
Ко своей родителю-матуникѣ,
Честной вдовѣ да горе-панницѣ!»—
Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
Атаманъ большой да прирасилакался,
Покатились слезы по бѣлу лицу.
Во слезахъ онъ слово вымолвилъ:

«Вы ставайте-ка, братцы родные!
Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
Первой проступокъ—во разбой пошли,
Грабили всѣ имѣнія, злато-серебро,
Проливали напрасно кровь человѣческую;
Другой проступокъ великій—
У родимой сестры мужа потребовали,
Живаго шоплемника въ море спустили;
Третій преступокъ великій,
Великій грѣхъ тяжкій—
Родиму сестру прибезчестили!»
Вставаютъ со сна всѣ разбойники,
И всѣ разбойники да прирасплакались
И съ родимой сестрой поздоровались.
Приходили они во свою землю
Ко той ли ко родимой ко матушкѣ,
Ко честной вдовѣ горе-пашницѣ.
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли спротамъ по бѣднѣнымъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божиимъ;
Сами пошли скитаться по разнымъ странамъ.

Олопецкая губернія. Новѣнецкій уѣздъ. Рыбниковъ, часть IV,
стр. 99. Слудныя вѣсти: Гильфердингъ, № 176. Славян-
ская, часть III, стр. 119.

181.

Жила-была тутъ пречестна вдова,
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,

По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другоі жили;
На третіи годъ мы стосковалися.
«Поѣдемъ, моревичъ, къ моеі мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!»
Мы день-еть шли, мы другоі-еть шли;
На третіи день мы становилися.
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало на насъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Моревичну въ полонъ взяли,
Во полонъ взяли, самъ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ-лежитъ,
Не спитъ-лежитъ, думу думаетъ:
«Еще чьего же ты роду-племени,
Роду-племени, отца-матери?»
— «Жила-была тутъ пречестна вдова;
«У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь мплая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,
По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другоі жили;
На третіи годъ мы стосковалися.
Поѣдемъ, моревичъ, къ моеі мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!
Мы день-еть шли, мы другоі-еть шли;

Па третій день мы стаювилися,
Стаювилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало тутъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Меня, младу, въ полонъ взяли.»—
—«Ужъ вы, братцы ли, вы, товарищи,
Вставайте-ка, что мы надѣлали!
Роднаго зятя мы зарѣзали,
Роднаго племянника въ море бросили,
Родну сестру во полонъ взяли!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, выи VI стр.
94.

182.

У же за моремъ было за ешиемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Во десятихъ дочь одинакая.
Ею отдали замужъ за море,
Замужъ за море, за морянина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за моремъ девять годовъ,
На десятій годъ и стосковалася.
Она стала звать морянищуника:
«Ты поидемъ, морянищунка, за море,
Поидемъ за море къ родной маменькѣ,
Къ родной маменькѣ, къ роднымъ братьяцамъ!»
Они пошли съ моряниномъ за море...
Какъ на встрѣчу имъ девять разбойничковъ.
Они морянина въ море вѣзали,

А моряночку во полопъ взяли,
Во полопъ взяли и прибезчестили.
Они шли, разбойники, дель до вечера,
Да и тутъ разбойники ночью сдѣлали,
Да и всѣ разбойники спать легли.
Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ и думу думаетъ,
Думу думаетъ, рѣчь проговорилъ:
«Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
Ты чьего отца, которой матерп?»
Начала моряночка высказывать:
«Уже за моремъ было за спніемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ.
Во десятихъ дочь одинакая;
Меня отдали замужъ за море...»
Какъ скричить разбойникъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте, братцы, пробужайтесь!
Не морянина мы въ море врѣзали,
Не моряночку во полопъ взяли, —
Въ море врѣзали зятя любимого,
Во полопъ взяли сестру родимую,
Прибезчестили однокровную!»
Какъ вставали разбойники, пробужались,
Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать они шелковъ певодъ...
Не могли достать зятя любимого,
И возвратилпся они въ родимый домъ,
Они въ родимый домъ и къ родной матери.

183.

А жила-была да молода вдова,
Молода вдова благочеслвая.
А у той вдовы было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятыя да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А прѣхали да на ей свататься,
Да замужъ за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолил вѣдь родны братьница;
А ушла съ моряниномъ она за море...
А девять годовъ да не стоснулося,
На десятый годъ да стосковалося,
Стала звать-просить морянина:
«А поїдемъ, морянишь, со мною за море,
Со мною за море да къ моеї матушкѣ,
Къ той ли ко вдовѣ благочеславые!»
Какъ шли-прошли да путь-дороженьку;
А памъ встрѣтилося девять школьничковъ,
Девять никовичковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили,
А моряночку да съ собою взяли.
Все разбойнички да опочивъ держать,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто,
У моряночки да сталъ высиранивать:
«Ты скажи, моряночка, коеї земли,
Ты коеї земли да ты коеї орды,
Коего отца да коеї матери?»—
—«Есть морянка изъ-за спия моря,
Той вдовы благочеславые;
Меня отдали да родны братьница,
Поневолила да родна матушка...»

Говорить разбойникъ таково слово:
«Вы ставайте, братцы разбойники!
Не морянина да въ море врѣзали,
Не моряночку да во-собой взяли,—
Въ море врѣзали зятя любимаго,
Да во-собой взяли да сестру родную!»
Все разбойнички да перепалися,
За рогатники да похватилися,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи....

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 294.

184.

По-краю моря, моря снѣго,
По-краю моря ай Веряжскаго,
По-краю снѣго моря Веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромна не крытая,
А не крытая хоромна, не мшоная.
Тамъ жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятихъ была одинокая дочь.
И эти все сынова въ разбой пошли;
Оставалася дочка единшенька.
Какъ изъ-за снѣго моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ ней сватовъ;
Она выдала дочку за снѣ море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у мужа у свѣта подавалася,
У всей семьи сдоложилася.

Состроилъ ей мужъ червончатый корабль;
Огнь пось дѣлалъ по змѣшному,
Корму дѣлалъ по звѣришному,
Пось грузилъ чистымъ серебромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Они съѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька суетила ихъ,
Не частые дождики обсыпали,—
Наѣхали воры-разбойники...
Они гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,
Они ячючку рязаночку въ полощъ брали,
Въ полощъ брали, обезчестили.
Всѣ эти разбойничьи спать легли;
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, думу думаетъ,
У ячючки рязаночки высираниваетъ:
«Скажи, ячючка рязаночка, съ коей орды,
Съ коей орды, съ коей страны?»—
—«Ужъ мы жили-жили по-край моря,
По-край сшаго моря Веряжскаго;
Тамъ стояла хоромина не крытая,
Не крытая хоромина, не мшная;
Во той было хороминѣ не крытоей
Жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятихъ была одинокая дочь.
У ней всѣ сынова во разбой пошли;
Оставалася дочка одинешенька;
Изъ-за сшаго моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ ней сватова.
Она выдала дочку за сине море,
За этого гостя за торговаго...»
Тутъ разбойничекъ расплакался:

«Вы вставайте-ка, братцы родимые!
Мы не гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,—
Мы зарѣзали зятя любимаго!
Не жюночку рязаночку въ полонѣ брали,
Въ полонѣ брали и обезчестили,—
Обезчестили сестрицу родимую!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 167. Сходная пѣсня.
Гильфердингъ, № 28.

185.

Какъ у вдовушки было у пашиницы
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбойи пошли,
Одинаку сестру замужъ выдали
За того кунца за богатаго,
За богатаго, за заморскаго.
Она годъ жила,—не стоснулася,
По другой жила,—въ умѣ не было,
А по третіи годъ стосковалася
По своей родимой по сторонущкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ едумали они и поѣхали.
Выѣзжали они на сине море;
Тутъ имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
Моего-то мужа взяли, потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Меня, молоду, обезчестили.
Какъ одинъ изъ нихъ тутъ былъ разбойничекъ,
Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
Онъ началъ меня тутъ выспрашивать:
«Ты какого роду, какой земли
И какъ тебя пменемъ зовуть?»—

— «Я не большого роду и не меньшого,
Я есть вдовушки дочи пашницы,
Дочи пашницы, одинака дочь.
Было девять братцевъ, все разбойничковъ,
Всѣхъ тыхъ девять братцевъ во разбой пошли,
А меня молоду замужъ выдали...»
Закричала какъ тутъ одинъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-ка, братцы разбойнички!
Своего мы брата тутъ потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Молоду сестру обезчестили!»

Олонецкая губерния, Новьнецкій уездъ. Рыбничковъ, часть III,
стр. 310.

186.

Было у Чечоточки девять сыновей,
Девять сыновей, однакая дочь.
Всѣ девять сыновъ во разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
Выдали замужъ за моряшущика,
Въ дальнюю сторону за спни моряшникъ.
Вотъ прижили они сына моряшника,
Одного сына моряшника прекраснаго.
На третій годъ Настасья звала въ гости моряшника,
Она звала, позывала, стала плакаться:
«Ты пойдешь-ка, моряшущика, на мою сторону,
На родимую сторону, къ отцу-батюшкѣ,
Ужъ ты хоть ко тестю, а я ко роднишкѣ,
Ужъ ты хоть ко тецѣ, а я ко матушкѣ,
А нашъ моряшникъ къ родной бабункѣ,
Ужъ ты ко шурышкѣ, а я вѣдь ко братцамъ,
Моряшникъ нашъ къ роднымъ дядюшкѣмъ,

Ужъ ты къ чужимъ, я къ порядовымъ сосѣд-
шкамъ!»

Собрались они да и поѣхали.

Вотъ ужъ день они ѣдутъ да и другой ѣдутъ;

Вотъ расположились они на чистомъ полѣ

Въ третій день хлѣба-соли покушати.

Вотъ напали на нихъ разбойнички,

Злы-лхи подорожнички;

Убили они моряшинушка,

А моряничка въ воду бросили,

Саму молоду во полонъ взяли.

Ужъ какъ всё тутъ разбойнички спать легли,

А одинъ молоду сталъ выпрашивать,

Сталъ выпрашивать, сталъ вывѣдывать:

«Ты скажи, скажи, полоненочка,

Ты коей земли, ты коей ярды,

Коего отца, коей матери?»

Улылась она слезамъ горючима,

И стала сама высказывать:

«Насъ было у Чечоточки десятеро;

Девять сыновей всё въ разбой пошли,

А десятую меня замужъ выдали,

Выдали меня за спивя моря,

Во чужую землю, во чужую ярду за моряшинушка;

Черезъ два года прижили себѣ моряничка,

Сына любимого да и прекрасного.

Вотъ на третій годъ мы поѣхали

Къ отцу-батиошку, къ родной матушкѣ,

Ко братьицамъ роднымъ, да къ порядовымъ сосѣ-
душкамъ...»

Какъ расплачется тутъ разбойничекъ,

И онъ сталъ будить родныхъ братьицевъ:

«Ужъ какъ встаньте-тка, встрепенитесь, братьи
родные!

Ужъ какъ что вѣдь мы попадѣлали:

Моряничка-зятя убили вѣдь,
А племянничка-морячичка въ воду бросили,
Сестру родную во полонъ взяли!»
Со сну стали вѣ да и расплакался,
У сестры своей стали процатися:
«Ты прости, прости, сестра любимая!
Ужъ пойдѣмъ съ нами во свою землю, во свою ярду,
Къ отцу, къ матуникъ да и къ сосѣдушкамъ порядо-
вымъ!»

Олопецкая губернія, Вытегра. Извѣстія Академіи Наукъ,
томъ II, стр. 223.

187.

Какъ у вдовушки было девять сыновей,
А десятая дочь была любимая.
Сыновнички, вѣ они подвыросли,
Они подвыросли, подъ разбой пошли,
А меня младу замужъ отдали,
За-покрай свѣту, свѣту бѣлаго.
Мы и годъ жили и другой жили,
А на третій-го годъ дитя родили...
«Ужъ ты, моряничъ, моря, сыночекъ мой!
Мнѣ стоснулося, мнѣ сгруснулося,
Захотѣлося къ родной матуникъ въ дороги гости!»
Мы и день шли и другой шли,
А на третій день во рѣкъ пришли;
Разостлали мы скатерть бѣлую...
Ужъ что ни взяли девять разбойничковъ.
Что моряничка моего зарѣзали,
И моряничечка въ воду бросили...
Вѣ разбойнички, вѣ они спать легли.
А девятый-то разбойничекъ,
Онь не спитъ, не спитъ, Богу молится,
Богу молится, Христу кланяется,

Все онъ Богу молится, все онъ выспрашиваетъ:
«Ты какого жъ ты роду-племени?
Не дворянскаго ль ты, не купецкаго ль?»—
—«У вдовушки было девять сыновей,
А десятая дочь была любпмая;
Все сыновички, все они подвыросли.
Подвыросли, подъ разбой пошли;
А меня младу замужъ отдали
За-покрай свѣту бѣлаго,
За копецъ моря спяго..»
—«Вы вставайте, все вори-разбойники!
Не куца же мы зарѣзали,—
Мы зарѣзали зятя роднаго,
И моряниченка въ воду бросили,
А сестру во половъ взяли!
Ты что же памъ, сестра, не сказалася?
Морянина мы не зарѣзали бѣ,
И моряниченка въ воду не бросили бѣ!»

Новгородская губерня. Новгородскій Сборникъ, вып. II стр. 174.

188.

По-край моря, моря спяго
Жила вдовица цанивица;
У той вдовицы у цаницы
Было девять сыновъ, одинока дочь.
Одиноку дочь замужъ выдали
За славное спве морюшко,
За морянина, купца дворянина.
Она годъ жила—не стоскнулася;
Другой жила—въ умахъ не было;
На третій годъ стосковалася,
Она у мужа подавалася,
У свекра доложилася,

У свекровушки спросилася.
Они вздумали да и поѣхали.
Выѣхали на сине море.
На сине море все поспѣло,
Не бѣлы свѣзки побѣлѣли,—
Призаспѣлись сии корабли,
Призабѣлили бѣлы парусы;
Наѣхали девять разбойничковъ...
Моего мужа взяли потребили,
Въ море спустили;
Молоду вдову во полонъ брали.
Восемь разбойничковъ спать легли,
А девятый не пріуснулъ;
Сталь у вдовушки выспрашивать:
«Ужъ ты большаго ли роду, меньшаго?»—
—«Я изъ роду не большаго, не меньшаго—средняго!
По край моря, моря синяго,
Жила вдовица нашинца;
У той вдовицы у нашинцы
Было девять сыновъ, одинока дочь;
Одинокую дочь замужъ выдали
За славное сине морюшко,
За морянина, кунца-дворянина...»—
—«Вы ветавайте, братья родимые!
Мы своего зятя въ море пустили,
Молоду вдову во полонъ брали!»
Они ветали и поѣхали къ круту берегу,
Къ отцу къ матери.

Олонецкая губернія Студитскій, стр. 33 («продольная»).

189.

Какъ во славномъ было великомъ Новугородѣ,
Тамъ жила-была матера вдова.
Въ матерой во вдовушки было девять сыновъ,

А десятая-то дочь горькая,
Девять сыновъ ея гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли.
Безъ нихъ мать дочь замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
Она годъ жила—и не плакала,
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,
Стала плакати, мужа просити:
«Морянинъ, морянинъ молоденькій!
Пойдемъ, морянинъ, мы къ матери,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
На третій корабль сядемъ, поплывемъ!»
Они день плыли и другой плыли,
А на третій день вѣтру не было.
Напали на нихъ охотнички,
А попросту-то разбойнички.
Морянина они зарѣзали,
А моряничка въ море бросили,
А молодушку да съ собой взяли.
«Молодка, молодка заморская!
Скажывай, молодка, какого роду,
Какой семьи-родни, еще отчества!»
—«А я роду, я роду посадекаго,
А отчество мое—великій Повгородъ.
Было въ моей матери девять сыновъ,
А десятая-то я, горькая.
Девять братьевъ гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли;
Безъ нихъ меня мать замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
А я годъ жила—и не плакала
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,

Стала плакати, мужа просити:
Моряццплъ, моряццплъ молоденькїи!
Поѣдемъ, моряццплъ, мы къ матерц,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
А на третїи корабль сядемъ, поплывемъ!
А мы день плыли и другой плыли,
А на третїи день вѣтру не было.
Папали на насъ охотнички,
А попросту вы, разбойнички...»—
—«Ты—сестра наша, сестра родная!
Мы злодѣи, злодѣи проклятые:
А сгубили мы твоего мужа,
Твоего мужа, своего зятя!»

Курская губернія. Воронежская Бесѣда на 1861 г., стр. 386.

190.

Во городъ во Кїевѣ
Жила вдова богатая.
У вдовоньки было девять сыновъ,
Десятая дочка Аннушка.
Какъ семь то сыновъ на разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
Какъ девятый сынъ—родну мать кормить;
Дочку Аннушку замужъ выдали
За заѣзжаго за моряццплъ.
Она годъ живеть, она два живеть;
Ей на третїи годъ Богъ сына дастъ.
Стосковалася нана Аннушка,
Собиралася къ родной матушкѣ.
Они день ѣдутъ, они два ѣдутъ;
На третїи день становилася,
Они кашу варили, дитю кормили.

Палетаютъ тутъ черны вороны,
Черны вороны—разбойнички....
И морянина позарѣзали,
Сына малаго въ воду бросили,
Они Аннушку во полонъ взяли;
А взяли въ полонъ, стали спрашивать,
Стали спрашивать, приговаривать:
«Ты не плачь, не плачь, боярыня,
Не утай, скажи, чья, откуда?»
Ужъ какого ты рода-племени?»—
—«Какъ во городъ во Кіевъ
Жила вдова богатая,
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая—я, несчастная!
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить;
Меня выдали за морянина...»—
—«Мы не барина позарѣзали,
А мы зятюнкѣ сняли голову!
Мы не барченка въ воду бросили,
А племянничка родимаго!
Намъ не барыня въ полюбвицы
На посмѣище подалася,
А родна сестра на великій грѣхъ,
На несчастье доставалася!»

Саратовская губерня. Вареницовъ, стр. 221.

191.

Какъ во городъ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
А десятая дочь несчастная.

Воспоили ее пивьки-мамушки,
Возлелѣяли ее сѣсны дѣвушки;
Возлелѣявши ее, замужъ отдали,
Не за князя ее, не за барина,
Отдали ее за мирянина.
Они годъ-то живутъ и другоіи жпвуть;
Какъ на третьемъ году дитя родили;
Спородивши дитя, стосковалися,
Къ родной матушкѣ собпралися.
Они день-то ѣдутъ и другоіи ѣдутъ;
Какъ на третій день становилися;
Какъ мирянинъ самъ сталъ коня нонть,
А мпряночка стала дитя кормить.
Изъ-за лѣбенку изъ-за темнаго,
Какъ не черны воронья солеталися,
А злы разбойнички собѣзикалися;
И мпрянница они зарѣзали,
А миряночка въ море бросили,
А миряночку во полонъ взяли...
Все разбойнички спать ложилися;
А какъ самъ атаманъ все ночь не спалъ;
Онъ миряночку все выпрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, красотка, изъ какого роду?»
— «Ужъ я роду-то пребогатаго;
Какъ во городъ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
И—десятая дочь, несчастная.. .»
Закричалъ атаманъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте-ка, братья родные!
Подбѣгайте ко мнѣ скоро-на-скоро!
Надъ моеіи головой все несчастыце:
Мы зарѣзали зятя роднаго,
Мы племянничка въ море бросили,
Сестру родную во полонъ взяли...

Ты не плачь, сестра, сестра родная,
У насъ много злата-серебра.»
—«Мнѣ не надобно злата-серебра!
Мнѣ отдайте вы друга вѣрнаго,
Друга вѣрнаго и дитя милого!»

Самара. Русская Старина 1874 г., № 12.

192.

Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Десятая дочь Варварушка.
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—онъ царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить,
А Варварушку замужъ выдали,
За того ли замужъ за морянушку....
А мы годъ живемъ, а мы два живемъ;
На третьемъ годку стосковалися,
Ко родимой матушкѣ собиралися.
А мы день ѣхали, а мы два ѣхали;
На третій денекъ притомилися,
Во чистомъ полѣ становилися;
А мы кашу варили,
Малого дитю кормили.
Налетали тутъ черны вороны,
Черны вороны—все разбойнички...
«Ты скажи, скажи, молодка,
Чья, откуда ты така?
Пль ты царская, пль боярская,
Пль попова дочь, пль купческа?»—
—«Я не царская, не боярская,
А я бѣдная дочь сиротская!
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Да десятая я, несчастная!

Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли...»—
—«Такъ мы зятюнику позарѣзали,
Мы племянничка въ воду бросили,
Мы родную сестру во полонъ взяли!..»

Саратовская губернія. Варсвцовъ, стр. 222.

193.

Въ городу-то было во Кіевѣ;
И жила была честна вдовушка;
У вдовы-то было девять сыновъ
И десятая дочка милая.
Первы три братца въ короли пошли;
Други три братца—въ цари бѣлые;
Третьи три братца—во разбойнички.
Дочку милую замужъ выдали,
Замужъ выдали за морянина.
Она годъ жила—и не плакала;
На второй годъ—и не подумала;
А на третій годъ порасплакалась
И стала морянина въ гости звать.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ;
А на третій день отдыхать сѣли,
Отдыхать сѣли во темномъ лѣсу.
И затемнили теплу теплцу,
Паваряли же кашу пшонья.
Тутъ пѣдѣ взялся три разбойничка,
И морянина-то зарѣзали,
Моревьепочка въ огонь бросили,
Моревыхопьку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли, въ нову горинцу...

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 313.

194.

На Подолѣ жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Какъ сынки выросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ;
Какъ и третья дочь заблудилася;
Заблудилася она, на огонь нашла...
У огня сидятъ разбойнички.
Говоритъ одинъ: «мы сведемъ ее!»
Говоритъ другой: «мы убьемъ ее!»
Говоритъ третій: «мы распросимъ ее!
Ты скажи-ка намъ, ужъ ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?»—
—«А я роду изъ Подолу; жила вдова,
А у ней было три сына, три дочери;
Какъ сынки выросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ,
А я, третья дочь, заблудилася,
Заблудилася, на огонь нашла...»—
—«Ты—сестра наша, ты—родимая!
Мы—твоя братья, братья родные!..»

195.

Во тпхомъ Дону, во тпхомъ Дону,
Тамъ купались трп молодчика.
Два молодчика—братцы родные,
Лицомъ сходные,
Не воры охотнички—
Донскіе разбойнички,
Татарскія рожки,
На черта похожи;
А третій молодчикъ
Былъ чужестранчикъ,
Православный русскій,
Изъ земли оны Курской,
Княжескаго роду,
Отроча ональный, отроча ональный,
Спротивушка безталаный;
Унесъ буйную головушку
Изъ Москвы отъ плахи,
Гдѣ скончался во темницѣ
Его батюшка родимый
Старый князь Василій...
Какъ одинъ изъ братьевъ
Сталъ такъ говорить:
«Какъ намъ молодца
Этого убить?»
Отвѣчасть братецъ:
«Постой, погоди!
Распросимъ его,
Какого оны роду-племени,
Есть ли у него родимый отецъ,
Есть ли у него родимая мать,
Есть ли у него братья молодцы,
Есть ли у него сестры родныя,
Есть ли у него молода жена,

Есть ли у него малы дѣточки?»

—«Тихій Донъ-рѣка—

Мнѣ отецъ родной,

Сырая земля—

Родна матушка,

Соловей въ бору—

Родимый мой братъ,

Кукушка въ лѣсу—

Сестрица моя,

Бѣлая березушка—

Жена молода,

Отъ нея отростушки—

Мои дѣточки!»

Головка безталанная

Покатлася,

Тихій Донъ-рѣка,

Замутилася....

«Тихій Донъ-рѣка,

Родной батюшка,

Ты обмой меня!

Сырая земля,

Мать родимая,

Ты прикрой меня!

Соловей въ бору,

Милый братецъ мой,

Ты заной по мнѣ!

Кукушечка въ лѣсу,

Во дубровушкѣ,

Сестрица моя,

Покукуй по мнѣ!

Бѣлая березушка

Съ своими остротками,

Поцумп по мнѣ!...»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитревскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, смѣсь, стр. 13. — Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

Slavog 187

196.

Гостила у насъ гостя дальняя, чужестранная.
Не сгостивши, гостя востоквалася,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По своему горѣ по великімъ:
Не съумѣлъ меня батюшка вспоить, вскормить!
Не съумѣла меня матушка замуять отдать!
Отдала меня матушка замуять за море,
Не за князя, не за барина,—за того ли вора, за раз-
бойника...

Со вечера воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту воръ со добромъ на дворъ.
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка съ меня шубу лисію,
Убирай-ка ты коня добраго,
Коня добраго, притомленнаго,
Убирай-ка ты платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, прикровленное!
Угадай ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисію,
Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»
Закричала жена громкіимъ голосомъ:
«Ужъ и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной!
Разорилъ ты мою буѣиую головушку!
Погубилъ ты моего отца съ матерью,
Погубилъ ты моего братца роднаго!
Шуба лисія—то моего батюшки,
Платье цвѣтное—то моеи матушки,
Добрый конь—моего братца роднаго!»
Какъ и выпуль воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буѣиу голову.

Въ зыбочкѣ дитя падефлося ревя,
А воръ-оть сидитъ, прибауккиваетъ:
«Ты бау-бау, мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милос!
Не я твою матушку губилъ-терилъ,—
Погубили, потеряли злы товарищи!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 64.

197.

Собирается разбойничекъ по вечеру на разбой.
Съ разбой фхаль, двѣнадцать коней вель,
На тринадцатомъ конечкѣ самъ разбойничекъ сидѣлъ.

Подъѣзжаетъ воръ-разбойникъ ко широкому двору.
«Отворяй, жена, ворота, пуцай молодца на дворъ,
Пуцай молодца на дворъ, самъ хозяинъ коренной!
Принймай, жена, рубашку, не развертывай ее!»
Не стерѣла, развертѣла, не встояла на ногахъ...
«Ты, любитель, воръ - губитель, зачѣмъ брата по
губилъ?»

—«Охъ, не я его сгубилъ, не товарищи мои,—
Согубили, погубили его поздни вечера,
Его поздни вечерочки, глуха матушка полночь!»

Саратовская губернія, Сердобскій уѣздъ. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, издаваемый Казачьимъ, книга 1, стр. 39, 1860 года.

198.

Лѣзь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Пѣзь-за бѣлаго березничка,
Пѣзь-за частаго оспинничка,
Выходила красна дѣвица

На Дунай-рѣку умыватися;
Умылася, умывишся, набѣлплася,
Набѣлвишсь, парумянилася,
Нарумянившсь, призадумалась,
Призадумавишсь, слово молвила:
«Ахъ, таланъ ли мой, таланъ такой,
Или участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли мнѣ досталось?
Въ лѣсу ли лѣсу не было,
Срубить ли мнѣ было нечего?
Въ людяхъ ли мнѣ людей не было,
Любить ли мнѣ было некого?
Какъ просваталъ сударь батюшка
Что за вора, за разбойника,
За плута, за мошенника...
Со вечера воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи воръ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту воръ домой прѣѣзжалъ;
Воскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ:
«Встрѣчай меня, молода жена,
Прймай коня томнаго,
Сымай платье кровяное!»
Убралася, млада, на Дунай пошла,
На Дунай пошла платье мыть...
Все платье перемыла,
Осталася рубашечка брата милаго,
Брата милаго, любимаго!
Скорыя ноги подломилася,
Бѣлыя руки опустилася,
Ясны очи помутилася,
Изъ глазъ слезы покатилися...
Пришла домой да расплакалася:
Ахъ ты, свѣтъ моя ладо милое!
На что ты губишь брата милаго,

Брата милаго, родимаго?—
— «Не я губилъ—губила ночь темная осенняя!
Не виновать я въ томъ, жена ты моя!
Была его встрѣча первая,
Встрѣча первая, молодецкая!»

И въ сѣвѣнкѣ 1780 года, часть III, стр. 169.

199.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садку зеленаго
Подымалася погодушка,
Что такая неугожая—
Со вѣтрами да со грозами,
Со великими угрозами.
Что во эту пору-времячко
Дочка къ матери поѣхала;
Во лѣсу-то заблудилася,
Горючимъ слезамъ заплакала,
Во слезахъ-то слово молвила,
Да родному распеялася:
«Что зачѣмъ же сударь батюшка
Выдалъ замужъ за разбойника?
Жизнь моя—горе горькое!
Посылаютъ меня, молоду,
Во самую полночь по воду,
Не обуту, не одѣтую,
Но холодную меня, голодную!
Въ это время мужа не было;
Онъ со вечера въ разбой пошелъ,
Ко бѣлу свѣту домой пришелъ.
И послали меня, молоду,
Отмывать платье кровавое.»

Половину платья вымыла,
А другую въ рѣку кинула;
Пашла братцеву рубашечку.
Пришла, мужу распеялася:
Ты за что убилъ братца милого?
— «Говорилъ я братцу милому:
Вороти ты сирава на-лѣво!
Въ поворотахъ не послушался!
Въ первой встрѣчѣ спуску пѣту-тка,
Ни отцу нѣту, ни матери,
А не то что братцу-шурину!»

Вологодскій уѣздъ. Пиваицкія, стр. 328.

200.

Ужъ не я ли, дѣвка, знала,
Сама вѣдала,
Что не быть менѣ за княземъ,
Ни за княземъ, ни за бариномъ,
А быть менѣ за воромъ,
За разбойничкомъ.
Собиралися со вечера
На разбой итти;
Во полуночи поднялися
На разбой итти;
Ко бѣлому свѣту
Ко двору пойтти.
Ужъ и мой ли воръ-собака,
Попередъ онъ всѣхъ бѣжитъ,
Девятеро коней держитъ,
На десятомъ самъ сидитъ.
«Ужъ ты, милая моя,
Отворяй ворота!
Ужъ ты, милая моя,

Ненаглядная моя,
Бери платье поскорѣй,
Не развертываючи,
Не разматриваючи!»
Ужъ я молода была,
Нетерпѣливая,—
Разогнула, посмотрѣла:
Моего брата голова!...
Ужъ ты, воръ ли, ты, собака,
Разсобачій такой сынъ,
Погубилъ ты моего брата,
Своего шурна!
—«Ужъ ты, милая моя,
Не гнѣвайся на меня!
Въ первой встрѣчѣ, на сустрѣчѣ,
Отцу-матери не спущу,
Своему шурину не сдамъ!
Ужъ не я ль ему кричалъ,
Черной шляпою махалъ:
Сверни, сверни, шуринокъ,
Сверни, сверни животокъ!»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитріевскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, сбѣсъ, стр. 12.

201.

Не хотѣлося мнѣ, дѣвчоночкѣ, за разбойничка за-
мужъ идти...
Какъ со вѣчера воръ-разбойникъ думу думаетъ одинъ;
Со полуночи воръ-разбойникъ собрался на разбой;
Ко бѣлой зарѣ-то воръ-разбойникъ, онъ двѣнадцать
копей вель;
На тринадцатой лошаdkѣ самъ разбойникъ-воръ си-
дитъ.

Пусти молодца на дворъ!
Принимай, жена, добычу,
Ты носи да не гляди!»
Не стерпѣла, поглядѣла,
Заливалась слезамъ.
«Ужъ ты, мужъ ты мой разбойникъ,
Разбой-мальчикъ удалой,
Ты убилъ-сгубилъ головку
Брата роднаго моего!»—
—«Я при той пути-дорогѣ
Отцу родному не спущу,
Саблей голову снесу!»

Новгородская губернія, Крестецкій уѣздъ. Перстцъ, Современная русская народная пѣсня, Слб. 1893, стр. 36.

203.

Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ...
Какъ со вечера разбойникъ, онъ сряжался подь раз-
бой;
На бѣлой зарѣ разбойникъ онъ двѣнадцать коней
велъ;
На тринадцатомъ кончикѣ самъ разбойничекъ сидитъ.
Подъѣзжаетъ же разбойникъ ко шпрокому своему
двору;
Онъ ударилъ же, разбойникъ, копьемъ новымъ воро-
та;
«Отворяй, жена, ворота, пуцай молодца на дворъ;
Принимай, жена, рубашки, не развертывай, прймай!»
Не стерпѣла, поглядѣла, чуть ономнилась млада...
«Ты, разбестія разбойникъ, погубитель, супостать!
Ты на что убилъ, зарѣзалъ брата роднаго моего?»—
—«Ты, жена ли моя молодая, жена барыня моя!
Я по первую настрѣчу отцу родному не спущу,
По другую-то настрѣчу долой голову снесу!»

Владимирская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 71.

204.

Р азбесчастная дѣвчоночка
На свѣтъ рождена...
Отдали дѣвчоночку замужъ
За вора за разбойничка...
Она плачетъ, голосить, убивается,
Горючей слезой залпвается.
Со вечера воръ кудри чешетъ,
Со полуночи на разбой ѣдетъ,
Ко бѣлу свѣту домой прѣзикаетъ.
Стучить-гремятъ у воротъ:
«Отворяй, жена, ворота,
Чтобъ ворота не скрипѣли,
Чтобъ собаки не гамѣли
И сусѣди не слыхали!
Держи, жена, подарокъ!
Ты брать-то бери,
Да не развертывай гляди!»
Не стерпѣла, развернула,
Развернула, посмотрѣла...
Охъ, воръ ты, разбойникъ, мужъ!
Ты снялъ голову
Брату родному моему!
— «Я ему кричалъ, бѣлою ручкою махалъ,
Соловьинымъ свистомъ свисталъ:
Братецъ родимый, скинься зайчикомъ!
Я на первой встрѣчѣ отцу-матери не сдамъ
На другой же встрѣчѣ—хочь чужой прѣзикай!»

205.

Иль-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Иль-подъ чистаго осиничку,
Какъ бѣжить тутъ конь добра лошадь,
А за ней идетъ добрый молодець;
Идучи, самъ говоритъ ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь!
Позабылъ я наказать тебѣ:
Ты не пей воды на Дунай-рѣкѣ!
На Дунаѣ дѣвка мылася,
И совсѣмъ нарядилася,
Нарядившись стала плакати,
А заплакавъ, сама молвила:
Или въ людяхъ людей не было?
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка
Что за вора, за разбойника...
Какъ со вечера они совѣтался,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко бѣлу свѣту прѣехали.
«Ты встрѣчай, встрѣчай, молода жена,
Узнавай коня томленаго!»—
—Ахъ, томленный конь—конь батюшковъ,
Окровененно платье—магущкино,
А золотъ вѣнокъ—милой сестры,
А золотъ перстень—мила брата!
Какъ убилъ онъ брата милаго,
Своего шурина любимаго . . . .

206.

На Дунаѣ дѣвка мылася,
Красотѣ своей дивилася:
«Красота ли моя, красота,
Украшенье лицу бѣлому,
Жениховъ ли къ тебѣ не было!
Изъ поповъ были поповичи,
Изъ дякоповъ-то дякоповичи,
Изъ купцовъ было купечество...
Что не отдалъ сударь батюшка
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатаго,
А отдалъ сударь батюшка
За плута, за разбойника,
За ночнаго подорожника...!»
Онь со вечера коня кормилъ,
Со полуночи съ двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту домою прѣзжалъ.
—«Отвориіи, жеца, воротички,
Выставляіи-ка подвороточку,
Ты ступай-ка на Дунай-рѣчку,
Полощи да не развертывай!»
Половину бѣлья вымыла,
А другую поразвернула—
(Рубашечка братца мплаго!

Вологодскій уездъ. Пивницкій, стр. 329.

207.

Государь ты, милый батюшка,
Государыня мила матушка,
Вы съумѣли меня воспонгъ, воскормитъ,

Не сѣумѣли замужъ выдати!
Отдали меня вы замужъ за вора,
За такого вора, за разбойничка...
Мужъ со вечера сталъ коня сѣдлать,
Ко полупочи—со двора сѣвзжать,
Молодой женѣ сталъ наказывать:
«Ты не спи, жена, не гаси огня!
Какъ лучины нѣтъ, ты огарки жги,
Меня, молодца, со разбою жди!»
У шабренушковъ кочета поютъ,
У молодушковъ все мужья встаютъ,—
А моего мужа со разбою пѣтъ...
Подаетъ голосокъ чрезъ темной лѣсокъ:
«Молода жена, ты встрѣчай меня,
Принимай коня прппоченаго,
Меня, молодца, притомленаго!
Узнавай-ка, жена, чей вороный конь.
Узнавай-ка, жена, чья лпся шуба!»—
—Развороный конь—моего батюшки,
А лпся шуба—моей матушки...
Я боюсь тебя, ты убьешь меня!...

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 227.

208.

Я по батюшкову дворпку хожу,
Я по матушкиной горенкѣ,
Во правой рукѣ купечество (?),
Во лѣвой рукѣ шириночка,
Во карманѣ чисто зеркальце.
Пзъ купечества умывалася,
Шириночкой утпралася,
Въ чисто зеркало глядѣлася,
Красотѣ своей дивилася.

Томъ I.

19

Красота ль моя, красота,
Красота ль моя великая,
Кому, красота, доставалася?
Доставалася красоточка
Самому вору-разбойничку.
Со вечера воръ-разбойничекъ коня поилъ,
Со полуночи на разбой пошелъ,
На бѣлой зарѣ домой пришелъ.
«Отпирай, жена, воротнички,
Пуцай молодца разбойничка!»
Его жонка испужалася,
Рѣзвы ножки подкосилися,
Голова съ плечъ покатилася,
Очи ясны помутилися,
Бѣлы ручки опустилися...
«Я привезъ тебѣ подарочекъ
Отъ твоей родимой матушки—
Со правой руки колечушко,
Со правой руки золочено...»
—Мнѣ не нуженъ твой подарочекъ,
Мнѣ не нуженъ твой золоченыи!

Казанская губернія. Русская Старина 1871 г., № 12 после каждаго
стиха припевъ: Ахъ, пвлю, ахъ, пвлю, да пвлю, влю).

209.

Не быть мнѣ, молоденькой, за княземъ, за бояри-
номъ,
Ни за княземъ, за бояриномъ, быть за плутомъ, за
разбойникомъ...
Съ вечера разбойничекъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи разбойничекъ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту разбойничекъ на дворъ приѣзжалъ.
Выходила-то, встрѣчала молода его жена.

«Не меня ты встрѣчай, встрѣчай добраго коня!
Ты вывязывай изъ торокъ цвѣтно платице,
Вывязывай цвѣтно платице, не развертывай!»
Развернувши цвѣтно платице, слезно сплалака:
«Ты убилъ моего брата, своего шурпна!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 92

210.

Собрался воръ Ванька разбойникъ,
Собрался на разбой.
Говорилъ воръ Ванька разбойникъ
Свои вѣрныя слова:
«Кто на встрѣчу ко мнѣ попадетя,
Тому въ свѣтъ не спущу!»
На ту пору, на тотъ часъ ѣхалъ
Съ Москвы парень молодой;
Онъ убилъ его, зарѣзалъ,
Срубилъ голову ему.
Пріѣзжаетъ Ваня ко двору,
Жена его ходитъ по двору...
«Отворяй, жена, ворота,
Встрѣчай молодца во дворъ!
Принимай, жена, гостинецъ,
Не развертывай его!»
Не стерпѣвши своего сердечка,
Посмотрѣла на гостинецъ я его...
«Ой ты, с...ъ сынъ, шельмецъ, разбойникъ!
Что ты сдѣлалъ надо мной?!
Ты убилъ, подлецъ, зарѣзалъ,
Убилъ брата моего!» /

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Проклупись, № 22. Каждый второй стихъ повторяется.

211.

Какъ пошла меня моя матушка,
Она все стогнаючи;
Породила меня государыня,
Она умпраючи...
Какъ съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ уснопть-ускормить;
Не съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ замужъ выдати.
Какъ не отдалъ меня родименькій батюшка
За князя полковничка,
А отдалъ меня родименькій батюшка
За вора-разбойничка.
Какъ со вечера воръ-разбойничекъ.
А онъ сталъ коня сѣдлатъ;
Со полуночи воръ-разбойничекъ,
А онъ сталъ съ двора сѣвзжать.
Какъ узѣхалъ воръ-разбойничекъ,
А онъ на высокій курганъ;
Какъ и свиснулъ воръ-разбойничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Солетайтеса, орлы сизокрылые,
Вы, братцы-товарищи!»...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. III, стр. 78.

212.

Холоса моя, полосонька,
Полоса моя не нахая,
Не нахана, не борюная!

Заросла моя полосонька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ...
Изъ того ль горька осинничка
Выбѣгала лошадь добрый конь;
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, торопится,
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.

На Дунаѣ дѣвка мылася бѣло,
Она мылася, бѣлплася,
Она мылася, румянилася;
Парумянившись, заплакала пошла.
Жалобу творитъ на батюнику,
На родиму свою матушку:
«Не за ровню замужъ отдали,
Не за ровню—за разбойника,
За разбойника-становицка.
Онъ со вечера добра коня поплъ,
Со полуночи въ разбой вступилъ.
Воротившись, зычнымъ голосомъ кричитъ:
Отворяй, жена, воротички,
Принимай братца родимаго,
Моего шурина любимаго!»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 99.

213.

Модь горою шла,
Грамотку нашла,
Распечатала,
Сама заплакала.
Мой-еть мпый другъ
Во постелюшкѣ!

Что постелюшка—
Мать сыра земля,
Что зголовнице—
Грובהа доска...
Ты не хочешь ли
Чаю, кофею?
Я хочу, хочу
Холодной воды,
Холодной воды
Со Дунай-рѣки!
Мы пойдемъ, дружокъ,
Разметемъ лужокъ,
Разметемъ лужокъ
Зеленешенекъ,
Заведемъ кружокъ
Вселешенекъ!
Ты со скрипочкой,
А я со сплясочкой...

Куды сваталъ,
Туды не отдали...
Отдалъ батюшка
За разбойника,
За разбойничка,
Впуть-дорожничка...
Какъ со вечера
На разбой пошелъ;
Ко бѣлой зарѣ
Мужъ домой идетъ.
«Ты вставай, жена,
Воздувай огня,
Воздувай огня,
Принимай коня,
Коня ворога—
Отца роднаго,
Отца роднаго,

Брата-сокола,
Лисью шубушку—
Сестрицу голубушку!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкіи, № 3 («обидѣ-
ныя»). Послеъ каждыя двѣ стихи прибѣтъ: ой ли, ой ли, съ
повтореніемъ втораго стиха.

214.

Ой ты, нанѣ батюшка тихій Донъ,
Ой, что же ты, тихій Донъ, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!/
Со дна меня, тиха Дона, студсны ключи бьютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутить,
Поверхъ меня, тиха Дона, три роты прошли:
Ай, первая рота шла, то донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ...
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
«Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго слугу;
Слугъ будешь ладушка, мнѣ—миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю стлать, со мной вмѣстѣ
спать!»

Что взговоритъ дѣвица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому—миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постелю стлать, съ слугой вмѣстѣ
спать!»

Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

Пѣсепникъ 1780 года, часть I, стр. 145; — Восельчакъ на
досугъ 1797 года, часть I, стр. 178.
Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 88
[«казаки»].—Донская область. Савельевъ, стр. 145.

215.

Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькїи Допокъ!
Охъ, что же ты, Донушка, не весель стоишь?
—Охъ, какъ же мнѣ, Донушкѣ, да весельмъ быть?
Какъ по мнѣ, по Донушкѣ, да три партїи шло:
Какъ первая партїя—донскїе казаки,
А другая партїя—задалые молодцы,
А третья-то партїя—везуть дѣвушку,
Везуть, везуть дѣвушку, везуть, везуть красную.
Плачетъ, плачетъ дѣвушка, что рѣка лїтея;
Увѣймасть дѣвушку большої-набольнїї:
«Не плачь, не плачь, дѣвушка, не плачь, не плачь,
красная!
Отдамъ тебя, дѣвушка, замужъ за слугу;
Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ милый другъ;
По слугу постелю стлать, со мної будешь спать!»—
—«Не рѣчь, не рѣчь, молодець, да не рѣчь говоришь!
Кому буду ладушка, тому—милый другъ;
По кого постелю стлать, я съ тѣмъ буду спать!»

Курская губернія, Новооскольскїи уѣздъ. Русскїи Филологическїи Вѣстникъ 1884 года, № 2.

216.

На горѣ, горѣ, полугорѣ
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Какъ во той во корчмѣ
Да два молодца пьютъ,
(Поликъ да казакъ.)
Поликъ водку пьеть,
Дукаты кладеть;
Казакъ водку пьеть,

Ничего не кладеть,
Шшикарку манеть:
«Да поѣдемъ, шшикарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
Какъ у насъ на Дону—
Не по вашему:
Не ткуть, не придутъ,
Хорошо ходіють...»
Прельстплась шшикарочка
На казачьи слова,
И садплась шшикарочка
Кошо за бедра.
Да повезъ онъ шшикарочку
Во темны лѣса;
Повѣсплъ шшикарочку
Онъ на сосенку;
Зажегъ казакъ сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Шшикарка кричитъ:
«Да донскіе казаки
Всѣ обманцяки!»—
— «А вотъ тебѣ, шшикарочка,
Да нашъ тихій Донъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 124. — Очень сходная пѣсня:
Альбрехтъ, № 70.

217.

На горѣ, горѣ,
На всей красотѣ,
Стояла харчма,
Харчма польская,
Королевская.
Во этой харчевничкѣ

Три молодца пьютъ:
Русакъ, да полякъ,
Да съ Дону казакъ.
Русакъ вино пьеть,
Денежки даетъ;
Полякъ вино пьеть,
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьеть,
Денегъ не даетъ,
Хапчку зоветъ:
«Поѣдемъ же, Хапчка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—
Не по здѣшнему:
Не ткуть, не прядутъ,—
Хорошо ходютъ,
Пашеньку не папуть,—
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ...»
Согласна же Хапчка
На его слова.
Собирала же Хапчка
Худо и добро,
Худо и добро,
Злато-сребро.
Вхала Хапчка
Не дорогою,
Все темнымъ лѣсомъ.
Завезъ онъ Хапчку
Во сырой во боръ;
Привязалъ онъ Хапчку
Ко сухой соснѣ;
Зажегъ онъ сосенку
Съ низу до верху.
Сосенка горитъ,
Хапчка кричитъ:

31 - *Сказка о
Ханчике*

Ханчикъ

Ханчикъ

«Ау, ау, ау!
Кто есть во бору?
Ханчка, горю!»—
—«Вотъ тебѣ, Ханчка,
Нашъ тихій Донъ!
Не тки, не прядп,—
Хорошо ходи,
Пашню не пашц,—
Сосенку гложп!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, № 67 («обы-
денная»).

218.

На горѣ, горѣ было на крутой,
Стояла корчма весьма высока.
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ;
Шинкуетъ шинкарочка тремя поїлами,
Тремя поїлами, а все разными:
Пивомъ да виномъ да сладкимъ медомъ.
У этой шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалыхъ:
Тулякъ да полякъ, со Дону казакъ.
Тулякъ пиво пьетъ,—денежки даетъ;
Полякъ меды пьетъ,—червонцы кладетъ;
Казакъ водку пьетъ,—денегъ не даетъ,
Самое шинкарочку съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихіи Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:
Не ткуть, не прядутъ,—во шелку ходятъ;
Не панутъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ...»
Сдавалась шинкарочка на его слова,
На его слова, на ласковыя.

Повезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихііи Донъ,
Привезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихііи Донъ...
«Зачѣмъ ты, казаченька, обманулъ меня?
Сказалъ ты, казаченька: не ткуть, не прядутъ,
Не ткуть, не прядутъ,—во шелку ходять,
Не пашутъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ!»
Осерчалъ казаченька на эти слова:
Посадилъ шинкарочку во колясочку,
Повезъ онъ шинкарочку во сыренькііи боръ,
Привезъ онъ шинкарочку во сыренькііи боръ,
Привязалъ шинкарочку къ толстой сосенкѣ,
Закегъ же казаченька толсту сосенку,
Толсту сосенку съ корня до верху.
Сосенка горитъ, шинкарочка говоритъ:
«Зачѣмъ ты, казаченька, привязалъ меня?»—
— «Затѣмъ привязалъ тебя,—мудрена больно!»

Запорожская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 49.

219.

На горѣ, горѣ
Стояла корчма.
Во этой корчмѣ
Красна дѣвица жила.
Торговала дѣвица
Пивомъ да виномъ,
Да сладкимъ медомъ.
Пріѣзжали къ дѣвицѣ
Три кунца.
Первой-отъ кунецъ—
Съ поля полевецъ;
А другой-отъ кунецъ—
Изъ града граданищъ;

Третій-сть купецъ—
Со Доуу казакъ.
Первый купецъ пилъ,
Девежки платилъ;
Другой купецъ пилъ.
Денегъ не платилъ;
А третій купецъ пилъ,
Да дѣвицу поплъ,
Дѣвицу поплъ,
Да съ собою ее манилъ:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Къ намъ на Донъ!
У насъ на Доуу—
Не по вашему:
Не ткуть, не прядуть,
Всѣ одѣты живуть!»
Красна дѣвица спплась,
На его слова сдалась...
Вывозили дѣвушку
Съ шпрока двора,
Съ широка двора
Во чистыя поля;
Изъ чистыхъ полей
Во темные лѣса.
Взяли привязали
Дѣвушку къ сосенкѣ;
Зажигали сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горптъ,
Красна дѣвица дурптъ:
«Есть ли кто въ бору,
Отвяжи меня младу!»
Не было въ бору,
Кромѣ пастушка,
Да и тотъ помочь

Дѣвицѣ не хотѣлъ.
Сосенка сгорѣла,
Красна дѣвица пстлѣла;
Душуль вѣтерокъ
И развѣяль пепелокъ.

Вологодскій уѣздъ. Иванецкій, стр. 31.

220.

Говорятъ про Персію,
Что богатая;
Она не богатая,—
Распроклятая.
Черезъ эту Персію
Дорожка лежитъ;
При этой дороженькѣ
Корчажка стоитъ;
Во этой корчаженкѣ
Три молодца пьютъ:
Полякъ и пруссакъ,
Братцы, и гребенской казакъ.
Полякъ, братцы, водку пьеть,
Мошеты кладеть;
Пруссакъ, братцы, водку пьеть,
Червоицы кладеть;
Гребенской казаченька,
Онъ нить-то не пьеть,
На выдумку бьеть,
Молодую шинкарочку
Съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка,
Со мной на Кавказъ!
У насъ на Кавказѣ—
Не по нашему:

Не ткуть, не прядутъ,—
Дѣвки хорошо ходятъ...»
Сдавалась шинкарочка
На его слова;
Садилася шинкарочка
Верхомъ на коня,
Верхомъ на коня,
Братцы, позади сѣдла.
Повезъ казакъ шинкарочку
Во темный лѣсокъ;
Привязалъ онъ шинкарочку
Ко сосновчкѣ;
Онъ зажегъ сосновочку
Съ низу до верху.
Сосняка, братцы, горитъ,
Шинкарка кричитъ...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вып. XV, стр. 294.

221.

Во лѣсахъ-то, во лѣсахъ во дремучихъ,
Во горахъ-то, во горахъ во нещорыпхъ,
Стоитъ корчма польская, корчма королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка живеть,
Шинкуеть шинкарочка пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ, сладкіимъ медомъ.
У той шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалые:
Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
Полякъ, солдатъ пьютъ,—монеты кладутъ;
Казаченька пьетъ, денегъ не даетъ,
Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
«Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:

Не ткуть, не прядутъ,—все въ шелку ходять;
Пашеньку не пашутъ,—калачи ѣдятъ...»
Польстилась дѣвушка на его слова,
Поняла, поняла красная съ нимъ на тихій Донъ.
Завелъ казакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
«Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный тихій Донъ,
Вотъ тутъ не ткап, не пряди,—во шелку ходи,
Пашеньку не паша,—да сосенку гложки!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр 67.

222.

Ты, корчма, корчма,
Корчма польская,
Корчма польская,
Королевская,
Стоишь на горѣ,
На всей красотѣ...
Во той во корчмѣ
Шинкарка сидитъ,
Шинкарка сидитъ
Молоденькая
И хорошенькая;
Шипкуетъ шинкарочка
Пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ
И сладкимъ медомъ.
Во той во корчмѣ
Три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ,
Три удалыс:
Волохъ да полякъ,
Да донской козаць.

Волохъ вино пьетъ,—
Денежку даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьетъ,—
Денегъ не даетъ,
Денегъ не даетъ,
Шпикарку манить:
«Шпикарка, шпикарка
Молоденькая,
Молоденькая
И хорошенькая!
Поѣдемъ, шпикарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону
Не ткуть, не прядутъ,
Не ткуть, не прядутъ,—
Все вино пьютъ...»

Молодчикъ съ молодою 1790 годъ, стр. 80.

223.

На горѣ, горѣ, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на всей красотѣ,
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шпикарка сидитъ,
Шпикарка спитъ молоденькая,
Молоденькая, хорошенькая.
Во той во корчмѣ три молодца пьютъ:
Волохъ да полякъ, а третій казакъ.
Волохъ вино пьетъ,—червонцы даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—серебро сулитъ;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не даетъ,

Томъ I.

20

Денегъ не дастъ, шинкарку манить:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону не ткуть, не прядутъ,
Не ткуть, не прядутъ,—все горѣлку пьютъ...»

И ѳсеишникъ 1791 года, часть II, стр. 50.—Россійская Эрата
1792 года, часть III, № 25.—И ѳсеишникъ 1819 года, часть II, стр. 31.

224.

На горѣ, горѣ стояла корчма,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка спдитъ;
Шинкуеть она пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ и сладкимъ медкомъ.
Приходили къ ней три молодчика:
Первый молодець—россійскій купецъ;
Второй молодець—изъ Польши полякъ;
Третій молодець—съ Дону былъ казакъ.
Купецъ вино пьетъ,—золотомъ даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—серебромъ даетъ;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не даетъ,
Денегъ не дастъ, дѣвицу зоветъ:
«Поѣдемъ со мной къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону весело живутъ:
Не ткуть, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ...»

К а ш и н ѳ, вып. II, № 13 («полупроглжшая»).

225.

Ой ты, корчма польская, королевская!
Ой, во той корчмѣ жидовка вдова,
А у той вдовы дочь Хайка была.
Прѣзжаетъ къ Хайкѣ младъ донской казакъ:

«Ой, Хайка, Хайка, поѣдемъ съ нами,
Поѣдемъ съ нами, съ донскими казаками!»—
—«Ой ты, милый мой, не въ пору ѣдешь;
Прѣзжай ты, милый, во субботній день:
Моя маменька до школы пойдетъ;
Пригоняй ты, милый, три подводушки!»
На первомъ возу перны лежатъ,
На другомъ возу злато-серебро,
А на третьемъ возу молодые сидятъ.
Пришла мать изъ школы...
«Ой, Хайка, Хайка, что ты сдѣлала!
Разорила въ конецъ мою ты корчму!
Ой, Хайка, Хайка, вернися!
Ой, Хайка, Хайка, простнися!»

Донская область. Савельевъ, стр. 125.

Parallellism }
226.

Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ мы, кукушка, во темны лѣса,
Мы соъемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, соловьятушекъ!»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на красн стоитъ,
Казанка-рѣчка медомъ протекла,
А малы ручьи зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ высокіимъ
Лежатъ каменя самоцвѣтные;
По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
Растетъ трава шелковая...»—

— «Не обманывай, добрый молодецъ,
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоятъ,
А Казанка-рѣчка кровью протекла,
Малые ручьи—горючпми слезами;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Лежатъ головы молодецкія,
Молодецкія, все солдатскія;
По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
Лежатъ кудри молодецкія,
Молодецкія, все казацкія...»

Вѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 150.—Вѣсенникъ 1788 г., часть
II, стр. 174.—Кирѣевскій, вып. VI, стр. 16.—Очень елодная пѣсня
Отечественныя Записки 1840 г., часть VIII, сѣнь, стр. 28.

227.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Мы соведемъ съ тобою тепло гнѣздушко!»
Молодецъ дѣвцу подговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Казань-городъ на красѣ стоятъ,
На красѣ стоятъ, на крутой горѣ;
Казаночка-рѣчка медова течеть,
Мелки ключики—зелено вино,
По лугамъ-лугамъ трава шелкова,
По горамъ-горамъ цвѣты алые,
Цвѣты алые, все лазоревы!»
— «Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама давпо про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на костяхъ стоятъ,
Казаночка-рѣчка кровава течеть,

Мелкии ключики—горючи слезы,
По лугамъ-лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлскія!»

Орловская губерція, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VI.
стр. 14.

228.

Соловѣй кукушку обманываль,
Онъ обманываль, подговариваль:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Во темны ль лѣса, во дремучіе,
Совьемъ, кукушка, съ тобою гнѣздышко,
Съ тобою гнѣздышко, съ тобою теплое,
Выведемъ, кукушка, съ тобою дѣтушекъ!»
Молодецъ дѣвпцу обманываль,
Онъ обманываль, уговариваль:
«Ноѣдемъ, дѣвпца, во Казань-городъ!
Что Казань-городъ во красѣ стоить,
А Казанка-рѣчка-то медомъ протекла,
По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
По горамъ-горамъ тамъ все камушки,
Да все камушки разноцвѣтныя!»
—«Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
Не обманывай, не подговаривай!
Я сама знаю, про все вѣдаю:
Что Казань-то городъ во крови стоить,
Что Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи—горючми слезми,
По лугамъ-лугамъ да все волосы,
По горамъ-горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 15.

229.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
Мы совьемъ, кукушка, тепло пшэдышко,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, куколятуншекъ!»
Ой, у ключика у холоднаго
Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Мы, поїдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на красѣ стоитъ,
А Казанка-рѣчушка медкомъ бѣжитъ;
По горамъ-горамъ да все камушки,
Да все камушки, все горючіе;
По лугамъ-лугамъ да все травушки,
Да все травушки, все шелковыя!»
— «Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоитъ,
А Казанка-рѣчушка кровью бѣжитъ,
По горамъ-горамъ все головушка,
Все головушки да все буйныя,
По лугамъ-лугамъ все черны кудри,
Все черны кудри молодецкія!»

Московская губернія, Звенигородскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VI,
стр. 13.

230.

У колодичка было у холоднаго,
У ключа было у студенаго,
Красна дѣвица воду черпала,

Добрыі молодець коня поплъ,
Красну дѣвушку подговаривалъ:
«Ты пойдѣ, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ, во Казань во городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣчка тамъ медомъ течеть,
И по полямъ-полямъ хлѣбородныимъ
Лежатъ камешки самоцвѣтные,
И по лугамъ нашимъ по зеленыимъ
Все трава растеть да шелковая!»
—«Не обманывай-ка, не заманивай,
Добрыи-ка молодець, не подговаривай!
И вотъ Казань-городъ не на горѣ стоитъ,
Вотъ Казань-городъ край рѣчки лежитъ!
Ваша рѣченька не медомъ течеть,
Ваша рѣчка не сахаръ влечеть;
И на поляхъ вашихъ хлѣбородныхъ
То не камешки самоцвѣтные,
И на лугахъ вашихъ что зеленыхъ
Не трава растеть ли шелковая,
Не цвѣты вѣдь растутъ что лазоревые;—
Ваша рѣченька изъ слезъ течеть,
Ваша рѣченька печаль волокетъ;
На поляхъ-поляхъ хлѣбородныхъ
Лежатъ головы человѣчески;
На лугахъ-лугахъ на зеленыхъ
Все трава растеть что болотная!
Я сама въ Казань-городъ вѣдь повыросла,
Я съ Казань-рѣченьки сама воду пла...
Ужъ ты, добрыи молодець, не обманывай,
Не обманывай меня, не подговаривай!
Ужъ нейду я, дѣвица, замужъ за тебя,
Во Казань во городъ за тебя ли, молодца!»

231.

Красна дѣвушка воду черпала;
Добрый молодецъ, оиъ коня поилъ,
Оиъ коня повилъ, подговаривалъ:
«Ты поидемъ, дѣвпца, въ пань Казань-городъ!
Пань Казань-городъ на красѣ стоитъ,
На красѣ стоитъ, на угожествѣ;
Казань-рѣченька медомъ протекла,
Мелки ручейки—зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ по высокиимъ
Лежатъ камушки самоцвѣтные;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленыимъ
Растеть трава все шелковая;
На травѣ цвѣтуть цвѣты лазоревы;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучиимъ
Бѣжать купы заморскія...»—
—«Не обманывай, добрый молодецъ!
Я во Казань-городъ была рожена,
Въ Казань-рѣченькѣ была купана...
Пань Казань-городъ на пожѣ стоитъ,
Казань-рѣченька кровью протекла,
Мелки ручейки—горючми слезьми;
По горамъ-горамъ по высокиимъ
Не камеша самоцвѣтные—
Лежатъ головы человѣчески;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленыимъ
Не трава растеть шелковая—
Лежатъ волоса человѣчески;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучиимъ
Не купы бѣжать заморскія—
Бѣжать волки бѣдучіе.»

Одонецкая губернія. Студитскій, стр. 53 («продольная» — Каждый стихъ повторяется).

232.

У колодеца было да у студенаго,
У того ключа да подземельнаго,
Красна дѣвица да воду черпала,
Добрый молодець коня поплъ;
Онъ коня поплъ да коня добраго,
Онъ красцу дѣвчину да обманывалъ,
Обманывалъ, подговарпвалъ:
«Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ во Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣченька да медомъ течеть,
Мелки ручейки да зеленымъ виномъ;
По горамъ да по высокинмъ
Лежать камешки да самоцвѣтные;
По лугамъ да по зеленымъ
Трава растеть да вѣдь шелковая;
На травѣ цвѣтуть цвѣты лазуревы;
По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
Дороги звѣри—куны заморскія;
Еще съ-по морю, морю синему,
Пѣзь-по синему морюнку турецкому...»
Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ:
«Мужъ у меня по морю-то ходитъ тридцать кораблей;
Какъ одинъ-то корабль изукрашенъ былъ:
Еще корма да носъ излажены по турецкому,
Еще парусы на корабляхъ камчатые,
Свурочки на корабляхъ шелковые,
Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
По дорогому по камню по яхонту,
Мѣсто бровь-то было да проведено
По дорогой куницѣ по заморской...»

— Не подговаривай же, добрый молодецъ, не обманывай!

Я сама знаю, сама вѣдаю
Про славный вашъ про Казань-городъ!
Въ Казань-городъ я родилася,
Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася...
Казань-рѣченька водой течеть,
Мелки ручейки да горячми слезьми;
По горамъ вашимъ высокіимъ
Не камышки да самоцвѣтные,
Лежатъ головы да все буйныя;
На лугахъ трава не шелковая,
Растетъ травонька да все болотная;
По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
Звѣри да все съѣдучіе,
Зміи да все клевучіе;
Изъ-по морюнку по турецкому
Ходятъ корабли все да шведскіе...
По пустымъ ты, добрый молодецъ, расхвастался,
Я замужъ пойти да тутъ не вздумала!»

Шейнъ (Чтеція), стр. 40.

233.

А въ теремѣ, а въ высокомъ
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
«Мы поидемъ, дѣвица, а въ Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей красотѣ;
По горамъ-горамъ а все каменныя,
Разноцвѣтныя;
Казанка-рѣчка медомъ протекла;
Малые ручеечки—бѣлымъ сахаромъ;

По лугамъ-лугамъ а все травушка,
Все муравушка, все шелковая.»
— «Ахъ, бездушный ты, добрый молодець,
Халаушная твоя голова!
Я сама знаю. сама вѣдаю:
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей проиасти;
Казанка-рѣка кровью протекла;
Малые ручеечки—кровь горючая;
По лугамъ, лугамъ не травушка,
Не шелковая... молодецкая!»

Якушья, стр. 635.

234.

Мли солдатушки слободой,
Маять дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдете-ка, дѣвушки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Не далече—до Казани!
Во Казани-то жпть привольно,
Жпть привольно, гулять охотно;
У насъ денсжекъ предовольно,
У насъ домпки пребогаты—
Бѣлокаменные стоятъ палаты;
Межъ домами-то текеть рѣчка,
Течеть рѣченька медовая,
По ней струечка золотая!»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ;
На кусточкѣ соловейко,
Соловейюшка сидять, громко свищеть,
Громко свищеть онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаеть:

«Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
На солдатскія на обманки:
У солдатушекъ дома—горы,
Дома—горы каменисты;
Межъ домами-то текеть рѣчка,
Текеть рѣчешька да кровяная,
По ней струечка слезяная!»

Кола, Архангельской губернии. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 17.

235.

Шли матросы,
За матросами солдаты,
За солдатами обозы;
Они шли-прошли слободою;
Идетъ дѣвушка за водою;
Зовутъ дѣвушку за собою:
«Пойдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами до Казани:
Отъ Казани Питеръ не далече;
У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
У насъ горюшки сахарныя,
У насъ ключики медовые!»
— «Солдатушки, вы не обманывайте!
Я сама, дѣвушка, про то знаю:
У васъ горюшки головныя,
У васъ ключики кровавые,
У васъ бережки ледяные!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19 (статьяная).

236.

Что Питерской дорожкѣ вѣхали обозы,
За обозами шли матросы,
Матросики молодые,
Не женаты, холостые.
Въ эту пору вышла дѣвушка за водою,
За холодной ключевою.
Матросики дѣвушкѣ говорили:
«Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами, молодцами!
У насъ жить-то, дѣвушка, привольно,
Питья-кушанья довольно,
У насъ горы не крутыя,
У насъ рѣчечка Казанка,
По ней струйка золотая!»
Какъ одинъ-то матросъ дѣвушкѣ говорилъ:
«Не сдавайся-ка, дѣвушка, на басни.
На солдатскіе обманы!
У насъ жить-то непривольно,
Питья-кушанья-то недовольно,
У насъ горы-то крутыя,
Въ горахъ камешки простые,
Прошла рѣчка слезяная,
По ней струйка кровавая!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 135. семейная протіялка —
Кирѣевскій, вын. VI, стр. 18.

237.

Шли-прошли обозы,
За обозами матросы;
Они шли-прошли слободою,
Звали Дуношку съ собою:

«Пойдемъ, Дусяшка, пойдемъ съ нами!
У насъ, Дусяшка, жить привольно,
Работать у насъ охотно,
У насъ дома все каменные,
Текутъ рѣчки медовыя,
У насъ горы восковыя,
Въ горахъ камни дорогие!»
—«Не обманывайте, солдаты!
Я сама про все про то знаю:
У насъ домики—палатки,
У насъ горы—земляныя,
Въ горахъ камни все простыя,
Текутъ рѣченьки слезовыя!»

Тверская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19

238.

Какъ по Московскоѣ было по дорожкѣ,
Шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
За солдатами шли матросы,
Матросы молодые;
Звали дѣвокъ за собой:
«Вы пойдите, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ молодцами,
Со донскими казаками!
Какъ у насъ въ Москвѣ житье привольно,
Золотой казны довольно,
Тутъ текутъ рѣчки медовыя,
Круты горы золотыя,
Во горахъ камни золотые!»...
«Не склоняйтесь, дѣвки, на балы,
На солдатскіе на обманы!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 20.

239.

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
Тутъ шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
Солдатушки молодые, новобранны;
Они шли-прошли слободою,
Звали дѣвушекъ съ собою:
«Вы пойдете, дѣвки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Со уральскими козаками!
У насъ дѣвушкамъ жить привольно,
Горы, доли у насъ золотые,
Во горахъ камни дорогіе,
Бѣжитъ рѣчушка медовая,
По рѣчушкѣ растетъ калина
И сладка ягода малина.»

Сибирская губернія, Селенгинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып VI,
стр. 21.

240.

Во дороженькѣ по Московской
Шли-прошли два пьвоза,
За пьвозами молоды ребята,
Разхорошіе, бѣлы, кудреваты,
Кудреваты, съ роду не женаты;
Они шли-прошли городамъ, селамъ;
Они звали дѣвушекъ со нами:
«Вы пойдете, дѣвушки, со нами,
Что со нами, съ томскими купцами!»
Они шли-прошли со мать-Тюмени;

Во Тюменюшкѣ есть кунцы богаты,
У этихъ же есть дѣвушки хороши....

Тюменская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 99
(«проголосная»).

241.

Ой, подъ сосною, подъ кудрявою,
Ой, подъ грушею кучерявою,
Соловей въ саду та вывистувасть.
Парень дѣвушку та выкликувасть:
«Ой, пойдѣмъ, дѣвка, у Смолнѣ-городѣ!
А Смолнѣ-городѣ на высу стоить,
На всей высости, на всей крѣпости;
Все по горахъ маки цвѣтуть,
Ой, цвѣтуть маки все червонныя,
Ой, бѣжать рѣчки все медовыя,
Ой, растутъ травы все шелковыя.»—
—«Брешешь ты, Обазнѣ сынѣ!
А Смолнѣ-городѣ я давно знаю;
Я въ Смолнѣ-городѣ родился.
А Смолнѣ-городѣ на низу стоить,
На всей низости, на всей крайности;
Все по горахъ не маки цвѣтуть,
А лежать тѣла все мертвовыя,
А бѣжать рѣчки все кровавыя,
Ой, растутъ травы волосяныя...»

Харьковская губернія, Богодуховскій уездъ. Русская Старина
1879 года, № 10, стр. 351.

242.

Подъ горою вѣтеръ вѣетъ,
Дѣвчочка ризицу сѣетъ.)
Она сѣетъ, высѣваетъ,

Драгунъ дѣвку умоляетъ:
«Пойдемъ, дѣвка, поїдемъ съ нами,
Съ молодыми драгунами!
Будемъ жить-поживать,
Съ отцомъ-матерью шпиковати!...
Твоя мати чаривница,
А сестрица разлучница:
Разлучила насъ съ милою,
Какъ рыба съ водою,
Бѣлую щуку со окунцами,
Красную дѣвку съ молодцами»....

Орловская губернія, Малоархангельскій уездъ. Якушкинъ, стр. 613.

243.

Бережкомъ плутъ казанцы,
Шли казанцы, астраханцы;
За собою ведутъ дѣвокъ.
Вы садитесь, дѣвки, въ санн,
Вы поѣдемъ, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ нами, съ молодцами,
Съ астраханскими кунцами!
Какъ у насъ было въ Казани,
Много всякаго товару,
Конопляно, — не вервяно,
Посконное, — не ленное.

Чердынский уездъ. Поповъ, стр. 101. После каждого стиха припева
Ай ли, ай ли, съ повтореньемъ второй половины стиха.

244.

Передъ нашими воробты,
Передъ нашими широки,
Передъ нашими широки

Томъ I.

Разыгралися робята,
Все робята молодые,
Молодые, холостые;
Они шуточку спутили:
Во новы сѣнички вскочили,
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Новы сѣни подлѣмили,
Красну дѣвку подманили,
Красну дѣвку подманили,
Въ новы сани посадил...
«Ты садися, дѣвка, въ сани,
Ты поѣдешь, дѣвка, съ нами,
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаки!
У насъ жпть будетъ добренько:
У насъ горы золотыя,
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе...»
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкіе пожитки.
А бурлацкіе пожитки
Что добры да не велики,
Что добры да не велики—
Одна лямка да котомка,
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборка!

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 183.

245.

Во славномъ было городѣ Кронштатѣ,
Гостинный сынъ по улицѣ гулясть,
И онъ носить красно золото на цѣвкѣ,

Окатистый крупный жемчугъ на атласѣ...
Изъ высокаго пзъ новаго терема
Увидѣла душа красная дѣвица:
«Ахъ ты, душечка удалый добрый молодецъ!
Ты продай, продай красно золото на цѣвкѣ,
А окатистый крупный жемчугъ на атласѣ!»
Да что взговорить удалый добрый молодецъ:
«Ахъ ты, душечка, душа красна дѣвица!
Красно золото на цѣвочкѣ нечисто,
А окатпстый крупень жемчугъ не крупень...
Приходи, красна дѣвица, къ синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Какъ въ городѣ люди приумолкнуть,
А въ теремѣ свѣчки пригнугнуть,
И батюшка съ матушкой спать лягутъ...»
Красна дѣвица по свѣтлицѣ ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна дѣвица къ синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю...
Гостиный сынъ по бережку гуляетъ;
Онъ душу красну дѣвицу дожидаетъ;
Принимаетъ красну дѣвицу подъ ручки,
Беретъ ее за золоты за перстни.
Повели красну дѣвицу во корабликъ,
Посадили красну дѣвицу на стуликъ,
Подносили красной дѣвицѣ сладкой водки;
Напоили красну дѣвицу допьяна.
Позвопла дѣвица почивати
У гостинаго у сына на кровати...
Гостиный сынъ по кораблику гуляетъ
Молодымъ матросамъ повелѣваетъ:
«Ахъ вы, свѣтъ мой бурлаки молодые!
Вы отвязывайте корабликъ, не стучите,
Душу красную дѣвицу не будите!»

Среди моря дѣвица пробудилась,
Пробудившись, дѣвица стала плакать:
«Ахти, я передъ Богомъ согрѣшила,
Отца и мать на вѣки прогнѣвила!»
Гостивый сынъ по кораблику гуляетъ,
Въ звончаты свои гуселчички играетъ,
Опъ душу красну дѣвицу забавляетъ:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица!
Ужъ какъ Богъ пась донесетъ съ тобою въ нашъ
городъ,

И я буду просить у батюшки благословенья
На тебѣ, на красной дѣвицѣ, жениться;
Какъ станемъ мы съ тобою жить во любви,
Огнущу тебя къ твоему батюшкѣ побыватьи,
На своей тебѣ сторожничкѣ погуляти...»

П т с е в н и к ъ 1780 года, часть III, стр. 64.

246.

Не вечерняя заря, братцы, пріутухла,
Полуночная звѣзда, братцы, восходила...
Что во славномъ было городѣ Казани,
Что на крутенькомъ на красномъ бережочкѣ,
Что на желтомъ на сыщучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черныя брони солетались,—
Собирались пошизовые бурлаки;
Они думали крѣпкую думушку за-одно.
«Ахъ, состроимъ мы, робятушки, гребнойі стружокъ,
И подѣлаемъ заключички кленовыя,
Изнавѣсемъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грешемъ, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Остановимся, робятушки, среди Волги,
Супротивъ того столярникова дому!»
Что у столярничья прикащика дочь хороша;

1 2 3 4
Что прослася дочь у батюшки погуляти:
«Ай, нусти, нусти меня, батюшка, погуляти,
Поппзовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти!»
Поппзовые бурлаки злы, лукавы,
Напопли красну дѣвицу допяна...
Ужъ какъ та ли красна дѣвица уснула,
У повольскаго атамана на колѣнахъ.
Да что взговоритъ повольскій атаманъ:
«Что мы грянемте, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Чтобы не было отъ столыника погоня!»
Ого сна ли красна дѣвица пробудилась,
И за-очи съ отцомъ, съ матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи отъ мня матушкѣ челобитье!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 153. — Весельчакъ на
досугъ 1797 года, часть I, стр. 186.

247.

Какъ подъ липой, подъ липой,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣлъ молодецъ такой, /
Держалъ гусли подъ полой.
Ахъ вы, гусли, мои гусли,
Вы, гусслечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою
Про жонитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальняя сторопа,
Макарьевска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Близъ гостинаго двора,

У Софронова кушца,
Солучилася бѣда,
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его—
Душа Катенька.)
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По Макарьевскимъ пескамъ;
И нашли эту пропажу
У Машкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ.
Ея буйная головушка—
Испроломанная,
Ея русая коса—
Вся растрепанная,
Цвѣтно платье—
Все изорванное,
Все изорванное,
Все издерганное.
Вотъ и самъ-отъ побѣдитель
Подъ окошечкомъ сидитъ;
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли гости ѣдутъ,
Не меня ли хотятъ брать?»
Какъ по первой по порогѣ
Трои саночки катятъ,
И звенять, и греметь,
Лишь копыточки стучать.
Приворачивай, ребята,
Къ Акулиному двору!
Акулинушка бѣжитъ,
На ней ильтевецъ шумитъ...

Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отвори-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!
Ужь какъ взяли молодца,
Подхватили удалца,
Посадили въ крѣпку горешку—
Въ каменный острогъ...

Костромская губернія. Отечественныя Записки 1811 года, томъ
XVIII, смѣсь, стр. 11.

248.

Подъ грушой
Да подъ яблоней
Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой,
Да подъ правой стороной.
Заиграйте вы, гусли,
Гусельки мои,
Да звончатый!
Я вами пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужедальная сторона,
Чужедальная сторонка—
Макарьевская ярмонка!
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья да во ярмонкѣ,
У гостпнаго двора,
У Софронова купца
Солучилася бѣда,

Да не маленькая;
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча,—
Запропала, запропала,
Дочь любимая его.
Что искали ту пропажу,
По болотамъ, по кустамъ,
По зеленымъ лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Вотъ нашли же ту пропажу
У сосѣда на дворѣ,
Въ новой банѣ на полгѣ.
У ней головушка проломана,
Руса косонька распущена,
Гребенушка изломана,
Платьице изорвано,
Рубашеночка изодрана...
Вотъ и самъ разбойничекъ
Да сидитъ подъ окошечкомъ,
Таки рѣчи говорить:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ,
Не меня ли во бесѣду звать?»
Вотъ и взяли молодца,
Посадили молодца,
Да во новую клетушку
Да за рѣшетушку...

Пермская губернія. Шинишюко, стр. 226. Очень сходная пѣсня
(Тверская губернія, Повоторжскій уездъ: Шейнъ, стр. 192 «Яль-
сован»).

249.

Подъ яблонью зеленою,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣлъ молодецъ такой,

Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держаль гусли подь полой.
Разыграйтесь, гусли-мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальняя сторона,
Чужа дальняя сторонка—
Макарьевска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У Софонова кушца,
Близъ гостпнаго двора,
Солучилася бѣда,
Что бѣда, бѣда, бѣда,
Что не маленькая,
Что не сто рублей пропато
И не тысяча рублей,—
Пропадала у него
Дочь любимая его,
Дочь любимая его—
Свѣтъ-Евгеньюшка душа.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракиновымъ кустамъ.
Отыскалась та пропажа
Во Кунавинѣ селѣ,
У Мошкова во дворѣ,
Въ новой банѣ на полѣ.
Ея буйная головушка—
Проломленная,
Черепахова гробеночка—
Расколотая,

Ея русая коса—
Порастрепаная;
На Евгеньюшкѣ цвѣтно платье—
Изорванное;
Коленкорова рубашечка
На гвоздикѣ виситъ;
Золота ея цѣпочка
На окошечкѣ лежитъ...
Погубитель-то ея
Самъ въ окошечко глядитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не за мной ли пара ѣдетъ,
Не меня ли въ гости звать,
Не меня ли въ гости звать,
Въ каудалы меня ковать?
На то мальчикъ догадался,—
Нанялъ тройку лошадей,
Нанялъ тройку лошадей,
Себѣ вороныхъ коней;
Далъ я кучеру на водку:
Поѣзжай, кучерь, скорѣи!
Кучерь возжи разобралъ,
Самъ онъ пѣсенку запѣлъ...
Корепная—рысью, рысью,
Пристяжная возвилась...
Что за городъ, за столица
Распрекрасный Петербургъ!
Привези хоть тысячь сорокъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все объ Енѣ хлопоталъ...»

Московская губернія, Коломенскій уѣздъ. Балакиревъ, М 22
(*уличная*).—Очень сходный отрывок пѣсни (первые 16 стиховъ):
Будде, № 3 (*плясовая*).

250.

Какъ подъ яблоней такой,
Подъ кудрявой, зеленой,
Сидитъ парень молодой,
Держитъ гусли подъ полою,
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитбу про мою,
Какъ женила молодца
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевска ярмонка.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Солучилася бѣда,
Да не маленькая;
Что не сто рублей украли
И не тысячу;
Пропадала у него
Дочь любимая его.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракитовымъ кустамъ;
Какъ нашли эту пропажу
У Мошкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на софѣ.
Цвѣтно платьице на Енюшкѣ—
Изорванное,
Черепанова гребеночка—
Изломаная,
Ея буйная головка—
Вся расшибленная...

Самъ разбойничекъ сидитъ,
Да въ окошечко глядитъ,
Онъ въ окошко-то глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ?
Не меня ли въ гости звать?»

Самарская губернія. Варецовъ, стр. 236.

251.

Подъ грушицей подь такой,
Кудрявой золотой,
Сидѣлъ молодець такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подь полою,
Подъ правую стороною.
Заиграйте, гусли, въ мысли,
Я вамъ пѣсенку свою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца,
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторона,
Макарьевска ярмонка.
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У гостинаго двора,
У Софронова кушца
Солучилася бѣда,
Да не маленькая,
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча, —
Запронала, запронала
Дочь любимая его.

Что искали ту пропажу
По болотамъ, по лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Что пашли эту пропажу
Въ гостинницѣ одной,
Въ диванной за столомъ.
Ужъ сидитъ наша Катюша—
Вся разбита голова,
Распронали волоса;
Ея блѣлое лицо—
Все изсушено,
Ея платыице цвѣтное
На стопочкѣ виситъ,
Черпахова гребеночка
На окошечкѣ лежитъ,
Вся изломанная.
Ужъ кто тебя, Катюша,
Ужъ кто тебя завелъ?
«Ужъ завелъ меня, Катюшу,
Воръ купеческiй сынокъ,
Все Ванюшенька...»
Повели Катю домой,
Не дорогой—стороной,
Не дорогой—стороной,
Задней улицей домой...

Епифанъ, Тульской губернии. Шейнъ, стр. 192 (пяльцова)

252.

У тятеньки, у маменьки
Одна дочи была, полюбалася:
Безъ чаю не сяду,
Безъ калачика не ѣмъ,
Безъ милаго не усну.

Хоть и уснетя, —
Во снѣ видится...
А сегодня мой милой
Изъ дорожки пришелъ,
Изъ дорожки, изъ пути,
Съ чужой дальней стороны,
Съ чужой дальней миль сторонки —
Съ Макарьевской ярмонки.

У Макарья въ ярмонкѣ
Солучилася бѣда,
Не велика, не мала —
Потеря у сосѣда въ дому,
Въ новой горницѣ въ верху:
Потерялась его дочь
Въ глухую полночь.
Пошли эту потерю,
Пошли ее искать
По трактирамъ, кабакамъ,
По зеленымъ лугамъ.
Нашли ту потерю
У купца въ дому —
Въ новой горницѣ въ верху.
У нея-то коса вся растрепанная,
Коса русая растрепанная,
Заплаканы глаза,
Затерты рукава,
Черепенная гребеночка
Растоптаная...

Витекая губернія. Календарь Витекой губерніи на 1891
годъ, стр. 334 («на дѣвичникѣ»). Послѣ каждой строки притѣвъ
«лял» и повтореніе.

253.

Во Симбирскомъ городкѣ случилася бѣда,
Случалася бѣда не малая, не больша,
Не сто рублей пропало и не тысяча,
А убили-погубили Алешеньку молодца,
Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу,—
Убили-погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
За сѣрый сертучекъ, за аленькій кушачекъ.
Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому.
Встрѣнулся, домекнулся одинъ дядюшка родной.
Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
На первой на части, у Дуняши во дому,
У Дуняши во дому, въ шитомъ браномъ пологу....

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 68.

254.

Отецъ на сына прогнѣвался,
Приказаль сослать со очей долой,
Велѣль спознать чужую сторону,
Чужую сторону, незнакому.
Большая сестра коня вывела,
Средняя сестра сѣдло вынесла,
Меньшая сестра плетку подала;
Какъ подавши плетку, заплакала,
Что заплакавши, слово молвила:
«Ахъ, братецъ, ты, братецъ родимый мой!
Когда же ты, братецъ, домой будешь?» —
— «Сестрица, сестрица родимая!
Какъ есть у батюшки зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду—сухая яблонька;
Какъ расцвѣтетъ та сухая яблонька,

Попустить она цвѣты бѣлые;
Тогда я, сестрица, домой буду!
Что прогнѣвавши отца родимаго,
Одинъ-то я остался, добрый молодець...
Еще нѣту со мной товарища,
Еще нѣту со мной друга милаго,
Еще нѣту со мной слуги вѣрнаго;
Товарищъ мой, то вѣдь добрый конь,
А милый другъ, то мой крѣпкій лукъ,
Слуги вѣрные мои—калены стрѣлы;
Куда ихъ пошло, туда самъ не йду...»

И въ ениикъ 1780 года, часть 1, стр. 181.

255.

Отпущало, отпущало сердце матушкино,
Отпущало, отпущало чаду милую свою,
Чаду милую свою на чужую сторону. {A:}
Какъ большая сестра коня съ стояла свела, K 177
А середняя сестра коня осѣдывала,
А меньшая сестра коня брату подала;
А жена-то горюша у воротничкахъ стоитъ,
У воротничкахъ стоять, сама плачетъ, говоритъ:
«Ужъ ты, миленькій, милой, ты когда будешь до-
мой?»

—«Я тогда буду домой, когда выростетъ трава,
Когда выростетъ трава выше царскаго двора,
Узобьетъ, узобьетъ большой камушекъ со дна.»
—«Да неправду, мой миленькій, со мною говоришь!
Да не выростетъ трава выше царскаго двора,
Не узобьетъ Волга-рѣчка бѣла камушка со дна!»

Орловская губернія, Малоярославельскій уѣздъ Якушкинъ, стр. 329.

256.

Вы, морозы, морозы, вы, крещенскіе!
Заморозили, морозы, добра молодца,
Стоючи у стѣны бѣлой каменной.
Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ;
Не спала, не дремала красная дѣвица,
Распрекрасная Елена, дочь королева.
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротыцы,
Выпускала добраго молодца вонъ изъ города:
«Ты поди же, добрый молодець, потихонечку,
Чтобъ не вельшалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»

Что отецъ-то на сына спрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
Какова есть на свѣтѣ чужа сторона!»
Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плетку подала;
А большая сестра брата спрашивала:
«Ужъ когда же ты, нашъ братецъ, на оборотъ бу-
дешь?»

—«Ужъ тогда я къ вамъ на оборотъ буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблонька;
Ужъ когда эта яблонька расцвѣтатъ будетъ,
Ужъ тогда я къ вамъ, сестры, на оборотъ буду!»

Якушкинъ, стр. 361.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 43.

257.

Народился въ отца сынъ...
Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:
«Ты ступай-ка, ты, сынъ, со двора долой,
Томъ I. 22

Ты спознай-ка-сь, сынъ, чужу дальнюю сторону!»
Какъ и старшая сестра коня съ стоила свела,
А средняя сестра коня осѣдывала,
А меньшая сестра коня брату подала,
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивать:
«Ты, братецъ родной, ты когда будешь домой?»
— «Вы подите-ка, сестры, па сине море,
Вы возьмите-тка, сестры, да вы гореть песку,
Вы посеѣте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду!»
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
Па десятый-то годъ сестры брата ѣскать пошлп,
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середня сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А середняя сестра услыхала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой на степи на Саратовской
Что убить-то лежить добрый молодець.
Схоронили сестры брата, полетѣли домой.

Калужская губернія, Лихвинскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 360.

258.

«Родимый ты мой брателко,
Кто тебя вспоилъ, вскормилъ?»—
— «Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣвила родная матушка;
Вспоил, вскормилъ, со двора согналъ...»
Большая сестра коня вывела,
Средняя сѣдло вынесла,

А малая плетку выдала;
Она, выдавши, стала спрашивать:
«Родимый ты нашъ брателко,
Когда ты къ намъ въ гости будешь?»—
—«Я тогда, когда рѣченьки разольются,
Круты бережки наполнятся...»
Онѣ годъ ждали и другой ждали;
На третій годъ искать пошли:
Большая сестра—звѣремь въ лѣса,
Средняя—звѣздой въ небо,
А меньшая—щукой въ море.
Нашла сестра своего брата въ темномъ лѣсу:
Онъ убитъ лежитъ, зарѣзанный,
Его добрый конь въ головахъ стоптъ,
Булатный ножъ въ груди воткнуть....

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр. 61.

259.

У отца, у матери
Быль одинъ сынокъ;
Собрали, срадили,
Въ школу отдали;
Обучимши школьному,
Въ войско собрали.
Большая сестрица
Сѣдлала коня,
Меньшая сестрица
Прощалась съ нимъ:
«Прощай, прощай, братецъ,
Прощай, мой родной!
Да что же твой, братецъ,
Не весель стоитъ конь?
Да знать тебѣ, братецъ,
Вѣкъ у насъ не быть!»—

— «Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька...
Выходи, сестрица,
На Дунаі-рѣку,
Съ ведромъ по воду;
Увидишь тамъ, сестрица,
Силу войскую,
Спроси тамъ, сестрица,
Про братца своего...»
Выходила дѣвица
На Дунаі-рѣку,
На Дунаі на рѣчку,
Съ ведромъ по воду;
Увидѣла дѣвица
Силу войскую,
Спросила сестрица
Про братца своего:
«Да гдѣ же мой братецъ,
да гдѣ жъ мой родной?»—
— «Не твоего ли братца
Воронъ конь стоптъ?
Да и твой-то братецъ
Спльщій вопиъ былъ:
Три роты побплъ,
На четвертой ротѣ
Головку сложилъ...
А вонъ—твоего братца
Во гробѣ несутъ;
По правую сторону
Соколикъ летитъ,
По лѣвую сторону
Воронъ конь идетъ!»

260.

Когда у насъ была русская воля,
А теперь стала неволенька.
Да было у братца три сестрицы,
Три сестрицы жславищицы...
Первая пдетъ—копя ведеть,
Вторая идетъ—сѣдло несеть,
Самая меньшая слезно плачетъ:
—«Ужъ ты, братъ, ты, мой братъ,
Ты, братъ мой родимый,
Ты когда прїѣдешь въ гости къ намъ?»—
—«Ты пойдн, сестра, до Дупаю,
Набери, сестра, песку съ краю,
Ты носѣй, носѣй по камышку;
Ты вставай, вставай рапехонько,
Полнвай песокъ частехонько.....»
Нѣтъ дожда, нѣтъ и всхода,
Да нѣтъ братца изъ похода;
Нѣтъ дожда, нѣтъ и града,
Да нѣтъ братца изъ отряда....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вып. XV, стр. 293.

261.

Ай, собиравшея матросушки на зеленій лугъ,
Они думали думу крѣпкую,
Они крѣпкую думу за еднное:
«Запоемте, ребятушки, пѣсню новую,
Мы которую пѣли пѣсно на спнемъ морѣ!»
Не бывалъ младъ полковничекъ на спнемъ морѣ,

Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,
Страсти-ужасти, великой Божьей милости.

Ахъ вы, глупые, перазумные добры молодцы!

Еще есть ли по сему свѣту такова ладья,

Что ходила бы по спину морю не шатаючись?

Поднималася да погодушка,

Бѣлы паруса повыврало,

Высокія мачты повыломало,

Всѣ шелковыя снасточки повыврало,

Младаго полковничка въ воду повыбросило.

Тутъ кидался-бросался добры молодцы,

Добры молодцы, младые матросушки,

Поймали млада полковничка за желты кудри,

Тащили-то на черлеть корабль.

«Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:

Еще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,

Чтобы безъ корейска травка выросла,

Безъ солнышка цвѣточки выцвѣли?

Еще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,

Чтобы отдалъ сына во солдатушки, не заплакали?

Большая сестра братцу коня подвела,

Средняя сестра братцу коня сѣдлала,

Сама мепыная сестра на коня поводъ поддала;

Въ воротахъ-то стоитъ горюпица молода жена,

На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго;

Она плачетъ и рыдаетъ горючми слезами,

Во слезахъ-то словцо воспроизговорить:

«А ты скоро ль, добрый молодецъ, новоротнишься?»—

— «Ты гляди-ка, бѣдна горюпица, на синемъ море:

На синемъ морѣ, когда сходитъ погодушка,

Всколыбается синемъ морюшко,

Со спящаго моря выстанетъ бѣлый каменьекъ,

На каменьекъ повырастетъ густой кустъ ракушечный,

Въ этомъ кустышкѣ соловейшко советъ пѣвчю-

шко,

Песовыведеть соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ;—
«Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена!»

Олонецкая губернія. Рыбинковъ, часть III, стр. 341.

262.

Князь Данило ходить,
По дороженькѣ онъ бродить,
На красныхъ поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
Ой вы, молодежи!
Спойте вы мнѣ пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Да про Егора царевича,
Молодца Молодцевича,
Какъ онъ съ туркомъ воевалъ,
Какъ султана въ полонъ взялъ,
Какъ его онъ засмолплъ,
Всю Турещину изрубилъ!»—
—«Нѣтъ, не станемъ мы пѣть пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Ни про Егора царевича,
Молодца Молодцевича!
А споемъ мы тебѣ пѣсенку
Про Данилу про каналью,
Про разбойника-бусурмана,
Про мерзавца-нехристиана!»

Туть Давило взбѣленился,
И велѣлъ оиѣ всѣхъ казнитъ,
Бѣлы головы рубитъ.
Туть народъ весь подымался
И стражейи гонять пускался.
Разогнали всѣхъ стражейи,
До Давилы добрался
И его колоть пустился.

Орловская губернія, Малоярхангельскій уѣздъ. Кирьевскіи,
вып. V, стр. 183. Записана П. М. Перевальскимъ. Пѣсни
сомнительной подлинности.

263.

Фохаль нашъ королевичъ на прогуляныце,
Оставилъ жену Марусеньку на гореваныце:
«Горюи, горюи, Марусенька, горюи-ка безъ меня!»
Самъ Фхаль королевичъ во чистое поле;
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣленькій шатерь;
Привязалъ своего добра коня ко бѣлому шатру,
И насыпалъ бѣлояровой пшеницы своему добру коню;
И самъ ложился спать, королевичъ, подъ бѣлымъ
шатромъ.
Привидѣлся королевичу такой же дивный сонъ:
Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утница.
Проснулся нашъ королевичъ отъ крѣпкаго отъ сна;
Сѣдлалъ своего добра коня въ черкасское сѣдло;
Самъ Фхаль, королевичъ, во прусскую землю.
На встрѣчу королевичу старушенька идетъ.
«Ты скажи, скажи, старушенька, старая бабушка,
Ты скажи, скажи, бабушка, старая матушка,
Про мой про дивный сонъ:

Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколикъ
вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утица.»—
—«Вернись, вернись, королевичъ, вернись ко дому
своему:

Твоя жена Марусенька сыночка родила,
На другой день бѣлої зари сама же померла!
Все окошечки поразбитыя,
Все воротички не позаперты;
Твой поворожденный сынъ давно въ землѣ лежитъ!»
Вернулся нашъ королевичъ скорешенько домой.

Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, выш. III, стр. 1.

264.

Поѣхалъ нашъ королюшка на гуляньце,
Оставилъ онъ Марусеньку на гореваньце.
Пустилъ, пустилъ своего коня во зеленыя луга,
А самъ взомелъ, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ же королюшка бѣлъ тонкой шатерьъ.
Взошелъ нашъ королюшка во шатрикъ спать.
Привидѣлся королюшкѣ пречудный страшный сонъ:
Изъ-подъ правой рученьки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утушка.
Осѣдлалъ королюшка ворона коня,
Поѣхалъ королюшка къ своему дворцу.
На встрѣчу королюшкѣ стара баушка.
«Старушенька, баушка, отгадай мой сонъ!»—
—«Изволь, изволь, королюшка, изволь сказывать!»—
—«Взошелъ я, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ я, королюшка, бѣлъ тонкой шатерьъ,
А самъ я взомелъ, королюшка, въ шатрикъ спать;
Привидѣлся мнѣ, королюшкѣ, пречудный страшный
сонъ:

Изъ-подъ правой рученьки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утушка.»—
—«Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
Сегодня же Марусенька сама померла!»
Упалъ, упалъ королюшка съ своего коня...
Осѣдлалъ королюшка коня ворона;
Поѣхалъ нантъ королюшка къ своему дворцу:
Тесовыя воротнички растворены стоять...
Пустилъ, пустилъ своего коня на широкій дворъ,
А самъ взошелъ, королюшка, въ высокъ теремъ:
Всѣ мамушки, всѣ папюшки во трауряхъ сидятъ.
Ударился королюшка въ дубовый гробъ:
«Зачѣмъ, зачѣмъ, Марусенька, вспокинула меня,
Вспокинула, оставила плакать-горевать?»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 81
(«обыденная»).

265.

Какъ поѣхалъ королевичъ на воеваньце,
Оставилъ свою королевну на гореваньце.
Становился королевичъ при пути большой,
При пути большой становился, при крутой горѣ;
Пустилъ своего коня въ зелены луга.
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу чудесъ-явонъ сонъ:
Изъ-подъ правой его ручки соколикъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой—лебедь бѣлая.
«Поѣду я, королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!...
Скажи, скажи, Марусенька, всю правду мнѣ!
Вечоръ я спалъ въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ;
Привидѣлся мнѣ чудесъ-явонъ сонъ!»

—«Вечоръ твой королева сына родила,
По утру ранихолько сама померла.»—
—«Ворочусь ли я, королевичъ, къ дому своему!»
Широкія воротички растворены стоятъ,
Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
Генералы-сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ....
«Одна моя королева въ червонныемъ лежить!»
Ударился королевичъ объ дубовый гробъ,
Заливался королевичъ горючими слезами:
«А свѣтъ моя хорошая королева!
Если бъ зналъ, если бъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
Пуцай моя королева при мнѣ бъ родила,
Пуцай моя хорошая при мнѣ бъ померла!
Подломцились королевнѣ рѣзвы ноженьки ея,
Опустилися королевнѣ бѣлыя рученьки ея.
Закрылися королевнѣ ясныя очи ея!»

Москва Куръевскій, вып. V, стр. 80.

266.

Поѣхалъ королевичъ на восваньце.
Не доѣхалъ королевичъ до восваньца,
Становился королевичъ на гореваньциѣ,
Ложился королевичъ спать на гореваньциѣ
Во бѣломъ шатрѣ.
Привидѣлся королевичу единъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моеи рученьки ясенъ соколъ вылетать,
«Изъ лѣвой моеи рученьки—сѣрая утица.»
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ ворожить:
«Скажи, скажи, бабушенька, мнѣ правду-истину:
Вечоръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моеи ручки ясенъ соколъ вылетать,
Изъ лѣвой моеи ручки—сѣрая утица.»—

— Скажу тебѣ, королевичъ, правду-истину:
Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
По утру ранешенько сама померла.
Косищеты окошечки все въ траворѣ висять,
Генералы твои все въ тровурѣ стоять.»—
Воротился королевичъ съ воеваньца.

Орловская губернія и уѣздъ Кирѣевскій, выш. V, стр. 78.

267.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляшнице,
Жену свою оставилъ на гореваньце.
Становился королевичъ при допнѣ при бугрѣ;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣлый шатеръ;
Дожился спать подъ бѣлымъ шатромъ;
Привидѣлся королевичу предивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.
Пробуждался королевичъ отъ крѣпкаго сна.
«Поѣду я, королевичъ, ко старушенькѣ...
Скажи, скажи, старушенька, про мой дивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.»
— «Вернись, вернись, королевичъ, ко своему двору:
Жена твоя Марусенька сына родила,
На бѣленькой на зорюнцѣ сама померла!
Теперь твоя Марусенька во гробѣ лежитъ,
Дворовые ея слуги надъ гробомъ стоятъ,
Дитя ея малесенько въ люлочкѣ лежитъ.»
Подъѣзжаетъ королевичъ къ своему двору,
Закричалъ королевичъ громкимъ голосомъ:
«Свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
Бывало, ты, Марусенька, встрѣчалась меня,
Теперь же ты, Марусенька, во гробѣ лежишь!»

Донская область. Сивилевъ, стр. 146 («Семейная»).

268.

Собирается королюшка на гуляньице,
Оставляеть свою хозяйошку на гореваньице.
«Прости, моя хозяйошка, до свиданьица!...
Самъ я пошелъ, королюшка, во чисто поле гулять.
Пустиль я, королюшка, своего добра коня въ зеле-
ные дуга.»

А самъ пошелъ, королюшка, на круту горю,
На крутенкой на горочкѣ раскинулъ шатерь,
Подъ шатрикомъ королюшка самъ легъ-почивать,
Онъ спитъ—не спитъ, королюшка, больше такъ
лежитъ.

Привидѣлся королюшкѣ дивнешенеть сонъ:
Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣрая утица.
«И тутъ-то я, королюшка, задумался:
Садился я, королюшка, на добра коня,
Поѣхалъ я, королюшка, во Питерь-городокъ.»
Во Питерьъ во городъ старушка живетъ...
«Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ!»—
—«Ты еси, прущкой король, рассказывай свой
сонъ!»—

—«Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣра утица.»—
—«Въ твоёмъ дому, королюшка, есть радость и
печаль:

Твоя жена королевна сына родила,
Во третій день королевна сама померла.»
Иѣхотны солдаты разставлены.
Генералы-полковнички у гроба стоять...
«Моя жена во гробѣ лежитъ,
Сыночекъ мой любезный на бѣлой груди!»

269.

Король молодой сбирался, королюшка во пну землю.
Покипуль королюшекъ молодую жепу,
Какъ горькую кукушечку въ темнымъ лѣсу,
Какъ горькую полынушку въ чистомъ полѣ.
Подѣхалъ королюшка къ крутой горѣ;
Пристигла же здѣсь королюшку, здѣсь темная почва;
Раскипуль же королюшка бѣль тонкой шатеръ;
Ложился королюшка выпъзъ бѣлымъ лицомъ,
Привидѣлся королюшкѣ чудень страшенъ сонъ:
Изъ правой его рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣваго изъ бѣлаго—сѣра утушка.
«Знать, моя хозяйюшка сыпка родила и сама померла!
Знать, мнѣ, королюшкѣ, воротиться назадъ!»
Подѣхалъ королюшка къ широкому двору:
Широки воротнички растворенныя,
Косыщеты окошечки все повскрытыя;
Косей шестерочка заложенная,
Все кучера и форейторы прешевеселые;
Сѣнны дѣвушки все наряженыя—
Во черныхъ во платьицахъ, во печальныхъ...
«Знать, моя хозяйюшка впереди лежитъ, подъ черной
тафтой!»

Взошелъ королюшка въ пову горенку,
Вослакнулся королюшка горячимъ слезамъ.
А дѣвушки-служанушки разговариваютъ:
«Не плачь, не плачь, королюшка, не воротись ее на-
задъ!»

Саратовская губернія. Терещенко, II, стр. 378; Кирѣевскій, вып. V, стр. 84. Сходныя полныя пѣсни, неизвѣстно гдѣ записаны: 1) Якушкинъ, стр. 368, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 21, 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79; вполнѣ: 1) Якушкинъ, стр. 369, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 22, 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79, 3) Кирѣевскій, вып. V, стр. 82.

270.

Доѣхалъ нашъ-королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до воеваньица;
Становилея королевичъ среди пути,
Среди пути-дороженьки, близъ крутой горы;
Какъ самъ пошелъ, королевичъ, на круту гору,
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый шатромъ;
Ложилея спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ.
«Въ твоёмъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»
Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу королевичу старушка идетъ.
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивать:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всею правду мнѣ!»
—«Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?»
—«Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
Въ твоёмъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»—
—«Королюшка, мой батюшка, не хороши твой сонъ:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла!»
Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:

Въ саду его все пташечки, пригнувъ, сидятъ;
Слуги его вѣрные все въ черномъ траурѣ;
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Все въ златѣ убрана и въ гробъ положена...
«Ахъ, свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня,
За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
За уборы за столики не посадила,
Сахарными конфетами не потчивала!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 48.—
Кириевскій, вып. V, стр. 86.

271.

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньце.
Пустилъ своего добра коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу явнешнекъ сонъ:
Изъ-подъ ручки изъ-подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ ручки—сѣрая утца.
Сказали вѣсть королевичу—и радость, и печаль:
«Твоя жена Марусенька сына родила,
По утрупцу ранешенько сама померла.»
Ворогилея королевичъ къ дому своему:
Широкія вороточки растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повывставлены,
Генералы-полковнички въ черномъ уборы...
«Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убора...»
Ударился королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ моя Марусенька, онугбѣть домогъ!
Очи ея прекрасныя не узрѣли меня,
Пожки ея рѣзвешеньки не встрѣтили меня,
Ручки ея бѣлешеньки не обняли меня,
Уста ея сахарныя не промолвили!»

Кириевскій, вып. V, стр. 82.

272.

Отъѣзжаетъ казаченька на разгуляныце,
Покпдаеть Марусеньку на горсваныце.
Пустиль своего ворона коня въ зелены луга,
А самъ лежитъ въ бѣломъ-шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся казаченьку двисниенекъ сонъ:
Будто на его праву руку соколь прилетѣль,
Улетала съ-подъ лѣвой—събра утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третій день Марусенька сама померла.
Подъѣзжаетъ казаченька къ своему двору:
Широки его воротнички растворешья,
Хрустальныя стеколечки повыбитыя...
Всходитъ казаченька на высокъ теремъ:
Стоять попы и дьяконы, погребенье поютъ,
А дѣточки-малюточки какъ ичелки гудуть...
А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
Ударится казаченька о дубовый гробъ:
«Ой, свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
Бывало, твои рѣзвы ноги устрѣдутъ меня,
Бывало, твои бѣлы руки обнимуть меня,
Уста твои сахарныя цѣлуютъ меня!»

Курская губернія. Воропежская Беседа на 1861 годъ,
стр. 396.—Кириевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 21.

273.

Воинный казаченька во службу пошелъ.
Сходилъ казаченька на широкій на дворъ,
Обѣдывалъ-обратывалъ своего добраго коня;
Поѣхалъ же во чисто поле.
Пускалъ своего коня во зелены луга,
Самъ взонелъ на высокъ бугоръ,

Раскидывалъ-развертывалъ бѣль тонкой матеръ;
Ложился спать во бѣломъ шатрѣ.
Дивнехонекъ ему сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика соколь солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика—сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкойю;
На встрѣчу казаченькѣ старушка идетъ,
Опъ баесть ее:
«Старушенька, стряпушенька, разсудливая,
Разсуди ты мой сонъ!»
—«Военный сынъ, казаченька, расскажи свой сонъ!»
—«Старушенька, стряпушенька, расскажу свой
сонъ:

Со права со плечика соколь солеталъ,
Со лѣваго рукавчика сѣра уточка».—
—«Военный казаченька, несчастье во домъ:
Въ третій день жена твоя сына родила,
Черезъ часъ сама померла!»
Пошелъ казаченька во домикъ назадъ.
Подходить къ своему широкому двору:
Широкія воротнички растворенныя стоятъ,
Окошечки повывставлены;
Всходитъ казаченька на высокъ крылецъ—
На встрѣчу ему жену-хозяйонку хоропитъ несуть.
«Прости-прощай, жена моя Марусенька!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 88.

274.

У воротъ сосна раскачалася;
Бѣлая Дуношка разыгралася,
Разыгралася, распотѣшилась...
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
На крыльцѣ стоитъ, Дуна рѣчь говоритъ:

«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася...
Какъ со вечера голова болить,
Ко полуночи она попа просить;
Какъ по утру-то въ большой колоколь звонять,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...
Боярскіи сынъ на крыльцѣ стоять:
«Прости, Дунюшка, прости, бѣлая!»

Вильбоа, № 61.—Римскій—Корсаковъ, часть I, № 21. После
каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли, съ повтореніемъ второй
половины стиха.

275.

У воротъ сосна раскачалася:
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскіи сынъ на крыльцѣ стоять,
Какъ боярскіи сынъ дунѣ рѣчь говорить:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испугалася...
Какъ со вечера голова болить,
Ко полуночи—она попа просить,
Ко бѣлу свѣту—нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонять ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...

Якушкинъ, стр. 375. После каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли,
съ повтореніемъ послѣднихъ пяти слоговъ.

276.

Раскачалась въ бору грушица;
Разыгралася въ саду Устинька.
На крыльцѣ стоитъ генеральскіи сынъ,
На крыльцѣ стоитъ, умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Душой Устинькой забавляется:
«Поиграй, Устинька, поиграй, душенька!
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Душа Устинька испужалася,
Пришла домой, расхворалася....
Устиня душа въ рай пошла....
Генеральская душа въ адъ пошла....

Казанская губернія, Чебоксарскій уездъ. Магницкій, стр. 22 («обла-
денная»). После каждаго стиха припѣвъ: ой люди, люди, съ по-
втореніемъ второй половины стиха.

277.

У воротъ, у воротичекъ
Наша Душонка разыгралася,
Разыгралася, расплясалася.
Молодой сержантъ изъ окна глядитъ,
Изъ окна глядитъ, улыбается,
Улыбается, усмѣхается:
«Играй, Душонка, играй, лобушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, банмачки куплю,
Банмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки,
И робронть куплю со юбочкой!»
Наша Душонка испужалася,

Скоры поженьки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Ясны очи помутилися...

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 114. После каждого стиха
прибѣвъ: ахъ люли, люли, съ повтореніемъ второй половины
стиха.

278.

Генеральскій сынъ во саду гулялъ,
Не одинъ гулялъ—съ красной дѣвицей.
«Красна дѣвица, я тебя люблю,
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Красна дѣвица испугалася,
Прочь изъ садку убиралася;
Что домой пришла, расхворалася,
Родной маменькѣ жалобилася:
«Родна маменька, голова болптъ,
Въ лицѣ жаръ стоитъ...»
Со полночи прпчачдалася;
Ко бѣлу свѣту жизнь кончалася;
Со полу-то дня хоронять несли.
Напередъ плутъ попъ и дяконъ;
Среди несутъ красну дѣвицу;
Позади идетъ добрый молодець.
Добрый молодець заплачется,
Горячими слезами уливается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Съ красной дѣвицей прощается...

Пермская губернія. Шпшпко. стр. 111. После каждого стиха прибѣвъ:
ай люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

279.

Созывалъ король во танокъ дѣвокъ...
А всѣ дѣвушки во танокъ сошлись,—
Одной дѣвушки, ея иѣтъ, какъ иѣтъ.
Какъ за нею король двухъ пословъ послалъ,—
Она тѣхъ пословъ не послушалась;
По ее король, ждавши, самъ пошелъ.
Говорила ей, дѣвкѣ, матушка:
«Ты не стой, дѣвка, передъ королемъ,
Не кажи, дѣвка, лицо бѣлое,
Не кажи, дѣвка, брови черныя,
Не кажи, дѣвка, щекъ алыя,
Не кажи, дѣвка, очи ясныя!»

Учинская губернія, Мензелинскій уѣздъ, Пальчиковъ, № 26
(«ветиля»). Послѣ каждаго стиха приѣвъ: ой диди ладушка,
съ повгorenіемъ второй половини стиха.

280.

А Богъ молодца-то не милуетъ,
И государь его царь не жалуетъ,
И иѣтъ ни чести ему, похвальбы молодецкія,
Да друзья-братья-товарищи,
Тѣ на совѣтъ не съѣзжаются...
Да женилъ молодца родной батюшка
Да на чужой-то дальней сторонуйиѣ,
Да брать-де онъ ему молоду жену,
Да брать за женой приданаго—
Три, три чернечныхъ корабля:
Да первой-есть груженъ черенъ корабль
Быль златомъ и серебромъ,
А другой-есть груженъ черенъ корабль
Все скатишимъ жемчугомъ,

А третій-еть груженъ черепъ корабль

Всѣ женинымъ приданыимъ.

Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,

Не въ любовь-де пришла ему, не по разуму.

Бралъ молодець себѣ, онъ копя добраго,

Да бралъ себѣ онъ сѣделко черкальское,

Да бралъ себѣ уздицу точмяную,

Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую;

Самъ говорилъ таково слово:

«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,

Лучше мнѣ сѣделко, уздица точмяная,

Лучше всего женина приданаго,

Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,

Да лучше-то мнѣ будетъ молодой жены!»

Шель да сковаль себѣ два товарища, два надвіишые,

Два пока онъ сковаль, два булатніе.

Онъ садлся вѣдь на добра коня, •

Самъ повзикалъ на чужую на дальню на сторону.

Да-ли ѣхаль онъ путемъ ли дорожкойю...

Гдѣ-ка было на пути на дорогѣ широкіе,

Текла быстрая рѣчка Смородинка.

Было на этой рѣкѣ на Смородникѣ

Три, три мосточка калиновы;

Да на первомъ-то рѣка беретъ на мостѣ—

Да сѣделко съ копя окованое;

Да на другомъ беретъ на мостѣ—

Добра коня паступчива,

А на третьемъ беретъ на мостѣ—

Самого добра молодца...

Онъ взмолился-де рѣчкѣ Смородникѣ:

«Ай ты, матушка черная рѣчка Смородинка!

Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы-ты узкіе,

А переброды-ты мелкіе?»

Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородица:

«Ай ты, удалый дородній добрый молодець!

Есть черезъ мѣся, рѣчку Смороднику,
Есть переходы-ты узкіе,
Да и переброды есть мелкіе;
А есть три мосточка калищовы.
Я на первомъ беру на мостѣ—
Съ коня сѣделко кованое,
А на другомъ беру на мостѣ—
Добра коня настуничива,
Я на третьемъ беру на мостѣ— *и т. д.*
Самого добра молодца!
А ты повѣжай-ка, дородній добрый молодець,
Я тебя и такъ топерь пропущу!»
Какъ переѣхалъ молодець черезъ рѣчку Смороднику,
Да тѣмъ ли мосточкы калищовы,
Да возговоритъ молодець перазумиу рѣчь:
«Да мнѣ сказали, добру молодцу,
Что топерь на пути на дорогѣ широкіе
Да текетъ черная рѣчка грозна Смородника...»
Да онъ сталъ надъ рѣкой паде смѣхатися,
Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатися:
«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина—
Будто текетъ болотня вода-та со ржавчишкою!»
Да забылъ-то добрый молодець
За рѣкой за Смородинкой,
Онъ забылъ два товарища, два на дѣиные,
Два пощичка забылъ, два булатніе,
За той рѣкой за Смородинкой.
Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смороднику
Да по тѣмъ по мосточкамъ калищовымъ.
Да на первомъ брала на мостѣ
Съ коня-де сѣделко кованое;
А на другомъ брала на мостѣ
Добра коня настуничива;
А на третьемъ брала на мостѣ
Самого добра молодца.

Возмолится удалый дородній добрый молодець
Онъ-де быстрой рѣчкѣ Смородникѣ:
«Ай ты, матушка быстрая рѣчка Смородника!
И не губи и не топи добра молодца!»

Говорить-де рѣка молодцу,
Говорить-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
«Да не я тебя топлю-гублю,

» А топить-губить похвальба молодца молодецкая...»

Только вѣдь молодець и живѣ бывальъ,
Да тому хорообру такова слава;
И оставалася у его нелюба жена...

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 262. Очень сходная пѣсня
Рыбниковъ, часть I, стр. 467.

281.

Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли,
Во большой колоколь звонили?
Породила царевича
Свѣтъ Петра Алексѣевича.
Нянюшки-мамушки
Всес ночь не спали,
Одѣяльце простегали,
На чистыемъ серебрѣ
На красныемъ золотѣ;
Плотнички-мастеры
Всес ночку простукали,
Колыбелку продѣлали.

Отломлася вѣточка
Отъ сахарнаго дерева;
Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго дерева;
Отъѣзжалъ добрый молодець
Отъ отца своего, матери;

Лишился же добрый молодецъ
Своей родной страны.
Приѣхалъ же молодецъ
Къ быстрой рѣчкѣ Смородникѣ;
Переѣхалъ же добрый молодецъ
Черезъ быструю рѣчку Смороднику.
Переѣхавши, молодецъ
Сталъ похвалятися:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородника!
Ты въ славѣ была, рѣченька,
Рѣка была славная!»
И сталъ надъ ней смѣяться:
«Хуже озера стоячаго,
Поганой калужины!»
Позабылъ добрый молодецъ
На той странѣ два ножа,
Два ножа, два булатные;
Воротился же молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на первую ступень ступилъ,—
Потошилъ коня добраго;
На другую ступень ступилъ,—
Потонулъ добрый молодецъ.
Приѣзжаетъ его матушка,
Говоритъ быстрой рѣченькѣ:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородника!
Потопила ты моего сына,
Сына любимаго,
Любимаго, единаго!»
Говоритъ-то ей рѣченька
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, баба старая,

Стара баба, матерая!
Не я его потопила,—
Потопила его похвала молодецкая!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, выпускъ VIII,
стр. 3.

282.

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь весель былъ,
Онъ и весель, и радошень:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё почку проспѣли,
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,
По мелкому серебру;
Тутъ-то плотнички-мастеры
Всеё ночьку простукали.
Колыбелушку строили.

Отломлася вѣточка
Отъ садовой отъ яблоньки,
Откатилось яблочко ....
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну сторону,
За рѣку за Смородицу.
Подъѣзжаетъ же молодець
Ко рѣкѣ ко Смородицѣ;
Онъ воскликнетъ же, возгрякнетъ
Громкимъ голосомъ:

«Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты глубокая!
Есть ли тебѣ на рѣчущкѣ,
Переходы-то частые,
Переброды-то мелкіе?»
Возговорить рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ
Добрыня Никитѣвичъ!
Итъ-то на мѣ, на рѣчущкѣ,
Переходовъ-то частыхъ,
Перебродовъ-то мелкихъ;
Только есть на мѣ, на рѣчущкѣ,
Два мосточка калиновыхъ,
И то они во далечѣ:
Во чистомъ полѣ.»
Возговорить молодецъ
Добрыня Никитѣвичъ:
«Что же ты, рѣчушка
Съ перевозу съ насъ берешь?»
Возговорить рѣчушка,
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, молодецъ,
Ты, Добрыня Никитѣвичъ!
Съ перевозу-то съ насъ беру
По добру коню настунчату,
По сдѣлечку черкасскому,
По удалу добру молодцу;
А тебя я, добрый молодецъ,
Я тебя и такъ перелущу
За слова твои за ласковы,

За поклоны за низкіе.»
Переѣхалъ же молодець
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхатися:
«Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,
Что эта рѣчушка
Шпрокимъ шпрокая,
А глубокимъ глубокая;
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калуѣжна!»
Какъ возговорить рѣчушка
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодець,
Ты, Добрыня Никитъевичъ!
Воротись ты за меня, за рѣчушку:
Позабылъ ты за мною, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныхъ....»
Воротился молодець
За рѣку за Смородину.
Онъ на первую ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделечко черкаско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

283.

Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,
Господь Богъ мпловалъ,
Государь-царь жаловалъ,
Отець-мать молодца
У себя во любви держать;
А и родъ-племя на молодца
Не могутъ насмотрѣться;
Сусѣди ближніе
Почитають и жалуютъ;
Друзья и товарищи
На совѣтъ съѣзжаются,
Совѣтъ совѣтовать,
Крѣпку думушку думать,
Они про службу царскую
И про службу воинскую.

ручка { Скатилась ягодка
Съ сахарнаго деревца;
Отломилась вѣточка
Отъ кудрявья отъ яблони;
Отстасть добрый молодецъ.
Отъ отца, сынъ отъ матери.
А нынѣ ужъ молодцу
Безвремяе великое:
Господь Богъ прогнѣвался,
Государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отець и мать молодца
У себя не въ любви держать,
А и родъ-племя молодца

Не могут и видѣти,
Сусѣди ближніе
Не чуютъ, не жалуютъ,
А друзья-товарищи
На совѣтъ не сѣзжаются,
Совѣту совѣтовать,
Крѣпку думушку думать
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А нынѣ ужъ молодцу
Кручина великая
И печаль не малая.
Съ кручины-де молодець,
Со печали великія,
Пошелъ добрый молодець,
Онъ на свой конюшенный дворъ;
Бралъ добрый молодець,
Онъ добра коня стоялаго;
Наложилъ добрый молодець,
Онъ уздицу тесмящую,
Сѣделечко черкесское;
Садился добрый молодець
На добра коня стоялаго;
Поѣхалъ добрый молодець
На чужу дальну сторону.
Какъ бы будетъ молодець
У рѣки у Смородины,
А и взмолятся молодець:
«А и ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
Ты про броды конные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провѣщится быстра рѣка

Человѣческимъ голосомъ,
Да п душой красной дѣвицей:
«Я скажу те, быстра рѣка,
Добрый молодецъ,
И про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые.
Со броду кониного
И беру по добру коню,
Съ перевозу частаго—
По сѣделечку черкесскому,
Со мосточку калинова—
По удалому молодцу;
А тебя, безвременнаго молодца,
И п такъ тебя пропуцую!»
~~Переѣхаль молодецъ~~
За рѣку Смородину,
Онъ отѣхаль, молодецъ,
Какъ-бы верету, другую,
Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ похваляется:
«А сказали про быстру рѣку Смородину:
Не пройтн, не проѣхати
Ни пѣшему, ни конному;
Она хуже, быстра рѣка,
Тое луки дождевые!»
Скричать за молодцемъ какъ иъ сугошь
Быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Безвременный молодецъ,
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные—
Два остра ножа булатные;
На чужой дальней сторонѣ:—

Оборона великая.»
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородишу.
Цельзя что не ѣхати
За рѣку за Смородишу...
Не узналъ добрый молодецъ
Того броду коннаго,
Не увидѣлъ добрый молодецъ
Перевозу частаго,
Не нашелъ добрый молодецъ,
Опъ мосточку калпшова;
Поѣхаль-де молодецъ,
Опъ глубокимъ омуты.
Опъ перву ступень ступилъ,—
По черевъ конь утонулъ;
Другу ступень ступилъ,—
По сѣделечко черкесское;
Третью ступень конь ступилъ,—
Уже гривы не видѣти!
А п взмолится молодецъ:
«А п ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородиша!
Къ чему ты меня топшишь,
Безвременнаго молодца?»
Провѣщитесь быстра рѣка
Человѣческимъ языкомъ,
Она душой красной дѣвицей:
«Безвременный молодецъ!
Не я тебя топлю,
Безвременнаго молодца;—
Топить тебя, молодецъ,
Похвальба твоя, пагуба!»
Утонулъ добрый молодецъ
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородишѣ;
Выплывалъ его добрый конь

На крутые берега;
Прпбѣгалъ его добрый конь
Къ отцу его и матери;
Па лукъ на сѣдельныя
Ярлычекъ написанный:
«Утопулъ добрый молодець
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородинѣ.»

Кирша Даниловъ, № 31.—Киршевскій, вып. VIII, стр. 8

284.

Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ,
Что сегодняшний денекъ!
Вы сходите-ка, приведите-ка,
Кого вѣрно я люблю,—
Черноброваго, черноглазаго
Удалаго молодца.
Чернобровый-то, черноглазый-то
Удалъ добрый молодець,
Опъ чесаль свои кудри черныя
Частымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Разчесавши опъ кудри черныя,
Черной лентой перевязалъ;
Перевязавши опъ черной лентою,
Пухову шляпу надѣлъ;
Пухову шляпу приадагнувши,
Ко сударинкѣ пошелъ.
Черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
Мостовничка лежатъ;
Мостовничка переломилася,—
Мой другъ мпый потопуль...
И я выду ли, красна дѣвица,
Па Дунай-рѣку гулять;

И я стану ли, красна дѣвица,
Стану рѣчку проклипать:
«Ужь какъ дай Боже, чтобъ Дунай-рѣчку
Всю песочкомъ занесло;
Чтобъ сердечнаго моего дружка
Къ бережочку принесло!»

К а ш и н ь, вып. II, стр. 139 («полупротяжная»).

285.

Чесаль мильи кудри,
Расчесаль миль русы,
Пухову шляпу надѣль.
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла....
Спорядился молодець,
Самъ ко любушкѣ пошелъ.
Ходилъ миль по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу миль искалъ;
Пашель мильи жердочку,
Нашель мильи тоненьку,
Самъ по жердочкѣ пошелъ...
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась
И любезный потонулъ.
Дѣвушки подружки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе великое!
Выбирайте, дѣвушки,
Выбирайте, красныя,

*

Шелковые новы невода!
Выпймайте, дѣвушки,
Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку!

Архангельская губернія, Мезенскій уездъ. Кѣпменко, стр. 3
(«научная»).

286.

Охъ, матушка, тонно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!
Не люблю я, матушка,
Не люблю, сударыня,
Своего мужа дурака!
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака!
Казачекъ молоденькїи,
Казачекъ хорошенькїи,
Удалъ добрый молодець,
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку;
Онъ чешетъ кудерюшки,
Расчесываегь русыя
Вълмы рыбнымъ гребешкомъ;
Расчесамини русыя,
Казакъ шапочку надѣтъ;
Надѣмини онъ шапочку,
Надѣмини высокошку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдеммини онъ улицу,
Пройдеммини широкую,
Ко сударушкѣ занелъ.

Сударушка любушка,
Душа красна дѣвушка,
Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная,
Ты обманываешь меня!
У твоихъ воротничекъ,
У твоихъ шпорокѣхъ
Бѣль-горючъ камень лежатъ;
Изъ-подъ того камышка
Изъ-подъ бѣль-горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежатъ;
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Переломилась жердочка,
Переломилась тонкая,—
Мой миленькій потонулъ!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцова, стр. 101.

287.

Чесалъ мпый кудеркѣ,
Чесалъ мпый русыя
Костяной гребсочкой;
Расчесавши кудеркѣ,
Ко сударушкѣ пошелъ.
И шелъ мпый по берегу,
И шелъ по крутому;
Искалъ мпый лодочки,
Искалъ мпый легкаго челнока;

Не нашель мой милый
Ни лодочки, ни челна;
Нашель милый жердочку,
Нашель милый тоненьку...
Жердочка сломлася,
Шляпушка у дружка свалилася,
Вдоль рѣки поплыла.
Завидѣла дѣвушка,
Завидѣла сударушка
Съ високаго терема;
Брала дѣвушка ведра дубовыя,
Коромысель зеленый,
Пошла на рѣку за водою.
Приходила къ рѣчушкѣ,
Ко быстрой рѣкѣ,
Стала рѣчушкѣ пенять:
«Проклятая рѣчушка,
Проклятая быстрая,
Утопила дружка!
Какъ тебѣ, рѣчушкѣ,
Быстрой рѣкѣ,
Быть безъ крутыхъ береговъ,
Такъ мнѣ дѣвушкѣ быть
Безъ мила дружка!»

Торонецъ. Семейскій (Торонецъ), № 72

288.

Любила я сотничка,
Любила полковничка,
Съ тихаго Дона, съ Дона казака.
Чесалъ казакъ кудерцы,
Чесалъ казакъ русыя
Частымъ рыбымъ, рыбымъ гребенкомъ.

Расчесавши кудерцы,
Расчесавши русыя,
Черную шапочку молодець надѣлъ.
Надѣвши онъ шапочку,
Надѣвши онъ черную,
Вдоль по улицѣ молодець пошелъ.
Черезъ эту улицу,
Да черезъ широкую
Быстрая рѣчушка, рѣчушка бѣжитъ.
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонкая жердочка, жердочка лежитъ.
А по этой жердочкѣ,
А по этой тоненькой
Добрый молодець, молодець пошелъ.
Да тонкая жердочка,
Она обломилася,
Добрый молодець, молодець потонулъ.
Ипдалася дѣвушка,
Бросалася красная
Быструю рѣчку, рѣчку выливать.
Не выливши рѣченьки,
Не выливши быстрой,
Стала рѣчку, рѣчку прокливать:
«Бодай тебя, рѣченька,
Бодай тебя, быстрая,
Желтымъ пескомъ, пескомъ занесло!».

Герская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. III, стр. 81.

289.

Чесаль казакъ кудерьки, чесаль казакъ русыя,
Ахъ, частымъ рыбнымъ гребешкомъ.
Расчесавши кудерьки, расчесавши русыя,

На быстру рѣчку пошелъ.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой,
Топка жердочка лежитъ.
Пошелъ онъ по жердочкѣ, пошелъ онъ по тоненькой,
Переломилась жердочка,
Переломилась жердочка, переломилась тоненькая, —
Переломилась тошенька.
Снесло съ него шляпушку, сорвало нуховую;
Вдоль по рѣченькѣ поплыла.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой
Дѣвка мыла полотно.
Увидала шляпушку, увидала нуховую,
Стала шляпушку ловить;
Поймавши она шляпушку, поймавши нуховую,
Стала шляпу признавать,
Признавши она шляпушку, признавши нуховую,
Стала рѣчку проклипать:
«Чтобы эту рѣченьку, чтобы эту быструю,
Желтымъ пескомъ занесло!»

Вильбоа, № 50.

290.

Заболитъ головушка
Запоесть сердечко у дружка,
Все по миленькой своей.
Гдѣ живешь ты, любушка,
Гдѣ живешь, сударушка моя?
— По ту сторону рѣки.
Чесаль мильи кудерьки,
Чесаль мильи русы волоса
Тонкимъ повямъ гребенкомъ;
Расчесавши кудерьки,
Расчесавши русы волоса,

Пухову шляпу одѣлъ;
Шляпонька пуховая,
Спбпрочка новая у дружка,
Самолучшаго сукна;
Рубашечка красная,
Жилетка атласная со цвѣтамъ,
Шарфъ на шеюшкѣ съ кпстямъ,
Штапкп тpиковые,
Сапоги козловые у дружка;
Сварядился онъ, пошелъ.
Шель мплой по бережку,
Шель милой по крутому кряжку,—
Перевозу пскаль; пѣтъ!
Нашель мплой жердочку,
Нашель милой тонкую пову,
Перекинулъ онъ, пошелъ.

Жердочка сломилася,

Шляпонька свалплася у дружка,
Внизъ по рѣчкѣ поплыла.
Увидала дѣвушка,
Увидала красная душа;
Видить: шляпа на водѣ.
Шляпонька пуховая
Дѣвушкѣ знакомая была:
«Вѣрно моего дружка...
Вѣрно мплой потонулъ...»
Схватпла ведерышко,
Прибѣжала къ рѣченькѣ-рѣкѣ;
Видно: шляпа на водѣ...
Стала она, дѣвушка,
Стала она, красная,
Быстрой рѣченькѣ пепать:
«Каково тп, рѣченька,
Каково тп, рѣченька быстра,
Течь безъ крутыхъ бережковъ?»

Таково и мнѣ, дѣвушка,
Таково мнѣ, красной,
Жить безъ милаго дружка!
Худо течь вѣдь рѣченькѣ,
Худо течь ей, быстрой,
Безъ крутыхъ бережковъ;—
Худо жить-быть дѣвушкамъ,
Худо жить-быть краснымъ,
Безъ миленькихъ дружковъ!»
Наживай же, дѣвушка,
Наживай же, красная,
Себѣ милаго дружка!
Худо жить-быть дѣвушкамъ
Безъ милаго дружка!

Олопецкая губернія. Олопецкія Губернскія Вѣдомости
1868 года, № 24.

291.

Среди-то поля чистаго,
Среди дугу зеленаго,
Тутъ стояла нова башенка,
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этойъ было башенкѣ
Взнесена-то пушка мѣдная.
Что у этойъ было пушечки
Молодойъ былъ пушкаторичекъ.
Заряжаетъ пушкаръ пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугунно ядро закатываетъ,
Самъ къ ядру-то приговариваетъ:
«Полеги ты, мое ядрышко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по поднебесью,

Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!»
Сейчасъ пушечка и грянула;
Посвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка—
Королевскаго полковничка.
Тутъ король стоитъ, задумался,
Королева дочь заплакала:
«Говорила я мелу дружкѣ,
Сердечному наговаривала:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!
Меня мплой не послушался,
Нагонилъ тоску смертельную...
Я со той тоски во гробъ поиду
И въ знакъ вѣрности я съ нимъ умру.»

Вологодскій уѣздъ. Иваицкій, стр. 314.

292.

Какъ на горѣ, на горѣ,
На высокой, на крутой,
Стоялъ новый кабачекъ,
Сосновенькій чердачекъ.
Какъ во этомъ чердачкѣ
Пьетъ голенькій мужичекъ.
Богачи дивуются,
На что онъ пируется,
«Не дивуйтесь, богачи!
Шивкарочкѣ заплачу!
Размѣняю талера,—
Куилло шва п вина!
Шивкарка, шивкарочка,

Повѣрь мнѣ пивца, винца!»
— «Вѣрю, вѣрю, младый панъ,
На тебѣ снѣгъ каштанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка Анючка —
Расирекрасна кралечка!»
Въ субботу помолвлена,
Въ воскресенье вѣчана.
Поѣхали ко вѣнцу,
Не сказались отцу;
Приѣхали отъ вѣнца,
Сиромли пивца, винца;
Стали пить-попивать,
Поименно называть:
«Скажи, скажи, младый панъ,
Какъ по имени зовутъ?» —
— «Изъ мѣщанъ я мѣщанинъ,
Но прозванью Карповъ сынъ.
Скажи, скажи, млада панья,
Какъ по имени зовутъ?» —
— «Изъ мѣщанъ мѣщанка я,
Но прозванью Карповна.» —
— «Поди, сестра, въ монастырь
Замалпвать тяжкій грѣхъ,
А я поиду въ темный лѣсъ!»

Самара. Вареницовъ, стр. 71.

293.

На горѣ, горѣ
Стоять новый кабачекъ.
Какъ во этомъ кабачкѣ
Удалые вино пьютъ.
Богачи дивуются...

«Не дивуйтесь, богачи!
За все денежки отдамъ,
Изъ карманка гроша два,
Цѣлковенькихъ полтора!»
— «Вѣрю, вѣрю тебѣ, панъ,
На тебѣ синій кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка паночка—
Постоящая кралячка!»
Во субботу сватали,
Въ воскресенье вѣнчали.
Пріѣхали отъ вѣнца,
Давай пива и вина,
Стали бражку распивать,
Стали пана поздравлять:
«Здравствуй, здравствуй, панъ!
Откуда ты родиною?»—
— «Родиною изъ Кіева,
По прозванью Карновъ сынъ.
Здравствуй, здравствуй, паночка,
Постоящая кралячка!
Откуда ты родиною?»—
— «Родиною изъ Кіева,
По прозванью Карпова!»
— «Подц, сестра, въ монастырь,
А я пойду въ темный лѣсъ,
Гдѣ бы звѣрь-стѣ меня съѣлъ!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уездъ. Материалы, стр. 64
(«олимпиада»).

294.

Маменька съ маменькой споръ спорили,
Споръ спорили объ своей дочери:
Маменька хочетъ нгуменьѣ отдать,

Папенька хочет за князя отдать,
Маменька пошла за сто двадцать версть,
Папенька пошелъ за сто семьдесятъ версть.
Немного погода, п маменька идетъ,
Маменька идетъ п игуменью ведетъ;
Игуменья идетъ, остры пожницы несетъ.
«Садись-ка ты, дѣвица, мы станемъ постригать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, цвѣтное платье снять!»—
—«Снимешь ты, дѣвица, какъ черно падѣвать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, русу косу расплестъ!»—
—«Расплетешь ты, дѣвица, какъ станемъ постр-
гать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, лицо бѣло измыть!»—
—«Смоешь ты, дѣвица, горячимъ слезамъ!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, съ подружкамъ простить-
ся!»—
—«Простинься, дѣвица, какъ въ келію пойдешь!»
Немного погода, п паненька идетъ,
Папенька идетъ п князя ведетъ.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столникѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашнина хорошая сидитъ?»
—«Князь молодой, ступай съ Богомъ домой!
Ужъ вѣрно мнѣ, дѣвицѣ, не быть за тобою!»

Тверская губернія. Перетцъ, Современная русская народная
пѣсня, Спб. 1893, стр. 17.

295.

Кудрявому деревцу Богъ листу не далъ,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, Богъ доли не далъ.
Хочетъ меня батюшка замужъ отдать;
Государыня матушка—въ чернички постричь.
Похвалять мой батюшка за краснымъ повздомъ;

Государыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Собирала дѣвушка подружекъ своихъ,
Посажала красная за дубовый столъ;
Сама сѣла, дѣвушка, подъ краснымъ окномъ.
Брянуло колечушко серебряное,
Упало сердечушко свѣтъ-дѣвушкнню;
Глянула въ окошечко косячатое...
Думала: мой батюшка съ краснымъ поѣздомъ,
Ажно это матушка со игумномъ-попомъ!
«Скидай, мое дитяtko, цвѣтное платьицо,
Надѣвай, мое милое, черную рясочку!»—
— «Постой, моя матушка, бѣлилки мою:
Постой, государыня, румянечки сотру!»—
— «Смоешь, мое дитяtko, горячими слезами;
Сотрешь, мое милое, черною ряскою!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 103.

296.

Три годы дѣвушка строї строила,
Три годы красная Богу молилася:
За батюшковъ грѣхъ она умолила,
> За матушкинъ грѣхъ не могла умолить. <
Батюшка съ матушкой споривалсь;
Батюшка говорить: «я замужъ дочи отдамъ;»
Матушка говорить: «въ монастырь постригу.»
Батюшка говорить: «ужъ я ко князю пойду,
Ко князю пойду да я письмо принесу;»
Матушка говорить: «я къ игуменьѣ пойду,
Къ игуменьѣ пойду да я старцу приведу.»
Ко князю идти будетъ сорокъ версть,
Къ игуменьѣ идти—всѣ пятьдесятъ..
А дѣвица по горницѣ похаживаетъ,
Часто въ окошечко посматриваетъ.

Увидѣла дѣвица: вонъ матушка идетъ,
Матушка идетъ, съ собою старицу ведетъ,
На правой на ручепькѣ маитію песеть...
«Садись, мое дитяtko, на ременчатый на стуль!»—
—«Дай миѣ, родима матушка, цвѣтное платье снять!»
—«Сидишь, мое дитяtko, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитяtko, на ременчатый на стуль!»
—«Дай миѣ, родима матушка, бѣлила-румяна съ
лица смыть!»—
—«Смоешь, мое дитяtko, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитяtko, на ременчатый на стуль!»
—«Дай миѣ, родима матушка, русу коеу расплести!»
«Расплетешь, мое дитяtko, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитяtko, на ременчатый на стуль!»
—«Дай миѣ, родима матушка, съ подружками про-
стигься!»—
—«Простишься, мое дитяtko, на стулѣ сидучи!»

Ураль, Полескій заводъ. Записки Уральского Общества
любителей естествознанія, томъ I, вып. 2-й, 1874 г.,
стр. 128.

297.

Да три года дѣвушка церковь строила;
Четвертый годъ дѣвушка Богу молилась.
Какъ батюшкины грѣхи все отмолила,
А матушкины грѣхи, ихъ не отмолила...
Поѣхалъ мой папенька за царскимъ сыномъ,
Сударыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Хочетъ меня батенька замужъ отдать;
Сударыня матушка—въ черницы постречь.
Скрипули воротички приговорчатые,
Щелкнуло колечушко серебряное,
Врехнула собачушка бѣл-пестренькая,
Тѣкнуло сердечушко дѣвушкыню;

Глянула въ окошечко хрустальненькое...
И думала: мой батюшка со царскимъ сыномъ,—
Сударыня жъ матушка съ игумномъ-попомъ!
«Скидай, скидай ты, чадушко, цвѣтное платье,
Надѣвай ты, милая, черное платье,
Садись, садись ты, чадушко, въ золото стуло!»
—«Позволь ты мнѣ, матушка, на рѣчку сходить,
На рѣчку сходить, бѣлилица смыть,
Бѣлилица смыть, румянца стереть!»—
—«Смоешь, смоешь ты, чадушко, горючей слезой,
Сотрешь, моя милая, злосчастнымъ рукавомъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выш. VII, стр. 103 («великоустлая». После каждаго стиха
принявъ: Рано, рано, рано мое, съ повтореніемъ второй половины
стиха.

298.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, невесело стоишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, конопль, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперекъ меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ.
Дѣвка, ты, дѣвушка, дѣвушка красная!
Что же ты, дѣвушка, невесело сидишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, дѣвучикъ, вселенной быть?
Мой батюшка хочетъ замужъ меня отдать,
А мачеха хочетъ въ черницы постричь.
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачеха пошла за игуменьюю.
Скрипили ворота растворчатая,
Брехнула собака борзая на цѣпи,—
Мнѣ чало, батюшка съ боярами,
Ажлой моя мачеха съ игуменьюю.

«Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»—
—«Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣллыца, румянца съ лица посмывать!»—
—«Смоешь, мое дитятко, горячеі слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавомъ!»

Украинскій Журналъ 1821 г., № 11.—Терещенко, часть VI,
стр. 196

299.

Батюшка съ матушкоі споръ сучинилъ:
Батюшкѣ надо за князя отдать,
Матушкѣ надо да въ старушки постричь.
«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, въ баенку схожу!»—
—«Вытопишь ты, дитятко, старушкою...
Да садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, божатушку дождусь!»—
—«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стуль,
Постригемъ ты, дитятко, старушкою!»
—«Дай волю, матушка, я косы занлету!»—
—«Остригемъ у дитятки пожицами...»
Мало по малу да стукъ во крыльцо,
Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо:
Да батюшка идетъ да молода князя ведетъ;
Молодой князь идетъ да золоты пѣщы несетъ.
Матушка на ей да ли распротѣвлася;
Хватила она дитятка за бѣлые волоса,
Унибла она дитятка о сырую о землю.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 300.

300.

Чья это келейка новенькая?

Чья это монашенка молоденькая?..

«Позволь, позволь, маменька, подружку позвать,
Позволь, позволь, маменька, любезенькую!»—

— «Зови, зови, дитятко, котора мила,

Сади, сади, дитятко, возлѣ себя!

Цѣлуй, цѣлуй, дитятко, по три раза!»

Казань. Овсянниковъ, стр. 99 («вечериночная»).

301.

Чья это келейка новенькая?

Чья это монашенка молоденькая?....

«Прикажи, мамашенька, подружку позвать,

Прикажи, мамашенька, молоденькую!»—

— «Зови, зови, дитятко, котора мила!»—

— «Мнѣ мила-милешенька (имя),

Мнѣ мила-милешенька (отчество)!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 120
(«игровая»).

302.

Возлѣ рѣченьки я хожу, молода,

Меня водоньки потопить хотятъ...

А немилый мужъ все журить-бранить,

Все журить-бранить, постричься велить:

«Постригися, моя жена немилая,

Постригися, моя жена постылая!

За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,

За посхимень дамы тебѣ тысячу!
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобыю ее чернымъ бархатомъ,
Ты въ ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися, Богу молитися!»
Какъ и ѡхали тутъ кунцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ, и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька, и повехонька!
Ужъ и кто же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька;
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонившися, слово молвила:
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя:
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолятся тутъ немилый мужъ:
«Разстригнися ты, жена моя милая!
За растриненье дамы тебѣ тысячу, (1) — 2000
За расхименье — все имѣнье!»
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить въ немъ, прохлаждатися,
Во цвѣтно платьѣ наряжатися!»
Какъ возговоритъ млада старочка:
«Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всего твоего имѣнья,
Мнѣ не надобенъ новъ высокъ теремъ!
Я остануся въ этой келейкѣ;

Ужъ я стану жпть, спасатся,
За тебя Богу молитися!»

Саратовская губерня. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 65.—
Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 109.

303.

Я по бережку хожу, хожу,
Я на быструю гляжу, гляжу;
Меня рѣченька топить хочеть...
Немилый мужъ журить-брашптъ,
Журптъ-брашптъ, пострпчься велить:
«Постричься, моя немилая,
Ты посхмься, распостылая!
За постриженье дамъ сто рублей,
За посхимленье дамъ тысячу!
Я поставлю тебѣ келейку,
Что новехоньку, малехоньку,
Во оградушку оконками,
Во зеленый садъ краснымъ крыльцомъ,
И накрою чернымъ бархатомъ,
Разувѣшу цвѣтами алыми!»
Мимо келейки старцы фхали,
Старцы фхали переходяіе,
Переходяіе, переѣздяіе,
Моей келейкѣ дивовалися:
«Ужъ и что это за келейка.
Что во келейкѣ за старичка,
За молоденька монашенка,
Что во кельѣ за монашенка?
Молодехонька пострижена,
Что пострижена, посхимлена;
За какой грѣхъ Богу молится,
За великій, знать, спасается?»—

— «Ахъ вы, старцы перехожіе,
Перехожіе, пореѣзжіе,
Перазумные, педогадливы!
Вы спросите, разузнайте-ка...
Да ужъ Богъ съ тобой, немплый мужъ!
На роду миѣ такъ наппсано!...»

Самарская губерніа. Варепновъ, стр. 103.—Кирѣевскій,
вып. VIII, стр. 108.

304.

Возлѣ рѣченьки хожу, млада,—
Мея рѣченька стоить хочеть;
Возлѣ огничка стою, млада,—
Меня огничкъ сикалить хочеть;
Возлѣ милаго спужу, млада,—
Меня мплый другъ журитъ-бранитъ,
Опъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь пдти велить:
«Постригись, моя немплая,
Посхимися, постылая!
На постриженье выдамъ сто рублей,
На посхименье тебѣ—тысячу!
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое-то—во зеленый садъ,
Третье-то—во чисто поле.
Въ Божьей церкви—ты намолнишься,
Въ зеленомъ саду—цагуляешься,
Во чисто поле—насмотришься!»
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
Они спрашиваютъ: «что за келейка,
Что за келейка, что за повенька?»

Что въ ней за монашенка за молоденька?
Лице кѣмъ она пострижена?»
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижена самимъ царемъ,
Я похмилена Петромъ Первымъ,
Черезъ его змѣю логую!»

Русскій Архивъ 1863 г., № 2.—Гирѣевскій, вып. VIII,
стр. 106.

305.

«Остригись, моя жена немилая,
Ты похмисься, моя жена постылая!
За постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
За похмиленье—всеѣ тысячу!
Я поставлю тебѣ нову келейку,
Я на Суздальской славной дороженькѣ,
Чтобы ивнше шли конные ѣхали,
На твою келію дивовалися:
Что это въ полѣ за келейка?
Что это въ келейкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и похмилена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?...

Арзамасъ. Записки Академіи Наукъ, томъ V, стр. 206.

306.

«Остригись, моя немилая,
Похмисься, моя постылая!
На постриженье дамъ сто рублей,
На похмиленье дамъ тысячу!

Поставлю келѣйку во Суздадѣ, красномъ городѣ,
Тоншеньку, малешеньку!»....
Князья и бояре съзикалися
И той келѣйкѣ дивовалися:
«И что это за келѣйка,
И тоншенька, и малешенька?
И что это за старица,
Что пострижена молодешенька?»...

Изъ следственаго дѣла 1729 г. Заря 1870 г., № 9. Записки
Академіи Наукъ, томъ V, стр. 205.

307.

Возлѣ рѣчепьки стою, млада,—
Меня рѣченька потонить хочеть;
Возлѣ огонька хожу, млада,—
Меня огоньчикъ спалить хочеть;
Возлѣ милаго снѣгу, млада,—
Меня милый журить-бранить,
Ужъ онъ журить-то, бранить,
Истричься велитъ:
«Истригись ты, моя немилая,
Иохимься, разпостылая!
На постриженье дамъ тебѣ сто рублѣй,
А на поохименье тысячу!
Я построю тебѣ цову келѣйку,
При пути при дороженькѣ,
Во зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю три оконечка:
Первое окно—ко Божіей церкви,
А второе окно—во чисто поле,
А третіе окно—во зеленый садъ.
Во Божіей церкви—помолнись,

Во зеленомъ саду—разгуляешься,
А въ чистомъ полѣ—со мной увидишься!»

Москва. Кирѣевскій, выш. VIII, стр. 107.

308.

Мередь пашими широкими воротами
А утоптана трава, утолчена мурава,
Ощипаны цвѣточки лазоревые.
Еще кто траву стонталь, кто мураву столочилъ?
Сотоптала, столочила красна дѣвица душа,
Стоючи она съ надежею съ млымъ другомъ.
Онъ держаль красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Цѣловаль, мловаль, ко сердцу прижималь,
Называль красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица-душа красная:
«Ты, надежа мой, надежа сердечныйи другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Безъ числа больно, надежа, ушваешься.
А п ты мной, красной дѣвицей, похваляешься;
А п ты будто надо мной все насмѣхаешься.»
Ему тутю, молодцу, за бѣду стало;
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ся лицу.
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
Пролпваль у дѣвицы кровь горячую,
Замараль на дѣвицѣ платье цвѣтное.
Расплатится дѣвица передъ молодцемъ:
«Когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла,
А п ты сдѣлай мнѣ, надежа, ветлянецкыйи стружокъ,
А п ты сдѣлай мнѣ на немъ муравленийи чердачокъ,
А п сдѣлай бесѣду дорогъ рыбийи зубъ.
Исподери ту бесѣду рытымъ бархатомъ.
А п дай мнѣ, надежа, нитьдесять гребцовъ,

А другое пятьдесятъ въ провожатые,
Отпустя меня, другъ-надежа, за сине море,
За сине море во почестный монастырь;
Постригусь я, молодешенька, посхимлюся!
На постриженье ты дай мнѣ пятьдесятъ рублей,
На носхименье дай мнѣ другое пятьдесятъ!»

Кирша Даниловъ, М 35.

309.

На снемъ было на морѣ,
На тихомъ было заводѣ,
Потовулъ тутъ Василій князь,
Отъ злата вѣнца пдучи.
Оставалась молода княжна:
«Ужъ вы, бояра, бояра!
Воротите вы комомя
На родпую сторону,
Ко родному батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ!»
Они прѣхали къ батюшкѣ.
Посмотрѣла въ окошечко
Молодая невѣстушка:
«Богоданная матушка!
Къ намъ не гостыоника прѣхала,
Къ намъ прѣхала подворишца,
Вѣковая постельница!»
—«Ой вы гоіи еси, бояра!
Воротите вы комомя
Ко святому монастырю,
Къ самобольней игуменьѣ...
Ты, честная игуменья!
Постриги меня въ старицы,
Ты построй мнѣ-ка келейку,

Просѣки три окошечка:
Первое-то окошечко—
Ко святому Благовѣщенью,
А второе-то окошечко—
На родимую сторону,
А какъ треть-то окошечко—
На синее на море,
На тихое на заводье:
Потонуль тутъ мой вѣнчаный мужъ,
Вѣнчаный мужъ Василій князь!...»

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Русская Бесѣда 1836 года,
№ 1, стр. 57.

310.

А въ насъ во Николѣ во приходѣ
Собиралпсь дѣвушки подь разбон.
Онѣ русыя косы расплетали,
Молодецкія кудри завивали,
Черныя шляпы накладали;
Онѣ вороныхъ коней посѣддали,
Ямскіе кафтаны надѣвали,
Вербажки-поднояски съ полосами,
Кумачыя штаны съ напусками,
Бѣлые чулочки съ начесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками.
Онѣ ѣхали Юрья разбѣвати.
А Юрья онѣ дома не застали,
А застали онѣ Юрьеву дочку.
А Юрьева дочка догадалась;
Открыла окошко немножко,
Она дѣвушкамъ рѣчь говорила:
«Ой, какъ же вамъ, дѣвушки, не стыдно?!
Ой, какъ же вамъ, красныя, не соромъ?!
Что вы русыя косы расплетали,

Молодецкіе кудри завивали,
Червныя шляпы накладали?
Что вы вороныхъ коней поѣдали,
Имскіе кафтаны надѣвали,
Вербяжи-подпояски съ полосами,
Кумачныя штаны съ палусками,
Бѣлыя чулочки съ пачесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками?!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 61.

311.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснаго окна,
Вотъ хрустальнаго стекла!
Мнѣ такъ тошно, мнѣ такъ грустно
Жить, дѣвушкѣ, сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять:
«Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ,
Во чисто поле съ тобою!
Бери, бери, мой голубчикъ,
Свой тонкой бѣлой шатеръ;
Раскинь, мой голубчикъ,
По чистомъ полю шатеръ;
Приляжь, приляжь, мой голубчикъ,—
Я въ головѣ поинцу,
Русы кудри расчесну!»
Стала кудерки чесать,
Стала молодчикъ засыпать.
«Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,

На кисейномъ рукавѣ,
Да на золотомъ перстень,
На персидскомъ на коврѣ!»
Какъ проснулся-пробудился,
Во русы кудри хватился—
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнаго рукава,
Ни золота перстенья,
Ни персидскаго ковра,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкаскаго сѣдла...

Якушкинъ, стр. 373.

312.

Вечоръ ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Соловушка прилеталъ,
Соловушка прилеталъ—
Молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку,
Уговаривалъ съ собою:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять,
Во зеленые луга;
Заѣдемъ мы, дѣвушка,
На высокій на курганъ;
Еще возьмемъ, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ:
Разставимъ же, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ;
Во шатрѣ поставимъ
Мелкоточену кровать;

На кровать положимъ мы
Перинушку пухову,
Подушечки парчевы...»
— «Ложись, ложись, молодець
Дай въ головкѣ поискать;
Въ головуикѣ поницу,
Русы кудри расчешу!»
Стала дѣвушка искать,
Сталь молодець засыпать.
Уснуль, уснулъ молодець
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ.
Всталъ-проснулся молодець:
Ни дѣвупики, ни коня,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра!
Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшему ходить,
Въ полѣ пѣшему ходитъ,
Поджавъ ручепьки, бродитъ.
«Добро же те, дѣвушка,
Самъ насмѣшку отемѣю,
Самъ насмѣшку отемѣю—
Русу косу оторву!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 203 («бытовая»). Очень сходная
(безъ четырехъ послѣднихъ стиховъ) пѣсни изъ Уральской области:
Желѣзовъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Сиб.
1888 г.;—Нобольсинъ, Уральцы, Сиб. 1835, стр. 123.

313.

У уляй, гуляй, дѣвица, у бятюшки да ты во саду,
Гуляй, гуляй, красная, у матушки да ты во зеле-
помь!
Вечоръ къ тебѣ, дѣвица, соловушекъ прилетитъ,
Соловушекъ прилетитъ, молодець въ гости придетъ;

Станеть тебя, дѣвицу, уговаривать, улещать;
Не сдавайся, дѣвица, на ласковы его слова...
Сдалась, сдалась дѣвица на веселій разговоръ:
«Бери, бери, дѣвица, свой тонкій бѣлый шатеръ!»
— «Я возьму, молодець, тесову нову кровать!» —
— «Пойдемъ мы, дѣвица, во чисто поле гулять;
Разобьемъ мы, красная, твой тонкій шатеръ;
Поставимъ, дѣвица, тесову нову кровать...»
— «Ложись, ложись, молодець, въ головушкѣ тебѣ
попщу,
Въ головушкѣ попщу, черны кудри расчешу!»
Уснулъ, уснулъ молодець у дѣвушки на правой рукѣ;
Какъ проснулъ молодець, — нѣтъ ни дѣвки, ни
шатра,
Нѣтъ ни дѣвки, ни шатра, ни добра его коня!
Заставила дѣвушка меня въ полѣ пѣшаго ходить,
Заставила красная сѣдельце на рукахъ носить.

Терская область. Сборникъ материаловъ для описанія...
Кавказа, вып. VII, стр. 90.

314.

Не летаіі, не летаіі,
Мой сизенькій голубокъ,
Не воркуй, не воркуй
Жалобнешенько!
Мнѣ п такъ-то, красной дѣвицѣ,
Тошнешенько!
Неравно, красна дѣвица,
Соколь прплетитъ;
По-за соколѣ, дѣвица,
Молодець прибѣжитъ!...
Я раскину бѣль шатеръ
Близъ дорожки, близъ пути,
Гдѣ бы милому проіти,

На конѣ проѣхати,
На конѣ проѣхати,
Во шатерь заѣхати.
«Не угодно ли, молодчикъ,
Я въ головкѣ поищу?»
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Какъ проснулся-пробудился,—
Анѣ и шѣтъ никого:
Ни дѣвицы, ни коня,
Нѣту бѣлаго шатра,
Ни черкасскаго сѣдла!
«Мнѣ не жаль, не жаль коня,
Не жаль бѣлаго шатра!
Только стыдно и обидно,—
Дѣвка парня провела!»

Вологодскій уездъ. Пиваицкій, стр. 330.

315.

Ае летай-летай, голубчикъ,
Черезъ мой высокъ теремъ;
Не садися, голубокъ,
Надъ моимъ краснымъ окномъ;
Не воркуй-воркуй, голубчикъ,
Жалобнехонько при мнѣ!
Ой, и такъ мнѣ, красной дѣвицѣ,
Жить тоненько въ теремѣ...
Не пуцаеть меня мать
Во чисто поле гулять...
«Неравно ли, неравно ли
Соколъ ясный надлетитъ,
Разудальй надбѣжитъ,
Тебя, дѣву, побѣдитъ...»
Пошла дѣвушка гулять,

А молодець настигать.
«Садись, садись, красна дѣвушка,
Па черкесское сѣдло,
Сзадн милаго твоего!»
А мы ѣхали вдвоємъ
Не дорогой, не путемъ;
Мы раскннули шатерь
При дороженькѣ большой.
Онъ пустиль своего коня
Подлѣ бѣлаго шатра;
Прислонилъ свое копье
До дубоваго столба.
—Ляжь-ка, ляжь-ка, добрый молодець!
Въ головушкѣ пощу,
Русы кудри расчесу,
На монхъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.»
Стала дѣвица некать,
А молодець засыпать,
Его дѣвка цѣловать.
А очнулся-пробудился
Удалъ добрый молодець:
Иѣтъ ни дѣвки, ни шатра
И ни ворона коня,
Ни черкесскаго сѣдла!
«Ай, заставила, каналья,
Молодца нѣшаго ходить,
У рукахъ копье носить!
Ой, не жаль мнѣ, молодцу,
Ни дѣвицы, ни шатра
И ни ворона коня;
Только жаль мнѣ, молодцу,
Своего глупаго ума:
Красна дѣвка провела!»

Курекая губернія. Кохаповская, стр. 36.

316.

Уросилася Лизонька
У маменьки погулять:
«Пусти, пусти меня, маменька
Въ зеленъ садъ погулять!»
Пущала ее маменька,
Приказывала:
«Неравно, мое дитятко,
Соколь-птица влетитъ,
За соколомъ за птицею
Иванъ-сударь прилетитъ!
Ты не сумѣешь, не разумѣешь,
Какъ съ Егорычемъ говорить!»—
—Я сумѣю, я разумѣю,
Какъ съ Иваномъ говорить.
Я раскину бѣль шатеръ
При дорожкѣ при большой,
При рощицѣ зеленой,
При ракишовомъ кусту,
При ракишовомъ кусту.
При лазоревомъ цвѣту
Ложись, ложись, Иванъ-сударь,—
Я въ головкѣ пошну.
Ложись, ложись, Егоровичъ.—
Русы кудри расчешу!»
Стала кудрецы чесать,—
Егоровичъ засыпать;
Стала русыя чесать,—
Иванъ-сударь засыпать.
Успуль Иванъ-сударь
У Лизоньки на рукѣ,

У Лизоньки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ....

Воронежскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ.
стр. 161.

317.

Проѣхалъ добрый молодець
Во чисто поле гулять.
Первое полюшко проѣхалъ,
На второе пѣшкомъ шелъ;
На третьемъ чистомъ полюшкѣ
Началъ сонъ меня долить;
Начинаетъ сонъ долить,
Дрема съ ногъ стала валить.
Привяжу я добра конюшка
Ко сырому ко дубу,
Ко дѣвицы ко шатру,
Ко дѣвицы ко шатерышку,
На волковомъ поводу,
На шелковую траву,
На шелковую травоньку;
Самъ я лягу съ милой спать,
Спать подъ сосенку,
Подъ такую подъ сосенышку,
Подъ кудрявую зелену.
Что не во полѣ пыль пыляется,
Распыляй-пыляется;
Не душа ли добрый молодець
Пробужай-бужается.
Пробудившись, добрый молодець:
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдельшка,
Ни дѣвицы, ни шатра,

Ии дѣвнцы, ии шатерышка
Иить ии милой у себя.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 г., № 4. Каждый второй стихъ повторяется.

318.

Душечка молодчикъ,
Не сунш, не круши
Красной дѣвнцы души!
Такъ мое сердечушко
Изныло по тебѣ,
Мои ясныя очи
Помутнѣли со слезъ...
И со той тоски-кручины
Въ чисто поле пойду.
Я раскину бѣлыя шатеръ
При дорогѣ при большой,
При долинь широкой.
Никто ко мнѣ въ шатеръ
Не заѣхалъ, не зашелъ;
Только заѣхалъ да зашелъ
Одинъ миленькій дружокъ;
Опъ на ворономъ конѣ,
На черкасскомъ на сѣдлѣ.
«Ужь ты, миленькій дружокъ,
Привяжи коня къ шатру,
А самъ ко мнѣ у шатеръ!
Ужь ты, миленькій дружокъ,
Дай у головкѣ попицу,
Русыя кудри расчешу!»
И искать не папекала,
Русыя кудри поплутала,
Добраго молодца припала

На своихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.
Я очнулся, я проснулся,—
Нѣтъ ни дѣвки, никого,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкасекаго сѣдла....

same

Курскан губерня, Щигровский уездъ. Халавскій, X 11.

319.

*How I was
the night*

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
Вторымъ полемъ коня велъ,
А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стоишь;
Въ зеленомъ дубу золотое кольцо.
Привяжу я коня къ золотому кольцу,
Прикажу своего коня я красной дѣвицѣ,
Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ;
Я самъ разставлю, добрый молодець,
Полотнянъ бѣлый шатеръ,
Разстелю я въ шатерикъ бѣлый войлочекъ,
Лягу, лягу, молодець, съ дѣвушкою я, высплюсь....
Всталъ, проснулся, молодець, на бѣлой зарѣ;
Нѣту, нѣту у молодца, ни коня и ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра!
Пойду, взойду, молодець, на высокій на курганъ,
Посмотрю я, молодець, на все четыре стороны.
Какъ въ правой сторонѣ не пыль-то пылить,
Въ зеленыхъ-то лугахъ турокъ плѣнь дѣлать;
Впереди ведутъ коня-то воронаго,
На конѣ сидятъ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, душа Настенька;
Досталась Настенька турку храброму....

Уральская область. М я к у ш и н ь, стр. 203 («бытован»).

320.

Ахъ ты, мать ли моя, мать,
Родимая моя мать,
Да какая въ тебѣ стать—
Посылася одну спать!
Я не лягу одна спать,
Пойду милаго пскать.

Я вѣчоръ, молода,
Во бесѣдѣ сидѣла,
На милаго глядѣла,
Поразсорилася
И пораздорилася,
И позвала дружка
Негоднымъ въ глаза:
«Ты негодный, нехороший,
Милый мой,
Я не имаю любви никакой!»
Тутъ одумалася,
Призадумалася,
Не знаю, какъ быть:
Помириться, али нѣтъ?
Знаю, знаю, разумѣю,
Помириться умѣю.
Я учлива на словахъ,
Разговорка на рѣчахъ...

Поставь, миленькій, шатеръ
Край дороженьки моей,
Край широкой, почтовой;
Да привяжи, милой, коня
Ко точену ко столбу,
Къ золоченому кольцу;

Дай-ка, дай мнѣ, молодець,
Я въ головкѣ поищу,
Я въ головкѣ поищу,
Желты кудри расчешу!
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Проснулся, пробудился—
Важу, нѣту никого:
Ни кова, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра!
Шельма дѣвка приушла,
Не цѣлована ушла,
Не цѣлована,
Не милована!

На дѣвушкѣнѣ слѣдокъ
Выпаль обленый свѣжокъ.
Я по слѣдкамъ пошелъ,
Свою любезную нашель.
Я не билъ и не бранилъ,
Во зеленый садъ манилъ.
Дѣвка во саду гуляла,
Со травы цвѣты рвала,
Вьюнокъ милому свила.
Вьюнокъ милому свивала.
На головку надѣвала,
Обнимала, цѣловала,
Меня дружкомъ называла:
«Милый, милый мой,
Разлюбезный, дорогой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобою,
Жаль разстаться, респростаться
Мнѣ навѣки отъ тебя!
Бѣгу въ темныя лѣса,
Бѣгу въ темныя дремучи,

Гдѣ моѣ миленькой гулять
И слѣдоченьки скрываль;
Опѣ слѣдочкы скрываль.»
—Мнѣ не жалко, молодцу,
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра;
Только жалѣ молодцу
Глупа разума-ума!

Олопецкая губернія. Ставицкая, часть I, стр. 32 («Хороводная»).

321.

Же летаі-ка ты, да не летаі-ка ты,
Разсизенькій ты моѣ голубогъ;
Не садись-ка ты, не садись-ка ты,
Да на мое-то раскрашенное оклю!
На моемъ-то красномъ окошкѣ
Да неравенъ случай бываетъ:
Меный соколъ въ гости прилетитъ...
По прилетчкѣ—ясный соколъ,
А по пріѣзду—парень молодой!...
Ты пожалуй-ка, молодчикъ,
Головушку почешу!
Стала дѣвушка головушку чесати,
Сталъ молодчикъ крѣпко засыпати...
Чуть прочинулся-пробудился
И въ оконечко поглядѣлъ,
Въ оконечко да скрозь стеклушко:
Ни дѣвушки, ни коня!

Пермская губернія. Шиншико, стр. 239. Еще одна пѣсня на ту же тему, совершенно искаженная: Будде, № 24 «Круговая», Разанская губернія).

322.

«Не летай же ты, соколы,
Высоко и далеко,
Не размахивай, соколы,
Правымъ крыломъ широко!
Не ходи, душа ты Марья,
Во зеленый садъ гулять:
Неравно, душа Ивановна,
Соколы-птица налетитъ,
Какъ за соколомъ за птицею
Василь-сударь наѣдетъ!»—
—«Я умью, разумью
Съ нимъ и рѣчи говорить!
И раскину бѣль шатеръ
При долинѣ при большой...
Ляжь-ка, ляжь-ка, Василь-сударь,
Я въ головкѣ поищу,
Русы кудри расчешу,
Добра коня привяжу.»
Какъ уснулъ-ли Василь-сударь
Какъ на ручкахъ, на рукахъ,
На широкихъ рукавахъ;
Какъ проснулся Василь-сударь:
Нѣтъ ни коня, ни шатра!
Заставля его Марья
Пѣшимъ по полю ходить...
Люди пашеньку пахать,
А мы ручками махать...

parallelism

323.

На рѣчкѣ на лужечкѣ,
На прекрасномъ бережечкѣ,
Тамъ купались красны дѣвки,
Пониже молодицы.
Тутъ шель, прошелъ Макарша,
Унесъ наши рубашки,
Тонки лянны, бѣлы полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами.
Всѣ-то дѣвушки были стыдливы.
Акулина была нестыдлива:
Фартукъ бѣлый повязала,
За Макаршей побѣжала,
Громкимъ голосомъ кричала;
«Ужъ ты стой, постой, Макарша!
Ты унесъ наши рубашки,
Тонки лянны, полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами,
Со нѣмецкимъ воротами!»
Тутъ Макаршенька божился,
Съ Акулиной подружился...

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 106 («плясовая»). Каждый стихъ повторяется.

324.

Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ,
Вдоль по маленькой канавкѣ,
Тамъ купались дѣвицы,
А пониже бабы-молодицы.
Туда шель, прошелъ Макарка,

Онъ укралъ наши рубашки
Тонки лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами,
Всѣ были дѣвицы тутъ стыдливы
Акулина была не стыдлива:
Фартукомъ груди подвязала,
Вслѣдъ Макарка побѣжала:
«Ты, Макаръ, Макаръ, Макарка,
Ты отдай наши рубашки,
Тонкія лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами!»

Оловецкая губернія, Петрозаводскъ. Оловецкія Губернскія
Вѣдомости 1868 г., № 29.

325.

Во крутому по красному по бережку,
По желтому сыпучему песочку,
Стояла избушка воликаночка;
Во той во избѣ холостѣба сидитъ,
Холостѣба, братцы, сидитъ, не женатые,
Не много не мало—тридцать девять человѣкъ.
Между ими сидитъ красна дѣвица;
Играетъ дѣвица съ добрымъ молодцемъ
Въ большую игру во тавлейную,
Во тѣ ли во тавлеи, во шахматы.
Игралъ молодецъ о трехъ корабляхъ,
А дѣвица играла о буйной головѣ.
Ужъ какъ дѣвица молодца обыграла;
Выиграла дѣвица три корабля:
Первый тотъ корабль—съ краснымъ золотомъ,
Другой тотъ корабль—съ чистымъ серебромъ,
А третій корабль—съ крупнымъ жемчугомъ.

Съль добрый молодець, задумался,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Потушилъ свои очи ясныя...
Что въговорить душа красна дѣвица:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодець!
Авось твои три корабля возвратятся,
Какъ меня ли, красну дѣвку, за себя возьмешь:
Корабль твой за мной въ приданое...»
Ахъ, что въговорить удалый добрый молодець:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несмѣтная!
Не взять мнѣ души красной дѣвцы!
Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ахъ, что у насъ, дѣвица, безъ огня горитъ,
Безъ огня у насъ горитъ и безъ крыль летитъ.
Безъ крыль у насъ летитъ и безъ ногъ бѣжитъ?»
Да что въговорить душа красна дѣвица:
«Ужъ какъ эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Безъ огня у насъ горитъ солнце красное,
А безъ крыль у насъ летитъ туча грозная,
А безъ ногъ у насъ бѣжитъ мать быстра рѣка...»
Ахъ, что въговорить удалый добрый молодець:
«Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ужъ какъ есть у меня парень поваренный,
Такъ развѣ вѣдь онъ тебя за себя возьметъ...»
Да что въговорить душа красна дѣвица:
«Ужъ эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Ужъ есть у меня дѣвка гусятница,
Ужъ развѣ она за тебя поидетъ...»

326.

Иодь славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангель-
скомъ,

На Васпльевскомъ славномъ островѣ,
На прибѣгшищѣ на Лодсїиномъ,
Что на пристани корабельной,
Туть построена пзба новая,
Изба новая караульная.
Что во той пзбѣ новой,
Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидитъ;
Межъ пмп-то красна дѣвица;
Она гораздна была играть въ шахматы;
Обыграла удалаго добра молодца...
Прюигралъ-то добрый молодець три черныхъ кора-
бля:

Первый—съ чистымъ серебромъ,
Второй—съ краснымъ золотомъ,
Третій—съ скатымъ жемчугомъ.
Закручишлся, запечалился добрый молодець,
Повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечъ,
Потушилъ очи ясныя во матушку сыру землю,
Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретивому сердцу...
Разговаривала красная дѣвица добра молодца:
«Не кручинься, не печалься, добрый молодець,
Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечъ,
Не тупи да очи ясныя во сыру землю.
Мы пойдѣмъ-ка во Божью церковь,
Паложимъ да вѣщицы золотые,
Примѣмъ да законъ Божїи,
Ужъ п будемъ съ тобой по закону жить!»—
— «Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,
Я пейду съ тобой во Божью церковь,

Не примаю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить!»...

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Е-фименко, стр. 63
(«науличная»).

327.

Ходилъ - гулялъ добрый молодець, искалъ мѣсто
доброе...

Не нашель-то добрый молодець мѣста добраго,
А нашель-то добрый молодець море сннее...
О край моря, о край сивяго камыши высокіе,
Камыши высокіе, лопухи широкіе.
Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая;
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка;
Въ этой во горенкѣ стоятъ столы новые,
Соятъ столы новые, калиновые;
На этихъ на столикахъ разостланы скатертки,
Разостланы скатертки воронья, шелковыя;
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые;
На стулахъ спдтъ добрый молодець съ душой крас-
ной дѣвицей,

Играють во игры серебряныя.

Пронгралъ же добрый молодець три кораблика:

Первый корабликъ—со чистымъ золотомъ.

Другой корабликъ—со чистымъ серебромъ,

Третій корабликъ—съ разными товарамп.

Послѣ добрый молодець спдтъ, припечалился.

Припечалился добрый молодець, призадумался:

«Ужъ вы, свѣтъ мои кораблики, запропали,

И со златомъ и со серебромъ и съ разнымъ товара-
ми!»

Уговариваетъ добраго молодца красна дѣвица:

«Не плачь, не тужи, добрый молодецъ, обь своихъ
корабликахъ,
Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами!
Возьми меня, добрый молодецъ, за себя замужь!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 72.

328.

Еще всё-то добрые люди пьютъ, гуляютъ;
Охъ, я одинъ-то, добрый молодецъ, охъ, не гуляю.
Охъ, я хожу-то, добрый молодецъ, охъ, по базару;
Охъ, за собой вожу добра коня, охъ, продаваю.
Ой, да никто моего добра коня, охъ, да не купить.
Ой, да никто моего воронаго, охъ, да не торгуеть...
Сторговаль моего добра коня, охъ, сынъ гостпныйй.
Запросилъ я за добра коня, охъ, ровно триста;
Онъ и подалъ за воронаго, охъ, полтораста;
Ой, а цѣною сохотилъсь, охъ, ровно два ста.
Сторговавши, добрый молодецъ, охъ, деньги платить.
Сталь моего коня онъ, охъ, обротати;
Обротамши онъ воронаго коня, охъ, сталь сѣдлати;
Осѣдлавши онъ добра коня, охъ, сталь взнуздати;
А взнуздавши онъ воронаго, охъ, сталь садиться,
Сталь садиться добрый молодецъ, охъ, сталь хвалиться:

«Вотъ теперь-то, добрый молодецъ, охъ, погуляю,
Охъ, какъ и та ли бѣла рыбица, охъ, по Дунаю!»
Похвалившись, добрый молодецъ, самъ поѣхалъ.
Оставался я, добрый молодецъ, охъ, со казною,
Ой, съ золотой казной остался, охъ, самъ запла-
каль...

Уфимская губернія, Мезелпневскій уездъ. Пальчиковъ, № 66.
Послѣдніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

329.

На рождественской педѣлѣ:
Красныя дѣвушки
Собирался въ пѣбушку,
Во пѣбушку во пустую.
Изъ-подъ печки, изъ-подъ столбца
Вышла красная дѣвица
Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
Въ сипемъ сарафанѣ,
Въ красненькихъ башмачкахъ.
У ней губы-то медвѣжьи,
Зубы-то желѣзны.
Все дѣвушки испугались,
Изъ пѣбушки побросались.
Одну дѣвушку схватила,
На колѣни посадила.
«Ты, красная дѣвушка,
Отвори окошко,
Кликни подружкамъ,
Назадъ бы воротились,
Меня бы не боялись:
Я такая же дѣвица!»

Ярославская губерція, Печехонскій уѣздъ, Сухановъ, стр. 21.
Послѣ каждаго стиха: ой магушка! Шелъ сомнительной
подлинности.

330.

Вы, солдатунки-улань,
Гдѣ вы были, гдѣ бывали?
— Мы подъ Иптеромъ стояли,
Подъ Можасемъ воевали,
Ко пѣбушечкѣ мы подходили.

У взбушечки мы постучали:

«Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Ты пусти насъ къ себѣ постоять!»

Намъ солдатка отвѣчаетъ:

— «У меня взбушечка маленька,
Всего въ одну стѣну семь саженокъ!»

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

«Насъ солдатушекъ всѣхъ немного:
Насъ на коняхъ-то полтораста,
Пѣшехотныхъ насъ полтретьяста!»

Все такъ она насъ не пускаетъ,
Все взбушечку не отпираетъ.

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

«Вы, солдатушки, не робѣйте!»

Ворота у ней мы взломали,
На дворъ мы къ ней забрался,
Во взбушечку мы къ ней вобрался.
Ужъ какъ сѣли мы по лавкамъ,
Ужъ какъ сѣли мы всѣ по порядкамъ.

Какъ и вдовушка стоитъ у печки,
Поджамши свои бѣлы ручки.

Старшинной солдатъ слово молвилъ:

Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Пойди ты къ намъ поближе,
Поклоись ты намъ пониже!»

Вынимаетъ солдатъ полотенце:

«Не твое ли, душа, рукодѣльце?
Ужъ не нашъ ли это перстенецекъ?
Не твой ли я, милая, дружкочекъ?»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. В року и п. ч., № 38

331.

У ланы, вы гдѣ были-побывали?
— Мы подѣ Пптеромъ стояли,
Подѣ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
«Пусти, вдова, ночевати,
Молодая, постояти!»
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
«У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.»
Солдатушки не взирали.
Воротнички отворяли;
Они сѣли все по лавкамъ,
Все по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость—въ переднее мѣсто.
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку.
Какъ возговорить большой гость:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже!
Ты который годъ вдовѣшь,
Ты который сиротѣшь?»—
— «Я десятый годъ вдовѣю,
Ужъ я пятый сиротѣю.»—
— «Ужъ и много ль у тебя хлѣба?»—
— «У меня хлѣба осьмина.»—
— «Ужъ и много ль у тебя денегъ?»—
— «У меня денегъ полтина.»—
— «Ужъ и много ль у тебя дѣтокъ?»—
— «У меня дѣтокъ четверо.»—

Мессажъ

—«подавай, вдова, черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенецѣ,
Въ полотенецѣ узелочекѣ,
Въ узелочкѣ золотъ перстень—
Ужъ не твой ли обручальный?»

Якушкинъ, стр. 354.

332.

Вы, солдатки-уланы,
У васъ лошади буланы!
Ужъ и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были-побывали?
—Подъ Можайскимъ воевали,
Мы Москвою проѣзжали,
Калпшъ-мостикъ переѣзжали,
Во слободку заѣзжали,
У вдовушки становилсь,
Просились ночевати:
«Ты, вдова, вдова Акспня!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Нась немножко, немаленько,—
Полтора ста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ.»
А вдовушка не пуцала,
Воротички заперала,
Солдатушкамъ отвѣчала:
«У меня дворикъ маленекъ,
А горенка невеличка,
А дѣтушекъ четверичко!
И горенка не топлена,
И щи съ кашей не варены!»

А мы сплоти ворвались,
Въ горенку вобралися,
Разсѣлися все порядкомъ:
Ивъшеходы—все по лавкамъ,
А конница—по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоить у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки
Ко ретивому сердечку.
Стоить она, слезно плачетъ;
А большой гость унимаеть:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, вдовѣешь,
Давно ль, горька, сиротѣешь?»
—«Я живуци въ горѣ забыла.»
—«Ужъ и много ль, вдова, дѣтокъ?»
—«У меня дѣтокъ четверичко:
Три сыночка, одна дочка.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, денегъ?»
—«У меня денегъ полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклошися мнѣ поближе,
Ты купишь, вдова, съ меня киверь:
Во киверѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Во узелочкѣ перстепечекъ;
Ни твоего ли обрученья?»
Какъ вдовушка догадалась
И на шеюшку бросалась,
Горючки слезьми заливалась;
Во новы сѣни выходила,
Малыхъ дѣтушекъ будила:

«Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяць свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!»
А большой гость отвѣчаетъ:
«Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ на часочекъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,—
Одну ночь простояти,
Съ бѣлой зарей выступати!»

Саратовская губернія. Косгомаровъ и Мордовцева, стр. 70.

333.

Черезъ рѣчку проходили,
Черезъ Зарену проѣзжали,
Ко вдовишкѣ заѣзжали,
Подъ оконкомъ постучали.
«Пусти насъ, вдова, почевати,
Молодая, постояти!»
Тутъ вдовишка отвѣчала,
Ночевать насъ не пуцала,
Воротнички запирала.
Силой гости ворвались,
Всѣ въ пзушку вобрался.
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
По дубовымъ скамейкамъ.
Молода вдова у печки,
Поджакнувши бѣлыя ручки.
Еще старшій гость въ больномъ углу,
Въ больномъ углу, подъ оконкомъ,
Подъ оконкомъ, въ разговорѣ:
«Еще сколько, вдовишка, вдовѣшь,

Молодая, сиротѣешь?»—
—«Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю,
Шестнадцатый сиротѣю.»—
—«Еще сколько у ты, вдовушка, денегъ?»—
—«У меня денегъ полтина,
Полтипушка безъ алтына.»—
—«Еще сколько, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтокъ четверо.»—
—«Ты подвинься, вдовушка, поближе,
Поклонись гостямъ пониже!
Ты скинь-ка пуховую шляпу,
Возьми въ шляпѣ полотенце;
Не твое ли, вдова, рукодѣльце?»
Тутъ вдовушка испужалась.
Милыхъ дѣтушекъ будила:
«Вы вставайте, милыя дѣти!
Родной вашъ батюшка пріѣхал!»
—«Я не вѣкъ къ вамъ вѣковати—
Одну ночку ночевати!»

Повгородская губерція. Студитскій, № 32 «бесѣды».

334.

У жь какъ шли, прошли солдаты,
Солдатки полковые;
Ко вдовушкѣ заѣзжали.
«Ты, вдовушка молодая!
Пусти, вдова, ночевати,
Нась, молодцевъ, постояти!
Нась, молодчиковъ, пемпожко:
Полтора ста пѣшехода,
Полтретьяста все на коняхъ»...
Тутъ вдовушка говорила,
Молодая отвѣчала:

У меня дворикъ маленекъ,
А избушка невеличка.»
Онп силою ворывалися,
Всѣ въ избушку вобрался,
Всѣ посѣли они по лавкамъ,
Что по лавкамъ, по порядкамъ;
Что большой гость подь окошко,
Онъ въ передній уголочекъ;
А вдова стоитъ у печки,
Прижавши ручки къ сердечку.
«Ты много ли лѣтъ, вдовушка, вдовѣешь?
Ты давно ли сиротѣешь?»—
—«Восемь лѣтъ я на девятой»...
—«Ужъ какъ много лц, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтей четверо...»
—«Ужъ какъ много лц, вдовушка, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»
—«Ужъ какъ много лц, вдовушка, денегъ?»—
—«Денежекъ только одна полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись мнѣ пониже,
Погляди на полотелце,
Посмотри на перстенечекъ;
Не твое ли обручанье?»
Тутъ вдовушка испугалась,
Молодая побѣжала;
Она будила молодыхъ дѣтокъ:
—Вы вставайте, малыя дѣти!
Восемь лѣтъ солнце не грѣло,
На девятой освѣтило...»

335.

Мимо Москвы проезжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ:
«Ты, вдовушка-вдова,
Ты пусти-тка ночевать,
Почевать да постоять!»
Еще вдова отвѣчаетъ:
«У меня домъ-отъ не стоялыйи,
Фатерушка не больша...»
Еще гости отвѣчали:
«Не больша да хороша!»
Гости съ сплои ворвалися,
На фатерку забралися;
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше.
Еще стала вдова къ печкѣ,
Прикала руки къ сердечку.
А большой-отъ сталъ спрошать:
«Ты давно ль, вдова, вдовуешь,
Ты давно ли сиротуешь?» —
— «Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать..» —
— «Подойди, вдова, поближе,
Поклопнись-ка ты понижке,
Сними съ меня пухову шляпу!
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный наигъ съ тобою...»

Архангельская губернія, Мезенскій уездъ. Ефименко, стр. 58
(«научная»).

336.

Ужъ вы, молодцы улашы,
У васъ конц-то буланы!
Гдѣ вы жили-поживали?
—Подъ Можаемъ воевали,
Питеръ, Москву проѣзжали,
Ко вдовонкѣ заѣжали...
«Пусти вдова, почевать,
Почевать, постоять!»—
—«У меня дворъ не стоялый,
Моя горенка тѣсенька,
Васъ, солдатушекъ, малышко!»
—«Мечись, воры, чрезъ заборы!»
На дворъ воры ворвались,
Во горенку забралися;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
Говорилъ ей самъ хозяинъ:
«Скажи, вдова молодая,
Скажи, много ль у те хлѣба?»—
—«У меня хлѣба осьмина,
Золотой казны полтина...»—
—«Скажи, вдова молодая,
Еще много ль у те дѣтокъ?»—
—«Два сыночка, третья дочка...»—
—«На рукѣ у те колечко...
Завяжи, вдова, колечко,
Завяжи ты во платочекъ,
У платочка узелочекъ...»

337.

О
Солдатушки-улань,
У васъ лошади булань!
Гдѣ жъ вы были-побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Воевали мы немножко,
Немножечко—трое сутокъ;
На четвертый на денечекъ
Стали тѣла разбирать,
Стали армию смекать,
Въ Москву-городъ выходить,
До деревни доходить.
Деревнюшка небольшая:
Одинъ дворникъ и тотъ вдовій.
«Пусти, вдова, почевать,
Ночевать, постоять!»—
—«Вы, солдатушки-улань!
У меня горенка маленька,
Новая тѣсенька!»—
—«Насъ, уланушковъ, немножко:
Пятьдесятъ одна повозка,
Полтора ста насъ на коняхъ,
Девяносто пѣшеходовъ.»
Все уланы убрался,
Все по лавкамъ, по порядкамъ,
Офицеры—по стульямъ,
Генералы—по кресламъ,
Полковникъ—на диванѣ.
А вдова стоитъ у печки,
Она слезно плачетъ.
«О чемъ же, вдовушка, плачешь?»—
—«Какъ же мнѣ не плакать?»

Я тридцать лѣтъ сиротою,
Пятнадцать лѣтъ вдовою;
У меня свой тоже супругъ
Отдашь во солдаты:
Нѣтъ ни елуху, нѣтъ ни духу,
Нѣту ищемъ ни одного!»
А полковникъ говоритъ ей:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже,
Ты еними же съ меня киверъ:
Во киверѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстеночекъ;
Не твоего ли обрученья?
А на шеѣ образочекъ;
Не твоего ль благословенья?
Въ чемоданѣ есть рубашка;
Не твоего ли рукодѣля?»

Воронежскій уѣздъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости
1850 г., № 49.

338.

Какъ во еелѣ, селѣ Покровскомъ,
На проѣзжей большой улицѣ
Собрались красны дѣвушки,
Всѣ играли хороводами.
Одна дѣвушка не въ кругу стоитъ,
Не въ кругу стоитъ, задумалась;
Очи ясныя заплаканы,
Не вилетаетъ въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все причетъ подь косынкѣй бѣлою.
Къ ней подходитъ молодой солдатъ,

Молодой солдатъ изрешенный;
Сталъ онъ съ дѣвушкой разговаривать:
«Что ты, дѣвушка, не въ кругу стоишь,
Не въ кругу стоишь, не съ дѣвушкамъ?
Не вылетаешь въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все прячешь подъ косышкой бѣлою?»
— «Ахъ, служивый, я не дѣвушка,
Не вдова я, не молодушка,
Спрота я вовсе круглая...
Вотъ три года тому мнѣ было,
Какъ бурмистръ п мѣръ разсердился
На моего на друга мнѣ много,
Жениха мнѣ обручальнаго.
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки;
Видно мой милой на войнѣ убитъ...»
— «Ты, душа ли красна дѣвица,
Вотъ возьми-ка полотенецко;
Не твое ли рукодѣльце?
Въ полотенецкѣ золотъ перетель;
Не съ твоей ли правой рученьки?»
Тутъ дѣвица взрадовалася,
Узнавала друга мнѣ много,
Жениха ея обручальнаго.

Царевосанчурскъ. Абрамичевъ, № 10.

339.

Закатилось красно солнце
Да за темные лѣса;
Призамолкли волны итаники,
Нхъ не слышно стало голоску;
Въ славномъ городѣ было Нетѣнскомъ,
Въ славной хижинѣ было во своей,

Распечальная вдова сдѣла.
Вдова плачетъ, слезы проливаетъ
Все по миленькомъ по дружкѣ...
Что не пыль-то во полѣ пыляеть,
Что не туча-то, громъ гремить,
То идутъ-то наши храбрые солдатушки.
Они дуютъ, выступаютъ,
Про ученье говорятъ.
Что первой-еть малый малолюбтокъ,
А второй-еть милый мой.
Сѣдною миленькѣй покрылся,
И медаль есть на груди...

Вологодская губернія, Грязовецкій уѣздъ. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 97.

340.

Закаталось красно солнышко
За темные лѣса.
Въ лѣсу пташки пріумолкли,
Все садилась по мѣстамъ,
По такимъ же по мѣстечкамъ,—
По ракитовымъ кустамъ.
Какъ подъ елкой, подъ ветелкой
Стоитъ хижинка нова;
Въ этой хижинкѣ живетъ
Горькая вдова.
Тутъ шли, прошли три ерота.
Подходили они подъ окно.
«Ты, любезная наша хозяйонка,
Ты пусти насъ ночевать!»
— Вы, любезные мои ероти,
Прошу милости въ хату взойти!
Три дни, два дни хату не топала,

Ничего не варила!»

— «Любезная хозяйюшка,

Намъ не нужно твоего ничего,

Намъ было желательно

Пріотдохнуть у тебя!»

> — Когда вы желаете, прошу милости въ хату взойти!»

Рязанская губернія Будде, № 54 («протяжная»).

Д. х. ...

341.

Заходился я, добрый молодець, загулялся;
Пришатился я, добрый молодець, къ Дону тихому,
И выспрашивалъ на тихомъ Дону перевощниковъ:
Перевезите вы добра молодца на ту сторону!
Захотѣлось мнѣ, добру молодцу, въ свою сторону—
Съ отцомъ-матерью добру молодцу повидатися;
Малымъ дѣточкамъ свротничкамъ благословенья
дать;

Молодой-то жени голубушкѣ—свою волошку:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи...
Заболѣлъ-то я, добрый молодець, прискудалося;
Что болитъ-то у добра молодца ретиво сердце;
Что приходитъ-то мнѣ, молодцу, скоро смерточка...
Ище тутъ-то я, добрый молодець, сталъ наказывать:
Схороните вы меня, молодца, между трехъ дорогъ:
Петербурскою, Московскою, славной Кіевскою;
Въ головахъ-то вы мнѣ поставьте золотъ чудень
крестъ,

А въ ногахъ-то вы поставьте зелену сосну....

Сибирь, Доктевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ,
томъ II, стр. 172.

342.

Соловей мой, соловей,
Ты, развольная моя пташка,
Ты куда, куда летишь,
Куда Богъ тебя несетъ?
Не на родную ли мою сторонушку?
Ты снеси поклонъ родному моему батюшкѣ,
Челобитьице родной моей матушкѣ,
А родной моей женѣ письмо вольное,
Письмо вольное на двѣ волюшки,
На всѣ четыре сторонушки:
Хочетъ она—замужъ пди,
Или хочетъ—во вдовахъ сиди,
Ужъ пои-корми своихъ дѣтушекъ,
Милыхъ горькихъ сиротицусекъ!

Владимирская губернія, Судогодскій уѣздъ. Владимирскія
Губернскія Вѣдомости 1860 г., № 26.

343.

Ой, не бѣлая береза зашаталася,
Не шелковая ковыль-травушка разетилалася;
Зашатался, замотался добрый молодець;
Пршшатнулсѣ-примотнулсѣ ко быстрой рѣкѣ;
Онъ воскрякнетъ-взгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы друзья-товарищи, молодые пере-
вощички!
Перевезите, братцы, на ту сторону!
За перевозъ, братцы, возьмите пятьдесятъ рублей,
Чего мало не достанетъ,—съ рукъ золотъ перстены!
Какъ пршшелъ-то, братцы, мой послѣдній часъ....
Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:

Между Тульской, между Курской, между Шляхов-
ской;
Въ головахъ, братцы, поставьте вы поклошныи крестъ;
Съ правой руки положьте калену стрѣлу;
А съ лѣвой руки положьте вы булатныи мечъ;
У ногахъ, братцы, поставьте ворона коня,
И взнузданнаго, и осѣланнаго;
Попросите въ моеи матушки благословеньца;
А родной сестрѣ—челобитыице;
Молодой женѣ скажите, что женился я на пной женѣ,
Что я взялъ за себя поле чистое!
Родна матушка прѣдетъ,—она помолится;
А родна сестра прѣдетъ,—она наплачется;
Молода жена прѣдетъ,—она напляшется;
А товарищи прѣдутъ—вагуляются,
Нагуляются, настрѣляются...»

Курская губернія. Кохановская, стр. 111.

344.

Зашатался я, добрый молодецъ,
Да загулялся я,
Приматнулся, разудаленький,
Ко Невѣ, быстрой рѣкѣ...
Перевезите меня, добра молодца,
На ту сторону домой!
За перевозъ-отъ заплачу
Ровно сто рублѣи;
Если жъ мало, возьми двѣсти,
Я и тѣ отдамъ!
Дружекъ въ лодочку садился,
Да запечалился;
Буйна головушка

Разболѣлась...
Во постелюшку слегъ,
Сталь наказывати,
«Причастите-ка меня, добра молодца,
И исповѣдайте;
Схороните меня, добра молодца,
Среди Москвы,
Да бѣлокаменной!...»

Пермская губернія. Шишопко, стр. 245.

345.

Ужъ ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына!
Пролежала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проѣзжали по ней молоды пзвощички,
Молоденькіе;
Какъ лошади у нихъ буланья,
Все буланья;
Хомуты-то у нихъ серебряны,
Серебряны;
Какъ узды-то на нихъ все наборныя,
Все наборныя;
Какъ телѣжки-то у нихъ все шинновыя,
Все шинновыя...
Солучилося у нихъ несчастье,
Да не малое:
Захворалъ да запемогъ у нихъ добрый молодецъ,
Младъ пзвощичекъ...

Томъ I.

28

Отъ проспль-то, онъ проспль своихъ товарищѣй,
Товарищѣй:
«Ахъ вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моихъ вороныхъ коней,
Вороныхъ коней!
А свезите вы, братцы, батюнкѣ низкій поклонъ,
Низкій поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьице,
Да челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моеѣ женѣ полную волюшку.
Всю свободушку!»

Орловская губернія, Елецкій уѣздъ. Лопатинъ и Прокувинъ,
№ 13.

346.

Ужъ ты, степь моя, степь, степь Моздоцкая!
Широко ль ты, далеко ты, степь, протянулася!
Протянулася ты, степь, вилоть ты до Царницына!
Ужъ и чѣмъ же ты, степь, степь, ты изукрашена?
Изукрашена ты, степь, лѣсами, болотами,
Да еще же ты, степь, болыною дорогою...
Что никто-то по ней, никто не проѣзживалъ,
Только ѣхали тамъ молоды извозчики, все коломен-
ски...
Какъ случилось у нихъ въ извозѣ несчастьице:
Заболѣлъ-то, захворалъ молодой извозничекъ,
Заболѣла у него буйная головушка,
Отъ головушки у него ретиво сердце;
Заболѣвши-то опъ, сталъ онъ имъ наказывать:
«Ужъ вы, братцы ли мои, вы, братцы-товарищи,

Не попомните вы моеї прежней грубости!
Отведите-ка вы моихъ вороныхъ коней моему батю-
никѣ,
Золотую ли казну—моеї родной матуникѣ,
Челобптьнице—вы моеї молодой женѣ,
Благословеньце вы моимъ малымъ дѣтушкамъ!»

Филипповъ, № 11. Очень сходная пѣсни: Кашиинъ, вып. 1, № 4;—
Лопатинъ и Прокунинъ, № 18 (Тульская губ., Богородицкій
уѣздъ).

347.

Ужъ ты, степь ли ты моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Далеко ли, широко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова до села Царицына,
До Царицына!
Какъ по той ли по стени лежала дороженька,
Путь шпрокая...
Какъ по той дороженькѣ ѣхали извощички,
Все коломенски...
Вотъ везли они, везли дорогой товаръ—
Парчу-бархаты;
Вотъ они еще везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу....
Вотъ случилось у нихъ въ обозѣ несчастье,
Да не малое:
Занемогъ да захворалъ удалъ добрый молодець,
Все извощичекъ...
Вотъ сталъ-то онъ просить своихъ товарищей,
Онъ товарищей:
«Не попомните моеї прежней грубости,
Прежней грубости!»

Не покпните вы, братцы, монхъ вороныхъ коней,
Вороныхъ коней!»

Тверская губернія, Зубцовскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокушинъ,
№ 19.

348.

Ужъ ты, степь наша, степь Саратовска!
Далеко и широко ты, степь, протянулася!
Протянулася, наша степь, отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицына,
Отъ села Царицына до князя Голлицына...
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣзживалъ...
Тутъ и шли-прошли молоды извожнички,
Млады извожнички, все коломенски;
Они везли-то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастыице:
Заболѣлъ да захворалъ молодой извожничекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустялись руки бѣлыя,
Подломилась рука рѣзвья...
Завязали буйную голову платкомъ тальянскимъ...
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила краса дѣвица;
Подарила, приговаривала:
«Ты носи-тка платокъ да не хвастай мной!
Когда выносишь,—похвастайся!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 62
(«изданный»).

349.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ, да горъ высокихъ
Не красно солнце выкаталоя,
Выкаталоя бѣль горючъ камень,
Выкатившись, самъ разсыпался,
По мелкому зерну, да по макову.
Во Изюмѣ, славномъ городѣ,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тутъ добрый молодецъ;
Опъ просить своихъ товарищей:
«Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Не покиньте добра молодца при бѣдности,
Что при бѣдности и при хворости!
А хотя меня и покинете,
Какъ приѣдете въ святую Русь,
Что во матушку каменну Москву, —
Моему багюшкѣ—низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитыце,
Молодой женѣ—своя воля:
Хоть вдовой сиди, хоть замужъ поди:
Моимъ дѣтушкамъ благословеньце!»

Пѣсешникъ 1780 года, часть 1, стр. 173.

350.

Ахъ, палъ туманъ на синя море;
Вселилася кручина въ ретиво сердце...
Не схаживать туману со синя моря;
Злудѣнкѣ кручинѣ—съ ретива сердца...

Что далече, далече во чистомъ полѣ,
Стояла тутъ дубровушка зеленая;

Среди ея стояль золотой курганъ;
На курганѣ раскладенъ былъ огничекъ,
Возлѣ огничка посланъ войлочекъ,
На войлочкѣ лежитъ ли добрый молодецъ,
Припекаетъ свои ранушки боевья,
Боевья ранушки, кровавья.
Что изъ далека, далека изъ чистаго поля
Приходятъ къ нему братцы-товарищи,
Зовутъ ли добраго молодца на святую Русь.
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
«Подпте, братцы, на святую Русь!
Приходитъ мнѣ смертенька скорая...
Отцу-матери скажите челобитьце,
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите свою волюшку,
На всѣ ли на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньце...
Ахъ, не жаль-то мнѣ роду-племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,—
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки маленькии,
Маленькии дѣтушки, глупешеньки,
Натеряются холода и голода...»

Пѣсенникъ 1789 года, часть II, стр. 133.—Пѣсенникъ 1788 года,
часть II, стр. 178.

351.

У амь за рѣкою, рѣкою разгорается;
Да изъ-подъ камушка дымочекъ темнѣется;
Да на томъ на камушкѣ лежатъ три подушечки;
На подушечкахъ на пуховыхъ да солдатичекъ ле-
жатъ;
Онъ разворачиваетъ свои полы, полы да камчатныя;

Онъ показываеѣтъ свои раны, раны да кровавыя. —
«Иди къ матери-отцу, — то ли живы, то ли нѣтъ....
Къ молодой женѣ, — то ли знаетъ, то ли нѣтъ....
Къ малымъ дѣтушкамъ, — то ли смыслятъ, то ли
нѣтъ....»

Отвезите же меня, мои братья, браты родные мои,
Да во чисто, чисто поле;
Вы оставьте меня, оставьте, братья,
Промежь трехъ дорогъ:
Между Кунгурской, Екатеринбургской, то ли на Тю-
менской;

Во лѣвую руку положите да саблю вострую;
Во правую руку — винтовку-ружье,
Во ногахъ же вы, братья, поставьте ворона копы,
А во главѣ — мой поклонный крестъ!
По той-то дорогѣ буде человекъ проидеть,
Онъ возьметъ ружье винтовку да настрѣляется.
Саблей вострой намахается,
А на ворономъ копѣ-онъ наѣздится....»

Пермская губернія. Шинюноко, стр. 261. — Очень сходная пѣсня,
исполняя Орловская губ., Малоархангельскій уездъ: Якуш-
кинъ, стр. 318.

352.

Вы, коши мои, кошочки, коши мои новые!
Да и всѣ-то мои кошочки поразорены стоять.
Охъ, какъ одинъ кошочекъ стоять не разореный;
Да и въ томъ-то кошочкѣ огонекъ малехонекъ,
А дымокъ тонехонекъ.
У этого огонька разостлана бурочка,
А на той-то бурочкѣ лежатъ добрый молодець;
Онъ не такъ лежитъ, — крѣшко раненый,
Перевязываетъ свои больныя ранушки.
«Ужь вы, братья мои, вы, друзья мои, товарищи!

Не покиньте, друзья, вы меня при горести,
При такой-то бѣдности, при горѣ-кручинникѣ!
Охъ, да въ пѣкоторое времячко я вамъ пригожусь,
друзья,
Замѣню ваши головунки грудью своєю бѣлою,
Да еще-то, друзья-братцы, животомъ своимъ и серд-
цемъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія..
Кавказа, вып. XV, стр. 198.

353.

Погуляй-ка, добрый молодецъ,
Покуль воля тебѣ есть!
— Ужъ я радъ бы погуляти, —
Товарища со мной пѣтъ!
Ужъ какъ есть одинъ товарищъ —
Воронепекъ добрый конь;
А второй-то мой товарищъ —
Зеленепекъ тугой лукъ;
Какъ бы третій мой товарищъ —
Есть каленая стрѣла.
Каленую эту стрѣлочку,
Въ чисто поле отпущу.
Полетай-ка, моя стрѣлочка,
Въ чисто поле далеко,
Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
Въ бѣль полотняный шатерь.
Какъ въ этомъ-то во шатроукѣ,
Сѣрый потничекъ лежитъ;
Что на томъ ли да на потничкѣ
Добрый молодецъ лежитъ;
Что за тѣмъ было за шатричкомъ
Казаковъ стоитъ толпа;

Handwritten notes:
мол. конь
с. б. п.

Handwritten notes:
1922
1923

Что у тѣхъ ли у казаковъ,
Горѣль ясный огонекъ,
Горѣль ясный огонекъ,
Налосилъ дымокъ.

Что подъ этимъ подъ дымочкомъ
Лежалъ добрый молодець.

Опъ убить-то, не убить,
Весь израненый лежитъ.

Прижпгаетъ, припекаетъ
Свои раны кровавы.

Ужъ какъ первая-то рана
Во буйной его главѣ;

Что вторая его рана

Во ретивомъ его сердцѣ;

Ужъ какъ третья его рана

Что на правомъ на плечѣ.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 109 («проголосян»).

354.

На зарѣ, на зорюшкѣ,
На прекрасной ямской площади
Собирался казацкій кругъ.
Во кругу стоитъ выходной конь,
Осѣдланый и занузданный;
На коню сидитъ офицерскій сынъ,
Офицерскій сынъ, каштанскій чинъ;
Онъ не такъ-то убить,—а больно рашень,
Не такъ плачетъ—какъ рѣвка льется;
Шелковымъ платкомъ утирается,
На все стороны поклоняется:
« Не съ одной ли сторонушки со мной?
Скажите поклонъ моему батюшкѣ,
Государышѣ моей матушкѣ:

Пропаль-погибь добрый молодець
На чужой дальной сторонникъ,—
Какъ погнали насъ въ землю шведскую,
Изъ шведской во турецкую...»

Тульская губернія, Чернскій уѣздъ. Кирѣевскій, вын. VIII,
стр. 228.

355.

На зарѣ-то было, на зорюнкѣ,
Во Москвѣ-то было во городѣ,
На Щепной-то было на площади,
Собирался въ кругъ казацкій полкъ.
Во кругу стоить виноходный конь,
Виноходный конь, подкованный,
Конь подкованный, осѣдланый.
На конѣ сидитъ добрый молодець.
Добрый молодець казакъ плакался;
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На все стороны поклоняется,
Со полками устраивается:
«Да вы здравствуйте!
Не съ одной ли вы сторонники?
Вы скажите-ка поклогъ батюнкѣ,
Челобитнице родной матушкѣ:
Что погибь-пропаль добрый молодець,
Что подъ сплюю подъ шведскою,
Что подъ армією подъ турецкою!»

Самбирская губернія. Кирѣевскій, вын. VIII, стр. 229.

356.

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василечковъ...
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлы горючъ камень, великъ добре...
Что на камышкѣ растетъ ли часть раки товъ кустъ,
Что подъ кустичкомъ лежалъ убитъ добрый моло-
децъ,

Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя;
Изъ реберь его проросла трава,
Ясны его очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касатотка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается, —
Увивается его матушка родимая:
«Ахъ, какъ я тебѣ, сынъ, говорила:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что съ бурлаками, со ярыгами,
Не ходи, мой сынъ, на царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сынъ, буйну голову!»

* Пѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 137. — Пѣсенникъ 1788 г., часть II,
стр. 181. — Пѣсенникъ 1810 г., стр. 270.

357.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль моя молодецкая,
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
По всему ли царству московскому...

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воротами,
У кружала да государева, —
Какъ лежить убитъ добрый молодець,
Опъ бѣлымъ лицомъ ко сырой землѣ,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Размставъ свои руки бѣлыя,
Протянувши ноги скорыя...
Что не ласточка, не касаточка
Вкрутъ тепла гнѣзда увпалася,
Упвалася его матушка родная.
Причитавши, сію рѣчь промовляла:
«Я давно, сынъ, тебѣ говорила:
Не ходитъ было по чужимъ дворамъ,
По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ женамъ...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть I, стр. 178.—Пѣсенникъ 1791 г.,
часть II, стр. 27.—Пѣсенникъ 1819 г., часть II, стр. 91.

358.

Какъ доселѣва у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Не пропорхивалъ тутъ, братцы, младъ бѣлой кре-
четь,
Не пролетывалъ, братцы, ни сизой орелъ;
А какъ пылѣча у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Пролегла-лежитъ широкая дороженька;
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Проѣзжалъ туто удалый добрый молодець...
На зарѣ то было, братцы, да на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
Какъ убитъ лежить удалый добрый молодець;

Что головушка у молодца испроломана,
Резиво сердце у молодца испрострѣлено,
Что постелюшка подъ молодцемъ—камышь-трава,
Изголовнице подъ добрымъ—часть раки товъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ—темная ночь,
Что темная ночь холодная, осенняя.
Прилетали къ добру молодцу три ласточки;
Изъ ихъ первая садилась на буйной его головѣ,
А другая-то садилась на бѣлой его груди,
Ахъ, какъ третія садилась на скорыхъ его ногахъ.
Что какъ первая-то пташка—родная матушка,
А другая-то пташка—то мила сестра,
Ахъ, какъ третья-то пташка—молода жена.
Они взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Повесли они то тѣло во высокій теремъ...
Его матушка плачетъ— что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ—какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падеть;
Когда солнышко взойдетъ,—росу высушить;
Какъ замужъ она поидеть, то забудетъ его...

Въ есенинкъ 1780 года, часть II, стр. 151.—Въ есенинкъ 1788 года,
часть II, стр. 175.—И рачъ.—Кашпиль, вып. I, № 27 (безъ по-
слѣднихъ пяти стиховъ).

359.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ часть раки товъ кустъ;
Что на кусточкѣ на раки товомъ,

Какъ сидитъ тутъ младъ сизої орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ и исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ,—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ,—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

И есенникъ 1780 года, часть I, стр. 160.—И есенникъ 1821 года,
часть II, стр. 191.—Очень сходная пѣсня: И есенникъ 1819 года,
часть II, стр. 25.

360.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кустикѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизої орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
И онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—

Три лебедушки сокрушаются.
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра,—какъ ручей течетъ,
Молода жена,—что роса надетъ;
Взойдетъ солнце, росу высушить.

Иречь 1790 года, стр. 39 («протяжная»).— Очень сходная пѣсня:
Кашинъ, вып. 1, № 33.

361.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое!
Ничего, поле, не спородило,
Спородило поле часть ракитовъ кустъ.
На кусту сидитъ младъ сизой орель;
Онъ держитъ въ когтяхъ черна ворона,
Онъ бьетъ его, не бьетъ, все выпрашиваетъ:
«Да и гдѣ жъ ты, воронъ, былъ, гдѣ полетывалъ?»—
—«Я былъ и леталъ на дикихъ степяхъ,
На дикихъ степяхъ, на Саратовскихъ.
Ужъ я видѣлъ тамъ диво дивное:
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое.
Какъ никто къ тѣлу не приступится;
Приступились къ тѣлу да три ласточки;
Какъ первая ласточка—родная матушка,
А вторая ласточка—молодая жена,
А третья ласточка—сестрица родимая.»

Воронежская губернія, Новохоперскій уѣздъ. Воронежская Бе-
сѣда на 1861 годъ, стр. 158.

362.

Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія!
Породили, горы, бѣль горючъ камень...
Пзъ-подъ камня рѣчка текла быстрая;

Какъ на той на рѣчкѣ часть ракитовъ кустъ;
На томъ на кусточкѣ сидитъ спзъ орель;
Во когтяхъ онъ держитъ черна ворона.
Не бьеть онъ, не мучитъ, все выпрашивалъ:
«Ты скажи, скажи мнѣ, младъ черпои вороны!
Ужъ какъ гдѣ леталъ ты, гдѣ полетывалъ?»
— «Леталъ во степяхъ я во Саратовскихъ;
Видѣлъ во степеняхъ я диво дивное:
Что лежатъ среди поля тѣло бѣлое,
Лежатъ, лежатъ тѣло молодецкое.
Прплетали къ тѣлу да три пташечки;
Какъ первая пташка—то родная мать;
А вторая пташка—сестра милая;
А третья пташка—молода жена.
Ужъ какъ мать то плачетъ,—что рѣка льется;
А сестра-то плачетъ,—что ручей бѣжитъ;
А жена то плачетъ,—что роса падетъ;
Взойдетъ красно солнце росу высушитъ.»

Кашинъ, вып. I, № 17. Каждое второе полуступище повторяется по четыре раза. Очень сходны пѣсни: Прокупинъ, № 64 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ);—Лопатинъ и Прокупинъ, № 1 (Визанская губ., Касимовскій уѣздъ), №№ 2 и 3 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ), № 3 (Тульская губ., Богородицкій уѣздъ), № 6 (Орловская губ., Елецкій уѣздъ);—Халанскій, № 6 (Курская губ., Щогровскій уѣздъ);—Русская Старина 1873 г., № 11 (Базанская губ.);—Якушкинъ, стр. 573.—Неполная безъ конца пѣсня: Сборникъ матеріаловъ для описанія .... Кавказа, вып. III, стр. 73 (Терская область).

363.

Ужъ вы, горы мои, горы, горы Валдаіенія!
Ино что же вы, горы, горы, испородили?
Испородилъ, горы, часть ракитовъ кустъ;
Что на этомъ на кусту сидѣлъ младъ сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держалъ, держалъ чернаго ворона,
Чернаго ворона держалъ, своего братца роднаго.

Ужъ онъ бѣть его не бѣть, все выспрашиваетъ:
Ино гдѣ жъ ты, воронъ, былъ, гдѣ, черный, погули-
валъ?»—
—«Ужъ я былъ, я и гулялъ во дикѣхъ во степяхъ!»
—«Ино что жъ ты, воронъ, видѣлъ, что, черныи,
посматривалъ?»
—«Ужъ я видѣлъ, повидалъ, видѣлъ диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное,
Ужъ я видѣлъ, повидалъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое.
Какъ никто ко тѣлу, къ тѣлу не пришатнется.
Прискалнсь ко тѣлу, къ тѣлу три ласточки,
Три ласточки, три касатия:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная.
Третья ласточка—молода жена.
Мать-то плакала до гробовой доски.
А сестра то плакала до замужыца,
А жена-то плакала какъ утренняя роса:
Какъ роса сошла, жена и плясать пошла.»

Новгородская губернія. Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сбор-
никъ, вып. III, стр. 8.

364.

Ужъ вы, горы лп, горы, горы Закубанскія!
Вы ничто-то лп, горы, горы, не породили;
Ой, да породили вы, горы, горы, да бѣлъ горючь
камень;
Ой, да изъ-подъ камешку-то бѣжитъ, бѣжить да
Кубашь-рѣченька;
Ой, да что на той-то на рѣкѣ сидитъ младъ своѳи
орелъ.
Ой, да гдѣ ты, орелъ, гдѣ полетывалъ?

Гдѣ, спзоіі, да гдѣ полетываль, гдѣ полстываль?

—Ужъ я былъ-го, леталь, леталь на большнхъ степяхъ,

Да на Сарайтоскпхъ;

Ой, да ужъ видѣль, я видѣль диво дивнос:

Да тутъ лежнть-то, лежнть, лежнть тѣло бѣлое,

Ой, да тѣло бѣлое лежнть, лежнть все истыкано.

Ой, да родная матушка ревить, ревить—какъ рѣчка-
то бѣжнть;

Ой, да молода жена ревить, ревить до замуяьца:

Малы дѣточкн ревятъ,—какъ ручьи шумятъ.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 г., № 4. Последніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются

Воробьевскія горы
365.

Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія,
Воробьевскія горы, подмосковскія!

Ничего-то вы, горы, горы, не спородили;

Спородили вы, да горы, сѣрь горючь вы камешекъ.

Изъ-подъ камня бѣжитъ рѣчка быстрая;

Подлѣ рѣченьки стоить часть ракивовъ еднпъ кустъ;

На кусточкѣ сиднть, сиднть младъ спзоіі орель;

Во когтяхъ-то онъ держать чернаго вороиа;

Ужъ онъ бнть-то его не бьстъ, только спрашнваеть:

«Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталь, гдѣ, спзый, ты по-
лстываль?»—

—«Я леталь-то, леталь по днкнмъ по степямъ, степямъ по Саратовскнмъ.»—

—«Ты кого-же, воронъ, видаль?»—

—«Видѣль я чудо чудное—видѣль тѣло бѣлое;

Тѣло бѣлое лежнть, лежнть не устрѣлено...

Какъ шкто-то по тѣлу, по тѣлу-то не схватнтся.

Какъ схватнлся объ тѣлѣ, объ тѣлѣ да роднтели...

Прилетали къ тѣлу три ласточки.
Какъ первая ластка, ластка—родная матушка.
Какъ другая-то ластка, ластка—родная сестри,
Какъ третья-то ластка, ластка—молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ, сидитъ у головушки,
Родная-то сестрица сидитъ, сидитъ на бѣлыхъ гру-
дахъ,
Молода жена сидитъ, сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка те-
четъ;
Родная сестрица плачетъ,—какъ ручья весной бѣ-
житъ;
Молода жена плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка падетъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ до гробовой доски;
Родная сестрица плачетъ, плачетъ до замужьица;
Молода жена плачетъ, плачетъ до мила дружка.»

Архангельская губернія, Онежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 131 («вечериночная»). Каждое полуступище повторяется; сверхъ того, повто-
ряется последнее слово втораго полуступища.

366.

Ой вы, грязи мои, грязи черныя, разосенныя,
Ой вы, осеннія грязи, самыя послѣднія!
Ой вы, горы мои, горы крутыя, высокія!
Ничего-то вы, горы, не породили;
Нѣтъ ни травоньки въ горахъ, ни муравоньки,
Ни муравоньки, ни алыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ;
Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовска....
Подъ горами бѣжитъ быстра рѣчушка,
По прозваньюцу Волга-матушка.
Широко-то Волга разливалась,
Въ круты бережки не вбиралася,
Затопила-то Волга берега высокіе;
Остался одинъ часть ракиотовъ кустъ.

На кусту-то сидитъ младъ сизою орелъ,
Во когтяхъ-то держитъ черна ворона;
Онь бьетъ-то не бьетъ, все выспрашиваетъ:
«Ужъ гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ?
Ужъ что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?»—
—«Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской;
Я видалъ-то, видалъ диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Не убито лежитъ, не зарѣзано,—
Вострымъ копыицомъ все исколото...
Никто-то къ тѣлу не подступится,
Не подступится, не подшатнется ..
Прилетали къ тѣлу три ластушки:
Перва ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка—молода жена.
Какъ отецъ плачетъ,—что рѣка льется,
Какъ мать-то плачетъ,—что волна бьется,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ,
Что роса падетъ, роса утрення;
Красно солнышко взошло,—роса высохла,
Молода жена забывать стала,
Забывать стала, за гульбой пошла.»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 78.

367.

Ужъ вы, горы мои, горы высокія!
Ничего вы, горы, не породили;
Породили только бѣлъ горючъ камень.

Пзъ-подъ камушка бѣжитъ быстра рѣченька;
Какъ по рѣчкѣ плыла сѣра утица,
Плывши, она вдругъ воскрикнула:
— «Ужъ ты плавай, плавай, селезень, не заплавайся,
На меня, сѣру утицу, не заглядывайся!»
Какъ по правое крыло растеть часть ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держалъ черна ворона;
Онъ щипать-то его не щипалъ, крѣпко спрашивалъ:
«Гдѣ ты, воронъ, былъ, отвѣчай-ка мнѣ!»—
— «Я леталъ, воронъ, по дикой степи,
По дикой-то степи по Бухарской,
И я видѣлъ тамъ чудо дивное:
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, все казацкое;
Никто къ тѣлу тому не подступится;
Прилетали только три ласточки,
Какъ три ласточки, три касаточки;
Какъ и первая ласточка—его родна матушка,
А вторая ласточка—родная его сестрочка,
Какъ и третья-то ласточка—молода его жена.
Первая ласточка плачетъ,—какъ рѣка быстра те-
четъ,
Вторая ласточка плачетъ,—словно съ горъ ручьи
текутъ,
Третья ласточка плачетъ,—словно утрення роса;
Какъ и солнышко взойдетъ—роса высохнетъ.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 112 («военная»).

368.

Сидитъ воронъ, сидитъ черныи,
Онъ въ когтяхъ-то держитъ ясна сокола;
Онъ бить-то его не бьетъ, пазолу все даетъ,

Назоду все даеѣ, все высвранипваеѣ:
«Ты скажи, соколь, гдѣ леталъ, гдѣ полетывалъ?»—
—«Я леталъ по чисту полю широкому!»—
—«Ты чего тамъ, соколь, видѣлъ?»—
—«Я видѣлъ: лежать тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое солдатское.
Какъ къ тому тѣлу бѣлому
Прилетали три ворона, братья родные,
Три ласточки, три касаточки:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная,
Третья ласточка—молодая жена.
Мать-то плачетъ,—какъ рѣка льется,
А сестра-то плачетъ,—съ горъ ключи бѣгутъ,
А жена-то плачетъ,—роса утренняя;
Красно солнышко взойдетъ,—роса на землю па-
детъ...»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 59.
(«обыденная»).

369.

Ус туманъ-то съ моря подымается,
Не бѣлы-то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,—
Подымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего-то они подымалися?
Знать, сизаго орла полохалися...
Тамъ летить-то, летить младъ сизой орель,
А за нимъ-то гонить младъ ясець соколь,
Онъ кричатъ-то, кричатъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орель!
И не бить-то лечу, успросить хочу.
Ты идѣ, орель, былъ-пробывалъ?»—

— «Я былъ-пробывалъ въ иной землѣ — во Туре-
чинѣ;

Я видалъ тамъ диковишку не малую, не великую:

Въ чистомъ полѣ да подъ кусткомъ,

Тамъ лежить-то убитъ добрый молодецъ,

Младъ донскою казакъ, весь изрубленный.

Какъ никто къ тѣлу не приступится,

Никто къ бѣлому не повернется. —

Привернулись къ нему три ластушки,

Три ластушки, три касатушки:

Какъ первая ластушка—родная матушка,

А другая ластушка—сестра родная,

Какъ и третья ластушка—молодая жена.

Пдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,

Пдѣ сестра плачетъ, тамъ колодези,

А пдѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.

Вотъ какъ мать плачетъ во вѣкъ до вѣку,

А сестра плачетъ отъ годъ до году,

А жена плачетъ день до вечера.»

Донская область. Савельевъ, стр. 143.

370.

А что то у полѣ да здучить-грючить?

Да здучить-грючить—три сестры у полѣ.

Да чего жъ онѣ да здучать-грючатъ?

Да здучать-грючатъ—онѣ брата щцагъ.

Первая пошла—звѣздою въ небу,

А другая пошла—вихрами въ поле,

А третья пошла—щукою въ море.

Звѣздою пришла—не нашла брата,

Щукою пришла—не нашла брата,

Вихрами пришла да ѣ нашла брата, брата роднаго.

Да лежить братецъ у чистомъ полѣ,

У чистомъ полѣ, подѣ грушею подѣ кудрявою,
Его ножечки возлѣ дорожечки,
Его ручечки возлѣ кучечки,
А головка его въ ракиотомъ кустѣ...
Прплетѣло къ нему да три ласточки,
Три ласточки, три касатя;
Первая сѣла на буйной головѣ,
А другая сѣла на рѣзвыхъ ногахъ,
А третія сѣла на ретивыхъ рукахъ.
На буйной головѣ—да то мать его,
На рѣзвыхъ ногахъ—то жена его,
На ретивыхъ рукахъ—то сестра его.
Ой, мать плачетъ, ой, вѣкъ до вѣку,
Сестра плачетъ, ой, годъ до году,
Жена плачетъ, ой, день до вечера.
Гдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка льется,
Гдѣ сестра плачетъ, тамъ колодезь,
Гдѣ жена плачетъ—тамъ росы ибѣту...

Курская губернія, Путивльскій уездъ. Русскій филологическій вѣстникъ 1886 г., № 1.

371.

Выйду, выйду я на круту гору,
Стапу, гляну я на снню хмару...
Высокъ соколъ, низокрылъ орелъ;
Онь летитъ, летитъ, разспроситъ хотитъ
Не про стараго, не про малаго,—
Про казаченьку разудалаго.
Вотъ казаченька не убитъ лежитъ, не зарѣзанный,—
Востройи шапечкой пересѣченный:
Ручки-ножечки—въ край дороженьки;
Черна шапочка—въ сторонѣ лежитъ;
Русы кудорьки призываюш...
Никто къ кудорькамъ не приступитя...

Приступалися да три ласточки,
Три ласточки, да все касаточки:
Перва ласточка—родной батюшка;
Друга ласточка—родна матушка;
Третья ласточка—молода жена.
Молода жена взяла кудорьки,
Повесла кудри во зеленый садъ,
Положила ихъ все подъ вишеньку,
Подъ вишеньку, подъ черешеньку.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вын. XVI, стр. 34.

372.

Изь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Пзъ-за горъ крутыхъ высокихъ,
Не красно солнышко восходило,
Не свѣтель мѣсяць выкатается,—
Вылетаетъ тутъ младъ сизой орель,
Младъ сизой орель, птица камская.
На когтяхъ несеть бѣлу рученьку,
Бѣлу рученьку молодецкую,
Молодецкую, солдатскую.
На бѣлой-то рукъ золотъ перстень,
На печаткѣ было написано,
Написано, напечатано:
«Моему батюшкѣ—челобтынице;
Родной матушкѣ—низкой поклонъ,
Низкой поклонъ до сырой земли;
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньце;
Молодой женѣ—на двѣ волошки:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой сиди;
А мнѣ, молодцу, такъ Господь велѣлъ

Положить буйшу головушку
На чужой дальней сторонункѣ.»

Симбирская губернія. Русская Беседа 1856 г., № 1.

373.

Изь-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изь-за горъ было, высокихъ горъ,
Вылетала тутъ птица камская,
Птица камская, младъ сизой орелъ.
Во котяхъ песеть тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое—
Праву рученьку съ могучимъ плечомъ.
Какъ на рученькѣ-то золотъ перстень,
Что золотъ перстень во пятьсотъ рублий,
Одна вставочка есть во тысячу;
А на вставочкѣ-то написано:
«Отцу-матери—челобитьице;
Братьямъ, сестрицамъ—по поклону всѣмъ;
Молодой жепѣ—своя волюшка:
Хоть замужь поди, хоть вдовой живи!...»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 101 («проголосная»).

374.

Былъ я подъ Дарьей-рѣкой;
Надъ Дарьей-рѣкой, въ крутыхъ бережкахъ,
Тамъ лежитъ бѣль горючъ камень;
Изь-подъ камыника растеть часть ранитовъ кустъ;
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколь;
Держитъ соколь въ когтяхъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
Полетѣлъ соколь чрезъ Дарью-рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Садился соколъ на крутой бережокъ,
Закричалъ соколъ, выговаривалъ:
«Подуи, подуи, погодушка, со восточныхъ горъ,
Выкачай ты волной руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Ты прибей ее къ круту бережку,
Къ круту бережку, ко желту песку!»

Саратовская губерція. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 89
(*казацкая).

375.

Да не стукъ-то стучить, да не громъ гремитъ,
Да стучить-то, гремитъ—старъ сизою орель летитъ;
А за нимъ-то гонить младъ ясець соколъ:
«Да ты стой, подожди, старъ сизою орель!
Я не бить тебя лечу, я спросить хочу.
Ты и гдѣ, орель, былъ, гдѣ погуливалъ?»
—«Да я былъ-то, гулялъ на дикой степи,
Да я взялъ-то, поднялъ руку бѣлую,
Руку бѣлую молодецкую,
Да со перстнями съ позлаченными,
Со каменьями драгоцѣнными.»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 106.

376.

Не стукъ стучить, не громъ гремитъ,—
Летитъ-то, летитъ младъ ясець соколъ;
Во когтяхъ несетъ руку бѣлую молодецкую,
Со перстнями несетъ съ позолоченными,

Съ камушками да все драгоценными.
Сирашивалъ его, ясна сокола, добрый молодець:
—«Гдѣ ты, орле, былъ, гдѣ тебя Богъ послѣ?»
—«Я былъ-то, былъ, добрый молодець, на чужой
землѣ

И большую я диковинку тамъ провѣдывалъ:
Какъ убить, убить на чужой сторонѣ,
Убить добрый молодець тамъ лежитъ;
Онъ не такъ убить, добрый молодець,
Да онъ лежитъ, лежитъ весь израшенный.
Не простой тамъ казачокъ убить,
А лежитъ убить Меженецкій князь.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ..
Кавказа, вып. XV, стр. 276.

377.

Какъ по Питерской по широкой по дорожкѣ,
Тутъ ѣхали все кунцы, бояре,
Московскіе трое сенаторы,
Сенаторушки, большое начальство.
Подъ начальствомъ-то кони вороные,
А пзвоички у нихъ—парни молодые,
На коняхъ-то узды золотыя,
Повода-то у нихъ шелковые...
Ѣхали они въ гору, торопливъ,
Воршые ихъ кони притомились,
Во сыромъ бору кони становились,
Во сыромъ бору по правую сторону.
Тутъ стояло несчастное древо,
Тошкое, высокое, по прозванью матуинка елиха;
Со корешку древо не парядно,
Со середи древо свилевато,
Со вершинушки древо кудревато.

На этомъ на дровѣ сидѣла вольна пташка,
По прозваньюцу горькая кукушка;
Кукушечка громко вскуковала,
Подъ елинушку она заглядала.
Какъ и вдругъ конп, вся тройка метнулась:
Назадъ-то стоитъ матушка елина,
Подъ елинушкой лежитъ тѣло бѣлое,
Строевымъ ружьемъ прострѣленнос,
Во кровп-то оно лежитъ во кумачной,
Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ.
Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
«Ужъ ты, матушка моя елинка!
Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,
Приодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, безодежное,
Чтобы тѣло мое не горѣло,
Ужъ чтобъ еще больше оно не горѣло...
Когда Богъ меня подыметъ,
Государь царь меня отыщеть,
Ужъ я самъ-то тебя не забуду,
Ужъ я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 80.

378.

Краіи дорожки, краіи широкія было Московскоіи,
Тутъ стояла зеленая роца;
Что во этой-то было во роцѣ,
Тутъ стояла зелена елпка,
Распрекрасная въ саду деревинка;
Что на этой было на елпнкѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла птничка, пташка вольная,

Горе-горькая спдитъ кокушка.
Не кокуеть, а все она горюеть,
Жалобнешенько иташка причитаеть,
Подъ елинушку сама взираеть.
Подъ еливушкой лежить дѣтнушка,
Не убить онъ лежить, не застрѣлень,
Вострымъ коньцомъ, душа, исколотъ;
Буиная головушка вся непроломана.
Его поженьки—вдоль дороженьки,
Буиная головушка—въ часть раптовъ кусть.
Тутъ возговорилъ душа дѣтника:
—«Ахъ ты, матушка моя елишка!
Опусти-ка ты свое прутье-вѣтье,
Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Люты звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дождичкомъ тѣла не мочило,
Да и солнышкомъ тѣла не сушило!»
Тутъ дѣвица къ тѣлу приходила,
Со слезами съ тѣломъ говорила:
«Не ходи-ка ты, милой, ко чужой жещѣ:
Потребить тебя злой сердитый мужъ!»

Вологодскій уѣздъ. Плавницкій, стр. 315.

379.

Край дорожки, край широкия было Московскои.
Тутъ стояла зеленая роца;
Что во этой было во роцѣ,
Выростала зелена елишка,
Не толстая, собою ровная;
Что на этой было на елишкѣ,
Что на самой было на вершишкѣ,
Тутъ сидѣла итичка, иташка воляша,

Горе-горькая сѣра кокушка;
Не кокуеть, все сама горюеть,
Подъ елинушку сама взпрасть.
Подъ елинушкой лежить молодчикъ,
Не убитый лежить, не застрѣленъ,
Вострымъ копыткомъ, душа, псколотъ;
На молодчикъ, на пемъ рубашка,
Топка бѣлая на немъ бумажна;
Она вся въ крови на немъ кумачна.
«Ужъ ты, матушка моя елника,
Отпущай-ка шелковое прутъе,
Ты прикрой-ка тѣло мое бѣло,
Чтобъ отъ солнца тѣло не горѣло,
Отъ дождя бы тѣло не бусѣло....»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. III («семейная протяжная»)
Последніе три или четыре слога каждого стиха повторяются.

380.

Сяду я, младешепька, подъ окошечко,
Погляжу въ окно я, въ окошечко:
Во полѣ туманъ растуманился...
Любезна-ка что запечалилась...
Пишетъ миленькій ко мнѣ вѣсточку,
Ко мнѣ вѣсточку, вѣсть не радостну!...
Не перомъ писалъ, не чернилами,
Онъ писалъ-то мнѣ горячими слезами,
Вѣсть не радостну—распечальную:
Добрый молодець, я побпть лежу,
Не убитый я, не подстрѣленный,
Не подстрѣленный, а зараненный;
Бѣла грудь моя пскоколога,
Ража кровь да пспропущена...
Во грязи лежу, какъ китайчатый,

*Girl from
of love
wounded*

Во крови лежу, какъ кумачныйй,
Подъ родимой ли подь матушкой,
Подъ зеленою ль подь елиночкой!
Испроговоритъ тогда добрый молодець:
«Ужъ ты, матушка зелена елиночка!
Распусти свои прутья ветлые
Отъ вершиночки до сама корня,
А вокругъ корня до сыра камня,
Призакрой-ка мое тѣло дѣтское,
Тѣло дѣтское, молодецкое,
Чтобы вѣтромъ, буйнымъ вѣтрышкою
Тѣло мое, тѣло не сушило,
Чтобы солнцемъ, краснымъ солнышкою
Тѣло мое, тѣло не пригрѣло,
Чтобы дождемъ, мелкимъ дождичкомъ
Тѣло мое, тѣло не мочило...»

Славянская, ч. III, стр. 147 («Бесѣды» .

381.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на спие море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;
Какъ не схаживать туману со сина моря,
А злодѣйку кручину съ ретива сердца!

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Разгорался огонечекъ малешичекъ;
Возлѣ огнишка постланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ добрый молодець,
Во правой рукѣ держитъ тугой лукъ,
Во лѣвой рукѣ—калецу стрѣлу;
Во скорыхъ ногахъ стоитъ добрый конь.)
Онъ и бьетъ конькомъ обь сыру землю,
И ошъ знать дастъ добру молодцу:

«Ты вставай, вставай, добрый молодецъ!
Ты садись на меня, на добра коня,
Я свезу тебя къ отцу, къ матери,
Къ молодой женѣ, къ матымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговорить добрый молодецъ:
«Ты, мой добрый конь, слуга вѣрный мой,
Поѣзжай одинъ на святую Русь,
Поклонись отъ меня отцу, матери,
Челобптье моей молодой женѣ,
Благословенье скажи малымъ дѣтушкамъ,
Ты скажи, объяви молодой женѣ,
Что женился я на пной женѣ,
И я взялъ за себя поле чистое,
А въ придачу взялъ зелены луга;
У насъ добрый свать былъ булатный мечъ,
А сосватала калена стрѣла.
На постель клала свинцова пуля...»

Ты дубрава, дубрава зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Ужъ какъ всѣмъ ты, долина, пзуграшена.
А однимъ ты, долина, обезчещена:
Посреди тебя зеленой курганъ,
На курганѣ разостланъ коврщекъ,
А на коврщикѣ лежитъ молодецъ,
Онъ избить, изстрѣлеть, изранеть весь.

Пѣсенникъ 1810 г., стр. 169.—Пѣсенникъ 1817 г., часть I,
стр. 207.—Очень сходная пѣсня: Пѣсенникъ 1796 г., стр. 211.
Передѣлка: Кашинъ, вып. I, № 1.

382.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладень тамъ былъ огонечекъ малюшенекъ,
Отъ огничка шель дымочекъ топешенекъ,
Томъ I. 30

Подлѣ огничка разостланъ шелковій коверъ,
На коврпчкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя.
Изъ головахъ его стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку—его крѣпчій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается,
При смерти добрый молодецъ сокрушается,
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюся
И съ тобой однимъ прощаюся.
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольца, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матерчъ,
Благословенье отвези малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моеи молодой вдовѣ,
Что жещился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ я поле чистое,
Свахою была калеса стрѣла,
А спать положила нуля мушкетная.
Тяжби мнѣ раны палашовыя,
Тяжчае мнѣ раны свинцовыя...
Все друзья-братья меня оставили,
Все товарищи развѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти;
И ты видишь, мой добрый конь,
Что удалый добрый молодецъ кончается...»

383.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ маленюсикъ,
Отъ огонечка шелъ дымочекъ топешенекъ,
Подлѣ огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекастъ свои раны кровавыя; —
Въ головахъ его лежитъ стрѣлъ колчанъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, добра лошадь!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюсь
И съ тобою однимъ прощаюсь...
Какъ умру, мой добрый конь,
Ты зарой копытомъ мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольца, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье отнеси малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ поле чистое,
Свахою была калепа стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашевыя...
Все друзья меня и братья оставили,
Все товарищи разѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,

*Sends me
how well
parting*

Послужилъ мнѣ до смерти моеи;
И ты видишь. мой добрый конь.
Что удалый добрый молодець копчается...»

Пѣсенникъ 1791 г., часть II, стр. 23. Пѣсенникъ 1819 г., часть II, стр. 86.

384.

Запоемте-ка, ребятушки, да мы пѣсню повую,
Мы не сами про себя—про донскаго казака!
Какъ донской казаченька, онъ убитъ лежитъ,
Онъ убитъ лежитъ, казаченька, онъ застрѣленный.
Его буйная головушка да съ плечъ срублена,
Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля.
Во рѣзвыхъ его ноженъкахъ стоитъ чубарый конь,
Онъ бьетъ-то, пробиваетъ, конь, копытчикомъ,
Онъ бьетъ, пробиваетъ до сырой земли,
Онъ будить, побуживаетъ своего хозяинушку:
«Ужъ и встань-ка, проспись, мой хозяинушка,
Мой хозяинушка, младъ донской казакъ!
Поѣзжай-ка домой къ отцу, къ матерп,
Къ отцу, къ матерп, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговорить тутъ младъ донской казакъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты ступай одинъ въ нашу сторону!»

> Скажи-ка ты моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Сударынь мой матушкѣ—челобитнице,
Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньце,
Молодой моеи хозяйонкѣ—на двѣ волюшки:
Хочеть—замужъ и деть, хочеть—во вдовахъ сидеть:
А мнѣ-то, доброму молодцу, знать, такъ Богъ велѣлъ,
Знать, такъ Богъ велѣлъ,—быть прострѣлену...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

385.

Ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не породило...
Породило, поле, кустъ ракитовый.
Какъ нодь тѣмъ кустомъ подъ ракитовымъ,
Тамъ лежитъ-то убить добрый молодець,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ.
Онъ не въ смерть-то убить, большо раненый,
Во широкую грудь сквозь прострѣленный.
Передъ нимъ-то стопть его вѣрный конь:)
Онъ бьетъ копытомъ во сыру землю,
Онъ будить своего хозяина:
«Ты встань-пробудись, добрый молодець,
Ты, хозяинъ мой, младъ донской казакъ!
Ты садись на меня, слугу вѣрнаго;
Попесу я тебя да на тихій Донъ.»
Какъ кошо-то молодець рѣчь возговорилъ:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, товарищъ вѣрный мой!
Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
И бѣжи ты, мой конь, да на тихій Донъ,
На зеленый долъ, на широкій дворъ,
Ко отцу-матери, роду-племени!
Ты письмо отдай;
Молодой женѣ ты рѣчью скажи,
Что женился я на другой женѣ—гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обвѣнчала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное.»

Донская область. Савельевъ, стр. 123.

386.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило поле кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ;
Опъ не такъ-то лежитъ—крѣико рапеныи;
Въ головахъ у него бѣль горючъ камень,
Во груди у него—свинцова пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, копь, товарищъ мой!
Ты бѣги, мой конь, въ землю русскую,
Не давайся, мой конь, врагу прусскому,
А ты дайся, мой конь, моему батюшкѣ
И родименькой моеи матушкѣ;
Молодой женѣ на словахъ расскажи,
Что женила меня свинцова пуля,
Обручила меня сабля острая,
Перевѣчала меня гробова доска»...

Терская область. Сборникъ материаловъ для описанія
Кавказа, вып. XV, стр. 199.—Очень сходная пѣсня: Терскій
Сборникъ, вып. I, № 66.

387.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ-то лежитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой казакъ;
Молодой казакъ не убить лежитъ,
Не убить лежитъ, нибко рапеныи;

Въ головахъ у него—бѣль горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А въ ногахъ у него стоитъ добрый копь...
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, ты, товарищъ мой!
Побѣгай-ка ты, конь, во Россіюшку,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь, брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же женѣ—челобитьице
И скажи-ка ей, что уваталъ я
Все невѣстушку—свинцову пулю,
Обвѣнчала меня сабля вострая!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. III («воянал»).

388.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не спородило!
Спородило, поле, часть ракитовъ кустъ...
Какъ во этомъ кусту тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Во главахъ у него—сабля вострая,
Въ ретивомъ у него—пуля быстрая,
Во ногахъ у него конь вороний его.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ мой,
Ты бѣги, бѣги по дорожкѣ вдоль.
По дорожкѣ вдоль, къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ!
Ты женѣ скажи, что женился я,

Что жеппла меня пуля быстрая,
Обвѣчала меня сабля вострая...»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Дюнагивъ и Прокунинъ, № 9 (каждый стихъ повторяется).—Сходная пѣсни: Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 4 Вологодская губернія; —Балакиревъ, № 27.

389.

Уаши-то поля все украшенныя,
Поля кусточками, поля листочками...
Среди-то ли поля стоялъ ракитовъ кустъ;
На кустъ-то сидѣлъ соловей-пѣанка,
Подъ кусточкомъ лежатъ да молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержакъ;
Не убитъ онъ лежатъ,—шибко раненый,
Шибко раненый, весь непроколотый;
Въ згловахъ-то у него сабля вострая,
Сабля вострая да пуля быстрая;
Подъ правой-то ли рукой—ружье военное;
Въ ногахъ-то у него стоялъ добрый конь.
«Ужь ты, конь ли мой, конь, конь, товарищъ мой!
Ты поди-ка, ты, конь, по деревнѣ вдоль,
Въ самый крайный домъ, къ батюнкѣ на дворъ;
Унеси-ка ты, конь, батюшку поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитьице,
Молодой-то женѣ—письмо-грамотку,
Письмо-грамотку, вѣсть не радощу:
Молодая-то жена вѣкъ вдовой слыла,
Вѣкъ вдовой слыла, либо замужъ шла;
Поженла же меня сабля вострая,
Пуля быстрая, ружье военное.»

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ
1887 года, № 4.

390.

Въ чистомъ полѣ, во полѣ широкомъ,
Чистомъ и раздольномъ.
Тамъ раздолье мое,
Тамъ широкое мое!
Да ничего поле да не породило,
Породило лишь поле да ракитовъ кустъ....
Какъ подъ тѣмъ да ракитовымъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое да молодецкое;
Тамъ лежитъ молодой солдатъ, полковой сержантъ:
Онъ убить не убить, лежитъ раненый;
Во главахъ у него—знамя царское развернуто;
На грудяхъ у него—руки бѣлыя;
На рукахъ у него—кольца ясныя,
Кольца ясныя, да серебряныя;
Въ бѣлыхъ рукахъ—сабля вострая;
Во ногахъ у него—да добрый конь его.
«Ужъ ты, конь мой, конь, конь, товарищъ мой,
Конь ретивый мой!
Ты бѣги же, конь, на мою сторожку,
На мою сторожку, къ отцу да ко матери,
Ко роду да ко племени, къ женѣ молодой!
Скажи да расскажи, конь вороной мой:
Погубила меня сабля вострая!»

Чернская губернія. Шишонко, стр. 257.

391.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего жъ ты, поле, не спородило!
Спородило поле часть ракитовъ кустъ.
На кусту спитъ младъ ясенъ соколъ,
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое, все израненное.
Въ головахъ у него сабля вострая,
Во грудяхъ у него пуля быстрая,
Во ногахъ у него его добрый конь...
«Ужъ ты, конь мой, конь, товарищъ мой!
Ты подп-ка, мой конь, въ землю русскую,
Ты свеси поклопъ родной матушкинъ,
Молодой моеи сестрѣ до сырой земли,
Молодой моеи женѣ на трп думушки:
Хоть вдовой живи, хоть замужъ подп,
Еще третья-то: хоть меня помяни!»

Новгородская губернія. Студитскій, № 1 («бесѣдал»).

392.

Ужъ вы, горы ли, горушки высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили!
Спородили вы только, горушки,
Одинъ бѣлъ горючъ камень.
Изъ-подъ камешка бѣжитъ быстра рѣченька,
Быстра рѣченька, Эмба-матушка;
Какъ по берегу растетъ часть ракитовъ кустъ,
На кустѣ сидитъ пестрая кукушечка,
Подъ кустомъ лежатъ добрый молодецъ.
Въ головахъ-то у него лежатъ шанка острая,
А въ ногахъ-то стоитъ его рѣзвѣй конь...
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, конь вороненькій!
Ты бѣги-ка, конь, къ моеи молодой женѣ,
Ты скажи-ка ей, что женяся я въ иной странѣ,
Во иной странѣ, въ басурманской...»

Уральская область. Микунинъ, стр. 112 («восточная»).

393.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ-гулялъ молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ, онъ гулялъ, тамъ коня попасалъ,
Онъ коня попасалъ, суху травушку првалъ,
Суху травушку првалъ, свои раны прикладывалъ.
«Охъ вы, раны мои, вы, горячія мои,
Вы, горячія мои, вы и кровью пзошли!»
Передъ смертію казакъ сталъ приказывати,
Воропому коню сталъ наказывати:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, лошадь вѣрная моя!
Облومي, облومي ты дубовый сукъ,
Оборви, оборви ты шелковъ поводакъ,
Ты бѣги, ты бѣги на ту сторону домої,
Снеси батюшкѣ поклонъ до земли,
Снеси матушкѣ поклонъ до нѣзу,
Да скажи ты женѣ, мой воронепькій конь:
А женялся я на другой жепѣ,
Что сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрѣла!»

Кубанская область. Поповъ, Боевыя пѣсни русскаго солдата,
Спб. 1893, № 116.—Очень слодная пѣсня—въ томъ же сборникѣ,
№ 117 (Донская область).

394.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ, тамъ гулялъ казакъ молодой,
Шелку травушку рвалъ, на огоничекъ бросалъ,
На огоничекъ бросалъ, свои раны засыпалъ.
«Ужъ вы, раны мои, вы, тяжелыя,
Вы до сердца дошли, уить вы кровью сошли!»

Помиралъ казакъ, сталъ приказывать:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ дорогой!
Ты бѣги, не скачи, по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль, ты на тихій Донъ,
Ты на тихій Донъ, къ отцу, къ матери родной!
Ты ударь копытомъ объ новыя ворота...»
Совстрѣчала коня молодая жена:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, гдѣ товарищъ твой?»
— «А товарищъ мой—за Кубанью за рѣкой,
За Кубанью за рѣкой, самъ женился на другой.
Оженила его чужа дальня сторона,
Благословила его мать сырая земля,
Обвѣнчала его пуля быстрая...»

Донская область. Донатинъ и Прокунинъ, № 12.—Сходная пѣсня:
Пальчиковъ, № 46 (Уфимская губерния, Мензелинскій уездъ).

395.

За Кубанью за рѣкою,
Тамъ казаченка гулялъ,
Ковыль-травушку првалъ,
Увѣ оголошекъ металъ,
Свои раны перевивалъ.
Копика отиралялъ:
«Конь, ты, мой конь, конь ворошенькій,
Ты бѣжи же, конь, по дорожкѣ вдоль;
Съези же, конь, отцу-матери письмо,
Молодой женѣ ты скажи, конь, словесно,
Что женила молодца чужа дальня сторона,
Что невѣста его—сабля вострая!»

Бурская губерния, Щигровскій уездъ, Халанскій, № 37.

396.

За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланнчекъ гулялъ,
И опъ гулялъ-то, гулялъ, и своего коншка спасалъ.
Своей сабелькою да огоньчекъ вырубалъ,
Онъ полынь-травушку рвалъ и да въ огоньчекъ клалъ.
Онъ въ огоньчекъ клалъ да на нозелецъ пережигалъ,
Да на нозелецъ пережигалъ да свои раны пересыпалъ.
«Ты бѣги-ка-ся, конь, и по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль и къ моему батюшкѣ на дворъ!»
Его батюшка старой и онъ стоялъ у воротъ;
Его маменька стара да растворяла ворота;
Молода жена да коня встрѣтила.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, и гдѣ хозятъ твой?»
— «Эхъ, хозятъ мой—да за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, да самъ женился на другой...
Какъ женила его да пуля быстрая,
Обручила его да сабля вострая,
Похоронила его да мать сырая земля,
Помянула его гробовая доска.»

Рязанская губернія, Пронскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ,
№ 13. Каждый стихъ повторяется.

397.

За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ.
Не одинъ онъ гулять—со товарищами:
Съ милой Сашенькой да съ острой сабелькою.
Изъ острой-то сабли оцетъ вылеталъ;
Казакъ травоньку рвалъ, на огонь ее клалъ.
На огонь онъ кладетъ да прираскладываетъ;
Казакъ раны свои перевязываетъ.
«Ужъ вы, раны ли мои, разжеланныя мои,

Ко сердцу, раны, пришли...»
Передъ смертью казакъ коню наказываетъ:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь, развороненькій мой!
Ты бѣжи-ка, мой конь, по дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери на дворъ!»
Его маменька встрѣчаетъ и молода его жена.
Молода его жена за шелковъ поводъ брала,
Саша выспрашивала:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, гдѣ хозяинъ - отъ
твой?»—
— «Хозяинъ-отъ мой въ сырой землѣ лежитъ,
Гробовой доской закрытъ.»

Пермская губернія, Чердынский уѣздъ. Поповъ, стр. 265.

398.

Ва Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ,
Да размолоденькій.
Не одинъ казакъ гулялъ—да со товарищами;
Что товарищи его—востра пашечка.
Изъ вострой-то шанки огонекъ казакъ векрывалъ:
Ковыль-травоньку рвалъ, да на огонь се клалъ;
Да на огонь травку клалъ, огонь раскладывалъ;
Свои раночки казакъ да приразвязывалъ,
Самъ со ранами, казакъ, да разговаривалъ:
«Да ужъ вы, раны мои, раны, да претяжелыя раны,
Претяжелыя мои!
Всѣ вы, мои раны, кровію изошли,
Кровію изошли и ко сердцу, раны, пришли!...»
Передъ смертію казакъ коню наказывалъ:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, развороненькій!
Порви-ка, мой конь, табуръ шелковенькій,
Пзломай-ка, мой конь, пригошь дубовенькій,
да бѣжи-ка, мой конь, да по дороженькѣ вдоль,

По дороженькѣ вдоль, да по широкой столбовой,
По широкой столбовой на мой тихій-еть домъ!
Привяжи ты, мой конь, ко воротничкамъ,
Привяжись ты, мой копь, ко столбу дубовому,
Ко столбу-то, столбу, да ко колечушку,
Ко колечушку да ко серебряному!
Выидеть же, встрѣтитъ же тебя родна мамонька
моя;

Разсѣдлаетъ же тебя да родной тятенька мой;
Станетъ спрашивать тебя молода жена моя:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, да развороненькій мой,
Развороненькій мой, да гдѣ-то хозишь твой?»—
—«Тамъ хозишь-отъ мой—за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, онъ женился на другой!
Взялъ невѣстушку себѣ тихоскромную;
Въ чистомъ полѣ, подъ кустомъ, востра шашечка
Была свахой его, угощала важно насъ;
Пуля быстра окручала, скоро къ смерти привела!
Что невѣстушка моя—гробова нова доска!..»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 234.

399.

Какъ во полѣ могилушка стоитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ.
Тѣло бѣлое солдатское;
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израненный,
Изрубленный, непострѣленный:
Поги-руки—на четыре штуки;
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой,
Во рукахъ онъ держитъ книжечку,
Во ногахъ стоитъ убитого конь.
Конь копытами землю бьетъ,

Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
«Охъ, ты встань-ка, ты встань, мой господиный!
Хотя ты встать не встанешь, такъ голову подними,
Своему коню дорожку укажи!»
Господиный не всталъ да дорожку показалъ:
«Ты бѣги, конь, все дорогою широкою,
Прибѣги, конь, ко новымъ воротамъ,
А ты беи копытами воротушки!
Туда выдетъ къ тебѣ моя матушка,
Она поймаетъ тебя за шелковъ поводъ,
Поведетъ она тебя во конюшеньку,
Дастъ тебѣ она и сѣна п овса;
Потомъ станетъ тебя спрашивать:
Гдѣ ты былъ-побывалъ, куда пана подѣвалъ?
Ты скажи тутъ ей, скажи.
Что панъ во полѣ лежитъ, велитъ кланяться,
Велитъ кланяться, да не плакаться...»

Олонекій уездъ. Олонекія Губернскія Ведомости
1868 года, № 25. — Сходная пѣсня: Якушкинъ, стр. 615.

400.

Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоить,
А въ могилушкѣ бѣло тѣло лежитъ,
да солдатское.
Тамъ лежитъ убитый, убитый да израненный,
Изрубленный да истерзанный:
Ноги, руки—да на четыре штуки;
Во головушкѣ—крестъ златой,
Крестъ златой да чеканный,
Чеканный, дорогой:
Въ рукахъ—держитъ грамотку,
Грамотку расписаную;

Онъ чптасть ее да прочптывасть;
Во ногахъ его стоить добрый конь;
Онъ стоить да копытами бьетъ о сырую землю;
Онъ бьетъ да землю выгребасть,
Землю выгребасть да до добра молодца да добивается:
«Ты устань, добрый молодець, казать разудальи,
Ты устань, проспись!
Укажп-ка ты мнѣ путь-дороженьку
Да на мою-то да на сторонушку!»
Дорогой молодець встать не всталъ,
А головушку приподнялъ
И своему коню онъ дорожку казалъ,
Казалъ да приговаривалъ:
«Ты бѣги-ка, конь, дорогая лошадь,
Все дорогою да широкою!
Ты прибѣги, конь, да ко новымъ, да ко новымъ воро-
тамъ!

Ты копытами бей во тѣ ворота,
Покуль выдетъ къ тебѣ мать родная моя;
Она возьметъ тебя да за шелковую узду,
Да поведетъ во столычко, дастъ овса, сѣна;
А потомъ, добрый конь, станеть у тебя да воспра-
шпрати,

Воспрашпрати, припадаючи,
Да горячими слезьми омываючи:
«Гдѣ ты былъ-спобывалъ?
Отчего жъ, вороной, одинъ ты прибѣгъ?
Гдѣ хозяинъ твой, молодець удалой?»—
—Онъ убить не убить, онъ лежить при поляночкѣ,
При поляночкѣ да въ земляночкѣ!...»

Пермская губернія. Шишониго, стр. 221.

401.

Какъ за рѣчевькой за Кубанушкой.
Туть ходиль-гуляль молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходиль-гуляль, тамъ коля спасаль;
Острой шашечкой огня вырубаль,
Сушу травоньку рваль, на огонь ее клаль,
Пораскладываль,
Свой рапушки тяжелыя перевязываль.
«Ужь вы, раны, мои рапы, вы, тяжелыя,
Тяжелымъ-то тяжелы, кровью изопли!»
Передъ смертью казакъ сталъ приказывать,
Вороному коню онъ наказывать:
«Ужь ты, конь ли мой, конь, ты, вороный конь,
Обломи-ка, обломи ты дубовый сукъ,
Оборви-ка, оборви ты шелковъ поводъ,
Ты поди-ка, мой конь, ты поди домой,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
Скажи матушкѣ—вплоть до-земи,
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой женѣ—челобитьице,
Челобитьице, приказаньице:
Хощь замужъ идетъ, хощь вдовой сидитъ!
Да скажи ты ей, мой вороный конь,
Что женился я на другой женѣ,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!»

402.

За Кубанью за рѣкой.
Да тамъ казакъ-то гулялъ.
Не одинъ онъ гулялъ —
Да со товарищами:
Да съ милой Сашенькой,
Да съ острой сабелькой.
Изъ острой сабли
Да огонекъ высѣкалъ.
А кобыль-травоньку рвалъ
И на огонь ее клалъ.
А со раночками казакъ
Разговаривалъ:
«Ужъ вы, рапы мои,
Претяжелыя мои!»
Передъ смертию казакъ
Коню наказывалъ:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Развороный добрый конь!
Ты бѣги-ка, мой конь,
Да во дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери!
Тамъ и встрѣтить тебя
Родная матушка
И отворить ворота
Родимый батюшка,
Разсѣдаетъ тебя
Родимый братецъ.
Нановить, накормить
Родная сестрица,
Еще спросить у тебя
Да молодая жена:
«Ужъ ты конь ли, мой конь,

Да гдѣ хозяинъ-то твой? »
— « А хозяинъ-то мой—
Да за Кубанью за рѣкой,
Онъ женился на другой!
Еще сваха-то была—
Каленая стрѣла,
А невѣста-то его—
Свинцовая пуля. »

Черкесская губернія. Шиншопка, стр. 330.

403.

Осчаль-тоска въ ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ,
На спнемъ морѣ, въ корабличкѣ—
Не огонь горитъ, не звѣзда блеститъ...
Возлѣ рѣченьку, возлѣ быструю
Разостланъ коверъ, коверъ бархатный;
Что на томъ коврѣ, на томъ бархатномъ,
Тутъ спитъ-лежитъ добрый молодецъ;
Не убить лежитъ, весь израненъ онъ.
Во рукахъ у него да ружье вострое;
На груди у него да знамя царское;
Во ногахъ у него да пуля быстрая;
Въ головахъ у него конь вороненькій.
Онъ копытомъ бьетъ землю турецкую.
« Если можешь стать, добрый молодецъ, —
Осѣдай меня!
Я свезу тебя въ землю русскую,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ да къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, да къ сироточкамъ! »

Белозерскъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1870 г., № 3.

104.

Нѣту, нѣту у молодца,
Нѣту ни товарища;
Товарищъ у молодца—
Его добрый конь,
Слуга его вѣрный—
Крѣпкій тугой лукъ,
Посланникъ у молодца—
Калена стрѣла;
Куда стрѣлочку ни пошлетъ,
И самъ за ней идетъ.
Послалъ ее добрый молодець
Во чисто поле.
Во чистомъ во полюшкѣ
Огонекъ горитъ,
Огонекъ, братцы, горитъ
Маль-малехонекъ;
А у этого огня
Лежитъ добрый молодець;
Не убитый лежитъ онъ,
Крѣпко раненный;
Въ головахъ у молодца
Стоять чуденъ крестъ,
Во рукахъ у молодца—
Шашка острая,
А въ ногахъ у молодца—
Его добрый конь,
Конь копытомъ землю бьетъ,
Хозяина пробуждаетъ:
«Встань-ка, встань, хозяинъ мой,
Хозяинъ родной!»

Ты садись-ка на меня, поѣдемъ домой,
Поѣдемъ домой, къ женѣ молодой!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 113 («военная»)

405.

Охъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздольице мое широкое!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, часть ракитовъ кустъ....
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Черпа ворона, брата роднаго;
Онъ и бьетъ не бьетъ, только сирашиваетъ,
Изъ ума его вывѣдываетъ:
«Скажи, гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?»—
—«Я леталъ-то, леталъ во дикую степь,
Я вдалѣ-то вдалѣ чудо чудное,
Чудо чудное, диво дивное:
На стени лежатъ тѣло молодецкое;
Постель у него—мать сыра земля;
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
На груди у него—шашка быстрая,
Во погахъ у него стоитъ добрый конь.
Добрый молодецъ копо рѣчь возговорилъ:
«Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
Въ нашу сторону, къ отцу, къ матери,
Скажи, батюшкѣ моему низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—до сырой земли,
Молодой женѣ—на двѣ волюшки:
Хочеть—во вдовахъ сидитъ, хочеть—замужъ идетъ!
А я, добрый молодецъ, заручень лежу:
Обручиль-то меня батюшка бѣлый царь,

Handwritten signature or note in the bottom right corner.

Благословила меня мать сыра земля,
Повѣчала меня шанка быстрая,
Обрученная жена—гробова доска...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 79.

406.

Какъ не въ полѣ-то было, было на широкой доли-
нушкѣ,

На зеленой шелковой травушкѣ,
Тамъ лежалъ молодой казакъ,
Весь израненный да порубанный,
Порубанный да прострѣленный;
Около казаченька щипалъ травушку
Его добрый слуга, конь вороненькій.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, слуга вѣрныи мои!
Ты служилъ мнѣ долго времячко,
Сослужи же ты, конекъ, послѣднюю мнѣ службу!»
Вѣн ты, мой конекъ, въ родную сторонушку,
Къ моей родной, милой матушкѣ,
Передай мой послѣдній привѣтъ,
Да скажи ей, чтобъ не плакала, не тужила обо мнѣ,
Что я палъ въ бою на широкой долинушкѣ
За честь и славу родины, за православную Русь...»

Терекская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выш. XV, стр. 200.

407.

Тамъ далече въ чистомъ полѣ
Убитой казакъ лежитъ.
Тамъ росла густая травка,

Густая травка съ муравою.
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечь свалилась голова;
Его руки, его очп
Принакрытыя лежать.
Ты лети, лети, голубчикъ копъ,
Къ моеіи миленькой домой!
Разскажи ты ей, голубчикъ,
Что случилось надо мной:
Дослужилъ твой сыночекъ
Царю вѣрную службу,
Прискаль себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на пескѣ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа. вып. XV, стр. 78.

408.

В о чистомъ полѣ...
Ужъ ты, поле мое,
Поле чистое,
Ты, раздолье мое,
Ты, широкое!
Ничего, поле, не породило!
Породило, поле,
Часть ракитовъ кустъ...
Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежить тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежить солдатъ,
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежить,
Весь израильский;

Въ головахъ у него—
Знамя царское,
На грудяхъ у него—
Руки бѣлыя,
На рукахъ у него—
Кольца ясныя,
Во бѣлыхъ рукахъ—
Сабля острая,
Во ногахъ у него—
Добрый конь его.

«Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты поди жъ, ты, мой конь,
На мою сторону,
Къ отцу, къ матери,
Къ роду-племени,
Къ молодой жепѣ,
Къ царю бѣлому
Петру первому!
Ты скажи мнѣ, конь...

. . . . .
. . . . .

Погубила меня
Сабля острая.»

. . . . .

«Ужъ ты, конь, ты, мой конь!
Ты скажи жъ, ты мнѣ, конь,
Гдѣ ты былъ-побывалъ
На своей сторонѣ?»
—«Въ царя бѣлаго
Петра перваго»...—
—«Ужъ ты, конь, мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ, пилъ?»—
—«Ужъ я ѣлъ по лугамъ
Шелковую траву,

Ужъ я шль-попцвалъ
Сладку водочку»....

• • • • •

Якушкинъ, стр. 331.

409.

Подъ окошечкомъ сироточка спдитъ,
Супротивъ ясна окошечка глядитъ.
Въ чистомъ полѣ долина широка,
Во долинушкѣ береза высока;
Подъ березой той могила глубока;
На могилушкѣ гробница дубова;
Во гробницѣ офицерскій сынъ лежитъ,
Офицерскій-генеральскій чинъ на немъ.
«Убилъ меня чеченецъ молодой,
Въ мои груди двѣ пули онъ пустилъ,
По бокамъ прикладомъ приложилъ.
Въ головахъ моихъ дубовый крестъ стоитъ,
Во ногахъ у меня—коникъ вороной.»
— «Ты, хозяинъ, ты, хозяинъ дорогой,
Надоѣло мнѣ стоять передъ тобою,
Надоучило желты песочки глотать!
Отпусти меня на зеленые луга,
Пакорми меня шелковою травой,
Нанюи меня студепою водой!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, вып. XV, стр. 79.

410.

Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ.
Во ущельяхъ, во ущельяхъ было глубокихъ,—
Лежтъ молодець, молодець убитый,

Молодецъ, молодой урядничекъ.
Какъ съ родной его сторонюшки птички прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Встань, встань, добрый молодецъ!
Какъ зима проходитъ, весна наступаетъ,
Твоя молодая жена по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ, мужа выбираетъ...»
Лежитъ молодецъ, не даетъ отвѣту...
Какъ съ родной его сторонюшки птички прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Встань, встань, добрый молодецъ!
Какъ прошло лѣто, осень наступила,
Твоя молодая жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, мужа выбирала,
А теперь глазами разводитъ, замужъ выходитъ;
Родимая твоя матушка слезно плачетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ...
Кавказа, вып. VII, стр. 99.

411.

Во горахъ-то было, горахъ,
Во горахъ, братцы, во высокихъ,
Тамъ убитъ добрый молодецъ,
Крѣпко раненый, землею приваленный,
Травушкой присыпанный.
Какъ на этой травушкѣ цвѣты расцвѣтали;
Какъ во этихъ во цвѣтахъ птички распѣвали,
Жалобнехонько онѣ пѣсню напѣвали:
«Встань, проснись, добрый молодецъ!
Зимушка проходитъ, весна наступаетъ,
Жена твоя молодая по саду гуляетъ,

Цвѣты сорывають, пѣсни расцѣвають,
Жениха себѣ выбирають.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 81.—Сходная пѣсня: Терскій Сбор-
никъ, вып. I, стр. 117.

412.

Вы, туманы мои, туманушки, разосенніе вы туманы
мои!
Ты, печаль ли моя, кручишушка, зла мучительна то-
ска!
Не подняться вамъ, туманушки, со снѣга моря долой;
Не отстать тебѣ, кручишушка, отъ ретива сердца
прочь...
Миѣ ночесь-то, ночесь, добру молодцу, малымъ мало
спалось,
Миѣ малымъ мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодець, на Бухарской сто-
ронѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи;
Миѣ постелюшка, доброму молодцу, ковыль-травка
постлана,
Изголовнице миѣ, разудалому,—бѣль горючь ка-
мень лежитъ,
Одвѣялице миѣ, добру молодцу,—темна почка надо
мною:
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки:
Мои бѣлы ручки—врозь разложены;
Кудри мои русыя—буинымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь мои частыхъ реберъ—травка-муравка ра-
стетъ:
Ретивое мое сердечушко—змѣя люгая сосеть!

Саратовская губернія. Косгомаровъ и Мордовцева, стр. 77.

А намъ, разудалымъ казаченькамъ, со чиста поля до-
мой...
Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна то-
ска,
Не отстать ли тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца
прочь...
Какъ вечеръ ночесъ мнѣ, добру молодцу, почка темна
не спалась;
Какъ вечеръ ночесъ мнѣ, добру молодцу, много видѣ-
лось во спѣ:
Будто я убитъ, добрый молодець, на Бухарской на
стороншкѣ,
Близъ Индерскихъ горъ, у Якишки;
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой стени,
А постелюшка мнѣ, добру молодцу,—ковылъ-травка
постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому,—бѣль горючь камень
лежатъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу,—темна почка надо
мою;
Мои рѣзвы ноженьки—вдоль дороженьки лежатъ,
Мои бѣлы рученьки—врозь разложены,
Кудри мои русыя—буѣнымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ, трава-мурава
растетъ;
Ретиво мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 114 («военная»).

415.

Тумапы, вы, туманички,
Синеморскіе тумапы!
Не поднятъся вамъ, туманички,

Прочь отъ снѣга отъ моря;
Не отстать тоскѣ-кручинушкѣ
Отъ ретиваго отъ сердца...
Мнѣ ночесь-то, молодешенькой,
Какъ малымъ мало спалось,
Мнѣ спалось мало, младешенькой,
Много видѣлось во снѣ.
Что предвидѣлся мнѣ, дѣвушкѣ,
Ужъ какъ страшный, чудный сонъ:
Какъ въ далекомъ чистомъ полѣ,
На Саратовской степи,
Что подъ кустичкомъ ракизовымъ
Душа милый другъ лежитъ;
Онъ убитъ, мой душа милый другъ
Весь израненный лежитъ;
Что буйна его головушка
Ко восточной сторонѣ;
А рѣзвы поги у молодца
Что ко быстрой ко рѣкѣ;
А его-то тѣло бѣлое
Испротыкано копьемъ;
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава;
Сквозь его сердце ретивое
Змѣя люта проползла;
Изъ его-то изъ ясныхъ очей
Ключи быстры протекли;
Изъ его буйной головушки
Часть ракизовъ кустъ проросъ;
Что на томъ-то бы на кустичкѣ
Соловейко гнѣздо свилъ.

Ты не поѣй, не поѣй, соловушко,
Утромъ рано на зарѣ!
Не давай тоску-вазолушку

Сердечушку моему!
Безъ того мое ретивое
Ужъ извѣло все во мнѣ!

Сибирь. Гуляевъ, стр. 101 («проголосная»).

416.

Подымался туманчикъ да во глухую полночь...
Мнѣ почениная темна поченька маленько спалось,
Мало спалось, да во снѣхъ видѣлось.
Привидѣлся сонъ страшонъ, нехорошъ:
Будто я, добрый молодець, убитымъ въ стени лежу,
Да во той-то стени да Саратовской;
Мои рѣзвы ноженьки да лежатъ край дороженьки;
А бѣлы рученьки—у сердечушка;
А буѣна головушка—подъ ракиновымъ кустомъ;
На русыхъ моихъ кудряхъ—ремезъ гнѣздышко сви-
валь;

Скрозь головушку—свинцовая пуля прошла;
Скрозь ретивое—люта змѣя проползла...
Ремезей мой, ремезеюшка, мала игашка соловей!
Ты слетай-ка, мой ремезеюшка, на родимую на сторо-
нушку!
Скажи ты, мой ремезеюшка, родителямъ поклонъ,
Что я женился на другой:
Сноженшла молодца чука дальна сторона,
Саратовская стень!..

Черская губернія. Шишопко, стр. 227 («проголосная»).

417.

Что не бѣлая зорюшка,
Заря занялася;
Молодая дворишочка

Дворяшка будила:
«Уставай, дворяшка,
Уставай, парень молодой!
Все братцы-товарищи
Зашли за тобой!»
— «Братцы мои, товарищи,
Вы не кляньте меня,
Не кляньте, не бросьте
На чужой дальней сторонѣ!
На чужой дальней сторонѣ
Меня сонъ соклонилъ,
Сквозь мою головушку
Руда протекла,
Сквозь мою сердечушку
Трава проросла...»
Травушка-муравушка,
Зеленый лужокъ,
Крутой бережокъ,
Зеленый лопушокъ!

Буревая губернія, Щигровский уѣздъ, Халанский, № 26
(«тягольщик»).

418.

Какъ и нынче доброму молодцу малымъ-то мало
спалось,

Много во снѣ видѣлось:

Будто конь мой вороной разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался подъ удалымъ молодцомъ;
Совалилась купья шапочка съ моею буйною головы;
Оторвался лукъ съ колчаномъ съ моею правой сто-
роны;

Все мелкія стрѣлочки посыпался,
Въ сыру онѣ землю повтыкался.

Ахъ вы, братцы мои, братцы, атаманы молодцы!
Не покпните добраго молодца вы при бѣдности та-
кой!

Какъ во всякое времячко пригожусь я, братцы, вамъ,
Замѣню я вашу смерть грудью бѣлою моею...

Разскажите вы мнѣ, братцы: что мой сонъ зна-
чить?»

Услыхала родна матушка пзъ висока терема:

«Охъ ты, чадо мое, чадо, чадо милое мое!

Вотъ я тебѣ, чадо, этотъ сонъ разскажу:

Какъ тебѣ-то, мое чадо, да на службѣцу пдтишь,

Да на службѣцу, чадо, тебѣ убитому быть,

Вороному твоему коню быть подстрѣлену,

Молодой твоей женѣ быть удовушкою,

Малымъ дѣтушкамъ твоимъ—спротинушками!»

Донская область. Савельевъ, стр. 141.—Сходная пѣсня (Терская область): Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. VI, стр. 31; вып. III, стр. 75.

419.

Мнѣ маленьенько, младу, спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто мой вороной коникъ,
Подо мною да онъ взыгралъ;
Взыгравши мой вороной коникъ,
Высоко меня взвостилъ;
Свалилася черная шапочка
Со буйной моею головы;
Оторвался мой золотой комчашъ,
Ой, со лѣваго моего плеча;
Разсыпался мелкія стрѣлочки,
Ой, по чисту полю врозь,
Но чисту полю они врозь...
Да и кто бы этотъ дивный сонъ,

Да и кто бы его разсудилъ?
Разсуждала этотъ дивный сонъ.
Мать, родимая матушка его.
«Взыгрался твой вороной кошке—
Во походъ тебѣ скоро идти;
Свалилася черная шапочка,—
Ой, убиту тебѣ, чадо, быть,
Убитому тебѣ, чадо, быть;
Оторвался твои золотой колчанъ—
Милой женѣ твоей завдовѣтъ;
Разсыпались мелкія стрѣлочкы,—
Ой, твоимъ дѣткамъ спротами быть!»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 139. Каждый второй стихъ повторяется.—Сходныя пѣсни: Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 193 (Терская область);—Якушкинъ, стр. 633.

420.

Стоитъ кустъ березы;
Подъ этой березой
Гусарикъ убитый.
Его личико разбито,
Китайкой накрыто.
Приходила къ нему панна,
Панна молодая,
Китаечку открывала,
Въ личко признавала.
«Вотъ онъ, вотъ онъ, мой гусарикъ,
Гусаръ чернобровый!
Не твои ли сѣры кони
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ?..»
Какъ на этой на дорожкѣ
Стоитъ кустъ зеленый;

Только вѣтерокъ подусть,
Зелень кустикъ клонить.
Кустикъ клонить, гусарь стоить:
Панна молодая
Слезы ронить, руки ломить,
Къ землѣ принадлежитъ...
Какъ за рѣчкой, за рѣкой
Ванька сѣно косить;
Дуня воду носитьъ,
Сама Бога просить:
«Ой, создай-ка мнѣ ты, Боже,
Да спльнаго дождя,
Чтобы травку примочило,
Косу притупило,
Чтобы Ванька, соколъ мой,
Уходилъ скорѣй домой!»

Астраханская губерня. Астраханскій Справочный Листокъ
1876 г., № II. Каждый второй стихъ повторяется.

421.

Что во полѣ было, полѣ,
Тутъ стояло древо,
Древо топкая береза,
Топка бѣла высока,
Тонка, бѣла, высока,
Листомъ широка.
Что подъ этой подъ березой
Гусарикъ убитый.
Онъ убить не убить—
Тачтою покрытый.
Тутъ дѣвица красавица
Тачту открывала;
Она тачту открывала,

Въ лицо признавала.
«Встань, гусарикъ, встань, прочкинься,
Отъ сна пробудися!
Не твои ли, сударь, кони
Во лузяхъ гуляютъ?»
Кони чуютъ предъ собою
Дальнюю дорожку....
Что за Волгой за рѣкою
Москаль сѣно коситъ.
Москаль бросилъ свою косу
Среди прокосы.
Тутъ дѣвица красавица
Водницу носила;
Она водницу поспла,
Дождичка просила:
«Дай миѣ, Боже, частый дождь,
Дождичка частого,
Чтобы травушку смочило,
Косу притупило,
Молодаго москаля
Съ покосу сгочило...»

Вологодская губерния. Вологодскій Сборникъ, вып. IV, стр. 91.

422.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ;
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкою.
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цѣловала.
«Ты возстань, возстань, любезный, возстань, черно-
бровый!
Вани кони вороные во полѣ танцуютъ...»
Я лпха не хочу—во полѣ почую...
Мой млпськый на Русь суцу правду скажетъ....

За рѣченькой, за рѣвкой гусарь сѣно косить;
На другой-то сторонѣ панья воду носить,
Воду носить, дождя просить:
«Подай, Боже, дождь,
Ты подай, Боже, дождя, подай поскорѣе,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля стонпло!»
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка?
Три дня печи не топила,—на печи-то жаръ, жаръ!
Молодаго гусаря, очень его жаль, жаль.

Архангельская губернія. Якушкинъ, стр. 549.

423.

Какъ на горѣ жито
Копытами убито...
Подъ бѣлою березою
Казачекъ убитый.
Приходитъ дѣвчина
Съ черными бровями;
Она по немъ жалковала,
Головушку вязала.
Приходитъ другая,
Совсѣмъ не такая;
Ирпидпяла китаску
Да и поцѣловала.
«Другъ ты мой мѣленькій,
Казачекъ бравенькій!
Ходитъ твой копь вороненькій
Въ лугу въ зелененькомъ.»—
—«Пуцай онъ тамъ ходитъ,
Пуцай и почуветь;

Къ расирекрасной Марусенькѣ
Дорожку онъ чувствуетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, выш. XV, стр. 172.

424.

Стлала, стлала дѣвчочка
Постелюшку мягку;
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчочка
Полковника въ гости;
Не могла его дожидаться,
Ложилася спать.
По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала;
Она вѣсти услыхала:
Полковничекъ умеръ...
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой скорой смертью.
Оставалась полковница,
Вдова молодая,
Оставалась малы дѣти,
Горькія сиротки,
Оставался вороній конь
Со парадной збруей.
Откажу я царску збрую,
Коня—атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку—генералу.
Молодые мушкетеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,

Елицушку тешуть,
Молодому полковничку
Домовину стріють.
Тѣло несуть, коня вѣдуть,
Конь голову клонить;
Клонить, клонить головушку
На мать сыру землю,
На мать сыру землю,
На шелкову травку.
Мимо моего окошка
Дорожка лежала;
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

Саратовская губерція. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

425.

Стлала, стлала дѣвчочка мягкую постелю;
Клала, клала красавица высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчочка полковничка въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ мимо ея дома...
Да по утру-то рапенько вѣстку получила,
Таку вѣстку не веселу: полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ своєї скорой смертию.
Положили полковничка въ золоту гробницу,
Покрывали полковничка золотой парчею..
Оставлялъ же полковничекъ жену молодую;
Оставался конь вороный со всеї ратной збруеї.
Мимо Катина окошка пролегла дорожка.
Понесли же полковничка мимо ея дому.
Тѣло несуть, коня вѣдуть, конь голову клонить;
Какъ у кралички дѣвчонки сердечушко поеть.

Оно постъ, запываетъ по утру рапенъко,
Что по утричку рапенъко, вечеромъ поздненъко.

Уфимская губерція, Мензелинскій уездъ. Пальчиковъ, № 67
(«продолженія»). Каждый стихъ повторяется.—Сходная песенная
пѣсня: Лаговскій, № 15 («посидѣлочная»).

426.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Мягкую постелю;
Клала, клала дѣвчоночка
Высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковничка въ гости...
Пала, пала ко мнѣ вѣстка
По утру рапенъко:
Померъ, померъ пашъ полковникъ
Своей скорой смертью.
Остается полковница
Вдовой молодою;
Остаются малы дѣти—
Горькія сироты...
Первой роты мушктеры
Могилушку роютъ,
Землю роютъ, въ трубы трубятъ,
Вѣчный домъ готовятъ.
Молодая полковница
Стоптъ, слезно плачетъ.
Во слезахъ-то полковница
Рѣчь говорила:
«Чтобы эту дороженьку
Пылью заносило,
Чтобы эта могилушка
Травой заростала,

Что травою-муравою,
Алыми цвѣтами!»

Самарская губернія. Варешцовъ, стр. 199 —Сходная неполная
пѣсня: Шейнъ, стр. 227 («хороводная разводная»).

427.

Ждала, ждала красавица
Полковника въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ
Мимо высокаго терема,
Не взглянулъ душа молодчикъ
На мое окошко...
Зазнобилъ мое сердечко
Ровно на три года.
Сказали-то мнѣ, младенькѣ,
Полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ
Скорой смертию.
Отпишу я зброю царю,
Коня— къ атаману...
Пролегала путь-дорожка
Мимо моего окошка...
Идутъ, ѣдутъ, коня ведутъ,
Полковничка везутъ;
Молодая полковница
Стоитъ, слезы ронитъ:
«Кабы этая дорожка
Пылью запыляла,
Кабы этая могила
Травкой заростала,
Что на этой бы на травкѣ
Цвѣты разцвѣтали!»
Ужъ я первый цвѣтикъ рвала,—

Полковничка ждала;
Ужь я другої цвѣтикъ рвала,—
Полковничка дожидала...

Оловецкая губернія, Студитскій, стр. 35 («продольная»).

428.

Улица широка на низъ подалась.
Купческа дочка гулять собралась
Во чистое поле,
Въ широко раздолье.
Во чистымъ полѣ,
Въ широкомъ раздольѣ
Казаченьки ходять,
Царско знамя носятъ,
Несчастыице чуютъ,
Чуютъ и вѣщуютъ,
Несчастье мншуютъ...
Померъ нашъ полковникъ,
Назаръ полюбовникъ...
Сдѣлаемъ Назару
Золоту гробницу,
Темную темницу;
Положимъ Назара
Въ золотую гробницу;
Покроемъ Назара
Тонкою новиной,
Бѣлой кисеею;
Попсеемъ Назара
На крутую гору
Мимо его дому...

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ, Матинцкій, стр. 59
(«обиденная»).

429.

Ули казаченьки походомъ
Да оглянулися назадъ:
«Остаются наши дома,
Молодые жены.
Остается конь вороной
Со хорошей збрусей,
Со тесменною уздой,
Со тесменною уздою,
Со кпстыю золотой...»
Вздумаль, вздумаль казаченекъ
Съ горя померети...
Померъ, умеръ казаченекъ
Въ среду по утру,
Въ самую обѣдню...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить его мы станемъ,
Выкопаемъ могилу,
Выкопаемъ глубокую,
Сдѣлаемъ ему гробницу,
Сдѣлаемъ ему златую!
На той на могилѣ
Выростало деревце береза;
Что на этой на березѣ
Сидѣла кукушка.
Не кукушечка кукуеть,—
То мать казака горюеть!..

430.

Что пошли наши казаки
Изъ горъ во туманѣ;
Они шли путей-дорожкой,
Назадъ оглянулись:
Что назадъ-отъ оглянулись,
Тяжелехонько вздохнули,
Три слова сказали:
«Остаются наши дома,
Молодые жены;
Остаются наши дѣтки,
Дѣтки-малолѣтки;
Остается конь вороной
Со паратной збруей.
Со паратной збруей,
Со тесменною уздою,
Съ кистью золотою...
Померь, померь наши полковникъ
Своей скорой смертью,
Въ середу по утру.
Среди горы Урала,
При травкѣ-муравкѣ,
Что при травкѣ, при муравкѣ,
При алыхъ цвѣточкахъ,
Что при аленькомъ цвѣточкѣ,
При желтомъ песочкѣ...
Ужъ мы выроемъ могилу
Ему земляную;
Ужъ мы сдѣлаемъ ему
Гробницу золотую...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить мы его станемъ...
Какъ на этой на могилѣ

Выросло древо;
Это древо не простое—
Березопька бѣла;
Какъ на этой на березѣ
Кукушка кукуеть;
Не кукушечка кукуеть,—
Его мать горюеть:
«Ужъ ты, сынъ, ты, мой сыночекъ,
Яспый соколочекъ!
Ты примолви, сынъ, словечко,
Взвесели сердечко;
Ты примолви, сынъ, другое,
Къ сердцу ретивое!»—
—«Радъ бы, мамонька, примолвилъ,—
Уста крѣпко сжаты,
Что уста сжаты,
Крѣпко рученьки прижаты!...»

Пермская губернія. Ш ш о л к о, стр. 189.

431.

Ужъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ка, ребята, думу крѣпкую,
Заносимте-ка, ребята, пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсню, братцы, пѣли,—горе мыкали...
Что бываль-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ;
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-ужасти...
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ;
Расходилося синее море изъ краю въ край, изъ конца
въ конецъ;
Что ударила морска волна въ черентъ корабль.
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, ослонился,

Подломилсь ножки рѣзвья, опустился рукъ бѣлья,
Покаплась буйна голова съ могучихъ плечъ;
Что упаль-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Туть метался матроски да въ легки шлюпочки,
Что вывозил-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Е. И. Мелко, стр. 37 («на-
уличная»).

432.

При край было синяго моря,
При усть было тихаго Дунаю,
Туть распахана была пашня
Не плугами и не сохами, —
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонвана была пашня
Еще тѣми же мурзавецкими копытами;
Полнвала была пашня
Тою ли христіянской кровью...

Сызрань. Кириѣвскій, вып. VIII, стр. 127. Эта пѣсня издава какъ
часть пѣсни о Е. И. Шереметевѣ.

433.

Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утвою,
За славными было за Утвинскими за горами,
Распахана была тамъ пашенька яровая.
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою;
Распахана была пашня булатными копытами;
Взборонена она была коневыми копытами.
Не рожью была, братцы, засеяна, не пшеницею, —

Засѣяна была, братцы, казачьими головами.
Засѣяль ее добрый молодець, самъ уѣхаль;
Засѣявши ее, овъ, добрый молодець, самъ слезно
заплакаль:

«Ты расти, моя пашенька, зеленѣйся!
На полпвочку, моя пашенька, не падѣйся!»

Уральская область. Железновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
томъ III, 1888 г., стр. 66. — Очень сходная пѣсня: Морской Сбор-
никъ 1839 года, № 9, стр. 23 (здесь нѣтъ 3-го отъ конца стиха,
а 4-й отъ конца оканчивается: самъ повѣдалъ).

434.

Какъ за славною за рѣчкою за Утвоею,
За Утвинскими то было за горами,
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
А распахана та пашня яровая
Мурзь киргизскихъ да хивинскихъ конями;
Взборопована та пашня яровая
Лишь копытами киргизскихъ дикихъ коней;
И засѣяна та пашня яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ головами.
Добрый молодець засѣяль, самъ уѣхаль...
«Ты расти, моль, моя пашня, зеленѣйся,
На полпвочку ужъ ты, моль, не падѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ: что съ неба дождикъ,
Пль поточитъ горьки слезы мать родная!»

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8.

435.

Какъ за рѣчкою то было за Утвоею,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенька,

Пашня была яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не плугомъ да и не сохою;
Распахана была эта пашенька
Казачьими копьями;
Не ржою была пашня засѣяна,
Не ржой она, не пшеницей;
Засѣяна была эта пашенька
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенька
Коневыми копытами.
Засѣяль-то эту легку пашеньку
Одинъ младъ полковничекъ.
Засѣявши эту свою пашеньку,
Самъ онъ слезно тутъ заплакалъ:
«Расти, расти, моя легка пашенька,
Расти въ полѣ, зеленѣйся!
На поливочку, моя легка пашенька,
На поливу не надѣйся!
Что польеть тебя, мою пашеньку.
Съ небесъ частымъ дождичкомъ!»

Уральская область. Мякушица, стр. 39.

436.

Ой, промежду Курь-Малку пораспаханное,
Да это чисто поле,
Ой, пораспаханное оно не плугами, не сохами,—
Ой, конскими копытами;
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле
Не всхожими сѣменами,
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле—
Казачьими головами;
Тотъ 1.

Ой, заволоченное да это чисто поле,
Оно не кустами,
Ой, заволоченное да это чисто поле—
Конскими хвостами...
Охъ, да никто-то, никто, охъ, къ тому чисту полю,
Никто не привернетъ.
Охъ, приворачиваль, ой, къ тому чисту полю,
Да овъ, князь Дмитріевъ....

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 119.

437.

Не чернымъ-то черно поле зачернѣлося;
Какъ успахано поле, оно не плугами,
Не плугами поле, оно не сохами,
А успахано поле конскими коньтами;
А усѣяно поле казацкими головами....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ....
Кавказа, вып. III, стр. 76.

438.

Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ.
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку по-
гуляти.
Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки турець-сафьянъ,
И пошлили ему шубоньку дорогую,
И дали панюшку ему черныхъ соболей,
И даютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полти-
ною,
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:

«Чадо наше милое,
Чаделю наше любимое!
И будешь ты на чужой на дальней на сторопушкѣ,
И прошла-пролегла дорожка
Мимо тотъ царевъ кабакъ:
И не ходи-тка ты на царевъ кабакъ,
Не пей чарочки зелена вина!
Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
Возьмутъ твою шапюшку черныхъ соболей,
И возьмутъ твою шубюшку дорогую,
И возьмутъ саночки турець-сафьяны:
И бросятъ тебѣ лапки линовые,
Подержаны, поношены да брошены:
И бросятъ тебѣ рогоженку линовую,
Подержану, поношену да брошену;
И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полт-
ною...»

Еще говорятъ ему, наказываютъ:
«Будешь ты какъ хмѣльная головушка,
И будешь на почестномъ на большомъ пирѣ, —
Не садись во мѣсто во большее:
Буде стоишь мѣста большаго,
Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее;
А буде не стоишь мѣста большаго,
Такъ осмѣютъ люди добрые
И удалые дородни добры молодцы...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Не водись со женщиной кабацкою...»

И пошелъ дородній добрый молодецъ
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабакъ.
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая;

Личушко у пей—быдто бѣлыи свѣтъ,
Глазунки—быдто ясна сокола.
Бровушки—быдто черна соболя.
Говоритъ ему словеса приличныя:
«Ай же ты, упавъ дороднии добрый молодецъ!
Зайди, зайди на царевъ кабакъ,
Выпей вища не со мпожечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
Развесели свою младую головушку,
Ходючись, бродючись по той чужой по дальней сто-
ронушки!»

Не послуналь наказа отца-матери...
И взяла она подъ рученьку подъ правую,
И ведетъ она на царевъ кабакъ,
И говоритъ словеса приличныя:
«Какъ будешь ухмѣльная головушка,
Такъ провожу я тебя до своего до подворьнца
И до своего до помѣстьяца;
И тутъ я съ тобой спать лягу.»
И приходилъ онъ на царевъ кабакъ;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На веѣ на три, на четьре на сторонушки.
Веѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дородни добрый молодецъ
Выходитъ за столка дубоваго,
И наливаль чару зелена вина
И подносилъ упаву добру молодцу:
«Выпей, выпей вища не со мпожечко.
Облей-обкати свое ретивое сердечушко
И развесели свою младую головушку!»
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ-высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ вишитъ,
А посередѣ чарочки дымъ столбомъ стоитъ,

А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь горить.
И вынулъ чарочку злата вина;
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки турець-сафьянъ
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили ланотки ему лиловые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросили ему рогоженку липову,
Подержану, поношену да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается.
Просыпается и пробуждается...
Легъ молодецъ—какъ макъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ—какъ мать родима...
И съѣлъ на брусову ѳѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
«Не послушался я наказа отца-матери!»

Повыскочить горюшко изъ запечья,
Стало горюшко по кабаку посякивати;
Посякиваетъ да поплясываетъ,
Поплясываетъ да выговариваетъ:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не кручинься-ка ты, не печалуйся,
Учись горемычнаго припѣвочка:
Въ горѣ жить—некручинну быть!
Умѣй меня, горюшко, кормить-поить,
Кормить-поить, хорошо водить,
Учить горемычнаго припѣвочка!»

Всѣ пошли добры молодцы на почестень ипрѣ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ему было пдти не во чемъ,
А взять калачика не во что.

Проговорить горюшко сѣрое:
«Надѣвай ты тулупецъ рогозинный,
Опоясывай по подольчику опоясочкой,
Обувай лапотки липовы
И учишь ходить за бл. . . . .!»
Надѣвалъ онъ тулупецъ рогозинный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обувасть липовы;
И пошелъ по почестенъ пирь.
Онъ крестъ кладеть по псамоу,
Поклонъ ведеть по ученому,
На всѣ на три, на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрыя людюшки:
По кресту дородній добрый молодець—
Учнаго онъ отца-матери,
И по поклончикамъ дородній добрый молодець—
Разумнаго роду-племени;
Посадить его въ мѣсто во меньшее,—
Такъ быть ему кусочекъ подашній,
А шить чарочка ожуреная;
А посадить его во мѣсто во большее,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадилъ его осередь стола.
И ѣлъ молодець досыта,
И шилъ молодець до любви;
И тутъ молодець и спать залегъ за золотъ столъ.
И ешитъ молодець, просынается,
Просынается, пробуждается;
Проговорятъ многи добрыя людюшки:
«Ай же ты, ушавъ дородній добрый молодець!
Поди, задайся во концу ко богатому на двѣнадцать
лѣтъ:
Наживень ты денегъ пятьдесятъ рублей,
Наживень ты шубоньку дорогую,
Наживешь сапожки турецъ-сафьянъ

И шапоныку черныхъ соболей!»
И пошелъ дородній добрый молодець,
Задался ко кушцу ко богатому на двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растеть:
Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесятъ рублей со
полтнцою,

И нажилъ шубопыку дорогую,
И нажилъ сапожки турець-сафьянъ
И шапоныку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодець!
Не ходи на почестныйи ширъ,
А поженсь-ка ты, удаленькій добрый молодець,
Возьми ты душку-душку дѣвушку.»

Проговорить горюшко сѣрое:
«Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не женсь, не бери душки-душки дѣвушки!
Поди ты на царевъ кабакъ,
И пей вина кабацкаго,
И закусывай медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими!»
И шель упавъ на царевъ кабакъ,
И шль вина кабацкаго,
И закусывалъ медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими.
И прошивалъ денегъ шестьдесятъ рублей со полтн-
цою,

Прошивалъ шубопыку дорогую,
И сапожки турець-сафьянъ,
И шапоныку черныхъ соболей.
Пошелъ дородній добрый молодець
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ.
И приходить ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;

Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
«Перевощички вы, перевощички!
Перевезите меня на тую на сторону!»
Все проговорятъ перевощички:
«Есть ли у тебя дать перевознаго?» —
— «Перевознаго дать нечего.» —
— «А безъ перевознаго мы не перевеземъ!»
И сѣлъ онъ на камешекъ,
Закручинился, запечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буиную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю.
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнутьъ на свои руки бѣлыя
Во тую черну рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
«Перевеземъ мы на тую на сторону
Удалаго дородна добра молодца!»
Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ.
Подкладывалъ крыльца бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Онъ летитъ яснымъ соколомъ,
А горюшко влѣдъ чернымъ ворономъ.
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!
Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Падеть добрый молодецъ на сыру землю;
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ посякни-
вать;

Горюшко влѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднѣй добрый молодецъ!

Хочень ускочить, да не ускочить:
Не па часть я къ тебѣ, горе, привязалоя!»
Хочеть, хочеть добрый молодецъ
Завернуться на боярскіи дворъ,
Задаться къ боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговорить горюшко сѣрое:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Не слунай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не ходи ты на боярскіи дворъ,
Не корми чужаго отца-матери!»
Велить горюшко идти во честныя во монастыри,
Велить горюшко постричься и поехимиться.
И шель добрый молодецъ во честныя во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и поехимился.
И прошло тому времячка ровно три года.
И тутъ ему, добру молодцу, и смерть пришла.

оловецкая губернія. Рыбниковъ, т. 1, стр. 479.

439.

У батюшки, у матушки жилъ молодецъ,
Одиначій сынъ во дрекушкѣ;
Бѣль сладко, и носилъ красно, работаль легко.
Захотѣлося дородно добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку
Людей посмотрѣть и себя показать.
Унимали молодца отецъ-матушка;
Онъ отца-матушки не слушасть.
Сряжается во путь во дороженьку:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острошилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строшилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:

Спереду-то не видать лица румянаго
И сваду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболонную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъхъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковой;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на поженькахъ сафьянныя:
Вокругъ носка-то, носа—ящю кати,
Подъ пята, подъ пята—воробей лети;
Денежкѣ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ взялъ да со полтпною.

Онъ пошелъ на чужу дальню на сторонушку.
Приходить-то онъ ко городу ко чужему:
Городъ чужь, люди незнаемы,
Не знаетъ онъ, куда бы пріотитися.
Подошелъ-то ко царевому ко кабаку;
Прикручинившись, стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйву головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царева изъ кабака
Выходила бабица курвякица,
Турьякная бабица, ярыкная,
Стапомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у зайцы,
Въ лицѣ ягодны—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похакивать:
«Ты чего стоишь кручинень, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужь, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріотитися?
Подя-ка ты со мною на царевъ кабака,
Неней-ка чарочку зелена вина,—
Тутъ-то, молодець, пораскуракишься,
Со мною лп, молодець, позабавишься!»
Онъ послушать этой бабици курвякици;

Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодець еще третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ нятъдесять рублей,
Пятъдесять рублей онъ пропилъ со полтпивою.
Обваллся молодець, онъ на царевъ кабакъ.
Подосли тутъ къ нему голошки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семшнелковый,
Сняли съ него шубоньку-то кувною,
Съ него шапочку-то сняли соболшную,
Сапоженьки разули сафьяшныя,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотники липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Попошену тую, брошену;
На головушку одѣли колвачокъ липовый,
Попошенный тотъ, брошенный.

Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
Пораскинулъ свои очи ясныя:
Съ него снята одежица драгоцѣнная,
Надѣта одежица липова,
Поношена да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодець, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ занечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторо-
пушку,

Очи ясны втосилъ онъ во кирпичеш мостъ.
Подходила къ нему бабица курвякшца,
Турыжная бабица, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похакивать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодець!

Встаць-ка ты скорешенько на рѣзвѣи ноги,
Пешиваі-ка чару зелена вша!
Тогда ты, молодець, раскуражнись
И со мною, молодець, позабавишься!»
Подшосла къ нему чару зелена вша,
Подшосла она другую,
Подшосла она третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ десь съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонцику,
Онъ задался во работушки въ басонекія.
Живеть онъ поры-времячка день за день,
День за десь живеть да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежцу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ кунною,
По подолу остричилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Стричилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболоную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семшелковій:
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—янце кати,
Подъ пята, подъ питу—воробей летн.
Пошелъ молодець по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать.

Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютится.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Привкручившисьъ стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонялъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очишки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того цареваго изъ кабака
Выходила бабица курвякшица,
Турьяжная бабица, ярыжная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—будто у зайцы,
Въ лицѣ ягощицы—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужь, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютится?
Подп-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Испей-ка чарочку зелена вина!
Тутъ ты, молодець, пораскуражись,
Со мною ли, молодець, позабавись!»
Онъ послушался этой бабици курвякшици,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодець еще третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтничкою.
Обвалился молодець, онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболшную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;

Обули лапотки липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый;
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидитъ тутъ молодець, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопвлъ онъ во кирпичепъ мость.
Подходила къ нему бабица курвяжица,
Турьяжняя бабица, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодець!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы поги,
Пспивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодець, раскуражись
И со мною, молодець, позабавись!»
Подпосла къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодець пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяйшу къ басопьцику,
Онъ задался во работушки въ басопскія.
Живеть онъ поры-времячки день за день,
День за день живеть да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
Но подому острожилъ чистымъ серебромъ,

По рукавчикамъ и околь ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ оный сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзади не видать шеп бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ оный соболоню,
Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
Кушачокъ оный опоясалъ семшелковой;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, поса—япцо кати.
Подъ нитю, подъ пята—воробей лети.

Пошелъ молодець по городу похаживать,
Оный пошелъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ оный, куда пріотитися.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Прикручинившись, стоитъ оный, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очулки втопилъ оный во сыру землю.
Изъ того цареваго взъ кабака
Выходила бабица курьяжница,
Турьяжная бабица, ярьяжная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у зайца,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стало вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручинень, добрый молодець?
Али городъ тебѣ чужь, люди незнаемы.
Не знаешь ты, куда пріотитися?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Пеней-ка чарочку зелена вина!
Туть ты, молодець, пораскуражишься,
Со мною ли, молодець, позабавишься!»

Онъ послушался этой бабнщи курвяжнщи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодець еще третьюю.
Тутъ молодець пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодець, онъ на царевъ кабакъ.
Подшли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отноясли кушачокъ семишелковойі,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболнную,
Сапоженьки разули сафьянвые,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену;
На головушку одѣли колначокъ липовойі,
Поношенный тотъ, брошенный.
Сидитъ тутъ молодець, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторо-
пушку,

Очи ясныя втопили онъ во кирпичень мость.
Подходила къ нему бабица курвяжнща,
Турьяжная бабица, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодець!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзны ноги,
Певивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодець, раскуражишься,
И со мною, молодець, позабавишься!»
Поднесла къ нему чару зелена вина,

Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодець пораскуражился.
Встаеть молодець на рѣзвы ноги.
Паль молодець о кирпичень мостъ,
Обвернулся молодець сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ опъ по раздольицу чисту полю.
А горюшко за нимъ вслѣдъ собакою.
Паль онъ о матушку сыру землю,
Обвернулся молодець яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ опъ по подоболочью.
А горюшко за нимъ вслѣдъ чернымъ ворономъ.
Тутъ молодець, онъ преставился;
Свезли-то на моплу на родительску,
Положили во матушку сыру землю.
Горюшко сидитъ, само заплакало:
«Ты хорошъ-то былъ, дороднѣй добрый молодець!
А я еще пойду на чужую сторонушку,
Пайду-то я много лучше тебя!»

Одонецкая губернія. Рыбниковъ, т. I, стр. 471.—Очень сходная
пѣсня: Гильердингъ, № 300.

440.

Какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ разумнаго
Зародилось чадушко безумное,
Безумное чадо, неразумное.
И унимаеть тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тка, чадо, на царевъ кабакъ,
И не пей-ка-сь, чадо, да зелена вина,
И не имѣй сюзозъ съ голямъ кабацкими,
И не знайся ты, чадо, со жонками со бл . . . ми,
И что ли съ тѣми со дѣвками со к . . . ми!»

И не послушалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабаць,
И сталъ тутъ шти-кушати зелена виша,
И сталъ знатися чадо съ голями кабацкима,
И суюзь имѣть сталъ съ жонками со бл . . . ми,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со к . . . ми.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалося.
Какъ молодець со горюшка да въ казаки пошелъ,—
Еще горе вслѣдъ да топоры несеть,
Топоры несеть, само приговариваетъ:
«И ты постои-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ къ тебѣ я, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да во солдатушки,—
А еще горе вслѣдъ да оружье несеть,
Ай оружье несеть, само выговариваетъ:
«И ты постои-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»—
И молодець со горюшка да во быстру рѣку,—
Ай горе вслѣдъ да невода несеть,
И невода несеть да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да на сине море,—
Еще горе вслѣдъ да гоголемъ пловеть,
И гоголемъ пловеть да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодець!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодець со горюшка да во сине море,—
Ай тутъ-то горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало горюшко да слезно плакати:
«И тебѣ спасибо, добрый молодець,
И какъ умѣлъ на семъ свѣтѣ горя помыкати!»
Ай тутъ на вѣкъ горе разставалося
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

441.

Отъ чего ты, горе, зародилося?
Зародилося горе отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки горе пообулося,
Въ рогозиночки горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось.
Приставало горе къ добру молодцу.
Видить молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ, все шелковыя:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видить молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбои-щуюю.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ, все шелковыя:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видить молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя во огневушку, —
Во огневушку да во постелюшку.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, во ногахъ сидить:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодець!»
Видить молодець: отъ горя дѣться некуды;
Молодець вѣдь отъ горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.

А за нимъ горе вельдъ идетъ,
Вельдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткой да со телѣжкою:
«Ужъ ты стои, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.

Тому хоробру и славу поють.

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, томъ 1, стр. 470.

442.

Въ воскресеньце матушка замужъ отдала,
Къ поведѣльничку горе привязалось...

Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя во темны лѣса,—
Горе вельдъ бѣжитъ, само говоритъ:
«Я лѣса срублю, тебя достигну!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя во чисты поля,—
Горе вельдъ идетъ, само говоритъ:
«Я поля пражну, тебя достигну!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда, бѣдной, съ горя подѣваться?
Я пойду съ горя въ зелены луга,—
Горе вельдъ идетъ, само говоритъ:
«Я луга скошу, тебя достигну!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣваться?
Я пойду отъ горя во высокъ теремъ,—

Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я теремъ зажгу, тебя достигну!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватся?
Я поиду съ горя во круты горы,—
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я червомъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя достигну!»
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватся?
Я поиду съ горя во сыру землю,—
Горе вслѣдъ идетъ
Со тупицами, острыми заступами.
Устоялося, размѣлилося:
«Ужъ ты, дочь моя родная!
Ты умѣла горюшко повыгоревать!»

Олопецкая губернія. Рыбниковъ, томъ I, стр. 469.

443.

Ой ты, горе мое, горе, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталось?
На меня, бѣдную, навязалось!
И не знаю какъ быть,
Не достала, какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя въ чисто поле;
Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,
За мной идетъ, вслѣдъ грозить:
«Ужъ я выжну, пожну все чисто поле,
А найду я, сыщу тебя, горькую!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталось?

На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя,—горе за мною идетъ,
За мною идетъ, вослѣдъ грозить:
«Порублю я, посяку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя—въ гробовой доскѣ;
Оглянусь я назадъ, горе за мною идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой...

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 90.

444.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать?
Поиду отъ горя въ темный лѣсъ,—
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
«Срублю, срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Бѣгу отъ горя въ чисто поле,—
За мной горе съ косою бѣжитъ:
«Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море,—
За мной горе бѣлой рыбицей:
«Выныю, выпью сине море,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»

Я отъ горя замужъ уїду,—
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла,—
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла,—
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоптъ горе, выхваляется:
«Вогнало, вогнало я дѣвцу въ сыру землю!»

Рязанская губерція, Давковский уѣздъ. Шейнъ, стр. 322 («голосовая или протяжная»).

445.

О хъ, дѣвка, ты, дѣвка красная!
Куда отъ горя ты ни бѣгала,
Нигдѣ отъ горя не убѣгала!
Я отъ горя во чисто поле,—
А за мной горе бѣжить зайкою;
Я отъ горя во темны лѣса,—
А за мной горе съ топоромъ бѣжить;
Я отъ горя замужъ пойду,—
А за мной горе малымъ дѣтками;
Я отъ горя во сыру землю,—
А за мной горе со лопатою...

Курская губерція. Кошаповская, стр. 73

446.

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдится,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дин!
Не бывать плѣштому кудрявому,

Не бывать гулящему богатому,
Не отроспить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера!
А горе, горе, гореваныще!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пирь—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, уже пиво тащитъ!
Какъ и нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ...

Кирша Давидовъ. № 52.

447.

Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле,
И тутъ горе—сизымъ голубемъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во темны лѣса,—
И тутъ горе—соловьемъ летитъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя на сне море,—
И тутъ горе—сѣрой утицей!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!

Я отъ горя во сыру землю,—
Вотъ тутъ горе мивовалося!

Саратовская губерня. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 91.

448.

Зоренька ясная привечерняя,
Ой, некому, зоренька, поиграть по тебѣ,
Некому, зоренька, поиграть по тебѣ!
Ой, у меня мать, у меня мать не родимая,
У меня мать, у меня мать не родимая.
Ой, поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбужп-
васть,
Поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбужпваеть.
«Ой, встань, дитятко, встань, милое, перяженое,
Встань, дитятко, встань, милое, перяженое!»
Ой, я съ горя, я съ горя во чистое поле,
Я съ горя, я съ горя во чистое поле;—
Ой, горе за мной, горе за мной воронымъ конемъ,
Горе за мной, горе за мной воронымъ конемъ.
Ой, я съ горя, я съ горя во темные лѣса,
Я съ горя, я съ горя во темные лѣса;—
Ой, горе за мной, горе за мной яснымъ соколомъ.
Я съ горя, я съ горя во сине море;—
Ой, горе за мной, горе за мной бѣлой рыбицей...
Во бору, во бору пастушки бреччатъ,
Ой, во полѣ, во полѣ все телѣги гремить.

Терская область. Герекій Сборникъ, вып. 1, стр. 117.

449.

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...

Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодець, душа, мое сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сонейи мнѣ башмачки изъ бѣлой бумажки!» —
— «Дѣвица, дѣвица, душа ль, мое сердце!
Напряди мнѣ веревей изъ дождевой капли,
Чтобы вервь не рвалась, башмакъ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
— Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодець, душа ль моя, сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сонейи мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣту!» —
— «Дѣвица, дѣвица, душа ль моя, сердце!
Напряди мнѣ шелку изъ блага снѣгу,
Чтобы шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодець, душа ль моя, сердце,
Холость, не женатый, бѣлый кудреватый!
Слей мнѣ перетень изъ солнечной лучи,
Вставь мнѣ вставочку подъ восточну звѣзду!» —
— «Дѣвица, дѣвица, душа ль мое сердце!
Напои добра коня середь синя моря;
Коня не утопишь, сама не утопишь...»

450.

Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая,
Срублена кроватушка изъ безсчастна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Гдѣ дѣвица съ молодцомъ въ компаньѣ сидѣла,
Красная съ дороднымъ рѣчь говорила:
«Молодецъ, мое сердце, хорошій, пригожій,
Хорошій, пригожій и бѣль-кудреватый,
Ты, бѣль-кудреватый, холостъ, не женатый!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сшей мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣта!» —
— «Дѣвица, дѣвица, шапряди мнѣ шелку,
Шапряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу,
Чтобъ шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся!» —
— «Сшей мнѣ башмачки изъ желта песочку!» —
— «Дѣвица, дѣвица, насучи мнѣ вервей,
Насучи мнѣ вервей изъ дождевыхъ капель,
Чтобъ верва не рвалась, башмакъ не поролся!»

И ѳееникъ 1780 года, часть III, стр. 132.—Россійская Эрата
1792 года, часть III, № 107.—И ѳееникъ 1815 года, часть III,
стр. 270.

451.

Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дочечка,
Дочечка дубова, дѣвка черноброва.
Дѣвка платье мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Какъ мой милый ѳдегъ на ворономъ конѣ,

На ворономъ конѣ, въ пѣмедкоіи одежѣ.
Не доѣхадши встаетъ, самъ Богъ-помочь подаетъ:
«Богъ-помочь, дѣвица, на бѣломъ платѣ!
Дѣвушка спѣсва, не скажешь: спасибо!»—
—«Удалой молодчикъ, загаду загадку:
Сшей ты мнѣ башмачки изъ желта песочка!»—
—«Красная дѣвица, наприди мнѣ дратвы,
Наприди мнѣ дратвы изъ дождевой капли!»—
—«Удалой молодчикъ, сшей ты мнѣ платье,
Сшей ты мнѣ платье изъ макова листу,
Прострочи мнѣ строчку, не прорви листочка!»—
—«Красная дѣвица, наприди мнѣ шелку,
Наприди мнѣ шелку изъ бѣлаго ситѣгу!»—
—«Удалой молодчикъ, купи мнѣ платочекъ,
Купи мнѣ платочекъ—аленькій цвѣточекъ!»—
—«Красная дѣвица, сшей ты мнѣ жилетку,
Сшей ты мнѣ жилетку изъ буйнаго вѣтру!»—
—«Удалой молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ,
Слей мнѣ перстенечекъ изъ солнечья лучья,
Вставь ты, милъ, глазочекъ—восточную звѣзду!
Гдѣ буду ходити, тамъ буду сіяти.»—
—«Красная дѣвица, шапой моего коня—
Шапой моего коня середь снѣга моря,
Средь снѣга моря, на камешкѣ стоя,
Чтобы конь шаплся, коверъ не мочился!»—
—«Удалой молодчикъ, сострой ты мнѣ келью
Къ Петрову говѣнью, и то изъ меденъевъ!»—
—«Красная дѣвица, припаси леденя, сострою и
келью!»

Ярославская губернія. Ростовскій уездъ. Живая Старина
1892 года, вып. III («проводочная»).

452.

Дѣвка платѣ мыла,
Звонко колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала.
Вхалъ тутъ молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Въ господскомъ приборѣ.
Сказалъ: «бѣленька дѣвица,
Бѣла, круглолица!
Дѣвица спѣсива
Не скажи спасибо...
Дѣвица, дѣвица,
Бѣла, круглолица,
Напой ты мнѣ коня
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь папился,
Коверъ не смочился!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Смести мнѣ кроватку
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя!»—
—«Дѣвица, дѣвица,
Сопей мнѣ рубашку
Изъ алого цвѣту,
Котораго цвѣту!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Сопей мнѣ бапмачки

Изъ бѣлаго снѣгу,
Котораго нѣту!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 41 Припѣвъ: Пѣзъ подъ ели
допѣ-допѣ-допѣ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха — Сходила пѣсни
изъ Тверской губерніи, Осташковского уѣзда: Шейнъ, стр. 232
(«иллюстрація»).

453.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платѣ мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березѣ клала.
Тамъ и шелъ дѣтина:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платѣ мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!»
Дѣвушка сибирская
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала...
«Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши!» —
— «Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ
Безо мху, безъ лѣсу,
Безо бѣлаго тесу!» —
— «Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Вознесенъѣ!» —

—«Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку!»—
—«Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!»—
—«Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенецекъ
Со краснаго солнца!
Гдѣ бы я ни ходила,
Все бы я свѣтила!»

Псковскій уѣздъ. Шейтъ, стр. 231 («плясавал»)

454.

Уосажу я калинушку на крутъ бережочекъ....
Ты стой, расти, калинушка, расти, не шатайся!
Живи, моя сударушка, живи, не печалься!
Прійдетъ тоска-кручинушка, пойдн, разгуляйся,
Еще пойдн, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжить, плъ погоду чуетъ?
Почто дѣвица плачетъ, плъ маменька била?
Меня маменька не била,—самн слезы льются,
Еще самн слезы льются, никакъ не уймутся.
Отъ моего ль отъ мнлаго долге вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрныи, коня воронаго...

«Ты, дѣвица красавица, душа моя, сердце!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Ты напой моего коня среди синя моря,
Среди синяго моря, па камушкѣ стоя;
Загадаю я другую,—отгадай люблюю:
Чтобъ коникъ мой напился, чепракъ не мочился!»
—«Ты, молодець, молодець, душа моя, сердце!

Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сострой, милый, мнѣ хоромы бѣлы-снѣговые,
Еще бѣлы-снѣговые, тонки, высокіе,
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ прохладны;
Загадаю я другую,—отгадай любую:
Сней ты, милый, черевички, съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
Чтобъ дратва не рвалася, башмакъ не поролся!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія
Кавказа, кн. VII, стр. 34.

455.

Лелимъ мой, лелимъ!
А летѣла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Лелимъ мой, лелимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ первомъ шатерку,
Тамъ сидѣла Матренушка;
Она золотомъ шила,
А серебромъ она квѣтила.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка;
Она холсточки катала,
Рубанечки вышивала.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ третьемъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Надеждушка,
Да ничѣго не вмѣла.
Лелимъ мой, лелимъ!

Тольки она вмѣла
Мыться да бѣлиться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодець, молодець!
А сшей менѣ шубу
Съ маковаго листу!»—
—«А дѣвушка, ты, дѣвушка!
Наряди миѣ дратвы
Платье дождевой капли!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій
Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (посвященъ великому постомъ).

456.

Мелимъ мой, лелимъ!
А лѣгла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Лелимъ мой, лелимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ первомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Матренушка:
Она золотомъ шила,
А серебромъ она квітпла.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка!
Она холсточки катала,
Рубашечки вышивала.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ третьемъ шатерцу
Тамъ сидѣла Надеждушка,
Томъ I.

Да ничого не вмѣла.
Лелимъ мой, лелимъ!
Только она вмѣла
Мыться да бѣлиться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодець Васильюшка!
А сшей менѣ шубу
А съ чернаго бобра!»—
—«А дѣвушка Надеждушка!
Напряди ниточекъ
Съ аллянаго перья!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій
Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (посетя великимъ постомъ).

457.

Какъ на морѣ, морѣ,
На синемъ на морѣ,
Какъ на морѣ-Океанѣ
И на островѣ Буявѣ—
    Это было въ старину—
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила;
Эхо въ морѣ раздавалось,
На островѣ отзывалось,
    Далеко было слышно.
Туго выжимала,
Друга подясидала;
То повернется туда,
То оглянется сюда,
    На все стороны глядитъ.
Гдѣ взялся молодець
На воропомъ конѣ;

Овъ къ красоткѣ подѣзжаетъ,
Черну шляпу ей скидаетъ,
Бьетъ красавицѣ челомъ.
Дѣвица спѣсва
Не скажетъ спасибо;
Глазки въ землю потупляетъ,
На щекахъ огонь пылаетъ,
Всякій знаетъ отчего.
«Богъ на помощь съ силой
Красавицѣ милой!
Такъ бы платью перемылось,
Какъ-бы вовсе не носилось,
Будто новое было!»
—«Сней ты мнѣ платьице
Изъ розова листа,
Чтобъ листочекъ не пзмялся,
Нпкогда не разорвался,
Цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ!»
—«Сшей ты мнѣ рубашку
Изъ булатной стали;
Сталь была бы какъ холстина,
Чтобы пуля не пробилла,
Чтобъ я могъ ее носить!»—
—«Сшей ты мнѣ башмачки
Изъ желтаго песка,
Чтобъ песочекъ не терялся,
Башмачекъ не распивался
И не теръ бы бѣлыхъ погъ!»—
—«Напой ты мнѣ коня
Среди синя моря,
Чтобъ воронъ конь нашлся,
Бранъ коверъ не намочился,
Было бъ сухо все, какъ есть!»
—«Выстрой мнѣ домочекъ
Изъ макова зерна,

Двери, окна и полаты,
Гдѣ бь могли мы сладко спати
На перпнахъ пуховыхъ!»—
—«У меня палаты
Золотомъ убраты;
Въ нихъ, душа, мы проживемъ,
Милыхъ дѣтокъ наживемъ!
Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго!»

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Ведомости
1833 г., № 39. Каждый пятый стихъ повторяется.

458.

На моречкѣ, морѣ, на морѣ-Окіанѣ,
На морѣ-Окіанѣ, островѣ Буянѣ,
Тутъ и была старпна.
Дѣвка платье мыла, громко колотила;
На моречкѣ отдается, на островѣ отзывается,
Слышно было далеко.
Сухо выжимала, дружка поджидала:
То оглянется сюда, то оглянется туда,
Во все стороны глядитъ.
Неоткуль взялся молодчикъ на ворономъ конѣ;
Онъ къ дѣвущкѣ подъѣзжаетъ, черну шляпу скида-
ваетъ,
Бьетъ красоточкѣ челомъ.
«Богъ помочь те, сила, красоточка мила,
Чтобъ бѣлѣе платье мыла, никогда бы не послала,
Все бы новое было!»
Это не годится, дѣвущкѣ гордиться.
Глазки въ землю опускаетъ, въ щекахъ румянь
играетъ,
Всякій знаетъ, для чего.

«Дѣвушка спѣсива, не скажу спасибо,
Гляди прямо на меня, я давно люблю тебя,
Ты послушай, что скажу!
Папой моего коня среди синя моря,
Чтобы воронъ конь напился, брань коверъ не замо-
чился,

Все такой какъ былъ онъ есть!»

— Сшей, мой милый, башмачки изъ желта песочка,
Чтобы песника не терялась, никогда не разсыпался,
Не терло бы рѣзвыхъ ногъ!»

— «Напряди-ка, мила, драговъ изъ дождевыхъ капель,
Чтобы драгвы не дралися, башмачки бы не поролися,
Могъ бы я имъ спать!»

— «Сшей-ка, милый, платье изъ лазореваго цвѣту,
Чтобы цвѣтикъ не помялся, никогда не разсыпался,
Цвѣлъ на мнѣ какъ на кустѣ!»

— «Сшей-ка, мила, рубашку изъ нѣмецкой стали,
Чтобы сталь была холстинка, ея пуля не прошибла,
Могъ бы ее поспать!

Сдѣлай, мила, мечъ булатный изъ морскою пѣны,
Чтобы мечъ этотъ легокъ былъ, нѣмецку сталь ру-
биль,

Могъ бы я имъ владѣть!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 89 («проголовная»).

459.

«**Т**е Богъ на помочь, красна дѣвица,

Воду черпать!

Загануть ли те, красна дѣвица,

Семь загадокъ?»—

— «Заганн-ка, сынъ боярскій,

Хоша восемь!»—

- «Таки что, красна дѣвица,
Краше свѣту?» —
- «Краше свѣту—красно солнце,
Красное солнце!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Чаще лѣсу?» —
- «Чаще лѣсу—часты звѣзды,
Частыя звѣзды!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
По-подь лѣсу?» —
- «По-подь лѣсу—пала роса,
Пала роса!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Да безь крылья?» —
- «Что безь крылья—бѣлы снѣги,
Бѣлы снѣги!» —
- «Таки что красна дѣвица,
Безь умолку?» —
- «Безь умолку течеть рѣчка,
Течеть рѣчка!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Безь отвѣту?» —
- «Безь отвѣту—скоть рогатый,
Скоть рогатый!» —
- «Таки что, красна дѣвица,
Да безь горя?» —
- «Что безь горя—горючь камень,
Горючь камень!» —

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 5 («загадочная»). Каждый стихъ повторяется. — Отечественныя Записки 1841 г., томъ XVI, библиографія.

460.

- Какъ купческа дѣвушка платье мыла,
А дворянскій сынъ колотилъ...
«Загануть ли те, дѣвушка, семь загадокъ?»—
—«Загани-тка те, сударь, хоть десятокъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу свѣтитъ мѣсяцъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, чаще лѣсу?»—
—«Чаще лѣсу часты звѣзды!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, водлѣ лѣсу?»—
—«Водлѣ лѣсу пала роса!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, краше свѣту?»—
—«Краше свѣту—красно солнце!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безкрылечно?»—
—«Безкрылечны—бѣлы снѣги!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безъ кореня?»—
—«Безъ кореня—горючъ камень!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, не ударишь?»—
—«Не ударишь—буины вѣтра!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безъ жалѣнья?»—
—«Безъ жалѣнья—мужъ жепу бьетъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, беззапряжна?»—
—«Беззапряжна—быстра рѣчка!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безсловесно?»—
—«Безсловесна—добра лошадь!»—

Ярославская губернія, Ростовскій уѣздъ. Живалъ Старина 1892 г.,
вып. III, стр. 133 («проводочная»). Послѣ каждаго стиха пригѣвъ:
ой ли, ой ли, ой лешевки, съ повтореніемъ трехъ или четырехъ
последнихъ слоговъ стиха.

461.

Но улицѣ по широкой
Идетъ дѣвка семилѣтка;
За ней бѣжитъ сынъ боярскій.
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загадаю семь загадокъ;
Позволь, дѣвка отгадати:
А что горитъ безъ пожара?
А что свѣтитъ во всю землю?
А что бѣжитъ безъ уходу?
А что цвѣтетъ безъ опаду?
А что растетъ безъ коренья?
А что плачетъ безъ рыданья?
А что вьется выше дубу?»—
—«Охъ ты, глупый сынъ боярскій!
Солнце горитъ безъ пожара;
Мѣсяцъ свѣтитъ во всю землю;
Вода бѣжитъ безъ уходу;
Укропъ цвѣтетъ безъ опаду;
Камень растетъ безъ коренья;
Лошадь плачетъ безъ рыданья;
А хмѣль вьется выше дубу!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 71. Первая половина каждого
стиха повторяется трижды.

462.

Но улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой,
Тутъ шла дѣвка семилѣтка;
За дѣвкою сынъ купецкій...
«Постой, дѣвка семилѣтка!

Загадаю три загадки,
Чтобы ты, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Да что растеть безъ коренья?
Да что цвѣтеть да безъ цвѣта?
Да что шумить да безъ вѣтра?»—
А я, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Растеть камень безъ коренья,
Цвѣтеть сосна безъ алаго цвѣту,
Шумить вода безъ буйнаго вѣтру!

Самарская губернія (переселенцы изъ Воронежской губернии).
Варенцовъ, стр. 19.—Сходная пѣсня, изъ Тульской губернии.
Новосильскаго уѣзда: Шейвъ, стр. 233 («пласовал»).

463.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?»—
—«Отгадаю, сынъ купеческій, хоть десятокъ!»
Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще роци?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?»—
—«Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтеть мѣсяць;
Чаще роци, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупень жемчугъ;
Безъ умолку, сынъ купеческій, течеть рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья!»—
—«Отгадала ты, дѣвица, отгадала!
Ужъ и быть за мною, быть моею женою!

Московскій уѣздъ. Шейвъ, стр. 233 («пласовал»).

464.

Какъ по лугу, по лужочку,
По крутому бережочку
Възжитъ дѣвка семилѣтка;
За ней парень бѣлъ кудравъ...
«Постои, дѣвка семилѣтка!
Загану тебѣ загадку:
А что растеть безъ коренья?
А что цвѣтеть безъ цвѣту?
А что шумитъ безъ вѣтру?»
— «Растеть камень безъ коренья,
Цвѣтеть сосна безъ цвѣту,
Шумитъ вода безъ вѣтру!»
Ой, Танюшка, Татьянашка,
Таня по торгу сходила,
Чеботы себѣ купила....
Ой, Танюшка, Татьянашка
Чеботы себѣ купила,
Два съ полтиной заплатила...
Ой, Танюшка, Татьянашка
Яровинушку полола,
Черный куколь выбирала....
Ой, Танюшка, Татьянашка
На чужу межу бросала,
Желтымъ пескомъ засыпала....
Ой, Танюшка, Татьянашка
Желтымъ пескомъ засыпала,
Чеботами прибывала....
Ой, Танюшка, Татьянашка!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 47
 («обыденна»). — Отецъ сходная пѣсня, изъ Симбирской губернии:
 Балакиревъ, стр. 64.

465.

Какъ во теремѣ дѣвица дары шла;
Тутъ и шель-прошелъ сынъ дворянскій,
Онъ и шедши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шти!
Не загадать ли тебѣ, дѣвица, шесть загадокъ?»—
—«Загадай ты, сынъ дворянскій, хоть десятокъ!»—
—«А что у насъ, дѣвица, краше свѣта?»—
—«Краше свѣта—красно солнце.»—
—«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу—свѣтель мѣсяць.»—
—«А что у насъ, дѣвица, чаще рощи?»—
—«Чаще рощи—часты звѣзды.»—
—«А что у насъ безъ отвѣту?»—
—«Безъ отвѣту—горючъ камень.»—
—«А что у насъ безъ умолку?»—
—«Безъ умолку текутъ рѣки.»—
—«А что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?»—
—«Безызвѣстна—воля Божья.»—
—«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ
На мудреныхъ!
А и быть, дѣвица, за мною,
Да и жить со мною!»

Рукописный сборникъ 1795 года. Материалы для исторіи и статистики Симбирской губерніи, вып. IV, Симбирскъ, 1867, стр. 72 («свадебная»).

466.

Вы, луга мои, вы, зеленые!
Дѣвка съ поля шла, красна съ чистаго.
Какъ за ней бѣжитъ копь добра лошадь;

На конѣ сидитъ добрый молодецъ.
«Ты постой, дѣвка, постой, красная!
Загадаю какъ я три загадки.
Отгадай, дѣвка, отгадай, красна!
А и что, дѣвка, безъ корня растетъ?
А и что, дѣвка, безъ вѣтра шумитъ?
А и что, дѣвка, зимой зелено?»
—«Отгадаю я, добрый молодецъ!
Безъ корня растетъ бѣль горючъ камень;
Безъ вѣтра шумитъ быстра рѣчушка;
Зимой зелено—да то ель-сосна.»

У воротъ сосна распаталася;
Ужъ и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася:
А и первое мыло—то съ бѣлками,
А другое мыло—то съ румянами,
А и третье мыло—то съ сурмянами.
И бѣлками набѣлилась,
А румянами нарумянилась,
А сурмянами брови чернила.

Калужская губернія, Мещовскій уездъ. Калужскія Губернскія
Вѣдомости 1860 года, № 28. Поется при процаніи съ масляницей.
Вторая половина каждаго стиха повторяется.

467.

Какъ у моего милаго
Четыре примѣты:
Что первая-то примѣта—
Его лице бѣло;
Что втора его примѣта—
Волосы кудрями;
Что третья-то примѣта—
Шубочка съ морхами;

Что четвертая примѣта—
Шанка съ козырчкомъ...

«Загануть ли те, любезна,
Шесть загадокъ?
Еще что же, дѣвица,
Выше лѣсу?
Еще что же, дѣвица,
Краше свѣту?
Еще что же, дѣвица,
Безъ кореня?
Еще что же, дѣвица,
Безъ замочку?
Еще что же, дѣвица,
Безъ цвѣточку?
Еще что-же, дѣвица,
Безъ любви?»—
—«Не прогнѣвайся, любезный,
Все я отгадаю!
Выше лѣсу, любезный,
Свѣтель мѣсяць;
Краше свѣту, любезный,
Красно солнце;
Безъ кореня, любезный,
Сѣрый камень!
Безъ замочку, любезный,
Быстра рѣчка;
Безъ цвѣточку, любезный,
Польнь-травка;
Безъ любви, любезный,—
Мы съ тобою!»—

Научить ли тя, любезна,
Какъ ко мнѣ ходити?
Не дорогою ходи,

Ходи переулкомъ;
Не ступаямъ ступай,
Соколомъ летай;
Не воротамъ во дворъ,
Ходи подворотней;
Не языкомъ говорп,
Соловьемъ свищи!

Архангельская губернія, Пинежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 107
(«вечериночная»). Каждый стихъ повторяется.

468.

Что-то свѣтитъ во всю почку?
Мѣсяць свѣтитъ во всю почку.
Что-то грѣетъ всю Егропу?
Солнце грѣетъ всю Егропу.
Что-то растетъ безъ коренья?
Камень растетъ безъ коренья.
Что-то бѣжитъ и безъ ножекъ?
Рѣчка бѣжитъ и безъ ножекъ.

Устюгъ. Москвитянинъ 1842 года, часть VI, стр. 312.

469.

Но тому-то было морю, морю снему,
Тамъ плыли, восплывали пятьсотъ кораблей.
А одно-то изъ нихъ суденьшко напередъ бѣжитъ.
Хорошо-то это суденьшко изукрашено:
У ней носъ со кормой по звѣришному.
На этомъ на суденьникѣ стояла палатунка;
Во этой-то палатункѣ сидѣлъ турецкій паша.
Передъ нимъ-то стоитъ младъ донской казакъ неволь-
ничекъ;
Стоитъ-то онъ, молодець, какъ свѣча горитъ;

Онъ рѣчи-то говорить, какъ въ трубу трубятъ:
«Какъ ты, славный турецкій паша, отпусти меня на
волюшку!»

Отвѣчаетъ ему турецкій паша:
«Загадаю я тебѣ, донской казакъ, три загадки;
Отгадаешь ты мнѣ три загадки,
Тогда-то я отпущу тебя на тихій Донъ:
Чего у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзво бѣжитъ?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ крыль скоро летитъ?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горитъ?»
Отвѣчаетъ ему донской казакъ:
«Безъ ногъ у насъ бѣжитъ твое судно легкое,
А безъ крыль-то летитъ буйный вѣтеръ,
Безъ огня-то нечетъ на свѣтѣ красное солнышко.»

Донская область. Савельевъ, стр. 127.—Кирѣевскій, вып. VIII,
стр. 83.

470.

Ой, и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася;
Одно мылечко—то турецкое,
Друго мылечко—то литовское,
Третье мылечко—то московское.
Отъ турецкаго—брови черныя.
Отъ литовскаго—лице бѣлое,
Отъ московскаго—щеки алыя...
«Государь ты мой, родный батюшка!
Я скажу тебѣ про диковинку, диво дивное,
На святой Руси небывалое:
У насъ по морю вожары горятъ;
По чисту полю корабли плывутъ;
По желтымъ пескамъ звѣзды катятся;
По поднебесью щука плаваешь.»—

—«Охъ, и дочь моя, дочь хорошая, ты, пригожая!
Какъ и я скажу про диковинку, диво дивное,
На святой Русѣ небывалое:
У насъ по морю ковыла растеть;
Тамъ косцы ходять, ковылу косятъ;
По темномъ лѣсу рыба плаваетъ;
За сыру землю солнце скрылося:
Во желты пески мѣсяць спрятался;
По поднебсью тамъ медвѣдь ходить,
Рыбу щуку ловить....»

Курская губернія. Кохановская, стр. 44.

471.

Вы не горчайте, два сизыхъ голуба,
Не разгорчайте моего батюшки!
А мой батюшка въ теремѣ крѣпко спить,
Въ теремѣ подъ окномъ, накрывши полотномъ.
Я его будила—не добудилася,
Я его кликала—не докликалася...
А встань, мой батюшка,
Устань мой родненькій!
Я диво видѣла, диво великое:
Какъ по всѣмъ полямъ все огни горять,
По темномъ лѣсу караси плывутъ,
По чистомъ полю корабли плывутъ....

. . . . .

Курская губернія. Путнвльскій уездъ. Русскій филологическій вѣстникъ 1886 г., № 5, стр. 225 («масляничная»).

472.

Черезъ рѣченьку жерднушка лежала,
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердникѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собою она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу дешевѣло?
Сдешевѣли во торгу холостые,
Холостые, холостые, не женаты:
По семи холостыхъ на полденьги,
Къ нимъ осмой холостой наддачей,
Девятый холостой наряжатый
И десятый холостой провожатый.

Черезъ рѣченьку жерднушка лежала,
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердникѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собою она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу сдорожало?
Сдорожали во торгу красны дѣвицы,
А за нимъ молодья молодцы:
Еще по сту рублей молодца,
А по тысячѣ рублей красна дѣвица.

И с с е н я в к ѣ 1791 г., часть III, стр. 16. Последніе три-четыре слога каждаго стиха повторяются трижды.

473.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.

Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣлися въ торгу стары старушки:
По семи старухъ на полушку,
А осьмая-то старуха на придачу,
А девятая старуха въ кашевары.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красныя дѣвицы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣту.

Томская губернія. Отечественныя Записки 1839 г.,
томъ III, смѣсь, стр. 62 («круговая»).

474.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жердкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣда не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ, не женатымъ.
Они спрашивали говорили:

Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣли въ торгу старыя старухи:
По семи старухъ на полушку,
А осьмая-то старуха въ кашевары,
А девятая старуха на придачу.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жерди не пройдетъ.
Что никто слѣда по ней не проложитъ.
Случилось мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красны дѣвнцы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицы цѣны нѣтъ.

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Труды Архангельскаго
Губернскаго Статистическаго Комитета, книга I-я
стр. 87.

475.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжнику!
Тамъ что въ торгу дешевое?
Тамъ дешевы молодежи:
По семи молодець на полушку,
А восьмой молодець на придачу.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжнику.

Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги старья бабы:
По семи рублей старая баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжешку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги млада бабы:
Какъ по сту рублей млада баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжешку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги красныя дѣвки:
Какъ по тысячѣ рублей красная дѣвка.

Переборъ, переборъ молодежь:
Какъ гнилая солома въ ометѣ.
Переборъ, переборъ старымъ бабамъ:
Какъ старый грибъ на болотѣ.
Переборъ, переборъ младымъ бабамъ:
Какъ тонкое полотно на стлницѣ.
Переборъ, переборъ краснымъ дѣвкамъ:
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ—
Красная дѣвушка въ хороводѣ!

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Вѣдомости
1831 года, № 18.

476.

Сѣ-подъ ели рѣка прошла,
Сѣромъ боромъ быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,

Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Сдешевали красны дѣвушки:
Двѣ даютъ на денежку,
Четыре на копейку,
Пятыю придачею,
Девяту наддачею.

Съ-подъ ели рѣка прошла,
Сыромъ боромъ быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,
Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Вздорожали добры молодцы:
Одинъ молодецъ во сто рублей,
Другому молодцу цѣны нѣтъ...

Оловецкая губернія. Студитскій, стр. 79 («круговая»).

477.

У ай-тай-айюй, ладо!
Я основушку сную,
Переметы кладу....
У насъ въ торгу кличъ кликали:
Что дорого, что дешево?
У насъ дорогимъ дороги—красны дѣвушки;
Дешевымъ дешевы—добры молодцы.
Одна дѣвушка во сто рублей,
А друга дѣвушка въ тысячу,
А третьей дѣвушкѣ цѣны-то нѣтъ;
А по семи молодцовъ на овсяный блинъ;
А восьмой-то молодецъ на придачу пошелъ;
А девятый молодецъ въ кашевары пошелъ;
А десятый молодецъ на придачу пошелъ.

Ди-ладо!

Симбирская губернія, Ардатовскій уездъ. Симбирскій Сборникъ,
томъ II, 1870 г., отдѣлъ этнографическій, стр. 33 (хороводная, поется
при встрѣчѣ весны).

478.

Въ вечеръ лишь, млада, во торгу ли я была,
Во торгу ли я была, вечеръ слышала.
У насъ въ городѣ дѣвки дороги;
У насъ дешевы добры молодцы:
По семи лишь молодцовъ на овсяный блинъ;
Какъ восьмой-то молодецъ на придачу идетъ;
А девятый молодецъ и туды и сюды;
А десятый молодецъ, онъ и щи и кашу варилъ,
Онъ и щи и кашу варилъ, приговаривалъ:
«Какъ гнплай-то солома скоро женится,
Беретъ за себя красну дѣвицу,
Онъ и умщицу, и разумщицу...»

Иензенская губернія, Краснослободскій уездъ. Иензенскія Губернскія Ведомости 1865 г., № 43. Послѣ каждого стиха припѣвъ: ой, тай, ой, ладу мову.

479.

Горка ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баюють:
Ребятъ продавають.
Купцы закупаютъ—
Девять на денежку,
Десятаго на придачу.

Горка, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодець ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баюють:
Дѣвокъ продавають.
Кунцы закупають:
Дѣвка—по сту рублѣи,
Коса—по тысячѣ,
Косилки—смѣты иѣту.
На ребятъ смерти пѣту,
На бабъ погибелю,
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся—
Они намъ достанутся.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Игушкинъ, стр. 626.

480.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя моря подымался,—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со купцею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ устиманъ-звѣрь.
На немъ шерсточка, на устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на устиманѣ все булатныя,
Какъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь сплны у него, устима, золото блюдо.
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается,—
Веѣ-то звѣри лютые разбѣгаются.

Подбѣгали звѣри дивныя къ Янку къ рѣкѣ.
Воскрпчалъ, взаркпулъ тутъ устимаць-звѣрь
Своимъ вельмп громкимъ голосомъ.
Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Янкушка возмутилася.
Устоялъ только одинъ сыръ матерый дубъ.
На дубу на томъ спдѣлъ не сизой орель,
Не сизой орель,—удалый добрый молодець.
Ликъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрныимъ;
Понадалъ же онъ устшу-звѣрю въ ретиво сердце.
И падалъ тутъ устимаць-звѣрь на мать на сыру зем-
лю.

Застопала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго, самого устимаца.

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
т. 1. 1888 г. стр. 149. — Якушинъ, стр. 9. — Тихомировъ
и Вс. Миллеръ, Русскія бытныя старыя и новыя записи, М. 1894,
стр. 278.

481.

Ис галичья стая подымалася,
Не звѣриное собравъице собиралося,
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собравъице въ перебѣгъ бѣжитъ,—
Напередъ бѣжитъ собака лютый идричъ-звѣрь.
У идричка копыточки булатныя,
Иперсточка на идричкѣ бумажная;
Напередъ его щетинушки запрокинулись;
На спиночкѣ два блюдечка серебряныя;
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсынается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченкѣ къ быстру Дѣвиру.
Засвисталъ-то опъ, загаркалъ по звѣриному,

Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то паша Пѣиречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Уральская область. Желѣзовъ, томъ III, 1888 года, стр. 3 —
Мякушина, стр. 13.

482.

Изь далеча, далеча изъ чиста поля
Не пылъ то, братцы, во полѣ бѣлѣтся,—
Бѣжить то, выбѣгаетъ стадо лютое:
Панередъ его бѣжить лютой скимонь-звѣрь.
Па скимонь шерсточка буланая,
Не буланая его шерсточка,—булатная,
Па каждой шерстникъ по жемчужникъ;
Панередъ его шерсточка спрокшудася.
Выбѣгаетъ воръ-собака на Дѣвру-рѣку,
Становится воръ-собака на крутой берегъ,
Забродилъ ли воръ-собака по колѣпъ въ воду,
Становился воръ-собака на задни лапы.
Закричалъ ли воръ-собака по звѣиному,
Засвисталъ ли воръ-собака по соловьиному,
Зашипѣлъ ли воръ-собака по змѣиному...
Отъ крику быстра рѣченька всколыхалася,
Со желтымъ со песками помѣшалася,
Со крутымъ бережками помѣшалася.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI,
стр. 96.—Гихонравовъ и Вс. Миллеръ, стр. 279.

483.

Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Изъ того было раздольица широкаго,
Что не грозная бы туча накаталася,

Что не буйные бы вѣтры подымались,—
Напередъ-то выбѣгасть лютой скименъ-звѣрь.
Какъ на скименѣ-то шерсточка булатная;
Напередъ-то его шерсточка сирокшулась.
Добѣгасть воръ-собака до быстрой рѣки;
Становился воръ-собака на задни лапы;
Закричалъ онъ, воръ-собака, по звѣриному;
Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьему;
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному.
Отъ его было отъ крику отъ звѣрипаго,
Что быстрая рѣка-мать взволновалася;
Отъ его было отъ свисту отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ влопилися;
Отъ его было шипѣнья отъ змѣинаго,
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула...

Сибирь. Локтевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II.

484.

Мы вечеръ, братцы, были пьяпы,
А на утро почѣмъ похмѣлиться.
Да мы скинемся, братцы, по денежкѣ,
Мы по денежкѣ да по серебряной;
Да мы купимъ, братцы, зеленого вина,
Зеленаго вина да полтора-то ведра;
Да мы выйдемъ за градъ, прогуляемся,
Да за ту же стѣну бѣлокаменную;
Мы взойдемъ же, братцы, на крутую гору,
Да сядемъ, братцы, за единый кругъ,
Да мы сядемъ, братцы, похмѣлимся,
Да мы вынемъ, братцы, по чарочкѣ,
Да по чарочкѣ зеленого вина!..
Да вы, слуги мои, слуги вѣршые!

Вы подайте мнѣ золотую трубу,
Золотую трубоньку подзорную.
Мы посмотримъ-ка, братцы, во далечу,
Мы во далечу да во чистое поле.
Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ,
Тамъ не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба;
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура,
Два гнѣдыхъ тура золоторогіе,
Золоторогіе да одношерстные.
Да бѣжали туры во синее море,
Да спускались туры въ море по брюхо,
Забивали туры морду по уши,
Доставали туры ключевой воды;
А напившись, туры въ море поплыли.
Переплывши туры Окіанъ-море,
Переплывали туры на Буянъ-островъ.
Тамъ встрѣчала ихъ родная матушка,
Молода турица златорогая,
Златорогая да одношерстная:
«Да вы, дѣти мои, дѣти умныя!
Да гдѣ же вы были, гдѣ гуливали?»
—«Да мы были, матушка, во Шахарѣ,
Мы гуляли, родная, во Яхерѣ,
Мы русскую землю сквозь прошли,
Царя бѣлаго да въ глаза видѣли;
Да мы видѣли ее, диковицу,
Мы да русскую дѣвку чернявушку;
Да читала дѣвка книгу евангельскую,
Да не сколько читала—вдвое плакала.»

485.

Какъ леталь-то, леталь сизої орель по крутымъ
горамъ,

Леталь орель, самъ состарился:

Пробивала у него сѣдинушка между сизыхъ крыль,
Побѣляла его головушка ровно бѣлыи снѣгъ.

Залеталь-то, залеталь младъ сизої орель

Не въ свою землю, во тою-то земелюшку во фран-
цузскую,

Въ той-то было во компаньцѣ во богатырской.

Что это за диво, за диковинка?

Не пыль-то со курою подымалася, не сине море неко-
лыхалоса,—

Тамъ бѣжить-то, выбѣгаетъ индрикь-звѣрь.

На индричку на шерсточкѣ снво-железныи цвѣтъ;

На индричку сѣдельце все черкесское,

На сѣделечкѣ стременочки позлащенные;

На индричку копыта все булатныя.

Притупѣли у орла когти острые,

Онцинались у него крылья быстрыя.

Налетали на орла черны вороны,

Да терзали они его, сиза орла.

«Ахъ, не прежняя-то моя полеточка орлиная,

Да не прежняя моя ухваточка соколиная!

Разбить бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,

Да разнесъ бы ихъ по дубровушкѣ!»

Долская область. Савельевъ, стр. 114.

486.

На батюшкѣ было на Окіанъ-морѣ,
На его было на крутыхъ бережкахъ,
На желтыхъ его пескахъ сыпучихъ,
На сыпучихъ пескахъ, мелкихъ, разсыпчатыхъ,
Выросло тутъ кипарисъ-древо.
Со комеля деревцо свлевато,
Ко сердочкѣ деревцо сучковато,
Ко вершиночкѣ деревцо кудревато,
На самой вершиночкѣ были развилочки;
На развилочкѣ сидѣлъ младъ спзой орелъ;
Онъ сидѣлъ, орелъ, ровно три года.
Прилетала къ орлу орлинушка;
Онѣ начали совыкатися;
По совыканьяцу стали вить тепло гнѣздо:
На завивъ кладуть бѣло серебро,
Сердочку выкладываютъ краснымъ золотомъ,
Краюшки вынзываютъ мелкимъ жемчугомъ,
Въ уголушки втирали дороги самоцвѣтные камни.
Выводилъ орелъ своихъ дѣтушекъ,
Сизыхъ, младыхъ орлятушекъ.
Какъ добрый молодецъ сталъ на возрастъ,
Его дѣтушки стали быть на возлетѣ...
Вдругъ несчастье на Окіанъ-морѣ случилось:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего свѣта сильна полоса;
Всколыхала она Окіанъ-море
Съ краю во край и съ конца въ конецъ,
Подрывала кипарисово кореньце,
Потопляла орлино тепло гнѣздушко,
Во гнѣздушкѣ малыхъ его дѣтушекъ.
Тутъ воскликнулъ, восплакнулъ младъ сизой орелъ:
«На что мнѣ, орлу, орлинушку?»

На что было мнѣ, орлу, тепло гнѣздушко?
На что были мнѣ, орлу, малы дѣтушки?»
Возвивался орель высокохонько,
Онущался орель низехонько,
Ушибался орель о бѣль горючъ камень...

Симбирская губернія. Русская Беседа 1836 года, № 1.

487.

Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковила,
Загоралась бѣлая ковылушка отъ камушка.
Какъ на этомъ камушкѣ въ ту пору
Сидѣль-сидючи младъ ямень соколъ;
Какъ сидѣль онъ-то, ямень соколъ,
Сидючи крѣико призадумался.
Какъ на ту пору-времени ямень-соколку,
Ему только крѣико придремнулося.
Какъ поджогъ-то онъ, ямень соколникъ,
Подпалилъ онъ свои сизы крылушки,
Свои сизы крылушки да ямень соколникъ,
Да рябья свои перья-перушки.
Охъ, да какъ же пошелъ-то онъ, побрелъ да ямень
соколникъ,
Пѣшій побрелъ онъ вдоль только по дороженькѣ;
Какъ идетъ-то, бредетъ онъ, ямень соколникъ,
А на ветрѣчу ему да черные вороныя.
Какъ и каркали они, черные вороныя, смѣялися,
Смѣялися, потѣшались падъ ямень-соколникомъ,
Называли-то они его, ямень-соколка,
Называли только его каргой загумешною.
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, ямень-соколку,
Пѣшимъ ходить вдоль по дороженькѣ;
А тебѣ-то ли было, ямень-соколку,

Летать-гулять въ полѣ по-наднебесью!»
Охъ, да какъ восплакался-то тутъ да яменьъ соколкь,
Да онъ только передъ Господомъ Богомъ:
«Охъ, Ты создай, пошли, Боже, да сильнаго дождика!
Охъ, да отросли бы у меня, у яменьъ-соколкка,
Да сизыя мои только крылушки,
Охъ, да сизыя мои только крылушки,
Да рябья мои только перья-перушки!
Охъ, да отемѣяль бы я тогда, яменьъ-соколъ,
Эту насмѣшечку эпптъ чернымъ вороньямъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія...
Кавказа, вып. XV, стр. 86.

488.

Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая ковыль-травка,
Она разгоралася?
Ой, загоралася эта бѣлая ковыль-травка,
Она отъ бѣлаго камушка.
Ой, да какъ сидѣль на камушкѣ, сидѣль младъ яменьъ
соколъ,
Сидѣль, крѣпко призадумался.
Ой, да какъ на ту пору ясному соколику
Чутьочекъ вздремнулося.
Ой, да онъ поджогъ да онъ подпалилъ, да яеньй соколкь,
Да сизыя свои крылышки.
Ой, да онъ пошелъ-то, онъ побрелъ, да яеньй соколкь,
Пошелъ пѣшій по дорожкѣ.
Охъ, да какъ на встрѣчу-то ему, ясному соколику,
Да черные вороны.

Охъ, да онъ каркала ему, смѣялся:
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, ясному соколкку,
Ходить пѣшу по дорожкѣ!»
Охъ, да какъ расплакался да ясный соколккъ,
Да онъ передъ Господомъ:
«Охъ, да ты создай, да ты, Боже, на яснаго сокола
Да сильнаго дождичку!
Охъ, да отрастутъ-то у меня, у яснаго сокола,
Да спзыя крылышки!
Охъ, да тогда-то ли я вамъ дамъ, да черныя вороны,
Отсмѣю эту насмѣшечку!»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 105.

489.

Загоралась въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добицалась до бѣлаго камня.
На камнѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои крылушки,
Обжегъ свои скорыя пожушки.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ,
Садилась вороны вокругъ него,
Въ глаза ясну соколу насмѣхались,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ворона подгуменная!»
Тутъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отроцу я свои крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя;
И взовыюся, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо быстрой стрѣлы,
Перебью васъ, черныхъ вороновъ, до одного...»

Приуралье. Известія Академіи Наукъ, томъ II («схорившая»)

490.

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка—
Отъ великаго оружія солдатскаго,
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралася до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Поднялиль онъ свои быстрыя крылушки,
Обжегъ онъ свои скорыя ножешки.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ;
Что садплись черны вороны вокругъ его
И въ глаза ли яспому соколу насмѣхался,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ты, вороца подгуменная!»
Ахъ, что взговоритъ въ кручнѣ младъ ясенъ со-
колъ:

«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
Я взвоюсь, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо я скорѣи стрѣлы,
Перебыю я черныхъ вороновъ до одинаго!»

Ахъ, когда былъ Краснощеконъ во неволоникѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гои еси, друзья-братья-товарищи!
Не покиньте добраго молодца при бѣдности!
Ужъ какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы,
вамъ,

Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 147.—Кирѣевскій, вып. IX,
стр. 177.

491.

Ты, дубровушка, ты, зеленая,
Еще чѣмъ ты, дуброва, изукрашена,
Али кустичкомъ, али прутвичкомъ?
Посередь дубровы есть поляночка,
На полянѣ стоитъ сыръ высокій дубъ,
На дубу-то сидитъ младъ ясець соколь,
Подъ дубомъ-то стоитъ конь добра лошады.
Они споръ держатъ съ яснымъ соколомъ,
Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, —
О своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Еще кто посигветъ на сине море.
Да коню-то бѣжать по сырой землѣ,
Соколу-то летѣть по поднебесью.
Еще конь-еть бѣжить—вся земля дрожать,
А соколь летитъ—колоколь звенить...
Увиля-то соколь, опъ за птицею;
Прилетѣль соколь, коню въ ноги палъ:
«Ты прости-ка меня, конь добра лошады!»
—«Я тогда-то прощу, когда кровь пуцу,
Когда кровь пуцу во сыру землю,
Сизы перушки по сину морю!..»

Уфимская губернія, Мезелинскій уѣздъ, Палачиковъ, № 69 (сиро-голосица). Каждый стихъ повторяется.

492.

Какъ изъ далеча, изъ-подъ далеча во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ да росъ сыръ матерій дубъ.
У сыра дуба кореньца булатныя,
А коринишка у сыра дуба жемчужная,

Сучки-вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
А листоченьки на сыромъ дубу бумажныя.
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице копевицъ,
А во стойлицѣ—сивый рѣзвый копь;
На вершинишкѣ у сыра дуба сидѣлъ младъ ясенъ
соколь.

Какъ ясенъ соколь надъ добрымъ конемъ насмѣхаться
сталъ:

«Ужъ ты, кляча, кляча, сивый рѣзвый копь!
На тебѣ же, кляча, шерсть олснїя,
А черное мясо твое воронїе!»
За досадушку то добру коню показалось,
И ясенъ соколь съ добрымъ конемъ позаспорилъ.
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
Они спорили объ своихъ буйныхъ головушкахъ.
Соколу летѣть доставалось чрезъ синее море,
А коню бѣжать доставалось вокругъ синя моря.
Копь бѣжитъ, бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколь летитъ—какъ колоколь звенитъ.
Прибѣгаетъ копь до мѣстеченька до урочнаго,
До того мѣста—до колодезя до глубокаго.
Какъ прибѣгъ къ себѣ сивый рѣзвый копь, самъ во
стойло сталъ.

Ужъ онъ часъ стоялъ, и другой стоялъ,—пѣту со-
кола,

А на третьемъ онъ на часикѣ появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколь ко добру коню, пропустивши
срокъ,
Ужъ онъ палъ коню въ рѣзвы ноженьки за просро-
ченье.

Тутъ ясенъ соколь добру коню виноваться сталъ:
«Ты прости меня, сивый рѣзвый копь, виноватаго!
Я летѣлъ, соколь, чрезъ синее море шибче вихоря,
И увидѣлъ я на спнемъ морѣ стаю лебедсїи;
Выбралъ я себѣ что ни лучшую лебедушку;

Лебединаго ея мяса я понакушался
И за этимъ-то я, ясець соколъ, позамедлился.»

Уральская область. Железные горы, Очерки быта уральскихъ казаковъ,
томъ III, 1888 года, стр. 123.

493.

Ис во дали было, во чистомъ полѣ,
Не при широкомъ было, при ровномъ курганѣ,
Тамъ стоялъ-то, выросталъ дубъ.
Корешечки у дуба—крѣпкіе булатные;
Шкурочка у дуба—желтая лимонная;
Вѣточки у дуба—чистыя хрустальныя;
Листочки у дуба—бѣлые бумажные;
Вершинка у дуба—она позлаченная.
На томъ-то на дубу—она соколиная;
Подъ тѣмъ-то подъ дубомъ—стойло коня добраго.
Конь съ соколомъ крѣпко позаспорилъ,
Не объ сто рублей, не объ тысячѣ,
Позаспорили они объ своей головушкѣ.
Какъ вѣдь конь-то побѣжалъ—ровно громъ загре-
мѣлъ.

Онъ быстры-то рѣчки перепрыгивалъ,
Крутыя горы между ногъ пускалъ,
Темныя лѣса не прихватывалъ.
Вотъ добѣгиваетъ конь до мѣстной роши;
Ужъ часъ-то стоялъ и другой стоялъ,
На третьемъ часу сталъ потравити...
Соколъ прилетѣлъ—ровно колоколь прозвенѣлъ.
Ужъ падаетъ коню въ рѣзвыя ноги:
«Ты прости-ка, душа добрый конь,
Ужъ ты будь-ка мой набольшій братъ!
Я летѣлъ-то, соколъ, по водамъ, по морямъ,
Заглядѣлся я тамъ на сврыхъ уточекъ,

А на больше того на бѣлыхъ лебедушкѣ:
Ужь я такъ-то, соколъ, крѣпко позамѣикался.»

Терская область. Терскій Сборникъ, выш. I, стр. 101.

494.

Сколько я добрый молодецъ, пѣнь не хаживаль
И на добромъ моемъ конѣ ни ѣзживаль,
Но диковинки такой, какъ разъ видѣль я, не види-
валь.

Наѣхаль я на диковинку—на сырѣ крѣпкѣ дубѣ;
Какъ во этого сыра дуба кореньца все булатныя.
На сыру дубу шкорочка желѣзная,
Цвѣточки во сыра дуба все хрустальныя,
А на вѣточкахъ листушки коровайнаго золота,
Цвѣтъ п желуды на сыромъ дубу, они все алмазные.

На сыру дубу свито гнѣздышко соколиное,
А подъ нимъ-то стойлице конное.
Какъ не душечка душа добрый конь,
Съ яснымъ соколомъ онъ заснариваль
Не о сто рублевѣ, не объ тысячу,
А заспорили они о своихъ буйныя головушки:
Кто скорѣй будетъ у мѣстечка у урочнаго,
У того ли было колодезя у студенаго;
Какъ коню бѣжать по сырой землѣ,
Яснѣ соколику летѣть по наднебесью.
Прибѣгаетъ душа добрый конь прежде сокола;
Онъ травы хватилъ да воды испилъ и у стойла сталъ.
Прилетаетъ ясенъ соколъ опосля коня,
Падаетъ онъ коню во рѣзвы ноги:
«Ты прости, уважь, душа добрый конь, моеи глупо-
сти:

Соколиныя мои крылушки залетныя,
Глазунки у меня, сокола, завидуице:

Палетѣль я на стадо лебединое
И убилъ во тої стадушкѣ бѣла лебеда,
Да за тѣмъ за сѣмъ я, соколикъ, призамѣшкался;
Будь же мнѣ, душа добрый конь, мнѣ набольшій
братъ!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года,
Л 92.

495.

Оі ты, поле мое, раздольице,
Раздольице, стень широкая!
Ничевохонько ты, мое полюнко,
Ничто себѣ не породило....
Породило мое полюнко
Одинъ себѣ сыръ зеленый дубъ;
У сыра-то дуба корешки,
Коренья были все свинцовые,
Шкурочка-то на сыромъ дубу,
Была она все парчевая,
Сердечушко-то было у сыра дуба,
Все было-то оно булатное,
Ну и вѣточки на сыромъ дубу,
Они были все хрустальныя,
Листочки были на сыромъ дубу,
Они были все бумажныя,
Китунки были на сыромъ дубу,
Оши были все жемчужныя,
Вершиночка на сыромъ дубу
Была—будто жаръ горитъ.
На вершиночкѣ свито гнѣздышко,
Гнѣздо было соколиное;
Подъ сыромъ-то дубомъ,
Тамъ стойлице было лошадиное.

Во свѣздушкѣ въ ясененькомъ
Сидѣль младъ ямень соколь;
Во стойлицѣ вотъ у дубочка
Стояль душа добрый конь.

. . . . .
. . . . .

Донская область. Донская Газета 1876 г., № 46.

496.

Протекало теплое море,
Слетались птицы стадами,
Садилась птицы рядами;
Спрашивал малую птицу,
Малую птицу синицу:
«Гой еси, малая птица,
Малая птица синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія:
Кто у васъ на морѣ большіе?
Кто у васъ на морѣ меньшіе?»
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица синица:
— «Глуныя вы, русскія пташки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшія.
Орелъ на морѣ—воевода,
Перепелъ на морѣ—подьячій,
Пѣтухъ на морѣ—цѣловальникъ,
Журавль на морѣ—водолвецъ:
То-то долгія ноги,
То-то французское платье,
По овсяному зернышку ступаетъ;
Чижъ на морѣ—живописецъ,

Клестъ на морѣ—портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ—графиня:
То-то высокія брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ;
Гусь на морѣ—бояре,
Утята на морѣ—дворяне,
Чирята на морѣ—крестьяне,
Воробьи на морѣ—холопя:
Вездѣ воробейко срываетъ,
Бить воробейко не бываетъ;
Лебеди на морѣ—князи,
Лебедушки на морѣ—княгини;
Желна у насъ на морѣ—трубачей,
Воронъ на морѣ—игумень,
Живетъ онъ всегда позадь гуменъ;
Грачики на морѣ—старцы,
Галочки—старочки-черпички.
Ласточки—молодички,
Касаточки—красныя дѣвички;
Красная рожа—ворона,
Зимою ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ;
Рыболовъ на морѣ—харчевникъ;
Дятель на морѣ—плотникъ:
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хочетъ намъ храмъ соорудити;
Соколъ у насъ на морѣ—паѣздишкъ:
На всякую птицу налетаетъ,
Грудью ее побиваетъ;
Куликъ на морѣ—разсылышкъ,
Кокушка—та вздорная клкушка,

Блииница на морѣ—цапля,
Чечеть—гость торговій,
Сорока-то у насъ—щеголиха:
Безъ калача не садится,
Безъ мплаго снать не ложится,
Безъ сладкаго меду не вставала,
Пѣнная къ обѣднѣ не ходитъ,
Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
Все бы она во коляскѣ,
Все бы ей кони вороные,
Все бы ей кареты золотыя,
Все бы ей робята молодые,
Все бы молодые, холостые;
Бѣдная малая птичка,
Малая птичка—синичка:
Сѣна косить не умѣетъ,
Стадо ей водить не по силѣ;
Гладомъ я, птичка, помираю.»

И в сеникъ 1789 г., часть I, стр. 196.—И в сеникъ 1791 г.,
часть II, стр. 21.

497.

Ай, отчего-те зима да зачалася
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
Ай богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица и в пца;
Садплась въ зелену садочку,
А на тое на дерево калшо,
А и пачала пѣти-жупѣти,

Всякими ова-те ясаками.
Ай услыхали русскія птицы,
Сбиралися стады они стадами,
Прилетали къ зеленоу садочку,
Ай садились птицы рядами,
Въ одну сторону да головами;
А началъ пѣти-жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай, малая птица пѣвица!
Скажи Божью правду, не утайся:
Кто у насъ за моремъ большіе,
Кто за Дунаецкимъ меньшіе?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
«Глупыя вы русскія птицы!
А зачѣмъ же сюда да прилетали,
Зачѣмъ про сие море сиромали?
Всѣ у насъ за моремъ большіе,
Всѣ за Дунаецкимъ меньшіе.
Ай крестьяна у насъ по деревнямъ,
А десятки у насъ по селецьямъ,
Ай старосты у насъ по волостямъ,
Попы, дьяки у насъ по погостамъ,
Старцы-игумены въ монастыряхъ,
Подьячіе люди по ирсутствамъ,
А гости торговы по посадамъ;
Воеводы живутъ у насъ по мызамъ,
Солдаты идутъ по походамъ,
Цари да царствуютъ по царствамъ;
А всѣ ль-то у насъ они по службамъ,
Всѣ-ль-то у насъ и по работамъ.
А еще бы за Дунаецкимъ моремъ
Вѣлый-еть колникъ былъ царикъ,
Вѣлая колница—царица;
А гуеп-ты на морѣ бояра,
Лебеди—боярецкія жены,

Соловей при нихъ веселыи:
Во всякія игры играетъ,
Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаетъ;
Воробыи—боярски холопы:
Колье-жердье да работали,
Крестьянски конопля разбивали,
Оттого сыты пребывали;
А голубчикъ-отъ на морѣ—попчикъ,
Голубушка-та была попадюшка,
Аіи косачки—дьячки церковны,
Тетерки-ты—дьяческія женки,
Куликъ—пономарь церковный;
А травникъ-отъ былъ протаможникъ,
А терпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ,
А канюкъ-отъ былъ цѣловальникъ,
Рябчикъ-отъ на морѣ—стрипчій,
А ластушки—красны дѣвцы,
Утки да были молодицы,
Слезень—гость торговый:
Аіи по синему морю вѣдь онъ плаваетъ,
Всякими товарами торгуетъ;
Чайки-ты были водоплавки,
Гагары-ты были рыболовки:
А съ озера въ озеро ныряли,
Всяку они рыбу добывали;
На горѣ ихъ рыба не бывала,
А въ торгу ихъ рыбы не видали,
Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали;
А журавль-еть былъ перевощикъ:
По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
Русскія птицы перевозитъ,
Цвѣтнаго платія не мочитъ;
Галицы были черницы,
Черные вранъ—да пгументъ,
А ястребъ былъ и атаманомъ,

А филиппъ-отъ—тать да разбойникъ,
Соколь-отъ скорый посланникъ,
Орель-отъ на морѣ налетникъ:
Единожды въ годъ прилетаетъ,
А велику себѣ дань собираетъ—
По три головы да по четыре,
Иногда по цѣлому десятку;
А мошинкь-отъ на морѣ—крестьяншигъ,
Коппала—крестьянская женка,
А синька—б . . . . полеллива:
Часто лежитъ она, хвораетъ,
Долго она не пропадаетъ,
Работы работать она не можетъ,
Казака нанять она не смыслитъ;
Дроздь-отъ у ней казаченко,
День-то онъ, ночи работаетъ,
Гроша отъ найму да не видастъ;
Кокуша—побѣдна горюша:
Много она яицъ выкладаетъ,
А счету во ящикахъ не знаетъ,
Дѣтей выводити не умѣетъ;
Куропать—бобыль безпомѣстный:
Штанки онъ носить съ папусками,
Изъ куста въ кустъ перебродигъ,
Помѣстья себѣ да не имѣетъ;
Дятель-отъ на морѣ—плотникъ,
Желна-та—церковный стронтель:
По темному лѣсу летаетъ,
Всяко она древо пытаетъ,
Церквы-соборы работаетъ;
Сорока—кабацкая женка:
Черные чоботы держала,
Съ ножки на ножку скакала,
На груди подола подымала,
Молодыхъ ребятъ приманяла;

Безъ калача да ѣсть не сидеть,
Безъ молодца да спать не ляжетъ;
Пѣшь же она, к. . . . , не ходитъ,
Все-ль-то ѣдетъ на подводахъ,
А пара у ней коней воропыцхъ,
Пзвоцпчки—ребята молодые;
Ворона-та на морѣ—бабка:
Когти толстые, грязные,
Порядно-ту водить худую;
Пѣтухи—казаки допскіе:
То-то молодцы да удалые,
По многу жепъ они содержатъ,
По три жены да по четыре,
Шной и до цѣлаго десятка,
А всѣхъ нарядити онъ умѣетъ,
Всѣма разрядити разумѣетъ;
Не такъ какъ на Русп у мужа
Одна его бажконая женушка,—
П той нарядитъ онъ не умѣетъ,
На работу разрядитъ не разумѣетъ;
А курица—последняя птица:
Кто ни сю да поймаетъ,
Всякой въ дырѣ да ковыряетъ,
Все пзъ яйца бѣдну пытается,
Любимымъ зятевьямъ и припасаеъ.
Левъ-тотъ на морѣ мясникъ былъ,
Медвѣдь-етъ былъ кождерипкъ:
Много онъ кожъ припраетъ,
Сапоговъ на погахъ не видаетъ.
Волкъ-тотъ на морѣ овчипникъ:
Много онъ овчинъ припраетъ,
Аи шубы онъ на плечахъ не видаетъ,
Велвку себѣ стужу припимаеъ.
Олень-етъ—скорын посланипкъ,
Зайко-то на морѣ—калачникъ,

А пожки тоненьки, бѣленьки,
Калачики пекеть онъ п мяконьки;
А лисица—молода молодица:
Дологъ хвостъ—и не наступить,
Сдѣласть вину—она не скажетъ;
А собака-та—зла лиха свекрова:
День она, почи варайдасть,
Дѣла никакого не скажетъ.
Айи кошки эти были вдовицы,
То-то сироты да бобылицы:
Днемъ кошки лежатъ по печкамъ,
Ночью пойдуть по добычкамъ,
А кришочкп-горшочки открываютъ,
Безъ ложки сметанку снимаютъ;
За то же ихъ бьютъ и безошадно.»

А всѣмъ молодцамъ былъ п роспускъ,
Всѣмъ удалымъ былъ п розѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по теремамъ,
Айи молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ.
А молодымъ молодкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ п по полатамъ,
Старымъ старушкамъ по нечкамъ.
То-то старуха на печкѣ,
То-то старухѣ надо ѣства—
Крпнка овсянаго тѣста;
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала ...тпру!

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 62.—Сходная штеця (не
полная): Рыбниковъ, часть I, стр. 485.

498.

Отчего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего, братцы, становилась весна красна?

Весна красна становилась отъ зпмы холодной.
Отчего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего, братцы, становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.
Покладуть крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо—и весело, и прохладно.
Да царь живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіе судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы, дяки живутъ по погостамъ,
А спроты, мелкіе люди, живутъ они по подворьямъ.
А про то бы, братцы, было вѣсто:
Старой бабѣ на печи было мѣсто,
И лежала она бы, не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ кринка съ тѣстомъ....
Стары старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодпцы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвпцы по ошесткамъ спятъ,
Малые ребята спятъ—по зенькамъ снятъ.

Тутъ изъ далеча, изъ далеча,
Изъ синяго Дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-пташка,
Спрашиваетъ и русскіихъ птицъ:
«Аіі же вы, русскія птицы!
Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
«Аіі же ты, мала птица-пташка!
Хорошо намъ жить на Руси.
Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
Да всѣ птицы у насъ при работѣ,
И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
И налетали птицы воробьи,

Садились они по коламъ,
Садились они по изгородамъ,
Садплись они по малинмъ ракитовымъ кусточкамъ,
Да садились они вдоль зеленой дубравы;
А жпвуть они въ домахъ по рагузу.
Губаль-птица на морѣ—плотникъ;
Ястребъ на морѣ—стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по курешку,
Со вдовы, съ спроты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра,
Кавюкъ на морѣ—хлопотникъ,
Гусь на морѣ—морской ходатель,
Чайки на морѣ—онѣ погощани,
Спиница была на морѣ—пѣвица,
И то она была не пѣвица
То она была пономарица;
И чпрка на морѣ, она была рыболовка,
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ,
И только съ рыбой въ ярмонку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ;
Сойка на морѣ, она была верещага,
Утка на морѣ—она сѣроплавка,
Селезень-то на морѣ—удалый добрый молодецъ,
Ластунки на морѣ были касатые—красны двушники,
Соловей на морѣ—птица,
Хорошо поетъ, любо и слушать;
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехолько онъ щекочетъ;
Вытлюкъ на морѣ—травникъ, самъ ябедникъ;
Куликъ на морѣ долгоногий,
Самъ-то былъ тонкопосый;
Посачъ на морѣ—казакъ дошской,
И тетерка на морѣ—молодая женка,

Галки на морѣ, они погощаны,
Гагара, изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха;
Воронъ былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строптель,
И былъ стронтель—то онъ былъ не стронтель,
Былъ онъ монастырскій разоритель;
Журавль на морѣ—пономарь монастырскій:
Въ большой колоколь ударитъ,
Къ обѣднѣ идти заставитъ;
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь—кожемяка:
Много кожъ онъ сьмаетъ,
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волкъ-отъ—овчешникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ—молода молодница:
Много вины сдѣлаетъ—про себя вины не скажетъ,
Дологъ хвостъ,—на свой не ступить.
Заяцъ на морѣ—сошки не дѣлаетъ, рѣпки не пахнетъ,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,
Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ...
Охъ, тошнехонько, охъ, тяжеленько!...
Кошки на морѣ—вдовицы,
И то—бобыли-сироты:
День она по печамъ, день она по ошесткамъ,
И ночь-то придетъ, пойдетъ по молочнымъ крпн-
камъ.

Да сорока на морѣ—кабацкан женка:

Съ пожку на пожку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ—побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поймаеъ,
Всякій перстомъ въ дырѣ покопаеъ,
Оттуль яйцо добываеъ;
И зятю теща яйцо добываеъ,
Отъ того теща и честь залучаеъ.
На морѣ вороница—бабка пупорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное.

Какъ будутъ люди-ты обѣдагъ,
Какъ стануть вшищ по подоконноу бѣгать:
Холодныхъ щей не хлобали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не видали;
Что знали, то и сказали.

Олонецкая губерія. Гильфердингъ, № 130.— Сводныя пѣсни.
Рыбниковъ, томъ II, стр. 310.— Гильфердингъ, № 137.

499.

Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.
Мужики-крестьяна стоги поклали;
Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,

Подьячьи спдятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
Старые старпки по скамейкамъ,
Молоды молодицы по кроватямъ.
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ берегахъ
И нодъ теплымъ одѣяломъ по другому.
Впрעדъ сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старои старухѣ на печи мѣсто,
Кривка подъ носомъ съ тѣстомъ,
Бла бы она, не ворчала...

Изъ-за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица синица,
Надъ русскими птицами царца;
Садилась на деревцо калину,
Она начала пѣть-жуцѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила русскимъ птицамъ:
«Ай же вы, русскія птицы!
Тамъ же вы не бывали,
Нужды-горя не видали,
Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ...
Какъ у насъ на славной тихой заводи
Даромъ птички хлѣба не тратятъ:
Всѣ птички по службамъ,
Всякъ человекъ по работамъ.
Кунки-гагары—вѣковѣчные рыболовы
Изъ озера въ озеро летаютъ,
Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,

Много рыбы они добываютъ,
На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.
Пѣтухи—молодцы удалые:
По многу женъ имѣютъ,
По двѣ, и по три, и по цѣлому десятку.
У крестьянина на Руси одна женка бакона,
И той нарядить не можетъ.
Цапля ты, цапля, худой человекъ, необычайный,
Журавъ черкацкій, самъ петербургскій!
Въ большой колоколь ударить,
Обѣдать-ужинать просить;
Ходить по мосту, а мосту мостить не умѣетъ:
Пожки тоненьки, чулочки узеньки
И платица коротеньки.
Соколъ-птица—надлетникъ:
Часто въ деревню прилетаетъ,
Годовую десятину обираетъ,
Сиротъ, вдовицъ обижаетъ,
И въ томъ эта птица неразсудна.
Попугай—птица на морѣ вѣща;
Куропатъ на морѣ—безкромѣшна:
Изъ куста въ кустъ перебродитъ,
Подворья себѣ не имѣетъ;
Чайцы на морѣ—попадейки,
Гуси на морѣ—бояра,
Лебеди на морѣ—дворяна,
Олень на морѣ—посланникъ,
Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
Много кожъ снимаетъ,
Самоговъ никогда не бываетъ;
Сѣрый волкъ—овчинникъ:
Много овчинъ снимаетъ,
Полунубка на себѣ не бываетъ...»

Олонецкая губернія, Петрозаводскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III,
стр. 328. Очень сходныя пѣсни: Рыбниковъ, часть III, стр. 333,
338.

500.

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилась зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,
А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго Дунайскаго моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садилася птица пѣвица
Во зелснѣй да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому патрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садплися птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И вачали птицу пытати:
«Ай же ты, малая птица пѣвица!
И кто у насъ за моремъ большій,
Кто за Дунайскіемъ меньшій?»
—«На морѣ колникъ-отъ—царикъ,
Бѣлая колница—царица;
На морѣ гуси—бояра,
А лебедушки были княгини;
На морѣ рябчикъ—стряпчій;
На морѣ журавъ—перевончикъ:
Ножки бѣленьки, тоненьки,
Шталики спивеньки, узеньки,
По морю ходитъ и бродитъ,
Шталчиковъ не смочитъ,
Кажную птицу перевозитъ,
Тѣмъ свою голову кормитъ;
На морѣ дятель-отъ—плотникъ:
Кажное дерево пытается,

Съ того ради сытъ пребываетъ;
А ластушки были дѣвицы,
Утушки—молодицы,
Чаюшки—водоплавны,
Гагары были рыболовки:
Много-то рыбы наловили,
Рыба на горѣ не бывала,
Крестьяне рыбы не ѣдали;
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А синюшка, она—худая,
Часто, милая, она хвораетъ,
Долго она не умираетъ,
Работы работать не умеетъ,
Казаковъ нанимать не смыслитъ.
А ворона—богатая птица:
Въ лѣтнюю пору по суслопамъ,
А въ зимнюю пору по ометамъ,
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А воробьи были царскіе холопы:
Колье-жердѣ подбираютъ
И загоры подпираютъ,
Все они крестьянъ разоряютъ,
Съ того ради сыты пребываютъ;
А голубь-еть на морѣ—пошикъ,
А голубушки—попадьюшки;
А сорока—кабацкая жепка:
Съ пожки на пожку ступаетъ,
Черные чоботы топтаетъ,
Высоко чоботы топтаетъ,
Удалыхъ молодець прельщаетъ.
Пѣтушки—казачки были донскіе:
Пѣвють по хозяйкѣ и по днѣ,
По цѣлому да по десятку,

И не такъ какъ на Руси крестьяншиъ:
Одну-го онъ женку имѣеть,
А той нарядить не умѣеть,
А бить-то ей, бѣднѣй, не смѣеть.
Курица—побѣдная птица:
По улицѣ ходитъ и бродитъ,
Кто вѣдь ей пзываетъ,
Всякъ яйца у ей пытается...»

Олопецкая губернія. Гильфердингъ, № 280.—Сходная пѣсня:
Гильфердингъ, № 264.

501.

Какъ во городѣ было во Казани,
Среди было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Ужъ какъ нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше.
Хмѣлевой моеи головки—веселѣе!
Еще царь-государь меня знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Священники-попы благословляютъ;
Еще свадьбы безъ хмѣля не играють,
И крестины безъ хмѣля не бывають;
Еще гдѣ подерутся, побранятся,
Еще тутъ безъ хмѣля не мрятся.
Одинъ лпхъ на меня мужикъ-крестьяншиъ:
Онъ частешенько въ зеленый садъ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды копаетъ,
Глубоко меня, хмѣлпну, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычиночки втыкаетъ.
Застпляетъ мои глазоньки соломкой.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:

По тычинкамъ вверхъ подымался,
И отростилъ свои ярья шишки...
Но все лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Почастешевку въ зеленый садъ гуляетъ;
Огъ и сталъ меня, хмѣлюшку, снимать,
И со малыи ребятами щипати,
Въ куле, въ рогожи зашивати,
По торгамъ, по домамъ развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицемъ во котлкахъ топити.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
Я пзъ котлика вошъ подымался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался,
И бросалъ ихъ о тынь головами,
А во скотскіи пометъ бородами.»

Ильсенникъ 1791 г., часть I, стр. 124.

502.

Ус хмѣлюшка по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Что и пѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Что и пѣтъ, хмѣля, меня веселѣ...
Что безъ хмѣлюшки свадьбушку не играютъ,
Что журятся и бранятся все во хмѣлю,
И дерутся и мврятся все въ хмѣлю.
Только сестъ на меня мутенъ садовникъ:
Огъ широкія борозды копасть,
Далеко ль меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычиушку вбиваетъ.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычиуникѣ шверхъ увивался,
Раскидалъ свои яровы шишки.»

Красны дѣвушки хмѣлюшку цѣпали,
Во рогожины кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базарѣ меня, хмѣля, вывозили.
Что богаты ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили,
По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жъ я садовнику насмѣшку:
Я и сдѣлаю его сатаною,
И ударю его въ тынъ головою,
И и въ самую-то грязь бороδοю.»

Якушкинъ, стр. 601.

503.

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Самъ себя хмѣль выхваляетъ:
Нѣту меня, хмѣлюшка, лучше!
Нѣту меня, хмѣля, веселѣе!
Меня государь, хмѣля, знаетъ;
Князья и бояра почитаютъ,
Монахи, патріархи благословляютъ;
Безъ хмѣлюшка свадебъ не играютъ;
А гдѣ быются, гдѣ дерутся, все во хмѣлѣ;
Безъ хмѣля не мрятся,—имъ помрится.
Только лпхъ на меня мужикъ садовникъ:
Онъ почасту въ зеленый садъ гуляетъ,
И глубокія борозды копаешь,
А навозомъ и соломою застилаетъ.
Тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычиночкѣ въ верхъ подавался,

Надъ богатымъ мужикомъ же насмѣлся:
Кайъ ударилъ его въ тынь головою,
Еще въ грязь широкой бороною!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. 1, стр. 487.

СОКРАЩЕНІЯ

въ названіяхъ источниковъ.

- Абрамычевъ—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень. Записалъ съ народнаго напѣва и передалъ на одинъ голосъ *И. Абрамычевъ*. Спб. 1879.
- Альбрехтъ—Сборникъ солдатскихъ, казачьихъ и матросскихъ пѣсень. Слова собралъ П. Х. Вессель. Съ голоса на ноты положилъ *Е. К. Альбрехтъ*. Второе изданіе. Спб. 1886.
- Балакиревъ—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, составленный *М. Балакиревымъ*. Спб. 1891.
- Будде—Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде*. Варшава, 1892.
- Варенцовъ—Сборникъ пѣсень Самарскаго края, составленный *В. Варенцовымъ*. Спб. 1862.
- Весельчакъ на досугѣ—Весельчакъ на досугѣ, или собраніе повѣйшихъ пѣсень. Собралъ колл. р. *Ив. Ф. Л.* Двѣ части. М. 1797—1798.
- Вильбоа—100 русскихъ пѣсень, записанныхъ съ народнаго напѣва и аранжированныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано *К. Вильбоа*. М. 1894.
- Галлеръ—Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень С.-Петербургской губерніи. Составилъ *К. П. Галлеръ*. Спб. 1889.
- Гильфердингъ—Онежскія былины, записанныя *Александромъ Оедоровичемъ Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Спб. 1873.
- Гуляевъ—Этнографическіе очерки южной Сибири. *Степана Гуляева* (Библиотека для чтенія 1848 года, № № 7 и 8, томъ XC).
- Ефименко—Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныя *П. С. Ефименкомъ* (Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и географіи при Московскомъ университетѣ, книга V, выпускъ 2-ой, 1878 года).

- Иваницкій**—Новѣствовательныя пѣсни, собранныя въ Вологодскомъ уѣздѣ *Николаемъ Иваницкимъ* (Статистическій сборникъ, издаваемый Вологодскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, томъ III).
- Кашинъ**—Русскія народныя пѣсни, собранныя и издашыя для пѣнія и фортепіано *Дан. Кашинымъ*. Двѣ книги. М. 1833—1834.
- Кирѣевскій**—Пѣсни собранныя *Н. В. Кирѣевскимъ*. Девять выпусковъ. М. 1860—1874.
- Костомаровъ и Мордовцева**—Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи *А. И. Мордовцовой* и *Н. И. Костомаровымъ* (Изтощеп русской литературы и древности, издаваемые П. Тихомировымъ. Томъ IV, 1862 года).
- Кохановская**—«Нѣсколько русскихъ пѣсенъ» и «Остатки болгарскихъ пѣсенъ», *Кохановской* (Русская Вещда 1860 года).
- Лаговскій**—Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерній, собранныя и положенныя на ноты *Ф. Лаговскимъ*. Выпускъ I. Череповецъ, 1877.
- Лопатинъ и Прокунинъ**—Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. *Н. М. Лопатина* и *В. И. Прокунина*. Въ двухъ частяхъ. М. 1889.
- Магницкій**—Пѣсни крестьянъ села Вѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. *В. Магнитскаго*. Казань, 1877.
- Мельгуновъ**—Русскія народныя пѣсни, непосредственно съ голосовъ народа записанныя и съ объясненіями изданія *Ю. И. Мельгуновымъ*. Выпускъ I. М. 1879. Выпускъ II. Сиб. 1885.
- Молодчикъ съ молодкою**—Молодчикъ съ молодкою на гудьяхъ съ пѣсельниками, помощни повья пѣсни. Сиб. 1790.
- Мякушинъ**—Сборникъ уральскихъ казанскихъ пѣсенъ. Собралъ и издалъ *Н. Г. Мякушинъ*. Сиб. 1890.
- Овчинниковъ**—Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы, собранныя *А. В. Овчинниковымъ*. Казань, 1886.
- Пальчиковъ**—Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевскѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, *Н. Пальчиковымъ*. Сиб. 1888.
- Поповъ**—Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, *Василіемъ Поповымъ*. М. 1880.
- Прачь**—Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку *Иваномъ Прачемъ*. Сиб. 1790.
- Прокунинъ**—65 русскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ фил., *Н. Прокунина*. М. 1881.

- Пѣсенникъ 1780 года**==Новое и полное собраніе русіейскихъ пѣсень. Шестъ частей. М. 1780—1781.
- Пѣсенникъ 1788 года**==Собраніе разныхъ пѣсень. Четыре части. М. 1783—1788.
- Пѣсенникъ 1791 года**==Новый русіейскій пѣсенникъ. Три части. Спб. 1791.
- Пѣсенникъ 1796 года**==Карманный пѣсенникъ. Три части. М. 1796.
- Пѣсенникъ 1803 года**==Собраніе отборныхъ старыхъ и новыхъ русіейскихъ пѣсень. Спб. 1803.
- Пѣсенникъ 1810 года**==Новѣйшій и полный русіейскій общенародный пѣсенникъ. М. 1810.
- Пѣсенникъ 1811 года**==Карманный пѣсенникъ для милыхъ дѣвужекъ и любезныхъ женщинъ. М. 1811.
- Пѣсенникъ 1812 года**==Новѣйшій русіейскій пѣсенникъ. Спб. 1812.
- Пѣсенникъ 1815 года**==Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ. Спб. 1815.
- Пѣсенникъ 1817 года**==Новѣйшій русіейскій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1817.
- Пѣсенникъ 1819 года**==Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ. Четыре части. Спб. 1819.
- Пѣсенникъ 1821 года**==Новѣйшій туалетный пѣсенникъ для милыхъ дѣвужекъ и любезныхъ женщинъ. Три части. Орель, 1821.
- Пѣсенникъ 1827 года**==Новѣйшій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1827.
- Пѣсенникъ 1829 года**==Новѣйшее собраніе отборнѣйшихъ пѣсень и романсовъ. М. 1829.
- Римскій-Корсаковъ**==Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, составленный *И. А. Римскимъ-Корсаковымъ*. Двѣ части. Спб. 1877.
- Росіійская Эрата**==Росіійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ русіейскихъ пѣсень. Собрали и сочинилъ *Михайла Поповъ*. Три части. Спб. 1792.
- Рыбниковъ**==Пѣсни собранныя *И. И. Рыбниковымъ*. Четыре части. М. 1861—Спб. 1867.
- Савельевъ**==Сборникъ допесныхъ народныхъ пѣсень. Составилъ *А. Савельевъ*. Спб. 1866.
- Семевскій (Торопецъ)**==Торопецъ. 1016—1863 г. *М. И. Семевского* (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1864 года, книга 2-я).
- Славянская**==Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями. *О. А. Арендсвой-Славянской*. Три части. М. 1887, Тверь 1887, 1889.

- Смирновъ—Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собранныя и изданы *Александромъ Смирновымъ*. М. 1847.
- Студитскій—Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, собранныя *Ю. Студитскимъ*. Спб. 1841.—Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губерній *Ф. Студитскимъ*. Спб. 1874.
- Сухановъ—Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Кирилъ Давыдову. Собранныя *М. Сухановымъ*. Спб. 1840.
- Терещенко—Быть русскаго народа. Въ VII частяхъ. Спб. 1847—1848.
- Филипповъ—40 народныхъ пѣсней, собранныхъ *Т. П. Филипповымъ* и гармонизованныхъ *Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ*. М. 1882.
- Халанскій—Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерній, *М. Халанскимъ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879—1883 годовъ).
- Шейнъ—Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ*. Часть первая. М. 1870.
- Шейнъ (Чтенія)—Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ* (Чтенія въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ 1877 года, книга 3-я).
- Шишонко—Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губерній. Собралъ *В. Шишонко*. Пермь, 1882.
- Якушкинъ—Сочиненія *П. П. Якушкина*. Спб. 1884.

Алфавитный список пьесень.

	Стр.
А Богъ молодца-то не мизуетъ	358
А въ насъ по Николаѣ во приходѣ	395
А въ теремѣ, а въ высокои	314
А жила-была да молодца вдова	260
А п горе, горе, гореваныще	535
Ай дюрди-дюрди да дюрди гетманы	31
Ай, отчего-те зима да зачалася	585
Ай сидитъ, сидитъ кручнень добрый молодецъ	10
Ай, собралася матросушки на зеленый лугъ	341
А князь Романъ жену терязъ	141
А ходила я по сыромъ бору	195
Ахъ, была я, братцы, во святой Русѣ	77
Ахъ вы, горы, горы Воробьенскія	447
Ахъ вы, горы, горы крутыя	443
Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	465
Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ	467
Ахъ, ныѣшняя зима непогожая была	87
Ахъ, палъ туманъ на спле море	437
Ахъ ты, мать ли моя, мать	406
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	445
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	446
Ахъ ты, поле мое, поле чистое	470
А что-то у полѣ да здучить-грючить	455
Батюшка съ матушкой споръ сучинилъ	386
Бережкомъ идутъ казачицы	321
Было у вдовушки тридцать дочерей	135
Было у вдовы тридцать три дочери	139
Было у вдовы тридцать три сына	132
Было у Чечоточки девять сыновей	264
Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ	121
Былъ и подъ Дарьей-рѣкой	458
Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ	410
Вечоръ ко виѣ, дѣвушка	397
Вечоръ меня милый цѣловалъ-милопалъ	216

	Стр.
Вечоръ по лугу гуляла	204
Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ	490
Во горахъ-то было, горахъ	491
Во городѣ было по Питерѣ	67
Во городѣ по Бѣлградѣ случилась бѣда	249
Во городѣ во Кіевѣ	270
Во градѣ было Кіевѣ	250
Военный казаченка во службу пошелъ	353
Возлѣ рѣченки стою, млада	392
Возлѣ рѣченки хожу, млада	390
Возлѣ рѣченки я хожу, молода	387
Во лѣсахъ-то, во лѣсахъ во дремучихъ	303
Во лѣсу было въ орѣшникѣ	190
Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоитъ	480
Во селѣ-то, по селѣ было Измайловѣ	84
Во Симбирскомъ городкѣ случилась бѣда	335
Во славномъ было городѣ Кронштатѣ	322
Во славномъ городѣ во Кіевѣ	134
Во тихомъ Дону, по тихомъ Дону	276
Вотъ поѣхалъ князь Михайло	99
Вотъ ходилъ да я, молодчикъ , по чистомъ я полю	40
Во чистомъ полѣ	488
Время проходить, премя летить	85
Въ поскресеньице матушка замужъ отдала	532
Въ городу-то было по Кіевѣ	274
Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣиной было площади	63
Въ Москвѣ было у князя Волконскаго	55
Въ чистомъ полѣ, по полѣ шпрокоитъ	473
Выйду, выйду я на круту гору	456
Вы, коши мои, кошочки , коши мои новые	439
Выстала галочка изъ зеленаго садика	195
Вы, луга мои, пы , зеленые	555
Вы, морозы , морозы , пы , крещеніе	337
Вы не горкайте , два сизыхъ голуба	360
Вы солдатники-улань	419
Вы, солдатушки - улань	416
Вы, туманы мои, туманушки , разогоніе вы туманы мои	492
Гдѣ ты, мой другъ , убираешься	207
Генеральскій сынъ во саду гулялъ	357
Гопорять про Церсію	302
Голова ль ты моя , головушка	443
Горка ты, горка	566
Гостила у насъ гостя дальняя , чужестранная	278
Государь ты, милой батюшка	258
Гуляй, гуляй, дѣланца , у батюшки да ты во саду	398
Гулялъ молодецъ по Украинѣ	34

	Стр.
Да взойди, взойди, не ясное солнце	211
Далеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ	49
Далекохонько степь протянулась	164
Далече, подалече было въ каменной Москвѣ	73
Да не стукъ-то стучить, да не громъ гремитъ	459
Да три года дѣвушка церковь строила	354
Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась	597
Дрянн дѣвочка по лулечку гуляла	201
Душечка молодчикъ	404
Дѣвка платье мыла	341
Еще всѣ-то добрые люди пьютъ, гуляютъ	415
Ждала, ждала красавица	506
Женили меня молодца	32
Женили меня батюшка неволью	16
Живеть-поживаетъ	68
Жила-была молода вдова	251
Жила-была тутъ пречестна вдова	256
Жили два ялыца	232
Жило-то было девять дочерей	140
Жилъ-былъ молодецъ едншешенекъ	1
Жилъ-былъ у батюшки единый сынъ	5
Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ	514
Жилъ князь Романъ	153
Жилъ князь Романъ, жену терялъ	150
Заболить головушка	376
Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ	553
Загоралась въ чистомъ по ѣ ковыль-трава	576
За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ	477
За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ	478
Закаталось красно солнышко	429
Закатилось красно солнце	428
За Кубанью за рѣкой	483
За Кубанью за рѣкою	476
Залюбятъ-ка, ребятюшки, да мы ибѣсно поую	468
За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланчикъ гулялъ	477
Заходилъ я, добрый молодецъ, загулялся	430
Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ	285
Зашатался я, добрый молодецъ	432
Зимушка, зима	190
Злое зелье крапивное	129
Зоренька ясная привечерная	537
И женился князь по двѣнадцать лѣтъ	125
Изошелъ я всею землю свято-русскую	45
Изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569

	Стр.
Изъ-за барскаго двора	92
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	279
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	281
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	437
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	457
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	458
Изъ-подъ бережку изъ-подъ крутаго	171
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго	159
Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго	166
Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго	167
Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго	172
Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго	287
Изъ холопскихъ воротъ	93
И какъ во славномъ было въ городѣ, было въ каменной Москвѣ	53
И какъ отъ батюшка было отъ умнаго	529
И отчего, братцы, зима становилась	590
Исходилъ я, молодець, день до петера	131
Кабы по горамъ, горамъ, по высокіимъ горамъ	197
Какъ бы на соловья не зима бы студеная	22
Какъ бы я былъ голубчикъ	563
Какъ во городѣ было во Казани	599
Какъ во городѣ было во Саратовѣ	187
Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ	58
Какъ во городѣ во Саратовѣ	271
Какъ по-далече, далече,—въ каменной Москвѣ	80
Какъ по сльничкѣ, во березничкѣ	189
Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковыла	574
Какъ во полѣ могилушка стовтъ	479
Какъ во селѣ, селѣ Покровскомъ	427
Какъ во славномъ было пепкомъ Полугородѣ	268
Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ	79
Какъ по теремѣ дѣвнца дары шла	555
Какъ донской казакъ вель коня поить	170
Какъ донской-то казакъ, казакъ вель коня поить	171
Какъ доселѣва у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ	444
Какъ женился князь Михайло	116
Какъ задула, завела	94
Какъ за рѣченькой за Кубанушкой	482
Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утною	511
Какъ за рѣчкою-то было за Утною	512
Какъ за рѣчушкой за Кубанушкою	475
393. Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою	475
Какъ за славною за рѣчкой за Утною	512
Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя	205
Какъ идти-то Димитрій князь ко заутренѣ	238
Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля	569

	Стр.
Какъ пзъ далеча. пзъ-подъ далеча во чистомъ полѣ	578
Какъ и мужь-то жену	161
Какъ в нынче доброду молодцу малымъ-то мало сналось	497
Какъ князь Ромапъ жену терилъ	144
Какъ князь Ромапъ, онъ жену терилъ	148
Какъ король-еть молодца любилъ-жаловалъ	38
Какъ купческа дѣвушка платке мыла	551
Какъ леталъ-то, леталъ сизой орелъ по крутымъ горамъ	572
Какъ на горкѣ, на горущкѣ	60
Какъ на горкѣ, на горѣ	379
Какъ на горѣ жито	502
Какъ на зоренькѣ было	173
Какъ на морѣ было, морѣ свиеемъ	180
Какъ на морѣ, морѣ	546
Какъ на островъ было на Дмитревскомъ	66
Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка	539
Какъ не въ полѣ-то было, было на широкой долинушкѣ	487
Какъ не выль-то во чистомъ полѣ запылплася	567
Какъ носила меня моя матушка	292
Какъ подъ лявой, подъ липой	325
Какъ подъ яблоней такой	331
Какъ по крутому по красному по бережку	198
Какъ по дугу, по дужочку	554
Какъ по Московской было по дорожкѣ	318
Какъ по Питерской было по дорожкѣ	319
Какъ по Питерской по широкой по дорожкѣ	460
Какъ поссорился Ванюша	71
Какъ пошла наша Параля съ горы на гору гулять	227
Какъ пошла наша Параша	229
Какъ поѣхалъ же князь Михайло	117
Какъ поѣхалъ князь Михайло	114
Какъ поѣхалъ королевичъ на воеванъице	346
Какъ сбирался князь Михайло	103
Какъ сватался Дмитрій князь	243
Какъ сватался-су воръ Инька	233
Какъ сражался князь Михайло	105
Какъ у вдовушки было девять сынопей	266
Какъ у вдовушки было девять сынопей	273
Какъ у вдовушки было у пашпы	254
Какъ у вдовушки было у пашвицы	263
Какъ у Дуношки, у голубушки	156
Какъ у ключка у студеного	169
Какъ у моего мплага	556
Какъ у насъ было въ воскресень-день	130
Какъ у штапки у перелепки	218
Какъ у славнаго князя было у Волконскаго	62
Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодець ровно три года	124

	Стр.
Каварейка пташечка	220
Князь Данило ходить	343
Килзь Демянтъ жену тералъ	151
Когда было молодцу	366
Когда у пастъ была русская воля	341
Конопля, конопля зеленая моя	385
Король молодой сбирался, королюшка во ину землю	350
Край дорожки, край шпрокія было Московскою	461
Край дорожки, край широкія было Московскою	462
Крапива-крапивушка, крапива стрекучая	41
Красна дѣвушка поду черпала	312
Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая	537
Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая	539
Куда миѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжати	534
Куда тошно миѣ, куда грустно миѣ	370
Кудрявому деревцу Богъ листу не далъ	382
Лелимъ мой, лелимъ	544
Лелимъ мой, лелимъ	545
Летѣла пава черезъ три двора	122
Летѣла пава черезъ улицу	119
Любила княгиня камеръ-лакея	86
Любила я сотничка	374
Мать сыну говорила	209
Мила по саду ходила	199
Мимо Москвы проѣзжаемъ	424
Миѣ мажешенько, младу, спазось	498
Молодецъ у короля на вѣстяхъ служилъ	37
Мы вѣчоръ, братцы, были пьяны	570
На батюшкѣ было на Оклянь-морѣ	573
На горѣ, горѣ	297
На горѣ, горѣ	300
На горѣ, горѣ	380
На горѣ, горѣ было на крутой	299
На горѣ, горѣ, на крутой горѣ	305
На горѣ, горѣ, полугорѣ	296
На горѣ, горѣ стояла корма	306
На Дунаѣ дѣвка мылася	288
На зарѣ было, на зорюшкѣ	176
На зарѣ было, на зорюшкѣ	188
На зарѣ, на зорюшкѣ	441
На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	174
На зарѣ-то было, на зорюшкѣ	442
На морчкѣ, морѣ, на морѣ-Окляни	548
На Подолѣ жила вдова	275
Народился въ отца сынъ	337

	Стр.
Па рождественской недѣлѣ	416
Па рѣкѣ, на рѣкѣ	542
На рѣкѣ на лужечкѣ	410
Па списмѣ было на морѣ	394
Па степи-степи на Саратовской	163
Па степи-то, степи на Саратовской	157
Наши-то поля всѣ украшенныя	472
Не быть мнѣ, молоденькой, за княземъ, за бояриномъ	290
Не бѣлье-то снѣжочки забѣлалася	47
Не вечерняя заря, братцы, пріутухла	324
Не взшивайся, мой голубчикъ	396
Не во дали было, во чистомъ полѣ	580
Не газичья стая подымалася	568
Не летай же ты, соколъ	409
Не летай-ка ты, да не летай-ка ты	408
Не летай-летай, голубчикъ	400
Не летай, не летай	399
Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка	577
Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ	222
Не стукъ стучить, не громъ гремитъ	459
Несчастная наша доля! нѣшто насъ не любить	91
Не туманъ-то съ моря подымается	454
Не хвѣлюшка по полю гуляетъ	600
Не хотѣлося мнѣ, дѣвчоночкѣ, за разбойничка замужъ идти	283
Но чернымъ-то черно поле зачерѣлось	514
Ночьче Купалы, завтра Планы	249
Нѣту, нѣту у молодца	485
Одинъ былъ сынъ у отца - матери	120
Одна была нѣсія	182
Ой, вы гризи мои, гризи черныя, разосенія	451
Ой, да вы, туманы, вы, мои туманушки, туманы мои большіе	493
Ой, и дочь къ отцу собиравася	559
Ой, не бѣлая береза заматалася	431
Ой, невола, невола—болрекій дворъ	48
Ой, подъ сосною, подъ кудрявою	320
Ой, промѣжду Куры-Малку пораспаханное	513
Ой, служилъ же я тремъ, тремъ царямъ	40
Ой ты, горе мое, горе, горе сѣрое	533
Ой ты, корчма польская, королевская	306
Ой ты, нашъ батюшка тихій Доиъ	295
Ой ты, поле мое, раздольяце	582
Отецъ на сына противилася	335
Отпущало, отпущало сердце матушкино	336
Отчего это, братцы, зима становилася	594
Отъ чего ты, горе, зародилось	531
Отъѣзжаетъ казаченька на разгуляныце	353

	Стр.
Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляныце	352
Охти горе, тоска-печаль	536
Охъ, да не стружилъ стружилъ удалъ добрый молодецъ	193
Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая копыль, травка	575
Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькій Донокъ	296
Охъ, дѣвка, ты, дѣвка красная	535
Охъ, матушка, тошно мнѣ	372
Охъ ты, матушка раздкая степь Саратовска	162
Охъ ты, матушка степь Саратовска	172
Охъ ты, поле мое, поле чистое	486
Папепька съ маменькой споръ спорили	381
Первымъ поземъ мальчикъ шелъ	405
Передротъ-перезябъ добрый молодецъ	43
Передъ нашими вороты	321
Передъ нашими широкими поротами	393
Перепезка пташечка	211
Печаль-тоска въ ретпномъ сердцѣ	484
Погуляй-ка, добрый молодецъ	440
По дороженькѣ по Московскои	319
Подъ горою вѣтеръ вѣетъ	320
Подъ горою пла	293
Подъ грушею, подъ зеленою	194
Подъ грушицей подъ такой	332
Подъ грушой	327
Подъ окошечкомъ сироточка слдитъ	490
Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ	413
Подъ яблонью зеленою	328
Подымался туманъшии да по глухую полночь	496
По-край моря, моря снято	136
По-край моря, моря снято	261
По-край моря, моря снято	267
По крутому по красному по бережку	411
Полетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ	179
Полоса моя, полосонька	292
Позляка, полянка, дѣвочка моя	97
По Питерскои дорожкѣ ѣхали обозы	317
Посажу я калинушку на крутъ бережочекъ	543
Постригись, моя жена немилал	391
Постригись, моя немилал	391
По тому-то было морю, морю спнему	558
По улицѣ по широкой	552
По улицѣ по широкой	552
По Устрѣтенскои большой улицѣ	51
Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку	127
Пошла наша Парана по студсную юдницу	228
Поѣзжаетъ князь Михайло	107

	Стр.
Поѣхалъ добрый молодецъ	403
Поѣхалъ князь Михайло жениться	109
Поѣхалъ королевичъ на военянице	347
Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньце	351
Поѣхалъ нашъ королевичъ на вругулянице	344
Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгулянице	348
Поѣхалъ нашъ королюшка на гулянице	345
Прв край было свяго моря	511
Приневолили дѣвчонку	284
Проспался Лвонька	402
Протекало теплое море	583
Разбесчастная дѣвчоночка	286
Разнегодная дѣвчонка	196
Раскачалась въ бору грушица	356
Родимый ты мой брателко	338
Свѣтла звезда, она передъ мѣсяцемъ	206
Среди-то поля чистаго	378
Свидитъ вороня, сидитъ черный	453
Скажи, Дуношка, скажи, любушка	180
Сколько я, добрый молодецъ, пѣшь не хаживалъ	581
Случилось мвѣ, доброму молодцу	191
Собирается королюшка на гулянице	349
Собирался воръ Ванька разбойникъ	291
Собирался князь Михайло	97
Собирался князь Михайло	113
Собирался разбойничекъ по вечеру на разбой	279
Созывалъ король во танокъ дѣвockъ	358
Солдатушка-уланы	426
Соловей кукушку обманывалъ	309
Соловей кукушку подговариваетъ	308
Соловей кукушку подговариваетъ	310
Соловей кукушку подговаривалъ	307
Соловей мой, соловей	431
Спрошу Ваня у тебя	95
Старик-то мой стародавнiе	192
Стала, стала дѣвчоночка	503
Стала, стала дѣвчоночка	505
Стала, стала дѣвчоночка мягкую постелю	504
Стоитъ кусть березы	499
Стругалъ стружки добрый молодецъ	192
Съ-подъ ели рѣка прошла	564
Сяду я, младшенька, подъ окошечко	463
Тай-тай-айюй, ладо	565
Тамъ далече въ чистомъ полѣ	487

	Стр.
Тамъ за рѣкою, рѣкою разгорается	438
Те Богъ на немочь, красна дѣвица	549
Три года дѣвушка строй стропла	383
Туманы вы мои, туманушки, туманы вы мои разосеніе	493
Туманы, вы туманчики	494
Тутъ князь-неживаль господинъ Волхонскій князь	81
Ты, батюшка нашъ, батюшка	83
Ты, дубровушка, ты, зеленая	578
Ты, корчма, корчма	304
Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая	44
Ты, поле мое, поле чистое	469
У батюшки, у матушки жизнь молодець	521
У вдовушки было у ланицы	138
У воротъ Любовь стояла	184
У воротъ сосна раскачалася	354
У пороть сосна раскачалася	355
У пороть, у поротичекъ	356
Удалой ишчакъ коня яоплъ	177
Уже за моремъ было за спніемъ	258
Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Бороблевскія	450
Ужъ вы, горы ли, горушка высокія	474
Ужъ вы, горы-ли, горы, горы Закубанскія	449
Ужъ вы, горы мои, горы высокія	452
Ужъ вы, горы мои, горы, горы Валдайскія	448
Ужъ ты жезлоцы узаны	435
Ужъ и чей это дѣвушка	213
Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терлалъ	146
Ужъ какъ палъ туманъъ на спне море, на спне море	464
Ужъ какъ шли, прошли солдаты	422
Ужъ мы сидемте, ребятушки, во единый кругъ	510
Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки	74
Ужъ не и ли, дѣвка, знала	282
Ужъ ты, горе мое, горе, горе казакowo	210
Ужъ ты, зинушка, зима	88
Ужъ ты, зинушка, зима	89
Ужъ ты, крапива-ли, крапивишка жигучая	39
Ужъ ты, поле мое, поле чистое	447
Ужъ ты, поле мое, поле чистое	470
Ужъ ты, поле мое, поле чистое	471
Ужъ ты, поле мое, поле чистое	473
Ужъ ты, стень ли моя, стень Моздокская	433
Ужъ ты стень ли ты моя, стень Моздокская	435
Ужъ ты, стень моя, стень, стень Моздоцкая	434
Ужъ ты, стень наша, стень Саратовская	436
У князя Володимира	127
У князя, у князя, у князя Волхонскаго	82

	Стр.
У колодези у глыбокаго	165
У колодеца было да у студеннаго	313
У колодчика было у хозоднаго	310
У колодца у студеннаго	160
У колодчика было у ключеваго	168
Уланы, вы гдѣ были-побывали	418
Улица широка на пизъ подазасъ	507
У лѣсика, у лѣсика у дремучаго	226
У меня ль, у красной дѣвушки	225
У насъ было по новому городѣ	185
У отца, у матери	339
У славнаго князя у Волхонскаго	57
У столба-столба новоточенаго	178
У тятеньки, у маменьки	333
Хыбляюшка по выходамъ гуляеть	601
Ходила Параша съ горы на гору гузять	230
Ходилъ, гулялъ добрый молодець	181
Ходилъ-гулялъ добрый молодець, искалъ мѣсто доброе	414
Ходилъ молодець изъ орды въ орду	13
Ходилъ молодець изъ орды въ орду	26
Черезъ рѣченьку жердишка лежала	561
Черезъ рѣченьку жердочка лежала	562
Черезъ рѣченьку жестяночка лежала	561
Черезъ рѣчку проходили	421
Черезъ рѣчку, черезъ быстру	223
Чесалъ казакъ кудерьки, чесалъ казакъ русыи	375
Чесалъ милый кудерьки	373
Чесалъ милый кудри	371
Что во полѣ было, полѣ	500
Что гулялъ молодець по Украинѣ	36
Что на славной было улицѣ на Дмитровкаѣ	65
Что не была зорюшка	496
Что не стукъ-то стучать вдоль по улицѣ	241
Что не ястребъ совикался съ перелетюшкою	217
Что ни лютое коренье, то крапивное	123
Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убить	501
Что пошли наши казаки	509
Что-то свѣтитъ во всю ночь	558
Что у насъ было на святой Руси	363
Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли	361
Чья это келешка поненькая	387
Чья это келешка новенькая	387
Шли казаченьки походомъ	508
Шли матросы	316

	Стр.
Шли-прошли обозы	317
Шли солдатушки слободой	315
Ъздилъ молодець изъ земли въ землю	28
Ъздилъ Митрий Васильевичъ	236
Я печоръ лишь, млада, по торгу ли я была	566
Я гляжу, сижу подь окошечкомъ	154
Я годна лѣсная подь закрышею цѣла	83
Я живалъ, бывалъ въ Казани, пырость въ Астрахани	221
Я изъ рукъ, изъ ногъ кѣровать емощу	223
Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую	45
Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ	202
Я по батюшкову дворику хожу	289
Я по бережку хожу, хожу	389
Я пойду, молодець, съ горя на конюшенъ дворъ	209
Я ходила п гуляла	200

УКАЗАТЕЛЬ ПЬСЕННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.

Цифры означаютъ №№ пьсенъ.

- Возвращеніе: молодець возвращается къ худой женѣ 1—3, 5;—милый возвращается изъ службы 338—339.
- Горе пресѣдуетъ молодца 438—441, —дѣвицу 442—445, 447—448;—характеристика горы 446.
- Женитьба неудачная 1—5, 10, 280.
- Загадки: дѣвица загадываетъ загадку объ убитомъ молодцѣ 154—163;—молодецъ (дѣвица) загадываетъ загадки дѣвицѣ (молодцу) 449—468, 470—471;—турецкій паша загадываетъ загадки донскому казаку 469.
- Звѣри: птицы характеризуютъ себя и звѣрей 496—500;—скимень,—устимавъ,—пидривъ—звѣрь бѣжитъ по степи 480—483, 485.
- Игра въ карты: дѣвица обыгрываетъ молодца 325—327.
- Избавленіе отъ смерти 1—2, 4—7, 10.
- Изгнаніе: отецъ прогоняетъ отъ себя сына 254, 256—257.
- Казнь: король велитъ казнить молодца любовника королевы 1—2, 4—15, 17—18, 21—22.—любовника королевы 24;—князь Волхонскій казнить Ваньку ключника 25—47;—князь казнить камеръ-лакея 49—50.
- Канибульское угощеніе 154—163.
- Коя спорить съ соколомъ 491—495.
- Кража: Макарка крадетъ у купающихся дѣвицъ рубашки 323—324;—дѣвица обкрадываетъ молодца 311—322.
- Кровосмѣшеніе: братъ во невѣдѣнію женится на сестрѣ 292—293;—братья-разбойники безчестятъ захваченную ими сестру 179—180, 182, 184—185.
- Любовь: Королевская дочь любитъ молодца 1—22;—болыриша любитъ холопа (лакея) 51—59;—королева любитъ молодца 23—24;—княгиня Волхонская любитъ Ваньку ключника 25—47;—княгиня любитъ камеръ-лакея 49—50.
- Мщеніе: дѣвица мститъ молодцу-любовнику 154—163;—князь Дмитрій мститъ дѣвицѣ за обиду 172—175.
- Обида: дѣвица насмѣхается надъ княземъ Дмитріемъ 172—175.
- Обманъ: казакъ обманываетъ шинкаря 216—224;—молодецъ хочетъ обмануть и увлечь за собою дѣвицу 226—233, 241;—солдаты (матросы, купцы) хотятъ обмануть дѣвушекъ и увлечь за собой 234—240; дѣвица обманывается и обкрадываетъ молодца 311—322.
- Поле битвы 432—437.
- Постриженіе: дѣвица постригается 308;—невѣста утопавшаго князя Василия постри-

гается 309;—мать постригает, лав хочет постричь дочь 294—301;—муж постригает жену 302—307.

Посѣщеніе: солдатъ-уланъ съ товарищами посѣщаетъ давно оставленную жену 330—337;—два герол посѣщаютъ вдову 340.

Похищеніе: казакъ увозитъ отъ матери еврейку Ханку 225;—бурлаки увозятъ дѣвцу обманомъ 244, 246;—молодецъ увозитъ дѣвцу обманомъ 245.

Превращеніе: свекровь превращаетъ невестку въ дерево 78—81.

Продажа: молодецъ продаетъ коня 328.

Прощаніе: сестры и (жена) прощаются съ увѣжающимъ молодецъ 254—261.

Дѣвцы характеризуютъ самихъ себя 496—500;—соколы улетаетъ вслѣдствіе дурнаго обхожденія съ ними 48;—соколы спорить съ конемъ 491—495;—орелъ (воронъ, соколъ) спрашиваетъ ворона (сокола, орла) объ убитомъ молодцѣ 361—369;—орелъ теряетъ дѣтей и лишаетъ себя жизни 486;—вороны насмѣхаются надъ ольшавшимъ соколомъ 487—490.

Разбой: братья-разбойники убиваютъ зятя моранина 178—194;—мужъ-разбойникъ убиваетъ и грабитъ родныхъ жены 196—213;—дѣвушки въ мужскомъ платьѣ бѣгутъ на разбой 310.

Смерть: жена королевича (казакъ) умираетъ 263—273;—извозникъ умираетъ 345—349;—молодецъ (казакъ, солдатъ) умираетъ 341—355, 381—408;—полковникъ умираетъ 424—431;—молодецъ тонетъ къ рѣкѣ 280—290;—убитый молодецъ 356—380, 409—411;—убитый гусарь (казакъ) 420—423; дѣвца умираетъ 274—278.

Сонъ предвѣщательный: дѣвцы или ея матери 172—175, — королевича 262—271, — казака 272—273, молодца (казакъ) 412—417; мать казака разгадываетъ его сонъ 418—419.

Убийство: мать монахини топчетъ своего ребенка 177;—мать отравляетъ сына Василия и невестку Софію 82—88;—свекровь изводитъ невестку, жену князя Михаила 60—68;—свекровь превращаетъ въ дерево невестку 79—81;—сестра убиваетъ (отравляетъ) брата 133—140;—братъ убиваетъ сестру 176;—братья-разбойники убиваютъ зятя-моранина 178—194; мужъ убиваетъ жену по клеветѣ матери 70—74, — по клеветѣ зятя 75, — по клеветѣ старца 76, — товарищей 77—78;—князь Романъ (Демьянъ) убиваетъ жену 89—96;—мужъ (допской казакъ) убиваетъ жену 97—123;—Осдоръ убиваетъ жену Марю 124—125;—жена убиваетъ мужа 126—132;—дѣвца отравляетъ молодца 140—153;—дѣвца велитъ убить молодца-любовника 154—163;—дѣвца убиваетъ двухъ молодцевъ 164;—вдова изводитъ дѣвцу соперницу 165;—молодецъ убиваетъ любимую дѣвцу 166—171, 214—215, 247—252;—князь Дмитрій убиваетъ оскорбленную его дѣвцу 172—175;—казакъ сжигаетъ обманутую въ шинкару 216—224;—разбойники (воры) убиваютъ молодца 195, 253;—пушкарь убиваетъ полковника 291;—народъ убиваетъ князя Данилу 262;—рѣка Смородина топчетъ молодца 280—283;—убитый молодецъ (казакъ, гусарь) 356—380, 402—411, 420—423.

Хмель жалуется на садовника 501—503.

Цѣна дѣвцы, молодцовъ, бабъ, старухъ, ребятъ 472—479.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕНЪ ВЪ ТЕКСТѢ ПЪСЕНЬ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Абрамъ, Абрамова любовница 123.	27—29, 31—33, 35—46; Вапюшка 21,
Агая 125.	167;—Торопецкій 169;—ключникъ 30—
Агафонъ 170.	33, 35, 37—44; Вапюшпа головушка 39.
Аксинья 332.	Варварушка 192.
Акулина 323, 324; Акулинушка, Акулининъ	Васпайі 1, 82—86, 88, 322;—Буслаевичъ,
дворъ 247.	1;—князь 87, 195, 309; Васильюшка 82—
Алепа 170;—Степановна, сестра князя Дми-	86, 88, 456;—Водопьяновъ 166;—князь
трія 173; Аленка 170; Аленушка 173.	87; Васильева матушка 83—88;—вогилка
Алешенька 253; Алешка 170.	84; Васильевскій островъ, 326.
Анна Романовна, дочь князя Романа 89; Ан-	Веряжское море 184.
почка 292; Аннушка 190;—дочь донскаго	Владимиръ, князь 84; Володимиръ, князь 78.
казака 102, 104;—дочь князя Романа 92;—	Водопьяновъ Васильюшка 166.
дочь литовскаго короля 2.	Волга 145, 154—156, 246, 247, 249, 250,
Архангельскъ 326.	255, 366, 421.
Астрахань 155, 160; Вострахань 476; астра-	Волконскій, Волконскій князь 25—30, 32,
ханецъ 154, 158, 160, 163; астраханцы	35—45, 47, 48.
243; астраханскіе купцы 243.	Вологда 476.
Афимья Александровна 172.	Волохъ 222, 223.
Безоповска Тапюшка 124.	Волхонскій, см. Волконскій.
Благовѣщенье (церковь) 309; Благовѣщенская	Вольнское море 65.
церковь 166.	Воробьевія горы 362, 365.
Бухарская степь 367;—сторона 412, 414.	Вострахань, см. Астрахань.
Буань, островъ 457, 458, 484.	Голыцынъ, князь 348.
Бѣлаградъ 177.	Гребенской казакъ 220.
Валдайскія горы 363.	Данило, князь 262.
Ванька 420;—воръ-разбойникъ 210;—ключ-	Дарья, рѣка 374.
никъ 31—33, 38, 40, 42—44, 46; Валя	Дарюшка 124.
58;—воръ-разбойникъ 210;—ключникъ	Двина 93.
27—30, 32, 33, 35—39, 41, 42, 44—46;	Демьянъ, князь 94.
Вапюша 15, 125;—воръ 57;—ключникъ	

- Дмитрій, князь 173, 175;—Васильевичъ 175;
 Дмитріевъ, князь 436; Митрій Васильевичъ
 172; Митрій, князь 174; Дмитрепскій островъ,
 35; Митревская улица 25, 36; Дмитровка,
 Дмитровка, улица 34, 39; Большая Дми-
 тровка, улица 27; Дмитровская улица 30,
 42; Митровская улица 39.
- Дилъра, рѣка 482; Дилъръ 481.
- Добрыля Пикльевичъ 282.
- Домна 172, 173;—Александровна 172, 174;—
 Фалезевна 173, 175; Домнушка 175;
 Домнина матушка 172; Домнино тѣло 172.
- Донъ 195, 214—219, 221—224, 286, 288,
 298, 341, 385, 393, 394, 401, 452, 469;
 Дюпокъ 215; Донушка 215; донской казакъ
 97—99, 102, 104—108, 110—112, 114,
 121, 122, 152, 165, 221, 222, 225, 369,
 384, 385, 469, 498; съ Дову казакъ 217—
 219, 224, 286, 288, 393, 401; донскіе
 казаки 214—216, 225, 238, 497, 500;
 раздонской казакъ 109, 152; донскіе раздѣл-
 шники 195.
- Дунай 1, 29, 55, 56, 96, 112, 119, 142—
 146, 177, 198, 205, 206, 212, 213, 259,
 260, 284, 285, 328, 397, 398, 432;—Ива-
 нопольчъ 53; Дунаецкое море 497; Дунайское
 море 498—500.
- Дуня 97, 274, 275, 420; Дуняша 253; Ду-
 няшка 237; Дунюшка 97, 122, 237, 274,
 275, 277.
- Евгеньюшка, Ея, дочь купца Софрона 249;
 Енюшка 250.
- Егоръ, царевичъ 262.
- Егрона 468.
- Екатерина, жена князя Михаила 68. См. Кате-
 рина.
- Екатеринбургская дорога 351.
- Елена, дочь литовскаго короля 4, 5;—королев-
 ская дочь 19, 20, 256.
- Жидовка 225.
- Закубанскія горы 364.
- Зарена, рѣка 333.
- Иванъ 122, 129, 176;—Егоровичъ 316;—ключ-
 никъ 31; Ивана 176; Иванушка 122, 126,
 127, 129, 176;—ключникъ 28, 31, 36;
 Иванюша, ключникъ 36. См. Ванька.
- Измайлово, село 48.
- Изяль, городъ 349.
- Изяль Муромецъ 262.
- Индерскія горы 414.
- Иртышъ 69.
- Кавказъ 220.
- Казань, городъ 160, 226—235, 243, 246,
 476, 501; казанецъ 154, 158, 163; казан-
 цы 243; Казань, рѣка 230—232; Казанка,
 рѣка 226, 228, 229, 233, 236; Казанька,
 рѣка 227.
- Камышинская степь 98, 366.
- Карлова 293; Карловна 292; Карловъ 292,
 293.
- Катерина, жена князя Михаила 61, 63, 64,
 67, 68; Катенька, дочь купца Софрона
 247; Катя, Катюша, дочь купца Софрона
 251; Катюшенка 57; Катюшо окошко 425.
 См. Екатерина.
- Кивачъ, рѣка 69.
- Киргизскіе кони,—мурзы 434.
- Китай-города 87.
- Кіевъ 82—84, 178, 179, 190, 193, 293;
 Кіевская дорога 144—146, 341.
- Кіянъ, море 179.
- Козельскъ, 167.
- Коломенскіе извозчики 346—348
- Краснощекое 490.
- Кремль, городъ 22.
- Кронштатъ 245.
- Кубань 364, 394, 395, 402; Кубанушка 393,
 394, 401; Закубанскія горы 364.
- Куликovo болото 5, 8;—поле 9.
- Кунавино, село 249.
- Куптурская дорога 351.
- Купалы 176.
- Кура 436.
- Курская дорога 343;—земля, 195.
- Латвискій король 22.
- Лизонька 316.
- Литва 1, 2, 5—12, 15; литовская земля 4,
 5;—королевична 3; литовскій король 1,
 3—5; литовское мыльцо 470; политовскіе
 сторожа, политовскій король 6
- Литовскій король 22.
- Лудейное прибилице 326.

Любовь 125.

Людмилашка 455, 456.

Макаръ. Макарка 324; Макариша, Макаришенка 323; Макарьевскіе пески 247; Макарьевскія степи 248, 251; Макарьевская ярмарка. у Макаря въ (на) ярмаркѣ 247—252.

Малкъ 436.

Марко 124.

Марья Васильевна 172;—Ивановна 322;—дочь князя Романа 91; Марусяшка 264, 266, 423;—жена казака 272, 273;—королевича 263, 267, 271;—старая баба 265; Марьяшечка, жена королевича 270; Марьюшка, дочь князя Романа 93; Марюшка 124; Маша 52, 145; Машенька 52, 145; Марыина, Марыинская роща 171.

Матренушка 455, 456.

Марва 124, 125; Марѳеонка 125.

Машковъ 247.

Меженецкій, князь 376.

Митрій, Митревская, Митровская, см. Дмитрій.

Михаилъ, князь 61, 62; Михайло князь 60—69; Михайловна 96, 442.

Моздокская степь 345, 347; Моздоцкая степь 346.

Можай 330, 331, 336, 337; Можайскъ 332.

Молодецъ Молодцовчъ 262.

Москва 25, 27, 28, 30, 33, 39, 41, 43, 104, 114, 129, 130, 195, 210, 238, 275, 281, 282, 331, 332, 335—337, 344, 348, 349, 355, 357; Москва, рѣка 283; москочка 171; москоческая гостя 171; Москоческая дорога 139, 142—145, 238, 240, 341, 378, 379; москоческіе сенаторы 377; москоческое мылечко 470; московское царство 357; подмоскоческія горы (Вороблѣскія) 365.

Мошковъ 249, 250.

Мурзавецкій колья 432.

Мицалская улица 130.

Мясницкая улица. Мясницкія ворота 357.

Падеждушка 455, 456.

Пазаръ 428.

Пастасья 175, 186;—Васильевна, сестра князя Дмитрія 175;—Красивая, дочь короля

полятовскаго 6; Пастасьяшка 175; Пастешка 319; Пастасьянъ дворъ 175.

Пена 94, 344.

Петяѣнскъ, городъ 339.

Пиколо (по Пиколь по приходѣ) 310.

Повгородъ 189.

Пѣлречка, рѣка 481.

Обазвнъ сыль 241.

Океанъ, море 457, 458, 484, 486.

Парали, Парашошка, 166—168; Параша, Парашенька 168, 169; Паша 168.

Перекрыса, королевична 17.

Персія 220.

Петербургъ 249; Петербургская дорога 146, 341; петербургскій журавль 499.

Петергофская дорога 142.

Петръ Первый 179, 281, 304, 408.

Питеръ 36, 104 114, 129, 130, 268, 330, 331, 336, 337, 348; питерская дорога 139, 142—145, 236, 239, 377.

Повольскій атаманъ 246.

Подоль 194.

Покровское село 338.

Политовскій король, политовскіе сторожа. см. Литва.

Польша 224; Полякъ 216—218, 220—224; польская корчма 216, 217, 221—225.

Пруссакъ 220; прусская земля 8, 263; прусскій прагъ 386; прусскій король 8, 16.

Прутскій король 23; прудскій король 268.

Раздонецкой казакъ 109, 152.

Россиюшка 357; россиіскій купецъ 224.

Русакъ 217.

Русая земля 403.

Русь 7, 41, 282, 349—350, 357, 381—383, 406, 422, 470, 497—500; русская воля 260;—земля 386, 391, 484; свято-русская земля 22; русскіи 195; русскіе богатыри 6; русскія птицы 496, 497, 499.

Романъ, князь 89—93, 95;—Васильевичъ 89.

Салфел, Салфеюшка 88.

Саратовъ 42, 102, 126, 127, 191, 345, 347; Саратовская степь 98, 102, 103, 114, 121, 257, 348, 349, 366, 415, 416; Саратовскія степи 361, 362, 365.

- Сарайтоскія степи 364.
 Саша 397;—дочь князя Романа 95; Сашенька 155, 159, 397, 402;—дочь князя Романа 95.
 Свирская украинна 6.
 Свято-русская земля 22.
 Семіонъ 170.
 Сибирь 118, 476.
 Сибирскъ 253.
 Смодинъ, городъ 241.
 Смородина, рѣка 89, 90, 280, 282, 283, 438; Смородинка, рѣка 49, 91, 280, 281.
 Софя, Софеюшка 83; Софія, Софіюшка 84—87; Софя, Софюшка 82; Софя (церковь) 61; Софіина могила, Софіюшкинъ гробъ 84.
 Софионовъ, кузнецъ 249.
 Софроновъ, кузнецъ 247, 248, 251.
 Снасъ 168.
 Стрѣлецкая улица 129.
 Суздаль 306; Суздальская дорога 305.
 Сула, рѣка 147.
 Сура, рѣка 133.
 Сънная площадь 33.
 Татаринъ, 6; татаровья-улановья 4; татарская бесѣда 4; татарскія рози 195.
 Татялинушка, Тая, Татюшка 464; Безсоновка Татюшка 124.
 Тверская дорога 143; Тверская Ямская дорога 139.
 Томскіе куницы 240.
 Торонецкій Ванюшка 169.
 Тульская дорога 146, 343; Тулякъ 218.
 Турецкая земля 152, 354, 355, 403; турецкая сабля 385; турецкій шама 469; турецкое море 232; турецкое мизечко 470; турецк-саблякъ 438; Туречина 369; Туречина 262; Турокъ 262, 319.
 Тюмень, Тюменюшка 240; тюменская дорога 351.
 Украина 11, 12.
 Урачь, гора 430;—рѣка 396, 398; уральскій казакъ 239.
 Успенская улочка 43.
 Устинья 171; Устишка 276; Устина душа 276; Устинына мачка, Устиныны подружки 171.
 Устрѣтнская улица 26.
 Утва, рѣка, Утвинскія горы 433—435.
 Французская земля 485.
 Хайка 225; Ханчка 217.
 Хивинскіе мурзы 434.
 Царицынъ 345 — 348; Царицынская степ. 366.
 Черкесь (у Снаса у Черкеса) 168.
 Чеченецъ 409.
 Челоточка 186.
 Шахара 484.
 Шахматовъ, кузнецъ 126.
 Шведская земля 354;—сила 355; шведскіе корабли 232; шведскій король 7, 9.
 Шемахальскій велькъ 161.
 Шляховская дорога 343.
 Щенная площадь 355.
 Эмба, рѣка 392.
 Юріи, Юрьена дочка 310.
 Янсъ 480; Янцуска 414, 489.
 Ямская (Тверская Ямская) дорога 139; Ямская площадь 354.
 Яшка 171.
 Ярославъ 145.
 Яхотъ 484.
 Оедръ 124; Оединька, Оедя 125.

СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ СЛОВЪ.

Цифры означаютъ №№ иѣсенъ.

- А л а л и н о й 456—линяной.
- Б а й н а, б а с н к а—бая.
- Б а ж о н ы й 497, 499—милый.
- Б а с к о й—красный.
- Б а с о н с к а я р а б о т а 439—по изготовленію басона, тесьмы.
- Б а с о н и ц к и 439—работающій басонъ.
- Б е з в р е м я н н ы й 283—насчастный.
- Б е з к р о м ѣ ш н ы й 499—не пьющій угла.
- Б е з к р ы л е ч н ы й 460—безкрылый.
- Б е р е ж и я с т а я р ѣ к а 106—съ высокими берегами.
- (иъ) б е р е м я х ѣ 499—изъ охажь, изъ объятіяхъ.
- Б о с ѣ д а 308—скамейка.
- Б о л а т у ш к а 299—крестная мать.
- Б у с в к а 82—кладбища.
- Б у с ѣ т ь 379—тепелъ, чернелъ.
- Б ѣ д н о с т ь 418, 490—несчастье.
- В ѣ л о т р а в ч а т а я р у б а ш к а 65—съ бѣлымъ узоромъ.
- В а р а й д а т ь 497—тлѣвать.
- В е л е н 3—тален, шаши.
- В е р в а, в е р в ь, в е р в и ц а 449, 450, 453—сапожная драва.
- В е р в я н ы й 243—пеньковый, перевочный.
- В е р е щ а г а 498—болтуня, трещотка.
- В е с е л ы й 497—скоморохъ.
- В е т л о в о й 246—сдѣланный изъ ветлы.
- В е т л я н ы й с т р у ж о в ѣ 308—сдѣланный изъ дерева ветлы.
- В ѣ ж ѣ т ь с я 75—разсердиться.
- В п н о х о д ы й, в п н о х о д н ы й с о н ѣ 26, 354, 355—пнходець.
- В о д о л я в е ц ѣ 496—старшій надъ бурлаками изъ баржъ.
- В о з б о ч е н ы й к о н ь 98—много битый по бокамъ.
- В о л ж а н к а и з ѣ у ш к а 325—изъ дерева таволги.
- В р ѣ з н и т ь 183—вперизуть, вбросить.
- В е т р ѣ н у т ь с я 117—снохпатиться.
- В ь-о ч ь ю 12—открыто, изъ глаза.
- В ы т л о ж ь 498—птица изъ роля кулика.
- В ы х о д ь 71, 78—подвалъ.
- В ѣ ю н ч и к ь 1—мальчикъ.
- В ѣ ю н ы ш ь 3—мальчикъ.
- В ѣ щ е н а т ь 428—предупреждать.
- Г о л е л а я п а р ч а 88—чистаго золота.
- Г о р а 500—суша.
- Г о р к а т ь 471—ворковать.
- Г р и б ы у р у б а ш к и 324—кружеса.
- Г р я д а, г р я д о ч к а 1, 2, 3, 90, 96—шесть приклязвенный изъ стѣнамъ избы для вѣшанья платя и т. и.
- Г р я д о ч к а 29—перекладина.
- Д о л и т ь 317—одождать.
- Д о р о д н ы й м о л о д е ц ѣ—видный, красивый.

Доступить 171—добыть.
Дрокушка 2, 439—вѣга.
Думчій, думшій 26—думный.

Елнина 377, 378, 379, 386, 424—ель.
Ероль 340—герой.

Желаница 260—добрая, мпал.
Желна 496, 497—черный дятел.
Жестлика 473—жердь.
Жога 172—птица дубоносъ.
Жульты 497, 499—пѣты.

Завдалой 153, 215—удалой.
Заводъ, заводѣ—заливъ.
Заполоченное поле 436—изборонпанное.
Загануть загаду 160, 451, 460—загадать.
Задаться 438—пойти въ казанду.
Заключинка 246—уключина.
За-очью 12—заочно.
Заручить 405—сватать.
Застрѣха 496—нижній край крыши, желобъ.
Затопить топлину 193—развести огонь.
Затрестье 1—часть воль, которая покрыта трестомъ, трестникомъ.
Звичный 26—звичный.
Здучать-грючать 370—стучать.
Зелка 498—люлька, колыбель.

Идѣ—гдѣ.

Казакъ 497, 500—батракъ, работникъ.
Калина 65—раскаленіе.
Калужина 281, 282—лука.
Камчатный, камчатый—изъ камня.
Канюкъ 497, 498—полевой воршунъ.
Карга 487—ворона.
Кивить 455, 456—цвѣтитъ.
Кита 495—стебель.
Китайчатый 380—цвѣта китайки, темно желтый.
Ковыла, ковыль—ковыль трава.
Колубень 76—колыбель.
Комонь 309—комъ.
Коввала 497—самка глухаго тетерепа.

Косевчатый 8, косивчатый 4—косляч-
тый.

Косня притолока 99—съ кослячп.
Косникъ 479—лента въ востъ.
Косивчатый 1, 172—кослячатый.
Кошъ 352—палатка, кибитка.
Кружало—кабакъ.
Кузлевал береза 58—кудрявая.
Куна 231—куница.
Кура 484, 485—пыль.
Кучерявый—кудрявый.

Ладо, ладушка—мизый, милая.
Леденье 451—ледышка.
Ложить—класть.
Ляпный 324—ляляной.

Матерял баба 281—плотная, дородная;—ый дубъ 480—старый.
Мень 177—рыба налимъ.
Мизина дочь 22—меньшалъ.
Младень 61—младенецъ.
Младеля 65—младенецъ.
Монистка 2—бусы, озерные.
Морхъ 467—кисть, бахрома.
Моряникъ 178—193—купецъ торгующій за моремъ.
Мостовина—очка 284—доска въ мостѣ, доска служащая мостомъ.
Мостъ 1, 439—поль въ избѣ.
Мошникъ 497—глухой тетеревъ.
Муравленая пень 91, 98, 140, муранаа 100—полванная, глазурированная.
Мутиный 502—печальный.
Мыльня 61, 62—баня.

Наборная узда 345—съ бляхами.
Наколонице 6—низкій берегъ, обыкновенно поросшій травой.
Назола, назолушка—тоска, досада.
Назолецъ 396—зола, пепель.
Наконь 5—ризь.
Наметка 176—женскій головной уборъ.
Наряжатый 472—распорядитель, парятчикъ.
Насередка 64—зуба.

- Наступчивый конь—280, наступчатый 282—съ твердой поступью.
 Повина 428—грубый холстъ.
 Подья 182—мѣсто въ зѣбу съ огонькомъ для печевкл.
 Оборка 244—перевка у запей.
 Обротать 328—надѣть недоуздохъ.
 Огнева 441—горячка.
 Одипакій 185—однокій, единственный.
 Ожуреная чара 438—поданиан съ оскорбленіемъ.
 Окручать 398—обвинчать.
 Осозоптяться 432—псугаться.
 Охвочъ 1—охочъ.
 Охвать 498—прѣбрать, оплцать.
 Очестивый 25—вѣжливый.
 Ошестокъ 498—шестокъ.
 Пашица, пашица 180, 185, 188—бѣдняга.
 Пельчатый рукавъ 298—съ запоною, съ пуговицею.
 Переюдь 30—перекладна.
 Переметь 477—петля.
 Переное крыльцо 5—съ балсамп.
 Перепастся 61, 183—испугаться.
 Пещорый зѣсъ 221—съ пещерамъ.
 Питная едова 160—для нитя.
 Побѣдный голосъ 498—печальный; — ая птица 498, 500—несчастная.
 Побѣдушка 103—бѣда.
 Поглядиться 3—понѣжиться.
 Погощанвѣ, погощанка 498—живущій на погостѣ, принадлежащій къ церковному причту.
 Подоболочье 439—подъ облакамъ.
 Подорожничекъ 138—стаканъ для дороги.
 Покаяный 172—крючковатый, пригнутый къ низу.
 Полнеститься 3—воласкаться.
 Полохаться 369—пугаться.
 Полтретьяста 330, 332, 334, 474—дѣсти пятьдесятъ.
 Поразбракаться 5—разболтаться.
 Поршень 498—вожанный лапотъ.
 По порядкамъ 330, 331, 334, 336—ридамъ.
 Порядня 497—хозяйство.
 Порядовый сосѣдъ 186—почтенный.
 Потерять—погубить.
 Потравить 493—бѣть.
 Потребвѣть 179, 180, 185, 378—удѣть.
 Почестный ппръ 438—почетный.
 Прѣбѣглице 326—пристанъ.
 Пригонъ 398—загонъ для скота.
 Призагунуться 121—успокоиться. затихнуть.
 Приличное слово 438—вѣжливое.
 Прискудаться 341—захворать.
 Прочкнуться 321—очнуться, проснуться.
 Протаможникъ 497—таможенный чиновникъ.
 Пукля соломенная 173—букля. заптокъ.
 Пяла 76—пяльцы.
 Ражая кровь 380—свѣжая.
 Разсычать 140—подслащать.
 Рель, рези, резъп—вѣсѣлка.
 Ремезъ, ремезей 416—птица въ родѣ синицы.
 Рогозика 441—рогожа.
 Рогозинный тулунъ 438—изъ рогожъ.
 Розстать 1—распутъе.
 Руда 29, 41, 417—кровь.
 Свлеватое дерево 377—съ перевитымъ слоямъ.
 Се 64—вотъ.
 Сжахнуться 35—испугаться.
 Смеретка 7—смерть.
 Становщикъ 212—разбойникъ.
 Старочка 302—старика, монахиня.
 Столочить 308—вытоптать.
 Стопочка 251—деревянный гвоздь въ стѣнѣ.
 Стрѣлица 176—стрѣлка, стрѣла.
 Стрѣнуться 116—спохватиться.
 Суелоць 500—сложенные снопы.
 Суюзь 440—дружба.
 Табуръ 398—узелъ, петля.
 Тавля 325—шашки.
 Тавокъ 279—тащецъ.
 Терять 89—губить.
 Тержника 475—базаръ, рынокъ.
 Точмяный 280—гесьмяный, изъ тесьмы.

Травяник 497, 498—птица въ родѣ кулика.
Трубачей 496—трубачь.
Тупица 442—топоръ особаго рода.
Туржняя баба 439—распутная.

Увиймать 215—упимать.
Угожество 231—красота.
Узголовье 164—возголовье, изголовье.
Упавъ молодецъ 438—красавецъ.
Урочное мѣсто 492, 494—условленіе.
Устрѣлуть 272—встрѣтить.
Уторь 502—парѣзка въ деревянной посудѣ
для вставки дна.

Хпасты 10—пздоръ, ложь.
Хмара 371—туча.
Холостой погребъ 126—пустой.

Цѣвка 245—катушка, на которую наматы-
вается что нибудь.

Мнѣ чало 298—мнѣ чаялось, думалось.
Часопать 124—умирать, быть при смерти.
Чердакъ 308—каюта на суднѣ.
Чумбуръ 385—поводь.

Шаберъ 98—сосѣдь.
Шивовная телѣжка 345—съ шипами на
колесахъ.

Щекотать 498—вѣть.

Ягодица 439—щека:
Яровина 464—яровой хлѣбъ.
Яровое вино 88—пѣзь яроваго хлѣба.
Ярыга 356—бродяга, мошенникъ.
Ярыжная баба 438—безпутная.
Ясакъ 497—условный крикъ
Ясмень соколъ—ясный.

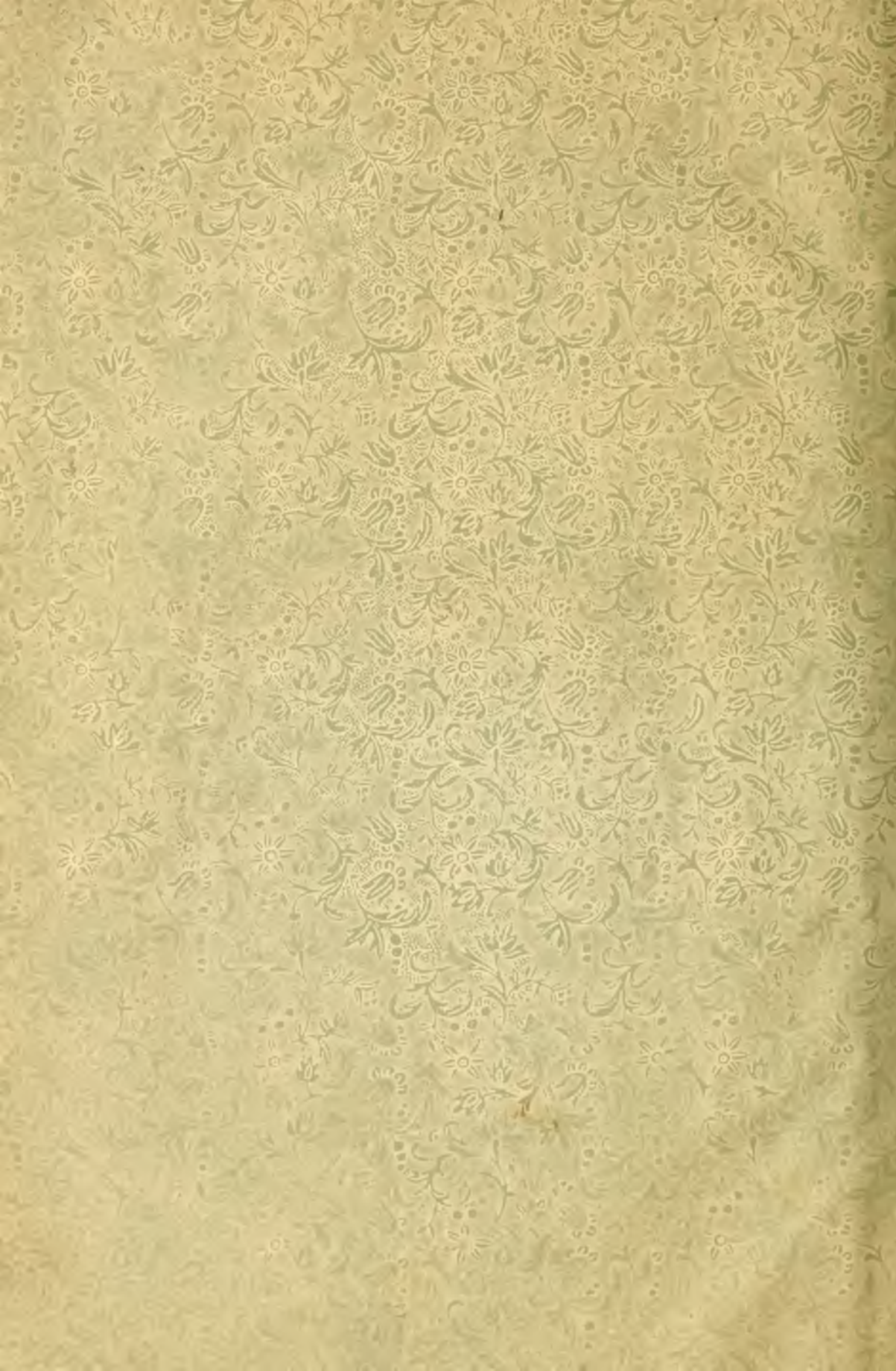

17
17

SD -
3783 -
15 x 6

17

Младше 33
4 250
10, №

PG   Sobolevskii, Aleksei' Ivano-
3113   vich (ed.)
S63   Velikorusskiiā narodnyā
t.1   piēsni

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
